ЦКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА РЕДКАЯ КНИГА

Н.П.ОКУНЕВ

Дневник москвича

1917-1920

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В своих мемуарах автор воспроизводит картину московской жизни в дни двух революций 1917 года, гражданской войны, новой экономической политики советской власти. Он показывает, как разрушались устои Российского государства: экономика, культура, религия, мораль, быт. «Утомительным однообразием безобразий» считает Окунев то «новое», что входило в русскую жизнь…

Воспоминания автора иллюстрируются фотографиями прежней Москвы и ее обитателей.

- Никита Окунев
  - Предисловие
  - Семнадцатый год
  - Восемнадцатый год
  - Девятнадцатый год
  - О дневнике московского обывателя Н. П. Окунева
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Никита Окунев
Дневник москвича
1917–1920
Книга первая

Предисловие

Дневник Окунева — картина московской жизни времен войны и революции.

Коротко об авторе. Война застала его в возрасте примерно пятидесяти лет на должности московского агента пароходства «Самолет». Место видное, с хорошим жалованием. Начинал же Никита Окунев — приказчиком в небольшом торговом деле своего отца, только-только вышедшего из крестьян. Так что и крестьянский быт, и суровый уклад мелкого купечества — кровно близки ему.

Окунев добросовестно служит. Но он и — любитель веселой компании, заядлый театрал. У него множество знакомых и друзей, в том числе — и в театральном мире. Любит и собирает книги. По убеждениям толстовец. Голосует за кадетов. Не жалует ни левых, ни правых. Его и можно, пожалуй, назвать «средним москвичом». Тон его записок — тон народного здравомыслия. Он хорошо видит всякую фальшь и нелепость и умеет остроумно поддеть. И дневник его можно бы озаглавить: «Десять лет Москвы с точки зрения здравого смысла». Такие, как Окунев, — добрые, трудолюбивые, не претендующие быть «всем», — всегда составляли большинство; именно они созидали богатство своей нации, и выслушать их мнение всегда интересно и полезно.

А в данном случае — даже и увлекательно.

Окунев начал свои записки в первый день войны 1914 года, полный предчувствий грядущих великих событий; последняя же страница была написана в 1924 году, вскоре после смерти Ленина, в разгар НЭПа, когда уже улеглись надежды, страхи и ужасы и наконец относительно прочно (по крайней мере, в Москве) установилась «новая жизнь»… Короче, когда уже не о чем стало писать.

Дневник делится на две части: дореволюционную и после. Первая — интересна, но вторая — значительно интереснее. Да и понятно: главное событие 1914–15–16 годов — война — где-то далеко; известия о ней — из газет, от прибывающих очевидцев[1]. Но революция — вот она, перед глазами! Вооруженные толпы, «хвосты» перед магазинами, пальба по Кремлю, ночные и дневные грабежи, продовольственный и топливный кризисы, стремительный рост цен, невозможность нормально работать, закрытие небольшевистских газет, разгон Учредительного собрания — так явилась революция глазам среднего московского жителя…

1918, 19, 20 годы… Позорный мир с немцами и бесконечная

братоубийственная война. Холод и голод. Призывы и угрозы со страниц газет и с трибун. Вести о восстаниях против советской власти (Ярославль, Кронштадт), о постепенном развале бывшего огромного государства. Превращение монастырей в тюрьмы… На службе — бесконечные перетасовки, планы, отчеты, инструкции, при полной невозможности делать дело. Новое, хамское отношение новых начальников. Принудительные демонстрации и митинги… В быту — каждый становится вором, из-за невозможности нормальным путем достать необходимое для жизни. «Раньше каждый что-то сторожил — свое ли, чужое», — пишет Окунев. Теперь же украсть колено для печной трубы, газету со стены, доску от забора для топки — становится человеческим долгом перед семьей…

Но вот и новая экономическая политика: начисто разгромив национальный, трудовой капитал, большевики вдруг разрешают частное предпринимательство. Кому раздолье? Во-первых, иностранцам. А во-вторых — шайке спекулянтов и просто грабителей, обогатившихся в мутной воде послереволюционных лет. Вот они, роскошно одетые, прогуливаются по Кузнецкому Мосту…

В таком обличье входило «новое» в русскую жизнь. И Окунев, когда-то любивший на досуге побранить «всю нашу бестолковость», теперь — часто и тепло вспоминает и о старом укладе жизни, и о казненном Императоре — обо всем, что когда-то казалось само собой разумеющимся и неотъемлемым, а потому и недостаточно ценилось. Стал Окунев чаще ходить и в церковь, и только теперь он по-настоящему оценил духовно-культурное богатство нашей Церкви, которое копилось веками, а вот — обречено на постепенное уничтожение…

Заканчивается десятилетие. Все длиннее становятся перерывы — из-за «утомительного однообразия безобразий». Кончает самоубийством измученная жена. Чувствуется усталость, потеря интереса к событиям, полное неверие в будущее. После 1924 года Окунев прожил еще несколько лет, но дневник за это время не пополнился ни одной страницей; так и пролежал до 70-х годов, всеми, по-видимому, забытый, а потому и не уничтоженный.

Сейчас — другое время, и, случайно прочитанный, — он живо заходил от читателя к читателю. Затем — перепечатан на машинке, и вот, с согласия потомков Окунева, предлагается всем, кому близка история России.

Самиздат, Москва
Конец 70-х годов

Семнадцатый год

О, Господи! Лютой пылая враждой,
Два стана давно уж стоят пред Тобой,
О помощи молят Тебя их уста…

Но Боже, Один Ты, и вера одна,
Кровавая жертва Тебе не нужна.
Яви же врагам негодующий вид,
Скажи им, что мир Твой хорош и велик,
Я слово забытое братской любви
В сердцах, омраченных нуждой, оживи.

А. Н. Апухтин

2 января. Председателем Государственного Совета назначен бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов.

† Скончался русский посол в Англии, Граф А. К. Бенкендорф.

3 января. Сегодня исполняется войне 900 дней. И сегодня все читают воззвание Вильгельма, которое грозит затянуть войну еще на несколько сотен дней. «Наши, — говорит он, — блестящие победы и железное напряжение воли, с которым наш борющийся народ несет тяготы и бедствия войны, как лицом к лицу с врагом, так и на родине, ручаются за то, что нашему возлюбленному отечеству и впредь нечего бояться. Разгоревшиеся ярким пламенем возмущения священный гнев и ярость должны удвоить силы каждого немца и каждой немки, безразлично — будут ли эти силы направлены на сопротивление с оружием в руках и общую работу или выразятся в готовности на жертвы и самоотречение. Тот Бог, который, вселив в бесстрашные сердца народа священный дух свободы, должен даровать нам и нашим верным, испытанным союзникам полную победу над всеми насильственными стремлениями и разрушительной яростью наших врагов.»

Обывательские стенания: грибы 5 р. 20 к. фунт, масло подсолнечное 10 р. пуд, сахар 28 копеек фунт, масло русское 2 р. 80 к. фунт, сливочное 3 р. 40 к. фунт, сметана 1 р. фунт, молоко 30 к. бутылка, говядина русская 75 к. фунт, колбаса 2–3 р. фунт,

уголь 11 р. куль, дрова по 45 р. за сажень. А с другой стороны, вот что делалось в Москве на Новый год: в ресторанах нарасхват требовали вина и водок, платя за них от 50 до 100 р. за бут/ылку/. Один популярный «веселый уголок» торговал в новогоднюю ночь на 38.000 р. Платили в ресторанах за кусок мяса филея на пять персон 80 р., за стерлядь на 8 чел. — 180 р. Извозчикам лихачам платили за поездку «за город», то есть в «Яр» или в «Стрельну», одиночным от 50 до 75 р., парным от 100 до 150 р. В общем, газеты считают, что на встречу Нового года москвичи истратили по ресторанам не менее 1 млн. р.!

4 января. Брусилов на встрече Нового года в своем Штабе сказал большую речь, ну конечно этакую бравурную. Беру из нее несколько строчек: «Я лично, как по имеющимся в моем распоряжении сведениям, так и по глубокой моей вере, вполне убежден, как вот в том, что я жив и стою здесь, пред вами, что в этом году враг будет наконец окончательно разбит.»

Пуришкевич тоже говорил, что в августе 1916 года триумфально войдет в Варшаву. Да мало ли, кто что говорил, говорит и будет говорить. Плюнуть нужно на всякие разговоры и ждать, когда заговорит Сам Бог. Идет уже к тому — в народе глухой пока ропот, скоро он заговорит вслух, а «глас народа — глас Божий».

На новогоднем Царском выходе Родзянко не подал руки Протопопову. Вот у нас теперь какие министры — хоть в рожу им плюй. Дело пахнет дуэлью, но примет ли ее Родзянко, не в пример Протопопову действительно порядочный человек?

5 января. Военный министр Шуваев заменен своим помощником генералом М. А. Беляевым.

Забыл записать, что выборы в Московскую Городскую Думу кассированы и будут назначены новые.

Вильсон сделал своему сенату заявление, которое, как будто, намечает уже те вехи, которые идут к миру всего мира. Вот какие положения рассеяны в этом обширном заявлении: «Немыслимо, чтобы Соединенные Штаты уклонились от участия в этом великом деле. Нам представляется случай исполнить пред человечеством наш долг… Нынешняя война должна быть сначала закончена… Обычные мирные соглашения редко обеспечивают продолжительный мир… Если мы хотим, чтобы грядущий мир оказался долговечным, то его следует обеспечить с помощью организованной высшей силы всего человечества… В первую очередь необходимо, чтобы грядущий мир был миром, не основанным на победе одной из воюющих сторон. Только такой

мир может считаться долговечным, который будет заключен равным с равным… Ныне человечество жаждет свободы существования, а не равновесия сил… Никто не имеет права передавать народ от одного государства другому, как будто народ был каким-то предметом… Государственные люди повсюду согласились в том, чтобы Польша была единой, независимой и самостоятельной… Каждому из борющихся в настоящее время за развитие национальных средств и сил великих народов должен быть обеспечен доступ к открытому морю… Ни одна нация не должна быть лишена доступа к открытым путям морской торговли… Мира нельзя достигнуть без уступок и жертв… Чтобы ни одна нация не стремилась к распространению своего господства над другой… Я предлагаю управление, основанное на согласии управляемых, предлагаю восстановление свободы морей, а также предлагаю такое сокращение вооружения, которое сделало бы армию и флот исключительно орудием сохранения порядка, а не орудием нападения или эгоистического насилия.»

Послом в Англию назначен С. Д. Сазонов.

Опоздал записать, что 5 января обнародован Высочайший указ об отсрочке возобновления законодательных учреждений до 14 февраля и что в то же время произошло близ Лондона прискорбное событие: † взорван большой завод военных снаряжений, причем до 500 чел. убито и ранено.

19 января. Сегодня знаменитый юбилей: исполнилось войне 2,5 года! † По этому случаю немцы продолжают поколачивать нас и союзников. Под Ригой потеснение на 1 или 2 версты и гибель то одного командира полка, то другого. У северных берегов Ирландии погиб с экипажем английский крейсер от мины. Румыния эвакуируется полностью. Уже парламент переехал в Одессу, а наследник престола в Петроград. Киев, Херсон, Одесса, Екатеринослав, Ростов н. Д., Саратов и другие южные города переполнены румынскими беженцами.

Ходили давно уже слухи, что Алексеев отставлен от управления Верховного Штаба, но официального сообщения не было. Сегодня же в газетах пишут, что в Царское Село к Царю приезжал с докладом «временно исполняющий обязанности начальника Штаба Верх/овного/ Главнок/омандующего/ генерал Гурко». Стоят 20-градусные морозы. Сегодня в Москве на уличных градусниках с утра значится 23°.

21 января, † В Архангельске новый взрыв, пожар и гибель людей. По официальным сведениям, сгорело много железнодорожных и портовых построек и несколько пароходов.

Убитых и раненых до 400 чел.

Американскому послу в Берлине вручена нота германского правительства, служащая как бы ответом на знаменитое заявление Вильсона американскому сенату. Германское правительство теперь видит, что его предложение о мирных переговорах не принято, а потому хочет использовать *все средства* для ускорения конца войны и с этой целью объявляет беспощадную подводную войну всяким судам, чьи бы они ни были, то есть не исключая и нейтральных. Германия пытается этой угрозой заставить нейтральные государства выступить с требованием заключения мира. Не говоря уже о судах воюющих — весь торговый флот Америки, Испании, Голландии и Дании приостановил свои рейсы и не покидает портов. Дело принимает новый оборот, который или неожиданно прервет ужасную войну, или затянет ее еще на целые годы.

22 января. Дипломатические сношения между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Германией прерваны. Германскому послу в Америке возвращен паспорт, американский посол отозван из Берлина. Вильсон приглашает и другие нейтральные державы поступить так же. Что же это значит? Если Вильгельм не боится, чтобы к воюющим против него 10 державам прибавилось еще 6, то, стало быть, он могущественен настолько, что один со своим народом может справиться со всем миром, но если ссора с нейтральными державами докажет невозможность немецкой победы, то тут две вероятности: или Вильгельм сделал объявлением блокады крупнейшую дипломатическую ошибку, или его положение в военном смысле уже пришло в критическое состояние и, чтобы «умыть руки», он нарочно подстроил такой скандал, чтобы оправдаться перед своим народом, что, мол, мы не можем же воевать одни со всем миром.

3 февраля. Сегодня начат прием новобранцев, родившихся в 1898 году. Военные дела без особых крупных новостей; политические тоже как будто застыли. Американцы дальше «дипломатической» войны пока не пошли. Общественное дело в России по-прежнему не на рельсах — все идет не к лучшему, а к худшему. Расстройство транспорта полнейшее. Со 2-го по 15-е сократили пассажирское движение, но говорят, что «товарные недели» вносят лишь путаницу и жизнь обывательскую не налаживают. Не хватает топлива, муки, мяса и многого множества необходимых житейских припасов. Все дорожает, ко всему образовываются «хвосты», спекуляция растет, и новобогатые люди бросаются покупать земли, дома, предметы

роскоши и дивидентные бумаги. На бирже ажиотаж. Вот котировка сих дней: 4 %-рента $79^3/_4$ р., выигрышный 1-й заем — 1035 р., 2-й — 870 р., 3-й — 769 р. Кавк/аз/ и Мерк/урий/ — 1050 р., Восточн. общество — 400 р., Москов. — Каз. ж.д. 690 р., Бугульминск — 189 р., Моск. — Винд/авско/-Рыб/инская/ — 340 р., Юго-Вост. — 442 р., В/ладикавказская/-К. Банк 1405 р., Бр. Нобель — 1720 р., Брянск — 326 р., Кольчугинск — 590 р., Мальцевск — 342 р., Путиловск — 165 р., Русско-Балт. завода 277 р., Сормовск. — 371 р., Российская золотопром. — 109 р., Проводник — 435 р., и Треугольник — 900 р., Ойль — 37 р., Кыштым — 61 р. и т. п.

6 февраля. Не лишне отметить суровость настоящей зимы. Вот сейчас, в 4 часа дня, солнечного, — в тиши московских закоулков — и то 15 градусов мороза. Значит, попозднее будет 20, а где на площади или за городом — и все 25. Холодно везде — в Одессе были морозы до 19°, в Ялте все померзло, в Париже замерзли, а в Петрограде, в Сибири и посевернее от центра — 35°. Например, был 1–4 /февраля/ сынишка-прапорщик, рассказывал, что у них в Петровске Саратовской губ. тоже 20–27° мороза. Как известно, в войну 1812 года тоже были страшнейшие морозы, которые, собственно, и помогли нам так неожиданно и благополучно отделаться от наполеоновского нашествия. Вот бы и теперь эти морозы помогли нам! Да едва ли, кажется, что немцы не только сильнее всех других людей, но и сильнее самой стихии.

9 февраля, † Скончался друг моего покойного родителя, Иван Степанович Зотов, 80-летний старец, мудрый и смиренный. Вечная ему память!

12 февраля. В «Новом времени» сообщают, что в Германии идет колоссальное строительство торгового флота. Гамбург-Американское общество, например, строит пароход «Бисмарк» в 50.000 т. И вообще, к моменту заключения мира германский торговый флот будет располагать судами новой конструкции, законченными в 1915 г., 566.000 т., в 1916 г. 110.000, и находящимися на стапеле 900.000 т. А у нас, несчастных, не делается даже ремонта старым судам, где уж тут мечтать о новых!

15 февраля. Вчера возобновились занятия наших палат. Ничего выдающегося: слова, слова и слова, то есть «старые погудки на новый лад». Впрочем, в Государственном совете даже и слов-то этих не сказано, т. к. новый Председатель, Щегловитов, не дозволил выступить Д. Д. Гримму с внеочередным заявлением

о политических вопросах. В Думе же таковое было сделано самим Родзянко, и на него отозвались более или менее интересно Чхеидзе, Милюков, Ефремов, Керенский, Левашов, Пуришкевич и другие, но повторили давно сказанное, и притом — без прежнего подъема и не очень талантливо. Словом, настроение безнадежное — видно, все сознали, что плеть обухом не перешибешь. Как было, так и будет. Должно быть, без народного вмешательства, т. е. без революции, у нас обновления не будет. Кажется, это самое и сказал Чхеидзе, но, конечно, его речь целиком в печать не пропущена.

У англичан хорошие дела в Месопотамии.

Морозы ослабли, но еще держатся: сегодня утром — 12°, а днем значительно теплее — солнышко настроено уже к весне, и вообще оно давно уже сияет над нашей полуголодной Москвой. (Сегодня белого хлеба совсем нет, и дают только 2 ф. черного на одного покупателя, для чего тому надо простоять в очереди не менее 2-х часов).

19 февраля. И. Д. Сытин празднует 50-летний юбилей своей издательской деятельности. Этот поистине великий поборник русского просвещения, сам просветившийся до своей деятельности в качестве торговца и издателя книг и газет лишь азбукой да Псалтырем.

† Скончался видный и симпатичный депутат М. М. Алексеенко, бывший Председателем Думской бюджетной комиссии. Царство ему небесное!

Получил телеграмму от сына — едет уже на фронт. В час добрый!

20 февраля. Наши войска заняли в Персии на Биджарском направлении селение Хана-Кали, а на Хамаданском — г. Хамадан.

23 февраля. Сообщают об отбытии Государя в действующую армию. Долго же батюшка отдыхает!

25 февраля. Вчера и мой воин отправился в действующую армию (259 пехотный полк, Новгород-Волынской губернии). Нужно ли говорить, как мне жутко теперь. Не говоря уже о том, что я страшусь его гибели, я боюсь даже и того, что и он по своему воинскому долгу может губить людей-неприятелей. Сохрани его, Господи, на всех новых путях, и чем дальше он будет от своего родного очага, тем ближе все мы будем к миру. В одном мире для всех спасение, и подай его, Господи, поскорее!

Сообщают, что в Ставке Государя встретил выздоровевший

генерал М. В. Алексеев, который опять начальствует Штабом Верх. Главн.

† Умер один из наших знаменитых врагов, Граф Цеппелин, изобретатель воздушных кораблей.

В Петрограде состоялось чрезвычайное совещание о продовольствии Петрограда, которое совершенно расстроилось. Участвовали министры, представители палат, городской голова и председатель земской управы. Признано положение угрожающим, и решено передать продовольствование населения Петрограда городскому общественному управлению.

27 февраля. Созыв чрезвычайного совещания объясняется народными волнениями в Петрограде. Там что-то неладное, но что — никто достоверно не знает, — газеты в Петрограде 25 и 26 февраля совсем не выходили.

28 февраля. Волна беспорядков перекатилась и в Москву — сегодня и здесь не вышла ни одна газета, или власть запретила продажу их, но вчера вечером в вечерних газетах напечатан Высочайший указ о роспуске палат до апреля месяца. Это-то и указывает на чрезвычайность событий. Тут же коротенькое известие из Парижа: «Багдад взят британскими войсками».

К 12 часам дня в Москве остановились все трамваи и бездействуют телефоны. Из уст в уста передаются сенсационные вести о страшной стрельбе в Петрограде в народные толпы, о совершившемся перевороте на троне и о разных ужасах. Подожду все-таки записывать их — лично не совсем доверяю таким россказням.

1 марта. В 9 час. утра — 15° мороза. Вот так зима!

Вчера во втором часу дня мне нужно было сходить по делу в Городскую управу, но я не попал туда — у входа стояла громадная толпа и слушала каких-то никому не известных людей, читавших телеграммы из Петрограда. Это просто листочки без заголовка, как видится, спешного и подпольного набора. Там говорилось (рассказываю не в последовательном порядке и с пропусками, т. к. за шумом толпы и за частыми криками «Ура!» было очень трудно услыхать все отчетливо): что Дума по получении указа о роспуске продолжала заседать, и появившихся в зале заседания жандармов обезоружила, выбрала Временное правительство, состоящее из Родзянки, Бубликова, Гучкова, Сазонова, Милюкова, Гурки и еще кого-то, не расслышал, — и послала телеграммы в Ставку и Главнок/омандующим/ Фронтами. Царю, чтобы утвердил это правительство, а иначе,

мол, самой династии грозит опасность, воеводам — чтобы не считались с прежним правительством, и они ответили приблизительно так: Брусилов — «Будьте уверены, что я исполню свой долг перед родиной», Рузский — «Я с народом» (или «за народ»). А Царя ждут из Ставки в Петроград 28 февраля, или сегодня, и он, будто бы» согласен с новым правительством. Всему этому предшествовали в Петрограде полицейские схватки с манифестантами, затем перестрелка солдат и казаков с городовыми, а потом и междуусобица в войсках. Какой-то полк понес очень много жертв от пулеметной стрельбы других полков, и в результате будто бы все наличные петроградские полки на стороне Думы, и только один — Кексгольмский — на стороне старого правительства. Убит, будто бы, командир Преображенского полка — убит своими же солдатами, а про министра внутр. дел Протопопова говорят разное: одни, что он убит, другие — что он загадочно исчез, то есть вроде как бы «сбежал», и его не могла найти сама подчиненная ему полицейская и жандармская власть, нуждавшаяся в его распоряжениях.

Чтецы таких известий имели красные флаги и рупоры, чтобы их видела и слышала большая толпа. Впрочем, они появлялись и в других местах, например, я видел кучи народа и на Лубянской площади, и на Мясницкой.

В 5 часов вечера я снова пошел на Воскресенскую площадь и видел такую же картину. Чтение телеграмм, толпа народа, в которой были даже офицеры и солдаты, и полное отсутствие полицейских. Но на Красной площади разъезжали конные — не то городовые, не то жандармы — и охраняли входы в Кремль, который был заперт, т. е. все ворота в него затворены. Тут, я думаю, преследовалась не борьба с народным движением, а сдерживание народа от хулиганских выходок. Затем, надо отметить шествие к вечеру больших куч и групп народа к Сухаревой башне, как говорят, специально к Спасским казармам, где помещается много войска. Будто бы народ вызывал начальство, офицеров и солдат на выступление заодно с ним. Кто говорит, что все ворота и входы в казармы были замкнуты и народу не удалось ничего сделать, а кто говорит, что в конце концов солдаты вышли из казарм и слились с громадными толпами народа и уверяли их, что они старого правительства теперь не признают. Были слухи: что там уже стреляют, тут громят и т. п., но к ним относились не очень доверчиво. Да и не похоже было, по уличной обстановке, что что-нибудь происходило кошмарное. Я был на улицах (Сретенка, Кузнецкий мост, Тверская, Никитская) в 7 ч. вечера, в 11 ч. и в 1 ч. ночи, и

было везде тихо, а ночью даже совершенно безлюдно, т. к. не было на улицах городовых, как, впрочем, и во весь день. Что это — распоряжение новой или старой власти или трусость самих полицейских?

Сегодня с утра раздача в булочных хлеба по карточкам (на человека 1 ф. печеного, или $^3/_4$ ф. муки) и картина поразительная — нет таких ужасающих хвостов, которые были и вчера весь день, и вообще все последние месяцы. Картина на улицах спокойная, хотя стоит и ходит много вооруженных солдат (если это только для предотвращения хулиганства со стороны темных сил, а если для разбития вчерашних иллюзий, то очень плохо). Телефон работает, он и вчера останавливался лишь периодически, но зато опять не вышли газеты и не идут трамваи. Что делается на белом свете: на войне, в Петрограде и даже в Москве, — строго говоря, никому правдиво не известно. Одно только несомненно — водопровод, освещение, банки, торговля и занятия в присутственных местах — идут своим порядком (пока).

В первом часу дня пошел «куда все идут», т. е. к Думе. И, начиная еще от Лубянской площади, увидел незабываемую картину. По направлению к Театральной и Воскресенской площадям спешили тысячи народа обоего пола, а в особенности много студентов и учащихся. С высоты от Лубянского пассажа вдаль к Охотному ряду темнела оживленной массой, может быть, стотысячная толпа, И между пешеходами то и дело мчались в разных направлениях грузовые и пассажирские автомобили, на которых стояли солдаты, прапорщики и студенты, а то и барышни, и, махая красными флагами, приветствовали публику, а та, в свою очередь, восторженно кричала им «ура». Лица у всех взволнованные, радостные — чувствовался истинный праздник, всех охватило какое-то умиление. Вот когда сказалось братство и общность настроения. А я, стар уж что ли стал, чуть не плакал, сам не зная от чего, но, во всяком случае, не от «сжигания старых богов» и не от любви к новым, которых, по совести сказать, ни я, да и многое множество москвичей пока достоверно не знает. Опять на площадях кружки и среди них чтение каких-то листков. Но за общим гулом трудно разобрать, что там в них. Впрочем, ясно слышал теперь, что в Ставке было уже назначение в диктаторы, не то Алексеева, не то Протопопова, и что Щегловитов арестован новым Правительством. Сейчас идет разговор, что все московские войска подчинились новому Правительству, но с другой стороны ждут и привоза пушек для разгона революционно настроенного народа. Если бы последнее случилось, то начались бы междуусобица и погром, а затем расстрелы тех, которые сейчас за новое правительство, как кара за нарушение присяги,

воинского долга. И над всем этим волнующимся морем голов сияет великое солнце. Что оно — радуется этому движению или подсмеивается над ним, как над несбыточной мечтой? И сколько оно на своем веку перевидало таких «революций», и сколько еще увидит!

Пошел в 2 ч. дня опять на «фронт». Одни уходят, другие приходят. Мороз трещит вовсю, и как только попадешь в тень от зданий, то чувствуешь его и оставляешь «позицию», так делают все, а если бы было тепло, то собрание народа было бы, может быть, в пять раз больше. Но и теперь его столько, сколько никогда не бывало. Настроение не падает, разъезды «революционных» солдат и студентов не прекратились и вызывают со стороны народа крики «ура», маханье шапками и платками. Необычайные картины: у солдат в одной руке ружье или шашка, а в другой красный флаг; или так: солдат и студент идут обнявшись, и у солдата флаг, а у студента ружье. На Театральной и Воскресенской площадях, на фонтанах, трамвайных станциях и на кучах снега густо засела молодежь, и где-нибудь на высокой точке обязательно торчит красный флаг. К Думе близко подойти невозможно, но видно, что у подъезда ее стоят пушки и шеренги солдат и, как говорит, они охраняют не Царское правительство, а занятия «революционного комитета», который целый день заседает в помещении Думы и сносится со старыми властями, с войском, с Госуд. Думой и с своими агентами — разбрасывающими, расклеивающими, читающими и говорящими своими словами новости и распоряжения. Я лично слышал одного такого, который, бегая по кучкам, торопливо восклицал: «Товарищи, погромы, безусловно, воспрещены, и если они начнутся, то их сделают переодетые городовые»…

«Одетых» же городовых — нигде, нигде не видно. Революция все-таки уже в полном ходу, и пока, благодаря Бога, в бескровном виде. Все дело, конечно, в солдатах. Говорят, что к 2-м часам насчитали предавшихся Временному правительству 40.000 чел., но будто бы Кремль окружен войсками, преданными старому строю. Вот на этой почве возможно страшное столкновение. В ожидании этого ли или вообще от невозможности в такой исторический день усидеть на своем месте, все магазины, склады, конторы и присутствия к трем часам дня позакрывались. Кто спешит по домам, кто «на позиции», т. е. к Думе, на Красную площадь, к казармам. Где интереснее — не знаю, но толпа невольно тянет к себе и пойду в нее опять, пролью новые слезы и от страха за будущее сына и всех сыновей России, и от надежды на лучшее для всех будущее. Да здравствует единение народа в пользу скорого мира и порядка в нашей стране! Долой старых

безумных, бессовестных правителей и да заменят их люди энергичные, мудрые и честные!

Еще сказание о сегодняшнем дне. *5 часов вечера.* Сейчас был опять «на фронте», толпы и энтузиазм растут. Говорят, что Кремль от «правительственных» войск очищен, без выстрелов. Сам я, проходя Красной площадью, видел и там многотысячную толпу, а также солдат, идущих в Кремль и приветствовавшихся народом. Шли в Никольские ворота» а Спасские закрыты. Жутко что-то! Удержат ли наши вожаки такое положение вещей. Кажется, несколько пушечных выстрелов вызвали бы панику, и тогда неизвестно, кто на чьей стороне очутится. Многим теперь и тут и там страшно. Про Мрозовского (Командующего войсками) и Шебеко (Градоначальника) говорят, что они арестованы.

Читают на площадях сообщение прибывшего из Петрограда депутата Новикова. Министерства еще не образованы, но ведомства поручены: военное — члену Госуд. Думы Энгельгардту, юстиции — Маклакову, путей сообщения — члену Госуд. Думы — Бубликову. Организацией народного хозяйства и арестами «врагов отечества» заведует Керенский. Арестованы уже министры: Раев, Штюрмер, Корф, Ширинский-Шахматов, Митрополит Питирим и другие сановники. Войска все перешли (в Петрограде) на сторону новой власти и последними были 1.000 чел., охранявшие Адмиралтейство и Особу Велик. Князя Михаила Александровича. Последний будто бы попросил его не охранять, а затем уехал — куда — неизвестно. Протопопова и генерала Хабалова (Петрогр. Командующего) «не нашли». Много в народе прокламаций от «Революционного Комитета рабочей партии». Теперь партийности бы не нужно и вообще очень крайне, крайне опасно. Желалось бы, чтобы пока все исходило хотя бы от деятелей городских и земских самоуправлений. Целее бы была военная, государственная и хозяйственная мощь. Создавать совершенно противоположное тому, с чем мы расстаемся — значит в самом корне расшатать Отечество, нуждающееся в настоящее время в свайных закрепах, которые легко делаются дружной «дубинушкой».

2 марта. С 9,5 ч. утра до 1,5 ч. дня читал «Русск. Ведом.», «Русск. Слово», «Утро России», «Раннее Утро», «Моск. Лист.». Кажется, что это было самое интересное чтение за все мои 48 лет.

«Россия, ты больше не раба!» Вот лозунг всех известий. Газеты озаглавлены крупнейшим набором: «Падение старого строя», «Учреждение временного правительства», «Да здравствует освобожденная Россия» и т. п. В газете «Утро России» замечательные стихи К. Бальмонта:

ВЕСЕННИЙ КЛИЧ
Река, ломая зимний лед,
Зальет крутые берега.
Чтоб стали пышными луга,
Весна прорвала водомет.
Веселый час, лети вперед!

В ком сердце живо, тот поймет,
Что вся Россия в этот час
Весною вольною зажглась,
И сердце к сердцу пламя льет.
Призывный клич, спеши вперед!

А если есть еще оплот,
Где мощь тюремная туга,
Рука с рукою — на врага,
В нас воля действия поет.
Вперед, душа! И меч, вперед!

В передовых статьях всех газет почти одно — «Мы должны, одной рукой переустраивая Государственное управление, другой — продолжать борьбу с немецкими полчищами. Раздор между общественными силами был бы сейчас гибелью России». Теперь вкратце о том, что произошло, и чего не было, вопреки слухам, о которых я не мог умолчать за прошлые два дня. 27 февраля к революции в Петрограде примкнули полки — Волынский, Преображенский, Литовский, Кексгольмский, и саперный батальон, — всего около 25.000 человек. Арсенал там взят после небольшого сопротивления, при котором убит заведовавший им генерал Матюшин †. (…)[2]

Жандармы и полиция арестуются, организуется милиция. Управляется Россия пока так: назначены комиссары для заведования министерствами: внутренних дел — Граф Д. П. Капнист, А. М. Масленников, И. Н. Ефремов, М. И. Арефьев. Почты — А. А. Барышников, К. К. Черносвитов. Телеграфа — П. П. Гронский, М. Д. Калугин. Военное и морское — Н. В. Савич, А. П. Савватеев. Земледелия — Н. К. Волков, И. П. Демидов, Кн. Васильчиков и Гр. Капнист-Первый. Юстиции — В. А. Маклаков, М. С. Аджемов, В. П. Басаков. Торговли и промышленности — С. Н. Родзянко, Н. А. Ростовцев. Финансов — В. А. Виноградов, И. В. Титов. Сенат — И. В. Годнев. Путей сообщения — А. А. Бубликов и А. А. Добровольский.

Теперь о впечатлениях сегодняшнего дня с московских улиц.

День уже не такой холодный: облачно, изредка небольшой снег, мороза не более 3°. Потоки народа и войск к Думе сегодня еще могучее. Нет такой улицы, близкой к центру, на которой не чернело бы, не волновалось море людей. Может быть, с пол-Москвы, то есть до миллиона людей целый день идут, стоят, машут шапками, платками, кричат «ура» и свищут небольшим группам полицейских, которых нет-нет, да и проведут как арестованных, в Думу. Мне даже от души жалко их: такие же русские люди, в большинстве семейные, пожилые, и идут как отверженные проклятые. Для такой великой радости надо бы и их сделать радостными — дождаться бы их свободного перехода на новую сторону и дать им, раскаявшись в своих грехах и грешках, возможность соединиться душевно с общим освободительным движением и занять положение, если не граждан, то воинов. Может быть, мои сожаления преждевременны, то есть многих из них отпустят с миром, но, ей-Богу, очень трогательно смотреть на вчерашнюю власть в таком презрении и унижении. Помоги им Бог в их незавидной доле! Сегодня настроение у всех высокоторжественное, бодрое и веселое, заметно всеобщее единодушие — все прочли о такой великой, почти бескровной революции и поняли, насколько велико значение ее для жизни русского народа и воинства. Старому, кажется, ни у кого нет ни сожаления, ни веры в возврат его. В таких громаднейших толпах, которых не собиралось ни в коронационные торжества, ни в революцию 1905 года, ни на похороны С. А. Муромцева, — поразителен порядок. Народ заполняет все тротуары, всю ширину мостовых, но стоит показаться группе воинов или автомобилю, как сейчас же раздается по сторонам и, как в сказке, образуется моментально свободный проход или проезд. Даже в этом сказывается могучее значение единения настроения. Многие украшены красными лентами. Войсками сегодня уже предводительствуют не одни только прапорщики, а настоящие старые, боевые офицеры — полковники и подполковники. И им сопутствует полковая музыка, которая звучит победно и торжественно, и тем еще более поднимает всеобщее настроение, обращая его в сплошное ликование. Вчера у меня еще не было полной уверенности в торжестве народной власти, но сегодня она непоколебима: разве можно у такого чудовища — миллионноголовой толпы — вырвать то, что попало ему в руки! В газетах отмечают своего рода «героя» прапорщика Ушакова, который до избрания Грузинова один только сумел организовать охрану такого важного, по времени, органа, как комитет, заседавший в Думе. Ура ему!

3 марта. Холоднее (8°). На улицах уже обыденная картина. Манифестаций нет, торговля и всякие присутствия функционируют, только трамваи еще не пошли. Кое-где вместо городовых — милиционеры (преимущественно из студентов). Начальником милиции — адвокат А. М. Никитин, а Градоначальником — земский деятель С. М. Леонтьев (Шебеко сидит под арестом). Газеты вышли все. Новости такие: образовалось правительство: Председатель Совета министров и министр внутренних дел — Кн. Г. Е. Львов, иностранных дел — П. Н. Милюков, путей сообщения — Н. В. Некрасов, торговли и промышленности — А. И. Коновалов, народного просвещения — проф. А. А. Мануйлов, военный и (временно) морской — А. И. Гучков, земледелия — А. И. Шингарев, финансов — М. И. Терещенко, государств. контроль — И. В. Годнев, Обер-прокурор Синода В. Н. Львов, то есть все — кадеты и прогрессисты, но министром юстиции — А. Ф. Керенский. Это уступка исполнительному комитету Совета Рабочих депутатов, который, как видно, и сдерживал пролетариат от погромных эксцессов. Значит, судьба арестованных деятелей старого режима во многом зависит от Совета рабочих.

Милюков сказал в Екатерининской зале собравшимся морякам, солдатам и гражданам сильную речь, в которой признал, что «нас никто не выбрал, ибо, если бы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власть из рук врага; пока мы спорили бы о том, кого выбирать, враг успел бы организоваться и победить нас и вас. Нас выбрала русская революция. Мы не сохраним этой власти ни минуты после того, как свободные, избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть людей, более заслуживающих их доверия. Поверьте, господа, власть берется в эти дни не из сладости власти. Это — не награда и не удовольствие, а заслуга и жертва.» Тот же Милюков сказал: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к Регенту Вел. Кн. Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей.» Керенский сказал, что первым его шагом было распоряжение немедленно освободить всех политических заключенных, без всяких изъятий, с особым почетом препроводить из Сибири сюда наших товарищей депутатов с.-д. фракции.

В Петрограде вместо «заболевшего» городского головы Делянова — избран Думой Ю. Н. Глебов. Главнокомандующим Петроградскими войсками назначен ген. Корнилов. На имя Родзянки поступили телеграммы от Брусилова и Рузского с

сообщением о переходе к новому режиму армии и указанием, что на фронте все спокойно, а Вел. Кн. Николай Николаевич телеграфирует так: «Сейчас, в согласии со мною, ген. — адъют. Алексеев обратился к Государю Императору с верноподданнической мольбой — ради спасения России и победоносного окончания войны принять решение, признаваемое вами единственным выходом при создавшихся роковых условиях.»

Временное правительство опубликовало следующую программу: 1. Амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе — террористических покушений, военных восстаний, аграрных выступлений и т. д. 2. Свобода союзов, печати, слова, собраний и стачек, с распространением политической свободы на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями. 3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений. 4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны. 5. Замена полиции народной милицией и выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. 6. Выборы в органы местного самоуправления на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. 7. Неразоружение и невывоз из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении. 8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

При этом Временное правительство не намерено из-за войны медлить в осуществлении этих реформ и мероприятий. Но Россия так велика, что трудно допустить, чтобы во всех городах и весях ее воцарение нового порядка произошло бы так сказочно благополучно, как в столицах. Пока известия на этот счет скудны и не совсем гладки, например: Нижний, Вологда, Саратов, Царицын, Харьков, Серпухов, Архангельск и Подольск, по-видимому, устроились уже в новом духе и без кровопролитий, но в Твери убит Губернатор Бюнтинг и несколько офицеров, Разгромлен старинный дворец и винные склады. Нескладно вышло с освобождением политических из Бутырской тюрьмы. Толпа, освободившая их, разбила двери тюрьмы, и благодаря этому убежало около 2.000 головных каторжан, в большинстве осужденных за разбои. Но кто знает, может быть, и это к лучшему? Не все же из них преступники по профессии, и, Бог

даст, уже не пойдут по старому пути.

4 марта. Второго числа в 3 ч. дня в городе Пскове Николай Второй подписал отречение от престола. Вот этот манифест: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно с славными нашими союзниками может окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях и на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины. Призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжелые минуты всенародных испытаний, и помочь ему вместе с представителями народа вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.»

К Царю ездили в Псков А. И. Гучков и В. В. Шульгин и отречение получили от него в поезде, в присутствии Фредерикса и генерала Рузского. При разговоре с депутатами Царь сказал, что по отречении он должен уехать за границу, а покинуть сына в России он не в силах, а потому и передает свой престол брату.

Второго марта 1917 г., в 3 ч. дня, я думаю, на всем свете не было более несчастных людей, как наш бывший Царь и его семья. Мне было так грустно читать этот страшный для Николая Второго акт, и тем более грустно, что он мог бы, не будучи по природе «великим», прославить себя в истории на вечные времена. 23 года его водили за нос все, кому было угодно, и кто так или иначе был к нему близок. С самого начала царствования все ждали, что он

пойдет не «по батюшке», а 17 октября 1905 г. и совсем было поверили, что он сам даст то что теперь взято самим народом. Жалко его сейчас (и, конечно, не мне одному), только «по-человечески», а не как государственного деятеля.

Другое говорят и пишут о Михаиле Александровиче. Этот не сочувствовал политике брата и всей своей жизнью зарекомендовал себя, так сказать, демократически. Чуждался блестящей придворной жизни, любил «помещичью» жизнь, литературу, искусство и восхищался английской конституцией. И даже женился попросту (на «разводке» Вульферт, дочери московского адвоката С. А. Шереметевского, и имеет от нее одного сына, Георгия Брасова). Когда ему привезли последний манифест Николая Второго, он категорически отказался принять корону и только после уговоров заявил, что если Дума и народ пожелают, то он примет на себя лишь Регентство, впредь до созыва Учредительного Собрания. Вообще, настолько был корректен, что даже Керенский подошел к нему и сказал: «Вы благородный человек. Я всем и везде дам знать о ваших словах и вашем поведении.» После этого, то есть 3 марта, в Петрограде он подписал следующий акт: «Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнения народа. Одушевленный единой со всем народом мыслью, что выше всего — благо родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если таковая будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского. Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.»

Только в одной газете, «Раннее утро», сообщается, что Верх. Глав, опять становится Николай Николаевич. Верить ли?

Ф. И. Родичев назначен министром по Финляндии. Арестованы Гр. В. Н. Коковцев, генерал Ренненкампф, С. Е. Крыжановский и Кульчицкий. Мрозовский признал, наконец, новую власть, но вместо него назначен генерал Н. И. Протопопов.

Добрые вести из Тулы, Киева, Екатеринослава, Одессы, Курска, Владимира, Вятки, Рыбинска, Ташкента, Смоленска,

Саратова, Ярославля, Самары, Костромы, Омска и Новочеркасска. Везде свершилось «по-московски», разве только с маленьким провокаторством да с арестами губернаторов и полицейских. В Ревеле не совсем гладко: были беспорядки и разгромы. Московским общественным комитетом объявлена такса (по сортам): пшеничной муки 5 р. 92 к., 4 р. 98 к. и 3 р. 71 к.; ржаной 4 р. 83 к. и 4 р. 20 к. — пуд; мясо — 65 к., 48 к., 35 к.; баранина 60 к. и 70 к. — фунт. Французская фунтовая булка — 20 к.

В час дня был назначен на Красной площади всенародный молебен парад войскам. При морозе в 10° и под лучами зимнего, но уже греющего солнца собралось народу и войск несметное количество. Порядок был, как и все эти «революционные» дни, — образцовый, настроение, при сборе людей, праздничное, но затем, кажется, оно испортилось. Ни молебна, ни парада — высокоторжественными не сделали. Было 2–3 хоругви, мало духовенства, мало звона, и в строю не было «стройности» и известного церемониала. А главное, на что все роптали, — вместо одного часа дня молебствие началось в 2 ч. 30 м. дня, и совершенно оно было неблагововейно, так как все время слышались разговоры, шум пропеллеров летавших над Красной площадью трех аэропланов и треск кинематографических аппаратов. Впрочем, теперь все еще «временное». Будет время, и помолимся, и побравурничаем по-настоящему. Но протодиакон К. В. Розов (мой старый приятель) и при новом режиме показал свой удивительный по силе и красоте голосище, на всю площадь провозгласивши многолетие «Державе Российской, ее правителям, союзникам, православным христианам и христолюбивому воинству». Теперь уже эти многолетия такие коротенькие…

6 марта. Событий так много, они так значительны и сюрпризны, что всего и не опишешь. Приходится быть кратким и многое даже совсем не записывать. (Теперь и не различишь при полной свободе печати и слова правду от выдумки.) С вывесок снимают гербы, и с присутствий удаляют портреты не только Николая Второго, но и его предков. Не следовало бы заниматься теперь пустяками, в духе 28 мая 1915 г. Про бывшего царя, его семью и двор пишут в газетах (а особливо в таких, как «Моск. Листок») разные гадости и сальности. Какие инстинкты разжигают, над кем смеются? — «Не над собой ли?» (Велик наш Гоголь и вечен!)

† Вчера на Братском кладбище торжественно похоронили Анания Урсо, Ивана Самсонова и Василия Медкова — солдат, павших на защите революции. Вечная им память!

Сегодня, с полдня, возобновилось трамвайное движение, и жизнь входит в деловую обстановку. Из России отовсюду вести о признании нового порядка, но везде почти губернаторы, полицейские и жандармы арестуются.

7 марта. Митрополиты Питирим и Макарий уволены на покой.

Иностранная печать не очень ярко говорит о нашей революции, но, во всяком случае, приветствует ее и ждет полного успокоения и расцвета наших народностей и природных богатств.

В Ставке состоялось свидание Николая Второго с матерью и прочтение манифестов об отречении. Ждут туда Николая Николаевича, как нового Верх. Главнок.

Немцы отодвинуты французами к востоку, верст на 60. Видимо, Вильгельм спешит ударить на наш фронт, в расчете на нашу растерянность, создавшуюся в революционные дни.

Наконец, получил сегодня первое письмо от своего «господина прапорщика» (теперь уже упразднены «превосходительства» и «благородия») — Пишет из Новограда-Волынского (1112 в. от Москвы и 100 в. от фронта). Письмо помечено первым марта, и о революции в нем ничего не говорится. Должно быть, в тот день там еще все по-старому. Теперь опасность для моего сына и всех «сынков», братий и отцов, находящихся на фронте и близ него, — двойная: со стороны врагов внешних и внутренних. Смилуйся, Боже, над нами грешными!

В газетах процедуру отречения описывают очень трогательно. Царь вел себя очень корректно и как-то по-христиански величаво.

Временное правительство, однако, постановило лишить Николая Второго и его супругу свободы. За ним поехали в Ставку и привезут в Царское Село.

Во Франции образовался новый кабинет, премьер — Рибо.

† В Балтийском флоте все-таки были волнения. Убили самого командующего адмирала Непенина. Об этом новое правительство очень жалеет.

8 марта. Вчера приезжал в Москву Министр юстиции Керенский, был в Городской Думе, которая впервые собралась в новом составе (не так давно кассированном), в судебных установлениях и в Совете рабочих депутатов. Говорил речи, не особенно интересные, но в Совете рабочих сказал, что наш пролетариат должен быть «хозяином страны». Слова знаменательные. Они очень объемисто суммируют засилие рабочих. С самого начала революции было заметно, что наши

буржуазные партии ослабли, и выпустили из рук будущую власть. Трудно думать теперь, чтобы у нас обосновалась конституционная монархия. Будет, должно быть, республика, а стало быть, будут и кровопролитные раздоры среди несчастного народа, так долго голодавшего и угнетавшегося. Уже много спора за продолжение войны. Как бы ее не ликвидировали в постыдном для России результате.

Дворцовый комендант Воейков и его тесть министр двора Фредерике — арестованы.

М. В. Челноков сложил с себя обязанности московского комиссара и передал их, с согласия правительства, Н. М. Кишкину.

9 марта. Великая Княгиня Елизавета Федоровна оставлена в своей Марфо-Мариинской обители и продолжает заниматься своей благотворительной деятельностью. Будто бы она, как и большинство членов Романовского дома, порвала с Царским Селом давно уже и стыдилась за поступки своей сестры-Царицы.

Императорские театры переименованы в «Государственные», и Комиссаром Моск. Госуд. театров назначен А. И. Южин.

Бывший военный министр Поливанов занимается теперь в военном министерстве, а Петроградскими войсками командует ген. Корнилов, тот самый, который бежал из плена.

Новое правительство признано уже официально как союзными, так и Центральными державами.

Англичане также наступают на немцев. Значит, на нас действительно надвигается страшная военная гроза. Пронеси, Господи!

10 марта. Сегодня начало весны и должны бы прилететь жаворонки, но их нет не только в воздушном пространстве, но и в булочных. В 2 часа дня мороза 3 градуса. Значит, и холодно, и голодно.

Вчера получил от сына, из деревни Жаровки, на реке Случь, в 3,5 в. от Новоградволынска, письмо от 3-го марта, и странно — ничего не пишет о перевороте. Неужели там все еще «по-старому»? Уже и Царя арестовали и привезли в Царское Село. Как тяжело читать о его позоре! И как безжалостны газеты, сообщающие о нем «всякие скверны». Свергнули с Престола, взяли власть в народные руки, ну и слава Богу, но зачем же лягать, плевать. Теперь он не Царь, а человек… и нужно предать его воле Божией, а не хулиганам на поношение. На грех-то еще, у него все дети больны серьезно. Несчастная семья!

Самое великое, самое отрадное в пережитых днях — это

полная отмена смертной казни. Самое печальное — ослабление воинской дисциплины. Правительство, и в частности А. И. Гучков, издало воззвания, предостерегающие от излишних увлечений свободой, стращая народ и войско грозным часом, который приближается в виде беспощадного нажима на наши фронты со стороны немцев. Про народ же и говорить нечего — он предоставлен самому себе — хочешь разбойничай, воруй и сам защищайся от разбойников и воров. Милиция же, своего рода «ревгусары» (моего собственного изобретения эта двусловка, по типу «земгусаров», тоже хватов своего рода), новый повод к обороне желающих от воинской повинности, да и то, говорят, разбегаются, и как ни мудри, а возобновлять институт полиции придется же. Нельзя их роль играть дилетантам.

11 марта. Удивительная погода! На солнце 1 градус тепла, в тени 10 гр. мороза. По крайней мере, было так в 10 ч. утра.

Вместо Эверта Главнок. Западным фронтом назначен Лечицкий.

Войска все уже присягнули новому правительству.

Вчера на митинге кадетов хорошо сказал гражданин Магеровский: «Еще многие понимают у нас свободу лишь под девизом "нраву моему не препятствуй"». Ему, конечно, шикали, но, по-моему, он прав.

Великий Кн. Николай Николаевич, хотя и едет с Кавказа на должность Верх. Главнок., но, как видится, его попросят отказаться от этого назначения. Совет рабочих сильнее министерства большинства.

А. И. Гучков и ген. Алексеев 9 марта издали воззвание к армии и народу, в котором говорят: «Грозная опасность надвигается со стороны нашего врага»… «Германцы накапливают свои силы для удара на столицу. Захват Петрограда повлечет за собой разгром России, положит конец новому строю, возвратит старый порядок с прибавкой ига немецкого. Вся вековая работа русского народа будет стерта с лица земли, и нам грозит опасность на заре свободы обратиться в немецких батраков.»

13 марта. Вчера состоялась грандиозная демонстрация московских рабочих и солдат. По заранее составленной программе группы заводских, фабричных, ремесленных и торгово-промышленных организаций, а также городских и «земгорских», каждая со своим флагом, направлялись Думе, с Марсельезой и революционными песнями. Трамвай не работал, все было закрыто (кроме булочных и съестных лавок). В демонстрации вместе с солдатами участвовало, вероятно, несколько сотен тысяч. Я не

был в самом центре этого народного праздника — праздника Свободы, но видел, как по разным улицам шли демонстранты к Думе, и как расходились оттуда. Зрелище грандиозное, небывалое. На флагах больше всего слова: «Да здравствует демократическая республика» и «Мир всего мира». Это так, но были и такие лозунги: «Смерть врагам свободы», если это угроза нашим черносотенцам, то и она не в духе настоящего времени. Ведь только что отменена смертная казнь.

Бедняга Николай Николаевич! Не пришлось ему снова поверховенствовать. Правительство отменило его назначение и временное Верховн. командование поручило Алексееву. Вообще, все Великие Князья, кто сам, кто по предложению нового правительства (не без вмешательства Совета рабочих), все отошли от активного занятия государственными делами.

† 6 марта от немецкой подводной лодки погиб еще один французский военный броненосец «Дантон». Жертв 296 чел.

Сегодняшний номер «Русского Слова», по заявлению редакции, печатается в количестве 1.013.000 экз. Каков тираж этой газеты!

Погода, как будто, ударила в сторону потепления. В тени не более трех гр. мороза, а на солнце сильное таяние. Путь сразу и испортился.

14 марта. Сегодня с утра не более одного гр. мороза, а днем на солнце до 10 гр. тепла.

В некоторых газетах подсчитывают число участвовавших в демонстрации 12-го марта до 500.000 чел.

Бывшего героя ген. Н. И. Иванова тоже арестовали.

Вчера целый день в Москве говорили о взятии нашими войсками Барановичей и 15.000 австрийцев. Сегодня подтверждения этих слухов нет, но они были настолько упорны и авторитетны (напр. на Бирже), что и я, вообще осторожный к слухам, не утерпел и написал вчера сыну об этой победе как о факте.

В газетах напечатаны письма и телеграммы новому правительству от принца А. П. Ольденбургского, Вел. Кн. Сергея Михайловича, Бориса Владимировича, Николая Николаевича, Александра Михайловича, Николая Михайловича, Дмитрия Константиновича, Георгия Михайловича и князей Гавриила и Георгия Константиновича. Все они присягнули или изъявили покорность новому строю, причем пять последних даже заявили об отказе своих «удельных» паев в пользу народа. Вообще, дом Романовых ведет себя пока в высшей степени корректно, так что чрезвычайно обидно за их огульное поношение.

15 марта. После провокационных слухов о наших победах теперь официально сообщают, что в районе Царева-Лабузы наши части оттеснены с западного берега р. Щары на восточный и что на Румынском фронте нас выбивают из позиций.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, зажигаемый пламенными речами Чхеидзе, который говорит, что они (т. е. социал-демократы) взяли теперь дело в свои руки и будут говорить сами, минуя дипломатов, с немцами и предлагать им последовать нашему примеру, т. е. свергнуть Вильгельма, который хотя и «помазанник тоже, но одинаково может быть *смазан* своим народом, как и наш Николай». В обращении по радиотелеграфу «К народам всего мира» наши социалисты говорят: «Наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире»… «Русская революция не уступит пред штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силе, но мы призываем вас — сбросьте с себя иго вашего полусамодержавного порядка, подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие. Откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банков»… «Трудящиеся всех стран, братски протягивая вам руку чрез горы братских трупов, чрез реки невинной крови и слез, чрез дымящиеся развалины городов и деревень, чрез погибшие создания культуры, мы призываем к восстановлению и укреплению международного единства» и т. д. в этом роде.

Что и говорить, призыв благородный, но как завоевателям расстаться с завоеванным добром, с заслуженной военной славой, и без записи в историю гениальных (хотя бы и по-христиански преступных) деяний Вильгельма и Гинденбурга. Государственная мощь и единство — тоже не шутка. Народ нищий — расточителен, а народ богатый — стяжателен.

Наши пролетарии трубят о соединении пролетариев всего мира, но теперь в Германии есть ли пролетарии? Война не претворила ли их в цензовиков всех поголовно, как подработавших на таком грандиозном, кровавом предприятии?

16 марта. Члены нового правительства принесли в Сенате русскому народу присягу, по старому противо-Евангельскому образцу, т. е. с клятвой пред Богом.

17 марта. Потепление погоды с каждым днем разводит в Москве такую страшную грязь, какой давно не было. Временное отсутствие полиции, которая все же следила за внешним порядком и какими то ни было мерами заставляла дворников и

домовладельцев очищать от тающего снега крыши, дворы, тротуары и улицы. А теперь, при свободе, всякий поступает, как хочет, и мало найдется таких, которые не за страх, а за совесть относятся к общественной повинности, и вот от этого сейчас на тротуарах опасные тропинки для пешеходов, на улицах кучи навоза и громадные лужи тающего снега. Что называется — ни хода, ни проезда. Пока что, а порядка нет и при новых порядках… Хвосты увеличиваются, трамвайные вагоны ломаются от пассажиров-висельников на буферах, подножках и сетках; солдаты шляются без всякой надобности и в крайнем непорядке, большинство из них не отдают офицерам чести и демонстративно курят им в лицо и даже не уступают в вагонах сидячих мест старикам-генералам. Все это несколько опасно и об этом заговорили уже с тревогой за неприкосновенность свободы.

Кадеты на своих митингах уже откровенно заявляют, что им монархия, даже по английскому типу, не нужна и будут вотировать за республику.

Арестована Вел. Кн. Мария Павловна (вдова Владимира Александровича).

† В Твери продолжают безобразничать: хулиганы избили до смерти камнями популярного там между солдат ген. Чеховского, уже заявившего себя преданностью новому режиму.

В Киеве статую П. А. Столыпина с пьедестала удалили.

Удельные имущества, предприятия и капиталы признаны Временным правительством за национальное достояние.

Временное правительство официально обратилось к Польскому народу с воззванием о полном отделении его от Российского государства и о предоставлении Полякам самим определить свой государственный строй чрез Учредительное собрание, имеющее быть в столице Польши.

Бывший Председатель Второй Думы Ф. А. Головин ведает теперь делами бывшего Императорского двора. В Москве вместо Леонтьева Комиссаром Градоначальства теперь Лидин.

18 марта. В Рейхстаге германский Канцлер обсуждал российские новости и заявил, что германское правительство никогда не поддерживало реакционного режима самодержавия в России против попыток освободительного движения и сам Вильгельм еще в 1905 году советовал царю Николаю не сопротивляться реформам. «В настоящее время трудно дать простор проявлению естественного чувства сожаления к павшему Царскому дому, — говорит Канцлер. — Положение, которое мы должны занять по отношению к событиям в России, представляется нам вполне ясным, и сводится к дальнейшему

соблюдению нами принципа невмешательства во внутренние дела иностранных государств.»

Предположения, что Вильгельм хочет восстановить власть Царя, Канцлер считает ложью и клеветой. Домашние дела русского народа нисколько будто бы немцев не касаются, и они единственно желают лишь «чтобы положение в России в своем развитии сделало это государство твердым оплотом мира». И далее: «Мы не хотим ничего другого, как возможно скорейшего заключения мира с этим народом и восстановления мира на основах, одинаково почетных для обеих сторон.»

Назначение Лечицкого отменено, и главнокомандующим Западным фронтом назначен генерал Гурко. Весь состав Временного правительства вчера выехал в Ставку.

20 марта. Диво-дивенское! Даже М. О. Меньшиков 18 марта пишет в «Новом времени» о желательности республики: «Мы, — говорит, — должны быть благодарными судьбе, что тысячелетие изменявшая народу монархия наконец изменила себе и сама над собою поставила крест. Откапывать ее из-под креста и заводить великий раздор о кандидатах на рухнувший престол было бы, по-моему, роковой ошибкой.»

Как же теперь быть мне — буржую? Я так мечтал о конституционной монархии английского типа, а теперь, пожалуй, это ни к чему.

† Все-таки революция унесла за собой немало жертв. В Петрограде в первые дни убито и ранено, должно быть, более 2.000 человек, затем, в Балтийском флоте много погибло и офицеров, и матросов. В Петрограде несколько зданий сожжено и разгромлено (например, окружной суд, городские части, охранное отделение и другие присутств. места). Нехорошо пишет «Русский инвалид». Он считает положение Петрограда угрожающим со стороны немцев и даже советует об эвакуации его и примирении с мыслью о возможности сдачи его немцам. Затем, скверно, что немцы объявили блокаду в Северном Ледовитом океане. Опасаются благонадежности морского сообщения Лондона с Архангельском.

Весна идет и идет! Сегодня в тени до 9° тепла. Ожидаются наводнения, что весьма возможно после такой долгой, морозной и снежной зимы, а также вследствие быстрого снеготаяния.

23 марта. П. Н. Милюков побеседовал с представителями газет и обнаружил в себе дипломата, в сущности, родственного со своими предшественниками. И полная победа нужна, и расчленение Австро-Венгерской монархии, и разделение Турции,

и обязанность Германии восстановить все нарушенные ею права, возмещение всех убытков, причиненных «ее преступным нападением», и германская формула о мире без аннексий и контрибуций совершенно неприемлема для союзников, и освобождение от Австрии чехословацкого народа, и объединение всех сербских земель, и соединение Украинских областей с Австрийскими, и ликвидация турецкого владычества в Европе, и установление за Россией прочного обладания проливами, и, в конце концов, даже не постеснялся брякнуть и о русских правах на Царьград. «Чем завираться, лучше бы молча почесаться», как говорит пословица, и «на словах — что на гуслях, а на деле — что на балалайке». Сами устраняют себя от власти и дождутся, что Совет рабочих арестует и таких министров-лихачей. И эта нелепая беседа печатается рядом с известиями о нашем поражении на западном фронте: 21 марта наш противник открыл сильный артиллерийский огонь по нашему плацдарму на левом берегу реки Стоход в районе ст. Червище-Геленин и перешел в наступление, потеснив наши войска, прорвался к переправам Стохода и заставил наши войска перейти на правый берег Стохода, причем мы «понесли большие потери».

В Москву приехала из ссылки старая революционерка Е. К. Брешко-Брешковская, которую так и зовут теперь: «Бабушка русской революции». Устроена помпезная встреча, встречали на вокзале власти, повезли Брешковскую по торжественным заседаниям: в Исполнительный Комитет в Город. думу, в Совет рабочих, солдатских депутатов, — говорят высокопарные речи, она милостиво отвечает и поучает под клики «ура» и под звуки Марсельезы. На всем этом лег отпечаток густого пересола, так что эта самая «бабушка» теперь испорчена навсегда в смысле, как испортился тот крестьянин из пьесы Наума Руместана, который рассказ о своей услуге отечеству потом превратил в доходную статью и сделался уже прохвостом.

Тепла в тени 5°, на солнце до 15°. Снег тает быстро, вода на Москве-реке прибывает. Ждут скорого ледохода и наводнения.

27 марта. † Вчера хоронили в Петрограде на Марсовом поле около 180 человек, павших в борьбе за революцию. Вечная им память! Всего подсчитывают в Петрограде 1443 жертвы (убитых 169 и раненых 1274), похороны были, конечно, гражданские. В церемонии участвовали министры, члены Государственной думы, солдаты и народ. Все было грандиозно и стройно. Собравшимся толпам счету не было, но полагают, что все же в этих похоронах участвовало $^2/_3$ петроградского населения. На могилах борцов за свободу поставят со временем величественный памятник.

† Но на меня более тяжелое впечатление производят другие «жертвы революции», воины, разбитые на Стоходе. Их неисчислимо больше, и пострадали они, конечно, от неурядицы, получившейся за время развала старой власти и перехода ее в новые, еще не крепкие и не везде умелые руки. Похоронили их, вероятно, без музыки, без песен, не в красных гробах, без речей, без больших газетных статей, в реке, в грязи, в общих могилах, может быть, без гробов, «насыпью». Ужасно и в высшей степени прискорбно! Царство им небесное! Вот как официально сообщается об этом великом поражении: «Из двух полков пятой стрелковой дивизии на правый берег Стохода вышло только несколько десятков людей. Оба командира полков убиты. Третий полк этой дивизии отошел в половинном составе. От двух полков других полевых дивизий вышло из боя по нескольку сот человек от каждого полка. Остальные полки пострадали в меньшей степени.» Конечно, и это сведение не рисует всей ужасающей правды, но все же оно своего рода — нововведение. При старом режиме о таких разгромах так не писали. Затем, запишу и о добрых вестях: 1. Русский экспедиционный корпус соединился с войсками английского ген. Мода. Отныне от Черного моря до индийского океана тянется один непрерывный фронт союзников, 2. вступила наконец на арену войны Северная Американская республика по счету — 15 воюющая держава. Это объявлено в Вашингтоне 23 марта сенатом, который большинством 82 голосов против 6 принял резолюцию с объявлением состояния войны с Германией.

Как и раньше писали, и теперь в особенности, — участие Америки в войне нужно учитывать благоприятно для нас лишь в моральном и экономическом значении. Не может же она активно воевать, в особенности — на суше.

Профессор И. М. Гольдштейн приводит в газетах любопытное сравнение: национальные богатства стран — России — 120 млрд., Франции — 130, Германии — 160, Англии — 180, а Америки — 460. И, таким образом, национального богатства приходится на человека: в России 700 р., а в Америке — 4500 р. Долги же стран России, Франции, Германии и Англии колеблются от 40 до 55 млрд. на страну, а Америка должна всего 2,5 млрд.

Орган германских социал-демократов «Форвертс» так отвечает обращению наших пролетариев: «Никакой народ не имеет права навязывать насильственно другому форму государственного устройства. Большинство германцев — монархисты, и требуют лишь демократических реформ и выполнения монархией желаний народа.»

28 марта. В Благовещенье получил телеграмму от сына, что он 23 марта выезжает в Луцк — значит, на фронт. Боже, спаси его и помилуй! Вчера я был в Рыбинске. Погода сырая, с дождиком. Снега там осталось побольше, чем в окрестностях Москвы. Волга еще стоит, и поперек ее переезжают с возами даже. Жизнь там посытее московской. На хлеб и муку нет ни карточек, ни хвостов, не как у нас, бедных москвичей.

29 марта. Вчера в Москве начался ледоход. Лед очень толстый и потому грозит разрушением разных мостовых и пристанских сооружений. Америка окончательно завоевала, и к ней присоединилась Куба. Значит, всего 16 держав воюющих. Северо-Америк. Палата вотировала за войну 373 голосами против 50.

И. М. Гольдштейн считает, что теперь Россия тратит на войну ежедневно 50 млн.

В газетах считают еще личное богатство Романовых. Так, например, самому Царю принадлежало одной земли в России 42,5 млн. дес., да уделам 8 млн., и будто бы царь Александр Второй по освобождении своих крестьян, которых было у него лично 4 млн., получил с казны выкупных 48 млн. руб. Одним словом, как говорит «Русское слово», — «у самого бедного народа Европы были самые богатые цари».

† «Русский инвалид» подсчитывает, что на Стоходе мы потеряли убитыми, ранеными и пленными 25.000 чел.

От английского штаба добрые вести — во Франции англичане наступают на немцев и до двух часов дня вчерашнего набрали пленных до 6.000 чел.

Вчера, за отказом М. В. Челнокова, в московские городские головы избран Н. И. Астров.

30 марта. Арестован Вел. Кн. Борис Владимирович.

Англичане в битвах при Аррасе теперь насчитывают пленными свыше 11000 чел.

Количество хлеба, продовольственного и кормового урожая прошлого 1916 и будущего 1917, берется на учет в распоряжение государства. Другими словами, в России отныне введена хлебная монополия. В добрый час! Не поможет ли это правильному распределению хлеба искоренению спекулятивного зла, а то ведь дело дошло до того, что войскам перестали посылать хлеб даже на фронт.

31 марта. В 124 верстах от Москвы на Казанской ж-д произошло столкновение поездов, причем убиты 50 чел. и ранено

Гинденбург возвещает через печать, что он теперь «более чем когда-либо уверен в крепости нервов германского народа» и через это без страха ожидает последней решительной борьбы.

Временным правительством выпускается новый заем: «Заем свободы 1917 г.» на неопределенную сумму. Сторублевая облигация выдается при подписке за 85 р. Доход 5 % годовых, который от всяких налогов освобожден.

1 апреля. Министры из Ставки возвратились, но А. И. Гучков опять туда поехал. Вообще, он день в Петрограде, а другой — в Ставке или где-нибудь на фронте.

Вчера приехал из-за границы в Петроград вождь Российской социал-демократической партии рабочих Г. В. Плеханов, бывший в изгнании около 40 лет. Прием ему оказан не менее помпезный, чем Брешко-Брешковской, но и не более, что даже несправедливо, ведь он политически куда крупнее этой «бабушки».

В Ташкенте Совет солдатских и рабочих депутатов арестовал А. Н. Куропаткина и его начальника штаба. Это один из ярких примеров существования сейчас в России двоевластия. «Правительство» и «Совет рабочих» действуют иногда совершенно самостоятельно, и нет согласия друг с другом. Благодаря этому, очень неспокойно и нестройно, в особенности в Петрограде, откуда аристократия и крупная буржуазия уже откровенно бежит. Впрочем, это положение так неприятно, так опасно для цельности России и сохранения чудесно явившейся свободы и так чревато последствиями, что об нем придется еще много слышать и читать.

2 апреля. Христос Воскресе!

5 апреля. Газеты по случаю Пасхальных праздников не выходили три дня. Погода теплая — днем на солнце 20°, с облаками — 12° тепла.

Светлое Христово Воскресение небольшой дождь и пасмурно. В следующие дни почти безоблачно.

Поляки-то не очень с нами и сейчас. В резолюции временного Польского государственного совета говорится, что актом 5 февраля уже создано независимое Польское государство и оно не желает объединения с нами, как навязываемое им и ограничивающее их независимость и нарушающее честь свободного народа. Государственный Совет еще считает не разрешенным вековой польско-русский спор об обширных этнографических областях. Он стремится к созданию конституционной монархии, сильного правительства и

многочисленного войска и предостерегает нас против предположений, будто поляки будут вести войны против нейтральных держав, монархии которых гарантировали польскую независимость.

На съезде представителей Советов рабочих и солдатских депутатов принята резолюция о необходимости подготовить всеобщий мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов, и о призыве революционной демократии России, быть готовой дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии. Учредительное собрание должно быть созвано в Петрограде. Армии должно быть обеспечено участие в выборах. Женщины пользуются избирательными правами наравне с мужчинами.

† Вчера скончался Николай Иванович Бландов. Председатель общества для содействия русскому торговому мореходству, в правлении которого и я состою членом. Наш председатель был от старости не очень деятельным, но зато считался очень добрым и хорошим человеком. Вечная ему память!

Англичане с 27 марта считают взятыми в плен 13.000 германцев и много орудий. Французы — около 10.000, причем ими взят г. Краон. Англичане наступают в районе Арраса, а французы на фронте между Суассоном и Реймсом. М. В. Алексеев утвержден в должности Верховного Главнокомандующего.

8 апреля. Французы теперь уже насчитывают пленных от последних боев до 17.000 чел.

Под аккомпанемент встреч и речей «заслуженных» революционеров в России происходят неприятные происшествия и непорядки: с разных мест — известия об аграрных бесчинствах, об ослаблении поступления казенных налогов и установлении рабочими 8-часового рабочего труда захватным путем (это в то время, когда миллионы наших солдатиков сидят по 24 ч. бессменно в грязных, сырых и душных окопах, под выстрелами и газами неослабевающего врага). В общем, не очень радостно. Мы целый месяц все парили в облаках и теперь начинаем спускаться на землю и с грустью соглашаемся, что полная свобода русскому человеку дана еще несколько преждевременно. И ленив он, и недалек, и не совсем нравственен. И, что горько особенно, нет сейчас «пророка в нашем отечестве». Какая жалость, какая скорбь, что Л. Н. Толстой не дожил до наших злосчастных дней.

Из приказа по Московскому Военному округу видно, что на потребности нашего фронта нужно в сутки муки свыше $^1/_2$ милл. пудов, крупы 150.000 пуд., овса и ячменя около 1 милл. пуд., скота в сутки 10.000 голов. Вот тут и напасись! О, бессмысленная,

страшная и ненасытная война! Доколь Господь милосердный не вразумит правителей земного шара прекратить ее?

10 апреля. Сегодня получил от сына письмо от 4-го апреля, что он находится уже на самом фронте (чуть ли не на несчастной реке Стоходе), сидит в блиндаже, частью наполненном водой, но, слава Богу, пока не унывает, будучи доволен, что он теперь числится ротным командиром в 416-м пехотном Верхне-Днепровском полку, «покрытом (по его словам) боевою славой». О товарищах и солдатах пишет как о душевных, хороших и отзывчивых людях. Дай им. Господи, всего, всего наилучшего!

12 апреля. Очень что-то нехорошо у нас: Кронштадт изолирован, там царит анархия и им управляет не правительство, а сами матросы. Прямо анархия! Неспокойно и в Гельсингфорсе у флотских. Вообще, моряки безобразничают, а между тем пишут, что германский флот вышел с большим десантом к русским берегам.

На Волге и Оке открылась навигация, но там солдаты безобразничают, как и на железных дорогах. Садятся толпами по всем классам, дают пароходам угодное им направление, реквизируют продовольственные грузы и т. д., и т. д. Настолько везде плохо, что уж не верится ни во что хорошее, и не на шутку боишься за целость свободы или думаешь: да так ли на самом деле, не провокационны ли все такие известия?

Погода стоит тепленькая, но с ежедневными небольшими дождями.

14 апреля. Сообщают о необыкновенно высоком половодье на Днепре и Доне. Много бедствий.

Вчера приехал в Москву министр финансов М. И. Терещенко и в своих речах, в разных заседаниях, поведал нам, что Россия задолжала Англии около 6 миллиард., Франции только 1 миллиард, но в общем Россия должна уже 49, а к 1 января 1918 г. долги вырастут до 55 миллиард., с которых придется платить ежегодных процентов 2,5 миллиард. К настоящему числу, по его словам, истрачено специально на ведение войны 40.230.000.000 р. Должно быть, вследствие таких страшных финансовых потрясений, и погода застыла от ужаса: вчера к вечеру температура упала до 0°, ночью был мороз, а сегодня днем не более 3-х гр. тепла и временами снег-крупа.

Сегодня начинается *вторая тысяча военных дней*, т. е. вчера был 1.000-й день от начала войны. Дай Бог, чтобы новая тысяча оборвалась как можно поскорее и начались бы нескончаемые

тысячи мирных дней!

16 апреля. † Как-то, еще в начале войны, я записал о гибели прапорщика Лейна, но это оказывается неверным, как он, так и его брат живы, но находятся в плену, а вчера помер в Москве их почтенный отец, старинный мой приятель — Яков Васильевич Лейн. Вечная ему, память, а им доброго здоровья!

19 апреля. Вчера войне исполнилось 33 месяца, и вчера российский пролетариат праздновал повсеместно 1-е мая. В Москве все прошло благополучно, а в Петрограде, должно быть, шероховато. Буду говорить о Москве, собственно только о том, что видел своими глазами с 11 ч утра до 2 ч. дня. За эти три часа мы прошли по Сретенке, Большой Лубянке, Лубянской площади, Театральным проездом, Театральной, Воскресенской и Красным площадям и затем по Тверской до Страстной площади. Везде тучи народа — демонстрирующего и созерцающего Демонстранты с флагами-знаменами. Конечно, красного цвета, иногда с богатыми украшениями, золотыми и серебряными позументами и кистями, а также с вышивками и рисунками разных эмблем. Надписи очень разнообразны, но преобладают лозунги: «Мир и братство народов», «Требуем декрета о 8-ми часовом рабочем дне», «Мир без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения народов», «Единение солдат и офицеров», были плакаты с требованием войны до победного конца, но таких меньше, чем «мирных». Несмотря на «антиреволюционную» погоду в виде холода, снега, дождя и града — на улицах и площадях в те часы сошлось, вероятно, более $^3/_4$ всего московского населения. Участвовали в демонстрации и войска со своими оркестрами, но не скажу, чтобы они радовали своим видом. Как-то шли нестройно, подчеркивающе демократично — не было строевого порядка, офицеры тушевались и, смешиваясь с солдатами, не давали нужного военного тона, одним словом, это уже было не войско, а толпа. Впрочем, такое явление теперь уже повседневно. И мы «буржуи» уже как-то мало верим в мощь такого воинства — воинства, не по форме одетого, расстегнутого, неподтянутого, не признающего в своем укладе чинов и старших, всекурящего, бредущего гражданской косолапой походкой и готового, в случае чего, «дать в морду» своему начальнику, якобы раньше *тоже* дававшему им, солдатам. Лучше всего шли юнкера, да оно и понятно — тут полная сознательность. По крайней мере, я видел Александровцев — вот все бы так выглядели! Тогда нечего бы бояться ни за свободы, ни за исход войны. Они и пели что-то такое красивое. За исключением их, да некоторых

театральных и студенческих организаций, слышались лишь монотонные, нестройные, до тошноты надоевшие мотивы: «вставай, поднимайся, рабочий народ» да «мы жертвою пали», т. е., как правильно сказано в какой-то газете: «пели по-русски нерусские песни на нерусские мотивы». Так пожалеешь теперь, что не пороются в русских старинных песнях или даже в пасхальных песнопениях и не найдут там чего-нибудь более трогающего за душу. Вообще, в этих, в сущности скучных, шествиях (хотя и величественных) не было никакой поэзии и даже той, которая чувствовалась в послепасхальных крестных ходах и в народных хороводах. Музыка гремела, только одну марсельезу. Пора бы создать нашим композиторам что-нибудь своеродное.

20 апреля. В газетах уже вычитал, что большинство демонстрантов доходило в Петровский парк, в Сокольники и до Воробьевых гор и там разбивались на кучки и образовывали митинги под открытым небом. Но само небо было в этот день так мрачно, сурово и нелюдимо, и весь смысл празднования 1-го мая (по новому стилю) у нас разбивает преждевременность такого праздника по условиям нашего климата. Это празднество в Европе потому и популярно, что там сама природа ликует с народом — дарит ему и молодую зелень, а где так я роскошь цветов. Кроме того, как-то грустно было узнать, что на этот раз только мы праздновали, а наши учителя, т. е. французы, англичане и немцы, занимались в этот день обычным делом, находя во время войны такой праздник неуместным. Правительство (или один Милюков) разослало своим заграничным представителям ноту, составленную так же «дипломатически-смутно», как составлялись такие бумаги и в недоброе старое время. Хорошо и не разберешься в ней, но кажется, что правительство намеревается воевать до решительной победы над противником. Разве это в соответствии с народным и солдатским настроением? Да и время ли об этом твердить, когда у нас нет твердой власти? Кто, как не само правительство, распустило так Совет рабочих? Отчего так быстро наступила полоса аграрных беспорядков? Отчего часть украинцев явочным порядком создает в Киеве особые «Украинские полки», не подчиняющиеся Военному Министерству? Отчего Кронштадт прогнал правительственных комиссаров и даже следственную комиссию, назначенную самим Керенским? Отчего солдаты бесчинствуют в своих нужных и ненужных передвижениях по железным дорогам и водным путям, не платя за проезд денег и размещаясь в 1-ми 2-м классе? Отчего разные местные союзы рабочих арестуют, не считаясь с правительством, его чиновников

и военачальников? Надо теперь ждать крупных и неприятных, опять на почве двоевластия, событий.

21 апреля. Действительно — Милюков заварил такую кашу, которую ни ему, ни всему правительству не расхлебать. Вчера в Петрограде два полка подошли к Мариинскому дворцу (где заседает правительство) и потребовали объяснения министров по поводу ноты о войне до решительной победы. Некоторые толпы солдат имели флаги с надписями: «Долой Милюкова и Гучкова». Правительство, Исполнительный комитет Думы и Совет рабочих собрались в объединенном закрытом заседании, которое к ночи еще не закончилось. Известно только, что в составлении ноты участвовал и Керенский, что правительство решило выйти в отставку в полном составе, если бы было решено Милюкова и Гучкова устранить из его среды.

С войсками говорили рабочие депутаты, а также Родзянко, Некрасов, Милюков и Корнилов, и те ушли как будто даже с приветственными криками за продолжение войны до решительной победы.

Мой сынок обнаруживает геройство духа: пишет, что с 13 апреля он сидит уже в первой линии окопов, а дальше говорит: «Один шаг до смерти или до славы». А я по-своему думаю: «Бог с ней и со славой-то только бы жив был мой юный герой!» Но там тревога за нас — видно на фронте идут слухи из тыла очень нехорошие.

В Петроград приезжал Верх. Глав. М. В. Алексеев и сказал представителям печати, что Петрограду нечего бояться, немцы его не возьмут да и не пойдут на него, лишь бы у нас не возникло междуусобицы, но вообще-то война неминуемо закончится через 4–6 месяцев, ибо к тому времени всеобщее утомление войной и истощение продовольственное дойдут до апогея. А сейчас наше положение на фронте Алексеев охарактеризовал одним только словом — «сносно».

22 апреля. Вчера, наконец, Петроградский Совет рабочих «изволил» «признать разъяснение правительства удовлетворительным и считать инцидент исчерпанным», а разъяснение было по поводу пресловутой ноты 18 апреля, которая подтверждала уже сказанное в декларации правительства от 27 марта, что: «Цели свободной России — не господство над другими народами и отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основании самоопределения народов. Русский народ не собирается усилять внешней мощи своей за счет других

народов, он не ставит своей целью ничье порабощение и уничтожение.»

Но прежде чем правительство дало согласие на рассылку союзным державам такого разъяснения, в Петрограде было сущее безобразие. Заводы не работали, день и ночь происходили митинги, объявились два непримиримых лагеря — одни за правительство, другие против. («Ленинцы» даже требовали ареста министров.) † Были драки и вооруженные стычки, за день в Петрограде произведено 60 выстрелов, и оттого 5 человек убито и 9 ранено. Оказывается, и в Москве вчера были манифестации, причем также многие заводы прекратили работы. На митингах, происходивших к ночи, обнаружилась непримиримость «правительственников» с рабочими. В заседании комитета общественных организаций совершенно правильно говорил М. В. Челноков, уже осведомленный по телефону, что правительство осталось у власти, что все-таки «положение крайне тяжелое». Он пришел к заключению, что сегодня улажен один спорный вопрос, а завтра обострится другой, и как править при таком подозрительном к себе отношении со стороны рабочих и солдат. Удивила его и тактика партии кадетов, постановившей в случае недоверия к одному из министров уйти всем. Одним словом, он намекнул на то, что состав министерства мог бы обновиться и оно было бы к лучшему. Необходимо, чтобы власть была самостоятельнее и улаживала подобные инциденты в своем кабинете, а не под давлением уличной толпы. А толпе надо работать и не брать на себя роль судей по каждому, иногда слишком трудному для ее понимания вопросу. Оговариваюсь: мнение Челнокова слилось с моим, и я хорошо не разберусь, что навеяно его словами и что записано тут от меня, но в общем-то оно так у обоих. Вообще с рабочими беда: они, например, требуют раздела между ними наличными штрафных капиталов, а так ассигнованных правлениями на благотворительные, просветительные и пенсионные цели. Вот еще насколько недоразвиты наши нынешние «управители»! Полное непонимание значения общественности и важности организационных задач!

24 апреля. Под революционный шумок-то мы и не заметили, как нас обработали на Кавказском фронте турки: Огнут и Муш нами оставлены «по стратегическим соображениям».

26 апреля. Интересно проходят заседания московских гласных: Н. И. Астров правильно называет нынешнее отношение к войне «вавилонским». Вчера Дума вынесла резолюцию, принятую 65 голосами против 38, за образование коалиционного

министерства. И такие голоса стали получаться отовсюду. Ну что же, может быть, тогда власть будет крепче, внушительнее и не станет подвергаться дискредитированию со стороны товарищей Ленина, Стеклова и им подобных. Конечно, где немцы, там и дело: оказывается, что турецкому фронту прибавлено несколько германских полков, и оттого стало для нас плохо и для англичан.

27 апреля. Опять Рузский: при старом режиме его «отчисляли» и вновь «назначали» и при новом уже успели отчислить от должности Главнок. Северным фронтом. О причинах пока не пишут.

По рукам ходит письмо В. М. Пуришкевича Совету рабочих. Он обвиняет его в анархии и тут же пишет, что это письмо будет передаваться публике подпольным путем, так как при свободе слова, при полном отсутствии цензуры, завелась цензура более нетерпимая — сами типографские рабочие печатают только то, что им нравится, а чуть что-нибудь их заденет, то в печать ни за что не пропустят. А давно ли читали же Пуришкевича в таких же подпольных оттисках только потому, что он писал правду. Вероятно, теперешние его «цензоры» тогда сами проглатывали его бойкие фельетоны с интересом и сочувствием. Вообще сейчас не разберешься в новой жизни — не знаешь, что в ней переменилось к лучшему, а что к худшему. К сожалению, много даже в новом-то скверного. Экспроприации с каждым днем учащаются, и всего все происходит безнаказанно: грабители подстреливают или режут сопротивляющихся и разбегаются непойманными. За отсутствием полиции и за несовершенством милиции ничего не разыскивается — будь то деньги, вещи или какой товар, даже целыми возами. Грабят не только ночью, но и днем. Не разбираются и с местностью. Все это вопиющее безобразие происходит и в захолустьях, и на центральных улицах. Что же касается политических убеждений, то я думаю, что в любой партии есть расколы. Одни за то, но не за это, — нет, кажется кадета, октябриста или социал-демократа, которые бы не спорили в собственной своей среде и даже семье. Вот и я, многогрешный, и раньше был собственно диким — вмещая в себе немножко октябриста, кадета и социалиста, а теперь совсем одичал (вместе со своим другом П. Олениным), и сам черт не разберет моей платформы. С собой даже спорю — прирожденный ненавистник войны, чуть не толстовец (в смысле непротивления злу) — не знаю теперь, куда клонить свои помыслы относительно войны. С одной стороны, страшно не хочется ее, с другой стороны, жутко подумать, а как кончать ее теперь? Принесено столько жертв, и неужто все попусту — все лишь к вящему российскому разорению

и позору? Чего, собственно, я бы хотел — этого, конечно, не сбудется, т. е. немедленного перемирия и международного конгресса об окончании войны с восстановлением наших «довоенных» границ и без взятия с нас контрибуции, а иное (кроме, конечно, уже предопределенной нами же самими отдачи Польши, самому польскому народу) будет для новой России настолько позорным, что нас сама история будет дразнить, что мы, погнавшись за свержением царизма, превратили свое огромное государство в древнюю «Московию». Но никто как Бог! Чует мое сердце, что как бы ни велики были всенародные испытания, но они скоро, этим же летом, закончатся. Господь сжалится над всеобщим безумием!

28 апреля. Вместо Рузского назначен А. М. Драгомиров.

Насчет скорого окончания войны как бы не ошибиться. Идут усиленные разговоры, что мы бы пожалуй и рады ее закончить, да не дадут союзники. Будто бы они уже угрожают нас бросить и вести войну с немцами решаются одни, но, чтобы обезвредить нас как будущих союзников немцев, готовят 500.000 японцев для занятия Сибири до самого Уральского хребта. И теперь будто бы идет уже усиленная колонизация японцами нашей Сибири, в черте ее до Иркутска. Угроза настолько серьезна, что плачь, а воюй!

Придумали еще праздник: 27 апреля справляют в Государственной Думе ее *11-летний юбилей.* Присутствуют на торжественном заседании представители всех четырех дум и председатели второй и третьей думы Ф. А. Головин и А. И. Гучков; министры, послы и публика, состоящая в большинстве из рабочих и солдат. Говорят большие и красивые речи, как будто все настроены примирительно, как будто Пуришкевич и Шульгин не разделены громадной пропастью с перводумцем Церетели и Керенским, но ведь этак как на русской свадьбе или в кабинете кутил — сегодня, когда говорим «по душам», в спорах нет остроты, и все — люди как люди, а завтра, опохмелясь или отрезвясь, — вчерашний собеседник «сволочь», бить его надо, или каверзу какую-нибудь устроить ему. Так и вчера: бурные аплодисменты, веселые лица, поцелуи (Керенский, например, целовал Церетели, и любитель же А.Ф целоваться, кого-кого он не «удостаивал» своими поцелуями — и Брешко-Брешковскую, и М. В. Алексеева!), качанья. Последнего удостоился Родичев, по обыкновению говоривший с подъемом и как оратор ею милостию». Впрочем, «крылатых слов» никто не сказал, и во всех речах было много патетического и мало утешительного.

1 мая. Странно, почему это не слышно Дорошевича? За все два месяца — ни одной строчки. Все еще, должно быть, приглядывается да прислушивается, и кто знает, может быть, он считает настоящее состояние России временным, а-ля 1915 год. Если бы мне записывать все сейчас происходящее в России, то читателю показалось бы, что у нас теперь полнейшая анархия. Министры — даже такие противоположные по политической окраске, как А. И. Гучков и А. Ф. Керенский, на съезде делегатов фронта говорили, собственно, ужасающие вещи, положим, об разном и по-разному, но смысл тот же: Россия на краю гибели! Гучков — военный министр — не убоялся заявить, что продовольственное дело все ухудшается и даже фронт не получает нужного хлеба и фуража. В некоторых частях огромный падеж лошадей *с голода.* Что же, разве нужно дожидаться, чтобы и люди гибли от той же причины? Так как же заставлять их воевать и удивляться дезертирству? А. Ф. Керенский сказал, что у него нет уже уверенности, что то, что творится сейчас, — производится сознательными гражданами, и готов думать, что «русское свободное государство — есть государство взбунтовавшихся рабов».

И смешная же наша матушка-Русь: из разных мест телеграфируют, что крестьяне по собственному почину вводят розги и секут ими конокрадов и любителей «ханжи».

2 мая. Как гром с ясного неба: отказался от обязанностей военного министра А. И. Гучков. Уж если он, которому доступны все тайны войны, пришел в отчаяние от настоящего положения, то кто же теперь будет верить в доведение войны до победного конца? Причина та, конечно, что «на началах случайных решений отдельных групп, съездов и митингов никогда не будет ни благоустроенного государства, ни благоустроенной армии». А отчего еще раньше ушли петроградский командующий и наш Грузинов и подали в отставку Брусилов и Гурко? — Все оттого же — войско сейчас не войско, а орда, живущая и управляемая митингами. Сам Совет рабочих уже как будто спохватился: признал открыто гибельность разрушения армии неподчинением непосредственной власти и в таком смысле сделал публичное обращение к армии.

Временно в отправление должности министра военного — вступил врал Маниковский, а морского — адмирал Кедров.

† Погибли на румынском и австрийском фронте наш воздушный корабль «Илья Муромец» и один «Самолет», вместе со своими экипажами. Тоже печально!

4 мая. В Петрограде съехались наши главные вояки: Алексеев Брусилов, Гурко, Драгомиров и Командующий румынским фронтов Щербачев. Все еще не сказали они, что воевать бесцельно, и признали положение угрожающим, но не безнадежным.

Правительственный кризис не закончен: несомненно, будет образовано коалиционное министерство, причем военным и морским назначается А. Ф. Керенский.

В Месопотамии наши части встретили сильное сопротивление и вынуждены отойти назад.

Одним словом, «товарищи» поторопились с революцией и демократическими реформами. Надо бы дождаться, чтобы старое царское правительство само довело Россию до настоящего развала и позора, а потом уже и забирали бы страну в свои руки. А теперь? Бывший Царь и его сотрудники злорадствуют, конечно: без нас-то — вон оно как пошло! Итак, наша революция, запоздав на целых 100 лет, пришла на полгода раньше, чем следует. Аминь!

6 мая. Новое министерство сформировалось: Керенский — военный и морской, Переверзев — юстиции, Терещенко — иностранный, Шингарев — финансов, Чернов — земледелия, Церетели — почт и телеграфов, Скобелев — труда, Пешехонов — продовольствия, Кн. Львов, Некрасов, Коновалов, Мануйлов, В. Н. Львов и Годнев остались со старыми портфелями. Значит, в кабинете теперь 6 социалистов, остальные — кадеты. Керенский начал молодцом. Вот его первый приказ: «Взяв на себя военную власть государства, объявляю: 1. Отечество в опасности, и каждый должен отвратить ее по крайнему разумению и силе, не взирая на все тяготы. Никаких просьб об отставке лиц высшего командного состава, возбуждаемых из желания отклониться от ответственности в эту минуту, я поэтому не допущу. 2. Самовольно покинувшие ряды армии и флотских команд (дезертиры) должны вернуться в установленный срок — 15 мая. 3. Нарушившие этот приказ будут подвергнуты наказаниям по всей строгости закона.»

10 мая. Вчерашний «вешний» Никола прошел по погоде, как «зимний» (6 декабря). Целый день свирепствовал снежный ураган, образовавши заносы на жел. дорогах, валивший телеграфные столбы и заборы, срывавший вывески и т. д и т. д. Погода была прямо грозная: думалось, что Господь окончательно прогневался на нашу несчастную родину и хочет привести наши пути в

полную негодность и лишить нас урожая. Такая погода продолжалась до девяти часов сегодняшнего утра, а потом стало затихать, таять и к вечеру уже было не как в декабре, а как в мае.

12 мая. Настолько все безотрадно, что не хочется и писать даже. Но «взявшись за гуж, не говори, что не дюж», скрепя сердце, продолжаю. Беру «Русское слово» за 11 мая и черпаю оттуда такие «приятные новости»: в газете «Труд» появилось следующее объявление, начинающееся словами: «Товарищи воры, грабители!» — далее, конечно, приглашение «объединиться» и т. д.

По Петрограду разъезжает грузовой автомобиль, с которого женщины и дети разбрасывают «манифест к народам всего мира», подписанный каким-то «прапорщиком графом Головкиным-Хвощинским», начинавшийся словами: «Ослы! Из-за чего вы воюете?»

На Западный фронт немцы привезли с Восточного громадные силы, а потому наступлению французов и англичан дается сильнейший отпор. Русские же войска пока бездействуют, то есть «братаются», «митингуют» и «дезертирствуют». Рибо во Французской палате сказал уже: «Будем надеяться, что русская армия начнет наступление на своем фронте, пока Северо-Американские Штаты готовятся послать нам через несколько дней свой первый экспедиционный корпус, за которым последуют дальнейшие. Будем надеяться, что Россия исполнит свой долг.»

А. Ф. Керенский начал объезды всех фронтов. Конечно, ведет зажигательные речи, которые покрываются «бурными аплодисментами», но возродится ли от этого дисциплина — это еще вопрос, а без нее революционная армия даже слабее старой, царской. Керенский назначил помощником командующего Петроградского военного округа поручика А. И. Кузмина, бывшего «президента Красноярской республики». Бывший Минский губернатор Князь Друцкой-Соколинский принят на военную службу солдатом.

Арзамасский общественный комитет постановил конфисковать товар у гласных, взять хлеб у Понитаевского монастыря и т. д. в этом роде.

А. И. Шингарев на московском съезде хлебных торговцев со слезами на глазах воскликнул: «Дождетесь, граждане, голодных бунтов, дождетесь, пока армия… пока армия начнет голодать, и тогда погибнет наша Родина!» Дальше он говорил, что «армия без энтузиазма — это сброд. Государство, в котором потух огонь энтузиазма, — ничто. Не идет заем, не воюет армия, не слушаются правительства».

В Москве вот уже четыре дня бастуют официанты, повара и женская прислуга в ресторанах, клубах, кофейнях и гостиницах. Предъявит, должно быть, неисполнимые требования. Публика приезжая и «не домовитая» бедствует.

Одиннадцатого мая в Москве было *только* «два разбойных нападения».

13 мая. Продолжаю в том же духе. — На митинге 11 мая в Московском Большом Театре один ученый засвидетельствовал, что на одной большой германской фабрике больше химиков, чем во всей России.

Н. А. Морозов там же сказал против настоящей «свободы» так верно: «безграничная свобода была у первобытного дикаря. Это был, конечно, самый свободный демократ, но он был людоедом.» Понимай, и теперь чуть не то же.

Итальянцы официально сообщают, что они прорвали неприятельские линии от Кастаньевицы до моря, овладели Джалиано и взяли боле 9.000 пленных.

Керенский в Киеве опять целовался с К. М. Оберучевым, назначенным им же главным начальником Киевского военного округа. Оберучев — известный революционный деятель.

В Киеве Украинский войсковой съезд захватил здание авиационной школы.

В Новоградском уезде Минской губ. солдаты разгромили имение Князя Святополка-Мирского.

Рязанские домовладельцы постановили прекратить уплату земских сборов.

В г. Барнауле выгорело 26 улиц. Помощник Военного Министра полковник Якубович на Крестьянском съезде заявил, что фронт сильно страдает от недостатка продовольствия. На почве недоедания развились массовые заболевания цингой. Фуража настолько мало, что во многих местах дают на лошадь по одному фунту овса. Солдаты берут железные дороги, что называется, на шарап. С винтовками в руках заставляют начальников станций отправлять их скорыми поездами, и был случай, когда солдаты сами отправили поезд по пути, откуда шел встречный поезд. В некоторых частях фронта из рот в 250 штыков осталось 70–40 солдат (бегут…). Кроме дезертиров «явных» под различными предлогами скрывается до миллиона дезертиров.

За вчерашний день в Москве было *только* два нападения на милиционеров. Во Всехсвятском задержали подозрительных 4 лица и учинили над ними самосуд, избив их насмерть.

Венгерский министр-президент Граф Тисса вышел в отставку.

Для нужд Совета Рабочих Депутатов реквизирована

гостиница «Дрезден», гостиница «Россия». И так все это делается энергично, а вот для лазаретов эти реквизиции пресекались, то взятками, то соображениями, что слишком роскошные помещения для больных, пожалуй, неподходящи…

Вот что делается сейчас в Москве и по всей «бывшей» великой Руси! Анархия не только снизу, но и сверху. И с каждым днем все хуже. Что-то будет с нами грешными?

15 мая. Керенский издал новый приказ по армии и флоту, который как бы призывает наше войско к общему наступлению. Приказ составлен с свойственным Керенскому огоньком, который то и дело потрескивает как фейерверк… «Вы понесете на концах штыков ваших мир, право, правду и справедливость…» «Пусть самые свободные армия и флот в мире докажут, что в свободе сила, а не слабость…» «Вперед» к свободе, земле и воле! Помните: кто оглянется, остановится и пойдет назад — все потеряет. Не забудьте: вы воины революции; если не совершите вы подвига защиты свободы, чести и достоинства родины, прокляты будут ваши имена… По воле народа вы должны очистить родину от насильников и захватчиков. На этот подвиг я зову вас. Неужели не услышите меня?..»

Объявлена в приказе по армии и флоту декларация прав солдата, которая дает им все права обыкновенных граждан, причем обязательное отдание чести отменяется…

Вчера солдаты и рабочие устроили новую демонстрацию в виде протеста против смертного приговора австрийскому социалисту Фридриху Адлеру убившему австрийского министра Штюргка. Флаги, плакаты, митинги, музыка, пение и остановка на целый день трамваев, а следовательно и затяжка войны на столько же. Спрашивается, примут ли австрийцы это доброе движение русских социалистов в учет? Может быть, в момент такой демонстрации австрийские социалисты, находящиеся на фронте против нас, убили или искалечили несколько сотен или тысяч наших солдат… А ведь Адлера-то едва ли и казнят; еще приговор в исполнение не приведен. Официанты все еще бастуют.

16 мая. † Итальянцы прорвали новую сильную линию неприятельских укреплений, захватив около 3.500 пленных. С 1 мая они насчитывают добычу в 22.500 пленных.

Немецкие аэропланы, целою массою — 16 штук, — налетели на юго-восточные берега Англии и убили и искалечили сотни детей, женщин (вообще мирного населения).

Служащие московского Городского самоуправления в общем запросили прибавок на 72 миллиона рублей, что составляет

двойную сумму всего городского московского обыкновенного бюджета.

Большие сенсации производит Леонид Андреев своими страшными фельетонами в «Русской воле». Покойный Л. Н. Толстой говорил про него: «Он пугает, а мне не страшно.» Но, кажется, теперь он сказал бы другое. Теперь Л. Андреев пишет сущую правду, а не пугает. Действительно сейчас самое страшное время для матери нашей — России. Ее раздирают на части ее же дети. С каждым днем все ухудшается, дорожает и разваливается. Грабят и убивают не только ночью, но и среди бела дня. Если бы прочитать за какой-нибудь один день все русские газеты и суммировать все деяния солдат и граждан, то получилась бы не революция, а рёвоэволюция. Едва ли было что-нибудь более разнузданное в истории минувших революций. Рано мы расхвалили свою — сглазили должно быть!

Погода установилась теплая и ясная. Впрочем, изредка переменяется маленькими дождями.

17 мая. Вчера в Совете офицерских депутатов (Москва) офицеры дали клятву идти на фронт и победить или умереть, причем постановили заявить военному министру и совету солдатских депутатов, что если солдаты в недельный срок не организуются в маршевые роты, то офицеры отправятся одни.

А в Киеве 15 мая делали облаву на дезертиров. Задержано около 12.000 человек, подлежащих отправке на фронт. Произошло побоище с милиционерами и патрульными солдатами. Волнение дезертиров вызвало в городе панику. Есть раненые. В Харькове тоже что-то вроде этого.

Министр почт И. Г. Церетели в свое пребывание в Москве в одной из многочисленных речей сказал: «Если будет фиксирована прибыль фиксированы цены на все продукты, то придется фиксировать и заработную плату. На эту жертву, мы думаем, рабочий класс пойдет.» Какая это жертва, когда в последнее время рабочие за свой труд стали назначать вознаграждение сами себе, доведя его в иных случаях до ста рублей в день. Теперь уж наш рубль расценивают только в 16 копеек. Курица стоит 6 р., мясо 1 р. 05 к. фунт. За время от 1 марта по 1 мая брошено в оборот новых 1,5 млрд. бумажек. Непомерные требования к казенному сундуку уронят ценность бумажного рубля до грошей.

Хочу пойти в метельщики московских улиц. Их корпорация предъявила требование: жалования 250 р. в месяц, при готовой квартире.

22 мая. Все хуже и хуже. Сами министры растерялись:

разбегаются. Ушел министр торговли и промышленности А. И. Коновалов.

Керенский ездит по фронту, целуется, говорит, как Минин, его качают, аплодируют, дают клятвы идти, куда велит, но на деле этого не показывают: погрызывают подсолнушки да заявляют разные требования. А в тылу взрывы, пожары, железнодорожные катастрофы, аграрные захваты, республики по городам и даже местечкам, погромы, грабежи, самосуды, недохватка необходимых продуктов и материалов и страшное вздорожание жизни. Заем пока более миллиарда денег не дал.

24 мая. Верховный Главнокомандующий М. В. Алексеев заменен Брусиловым, а на место последнего назначен генерал Гутор. Жалко все-таки Алексеева. Это был генерал хорошего старого закала. Все его последние поступки и речи были весьма симпатичны. Все было основательно, а потому и неприемлемо «товарищам рабочим и солдатам». Вот у немцев главнокомандующие не меняются, а у нас и у союзников сколько уже сменилось! Я даже не знаю теперь, кто в последнее время вместо Жоффра и покойного Китченера.

В Кронштадте вопиющее безобразие: матросы и рабочие держат офицеров и правительственные власти под стражей, не признают Временного правительства и даже грозят прийти вооруженным кораблем на Петроград.

Сын пишет, что он сейчас исполняет должность начальника ударной команды. Господи, какие страсти! Ведь это отряд смельчаков, проделывающих самые рискованные операции. Вот когда боюсь продолжения войны, как своей смерти. Помилуй его, Боже, по велицей Твоей милости!

Вместо Палеолога, французского посла, не поладившего с нашим режимом, назначен в Петроград депутат Нуланс. Наш посол в Париже Извольский также отставлен и пока никем не заменен. Сазонов в Лондон не уехал и также нуждается в заместителе.

27 мая. Главнокомандующий Западным фронтом ген. Гурко отчислен от должности с назначением на должность не выше начальника дивизии.

Вот какой у нас Керенский! Кстати, он вчера приехал в Москву. Цветы, аплодисменты и «ура» сыпятся на него в необыкновенном изобилии. Все другие министры не пользуются и подобием такой исключительной популярности. Вся его сила в даре слова и в какой-то «бойкости». Если это не гениальный человек, то большой «забияка» — вроде Пуришкевича. Тот тоже

хлопотун замечательный, только теперь он отошел к сторонке (я даже думаю, что лишь временно; кто знает, куда заведет нас наша безудержная, бескрайняя свобода? Еще и Пуришкевич может понадобиться для государственного дела).

В Большом театре Керенский выступил в качестве оратора в благотворительном концерте-митинге и стяжал новые лавры своему зажигательному красноречию. Лозунг «не будьте жадными, трусливыми, не бойтесь свободы, верьте в лучшую жизнь для всех». В театре устроили аукцион его портретов с автографами (просто увеличенная фотография) и продали один за 15.200 р., другой за 8.200 р., третий за 5.000 р. и четвертый за 1.100 р…. Куда уж тут и Шаляпину!

Тем временем в Кронштадте и на фронте не лучше. В Седьмой армии (не там ли и мой воин?) 45, 46, 47 и 52 полки отказались выступать, и правительство постановило полки расформировать, а подстрекателей предать суду.

29 мая. Дорошевич объявился — напечатал в «Русском слове» фельетон о необходимости сейчас же уничтожить все запасы спирта, водки и вина, дабы погромные проявления не приняли кошмарно-стихийных размеров. Написано не очень хлестко и без пафоса. Значит, не подействует, но все-таки приятно, что умный, талантливый и честный фельетонист жив и здоров (по его заявлению, он как раз был тяжело болен с декабря месяца). Будем ждать его отрезвляющих статей и в дальнейшем.

30 мая. Англичане хвалятся новыми успехами на Ипре: с 25 мая взято много орудий и более 7.000 пленных.

Отовсюду приходят известия об «облавах» на дезертиров. Например в Астрахани поймано одной ночью 3.000 человек.

«Республики» теперь в Кронштадте, Царицыне, Херсоне и… в Кирсанове Тамбовской губернии.

1 июня. Во Владикавказе почетно приняли стрелковую дивизию, якобы пришедшую с фронта на отдых, но оказалось, что она дезертировала!

Вернулся в Россию старый и знаменитый социалист П. А. Кропоткин, не возвращавшийся из изгнания даже в 1905 году.

Отрекся от престола греческий король Константин, женатый на сестре Вильгельма. Королем объявлен его сын Александр, но надолго ли? Там давно назревает революция. Венизелос действует.

Вчера получил от сына письмо, помеченное 23 марта в 10 час.

вечера. Намекает, что он где-то «за границей» и любуется Карпатскими горами. Что значит такое передвижение? Если наступление, то оборони его, Господи!

Объявлен призыв белобилетников сроком призыва с 1896 по 1917 г.

Командующим Московского военного округа назначен полковник Верховский. В Петрограде вместо Питирима выбрали собором духовенства и мирян епископа Вениамина Гдовского.

Были и есть республики в губернских и уездных городах, но это оказалось мало — теперь завелась республика в «Святых горах» Изюльского уезда Харьковской губернии. Что это? Село или деревня?

† Погибла, должно быть, наша подводная лодка «Барс», вышедшая в Балтийское море еще 6 мая и не дающая о себе никаких сведений и признаков до сего дня.

В Казани сгорели пристани и приволжские гостиницы. По газетным кратким сообщениям, убыток до 10 млн.

Вопль моего друга поэта П. А. Оленина-Волгаря на злобу майских «российских безобразий».

УМИРАЮЩАЯ МАТЬ

На одр страдальческий повержена недугом,
Со смертью борется в последних муках мать,
А дети жадные схватилися друг с другом
Ее наследье отнимать.

О Родина моя! Уже ли нет надежды?
Голгофа ждет тебя! Путь на ее кресте,
И делят уж твои кровавые одежды
Твои же дети в слепоте.

О, крикните же им все те, в ком чувства живы:
«Убийцы матерей, что делаете вы?
Иль нет сердец у вас? Иль души ваши лживы,
А честь и совесть в них мертвы?»

И если этот крик-призыв безумным братьям
Услышать в судный час они не захотят,
То пусть их навсегда Иудиным проклятьем
Потомки наши заклеймят.

Официанты забастовку, кажется, прекратили. Будут теперь получать чуть ли не 400 р. в месяц. Но сейчас же началась

забастовка дворников и благодаря этому московские улицы, не исключая и центральных представляют собой мусорные ящики. Все, что ни выбрасывается на улицы и на тротуары, так и лежит теперь дня 4 без уборки. По тротуарам ходить стало мягко: лоскуты бумаг, папиросные коробки, объедки, подсолнечная шелуха и т. п. дрянь вплотную, а дворники сидят себе на тумбах, погрызывают семечки да поигрывают на гармошках.

3 июня. Командующим Балтийским флотом вместо адм. Максимова назначен адм. Вердеревский.

Центральный Комитет социал-революционеров забаллотировал самого Керенского.

В Москве забастовали больничные служители и служащие воспитательного дома. В последнем состоял комиссаром правительства Князь В. М. Голицын, уважаемая личность, почетный гражданин Москвы, бывший городской Голова и не реакционер даже в реакционное время. Его жестоко оскорбили забастовавшие служащие: посадили на тачку и повезли к Москве-реке, грозя выбросить его туда. Милиционеры через силу спасли его от гнусного произвола толпы, «не ведающей, что творит».

Бугульминский военный комитет самовольно постановил отпустить в отпуск 9 рот пополнения, предназначенных к отправке на фронт. Керенский в приказе называет это «безобразной анархией».

Вместо Юденича главнокомандующим Кавказской армией назначен ген. Пржевальский. Все понемногу разбегаются. Уходят еще Гурко и Драгомиров.

В Петрограде только что закончились выборы в районные думы. Из 1.800.000 избирателей подали списки лишь 712.444 избир., причем оказалось 525.812 списков за социалистов, а за кадетов только 163.604 списка.

7 июня. Стоят жаркие дни. В тени 22°. Все забываю записать, что есть еще министерство не то «общественного призрения», не то «социального обеспечения», и министром Кн. Д. И. Шаховской, а Товарищем Графиня Панина. Ну чем мы не американцы?

Анархисты у нас каковы: вздумали собраться вооруженной толпой человек в сто и заняли типографию и редакцию газеты «Русская воля». Желаем, мол, печатать тут свои творения. Насилу выжили, уж сам его величество Совет рабочих меры принял!

В Петрограде забастовали милиционеры: требуют 8 час. (ничегонеделания) и 360 р. в месяц вместо получаемых 150.

Заказал себе пиджачную пару, цена 300 рублей, думал, что с ума сошел, мне говорят, что другие платят за костюмы 400–500 р.

Вакханалия жизни полнейшая!

Начальником штаба Верх. Глав, назначен ген. Лукомский (хорошо хоть не прапорщик).

Вношу поправку: оскорбили не Кн. Голицына, а его сына М. В. Голицына, члена гор. упр., тоже, впрочем, уважаемую личность.

8 июня. Главнокомандующим Западным фронтом назначен ген. Деникин.

9 июня. В Севастополе матросами обезоружены все офицеры флота и армии. Адмирал Колчак отстранен от командования флотом. Это результат ленинской пропаганды. Правительство распорядилось передать временное командование Черноморским флотом адм. Лукину, а Колчака вытребовать в Петроград, и возвратить офицерам свободу и оружие. Послушают ли «товарищи»?

Жара усиливается: в тени 25, на солнце 35°.

14 июня. Большой перерыв в новостях. Не то, что их нет, а все уж очень однородно неприятные. «Бреслау» вот опять появился в черноморских водах и опять там бомбардировал нашу радиостанцию, там маяк — и скрылся, по прежнему обыкновению безнаказанно. А по России по всем градам и весям ушкуйничают анархисты, солдаты и просто жулики. Где они убивают, где их убивают. Поджоги, грабежи, захваты — процветают.

В Румынии, оказывается, наши солдатики в мартовские дни требовали смещения короля Фердинанда, и того на те дни даже прятали. Во Франции эта наша «гордость и краса» тоже настолько отличились, что их там теперь в глаза называют «изменниками». Так же, если не хуже, говорят о нас и в Англии, и в Италии.

«Всеукраинский съезд» в Киеве объявил, что Украина автономна, и издал «универсал», согласно которого у них будет свое Учредительное собрание.

16 июня. † В Кронштадте местное «республиканское» правительство расстреляло за грабежи 5 солдат. Вообще, суд Линча идет у нас по всей Руси с возрастающим день ото дня успехом. Сколько в одной Москве убито, растерзано и избито грабителей.

† Вчера, например, вся Марьина Слободка гонялась до самой тюрьмы за разбойниками, зверски убившими протоиерея Лазаревского кладбища о. Скворцова и его супругу. Если бы милиционеры немного ослабели, то убийцам бы не сдобровать.

Временное правительство наконец объявило, что выборы в Учредительное собрание назначаются 17 сентября, а само собрание откроется 30 сентября.

Управляющим морским министерством назначен лейтенант Лебедев, бывший эмигрант.

В Ростове-на-Дону крючники заявили требование платить им летом 900 р. в месяц, а зимой мы-де безработные. Грозят в случае неприятия такого требования остановить всю портовую деятельность.

20 июня. Сегодня газеты вышли с крупными заголовками, вещающими о начавшемся наступлении русских войск.

16 июня Керенский издал по армии и флоту призывный приказ, заканчивающийся так: «Пусть противник не торжествует до времени над нами победы, пусть все народы знают, что не по слабости говорим мы о мире, пусть знают, что свобода увеличила нашу мощь. Офицеры и солдаты, знайте, что вся Россия благословляет вас на ратный подвиг и на борьбу за свободу. Во имя светлого будущего родины и во имя прочего и честного мира приказываю вам — "вперед!"»

А с 18 июня Керенский телеграфировал премьеру Кн. Львову, что армия «с огромным воодушевлением перешла в наступление» и поэтому он вручает полкам, участвовавшим в бою 18 июня, красные знамена и просит присвоить полкам, начавшим наступление, наименование «полков 18 июня». По этому же поводу изданы пышные воззвания Временного правительства, Совета рабочих, и произошли манифестации в Петрограде и в Москве. Сведения же из Ставки таковы: на Злочевском направлении на фронте Конюхи-Вышки наши войска овладели тремя линиями окопов. У Бржезан взята сильно укрепленная позиция. За бои 18 июня зарегистрировано свыше 10.000 пленных при 173 офицерах. Захвачено 7 орудий и 7 пулеметов. † Но «некоторые из наших частей понесли большие потери, особенно в офицерском составе». Как-то мой воин, жив ли, сердяга? Он писал мне недавно, что куда-то передвигаются. Спаси его, Господи!

18 же числа в Москве и Петрограде состоялись опять социалистические демонстрации. Большевики носили плакаты с надписями: «Долой власть и капитал», «Долой 10 министров-капиталистов», «Война войне», а то и такие: «Долой, долой и долой». Что долой? — Аллах ведает! В общем, в демонстрациях не было ни нового, ни захватывающего, ни толкового. Неизвестно, к чему они на этот раз. Были, конечно, драки и всякое безобразие, вроде захвата петроградских особняков или покушения выпустить из тюрем арестованных (при этом 400

человек убежало).

В Москве пред выборами в Думу началась агитационная борьба, и товарищи социалисты где можно колотят и увечат кадетов. Теперь кадеты, то есть мы, у рабочих и солдат в положении «черносотенцев».

В Греции новый король созвал министерство под главенством Венизелоса, критского «президента», и уже тот поставил в известность Германию, Австрию, Болгарию и Турцию о разрыве дипломатических отношений. Значит, и тут дело войной пахнет.

Казачий съезд признал отделение Украины от России ненужным и вредным. Донцы выбрали себе в атаманы казака генерала Каледина.

21 июня. В Злочевском направлении наше наступление продолжатся успешно. 19 июня после ожесточенного боя наши войска овладели дер. Пресовце, укрепленными позициями у деревни Зборово и дер. Коршилув. Неприятель отошел за реку Малая Стрыта. В боях 19 июня на Злочевском направлении взято в плен 6.300 офиц. и солдат, 21 оруд. и 16 пулеметов. В Бржезанском направлении 53 офицера и 2.200 солдат.

22 июня. Вчера в Храме Спасителя произошли выборы Московского Митрополита. Избран Тихон, архиепископ Виленский. Много голосов получил и «мирянин» А. Д. Самарин, бывший не так давно предводителем московского дворянства и Обер-Прокурором Синода (он 303 а Тихон 481).

Вчера был на предвыборном собрании партии народной свободы Очень понравился один оратор А. П. Давыдов. Вот краснобай-то! Социал-демократов разнес так, что те языки прикусили, а ведь они теперь в Москве и городах — сила, довлеющая над всеми остальными партиями!

Что-то насчет наступления печатают уже не крупными буквами Опять не осадил ли нас Гинденбург? Да оно и не мудрено: наряду с известиями, что за бои 18–19 июня взято в плен 300 офицеров, 18.000 солдат, 29 орудий и 33 пулемета и что на Кавказском фронте взят с боя Пенджвин — сообщают, что на Черном море один наш миноносец «подорвался» на вражеской мине и что 703-й полк отказался идти в наступление, и кажется, что таких случаев теперь не один, они-то, вероятно, и парализуют наше наступательное движение. Вообще, плохо, плохо и плохо!

23 июня. От сына стал письма получать все реже, и что-то делается жутко: по письму от 12 июня видно, что со Стохода их передвинули в Буковину, потом в Галицию и что в их дивизии

«некоторые неурядицы», и он хочет даже записаться в «батальон смерти». Оборони его, Господи, во всех его начинаниях, путях и поступках! Видно, там, на фронте, настроение солдат не улучшается в сторону «друг за друга, Бог за всех». О наступлении и сегодня маленьким шрифтом, и даже можно догадаться, что кое-где нас опять осадили.

18 июня в Китае опять совершился государственный переворот: возвели на Императорский престол малолетнего Пу-И, низложенного в 1912 г. Такое событие имеет и для России известное «воспитательное» значение. Партийные распри создали там анархию, а потом реакция и жажда государственного порядка. Как бы и наши «товарищи рев. гусары» и дезертиры не дождались своего «малолетнего царя».

24 июня. Вчера был на митинге с участием Ф. И. Родичева. Впервые слышал знаменитого депутата всех четырех дум и старого «крамольного» общественного деятеля. Может быть, это было его не вдохновенное выступление, но чувствовалось, что он действительно может жечь своим глаголом сердца людей. Конечно, уговаривал воевать до победы и подавать голоса за кадетов.

С фронта идут вести о продолжении нашего наступления, а с тыла — о вспышках исступления социалистов-большевиков. В Петрограде пулеметный полк постановил не отправляться в действующую армию; а если, мол, нас будут к этому принуждать репрессиями или угрозой раскассирования, то мы не остановимся перед арестом Совета рабочих и Временного правительства.

В Кронштадте и того хуже: там никого и ничего не признают, а бедные флотские офицеры все еще томятся в тюрьмах. Вчера Родичев с негодованием говорил, что «Цусима», то есть гибель нашего флота от японцев, лишила нас 300 офицеров, а в Гельсингфорсе, в первые дни «революции» наши матросы убили 150 офицеров. «Какой же, — говорит, — большей победы желать Вильгельму?» Да, он прав, говоря, что такой раздор на руку немцам, и весьма возможно его предположение, что «Большевизм» делает свое темное и страшное дело на немецкие деньги.

26 июня. Вчера совершал «гражданский» долг: подавал свою записку по выборам в городскую думу. Поддержал «бедных» кадетов. Победа будет за списком № 3, по которому идут социал-революционеры. В течение прошлой недели Москва облепилась и засыпалась с аэропланов и автомобилей рекламами семи политических партий, и было у нас, как в настоящей Европе. Бабы

и те шумели, и в воздух уже не чепчики бросали, а любезные им списки: буржуйки — № 1, кадетский, а кухарки — те самый ядовитый, № 5, большевистский. Митинги и митинги без конца. Много было ругани, драк и праздности.

27 июня. В районе Станиславова на фронте Ямницы-Загвоздье армии генерала Корнилова прорвали передовую главную позицию и овладели рядом местностей. Взято в плен 131 офицер, 7.000 солдат, 48 орудий, из них — 12 тяжелых, и много пулеметов, но на Кавказском фронте под давлением турок наши войска оставили Пенджвин, Ханы-Кин и Касри-Ширин.

На фронте страшно, скверно, подло и отчаянно храбро. Многие, должно быть, части не только не идут в наступление, но и останавливают других. Наносят оскорбления Керенскому, генералам и офицерам. Последние от отчаяния стреляются, сходят с ума. И не разберешь, кто там агитирует: русский ли большевик или немецкий шпион.

В Москве (да в одной ли?) скандал с солдатами от 40 до 43 лет, освобожденными на полевые работы и вызванными снова в свои части. Не хотят идти, собирают митинги, требуют, чтобы вперед ушли все те, которым нет сорока лет, не исключая и тех, которые околачиваются в зем- и ревгусарах. По-своему правы, но ведь неповиновение военным властям в такое время, когда с фронта повезли в разные места десятки тысяч раненых и когда там ежечасно гибнет, может быть, не одна тысяча их сыновей или братьев, — это тоже вопиющее безобразие. А тут еще вздумали поддерживать их солдаты, находящиеся в лазаретах и госпиталях. Выползли из своих убежищ на Красную площадь или на Скобелевскую, толпою в 5–6 тыс. человек, и грозно кричат: «Здоровые на войну!» Положение очень острое, командный состав в панике. Каково-то теперь Керенскому, нашему народному герою, подобию Наполеона, или Жанны Д'Арк. Недаром он летает по фронту то на автомобиле, то на аэроплане, то бегом. Летает под артиллерийскими выстрелами вблизи от военных действий. Выкрикивает зажигательные речи, переругивается с возмутителями солдатской души, грозит, топает ногами, целуется с героями, перевязывает сам их раны. Смерть тут где нибудь на волоске от него, но он не только не боится ее, но, может быть, жаждет ее. И если это так, то значит, сам вождь революции отчаялся в разуме «освобожденного раба — русского недотепы». Может быть ему стыдно стало пред собой за веру в русского человека, и он, ждавший от него сердца и души, видит теперь, что наш народ злосердечен и темен до дикости.

Боже! просвети нас грешных и вразуми!

28 июня. Корнилов продолжает идти вперед, делает прорывы берет пленных, отбивает орудия. Вчера ночью Временное правительство получило известие о взятии Галича (надолго ли?).

Вот итоги выборов в Московскую Думу. Голосовало всего 646.551 чел. Из них соц-революционеры (№ 3) получили 57,98 %, кадеты (№ 1) — 16,85, соц-меньшевики (№ 4) — 11,82, соц-большевики (№ 5) — 11,66, плехановцы (№ 6) — 0,22 и октябристы (№ 7) — 0,22. Значит, в Думу войдет от № 3 — 116 гласных, от № 1 — 34, от № 4 — 24, от № 5 — 23 и от № 2 (народные социалисты и трудовая группа) — 1,25 — 3 человека. Всего — 200 гласных. Кадеты потеряли много мест от своей лености и от любви к уюту, к природе, к винту, к ботвинье: 24 и 25 были праздники, значит, засели на своих дачах и благодушествовали, а эс-эры на дачи не ездят и вообще не дремлют — добиваются «земли и воли».

30 июня. С боя взят в Галиции город Калуш.

Финляндия ведет такую враждебную к России политику, что ждут на днях ее совершенного отделения от России. Поехали в Гельсингфорс виднейшие русские социалисты уговаривать финляндцев не делать русской революции «удар в спину».

1 июля. В Петрограде новая дума избрала в городские головы социал-революционера Г. И. Шрейдера — журналиста.

В Пятой армии царит весьма серьезная и угрожающая дезорганизация. В место ее расположения экстренно выехал министр труда Скобелев. Одни наступают, как истинные солдаты, другие — сначала устроивши голосование, наступать или не наступать, а третьи и сами не идут, и других не пускают. В момент налета Керенского, под натиском его пламенных речей, в солдатах зажигается на время подобие патриотического чувства, а как только он умчался в другое место, солдат кричит «долой войну!». Положение военачальников прямо ужасное. Это не армия, а «золотая рота». Гвардейские полки Гренадерский и Павловский расформированы. Там где-то «в гвардии» тяжко избили члена президиума Петроградского совета р. и с.д. Н. Д. Соколова, приехавшего уговаривать гвардейцев воевать и не «семяедствовать».

† От сына изредка получаю письма, свидетельствующие, что и он находится «под красными знаменами» в полку 18 июня. Пишет, что погиб его товарищ по полку прапорщик Томский, хороший человек и талантливый актер. Мир его праху, а имени вечная память! В письме от 20 июня пишет о каком-то неудачном

наступлении, но приписывает это демонстративной необходимости. Рядом, говорит, справа, — громадный успех, сам он пока жив, но получил маленькую «контузию». В письме же от 24 июня сообщает, что «участвовал в бою в юго-западном направлении от Бржезан». Трудно мальчугану, и мне нелегко, но да будет на все воля Божия!

Сегодня официально часовая стрелка по заграничному примеру видах экономии топлива, нужного на электрическое освещение, по всей России переведена на час вперед, то есть я встал сегодня по солнцу до в 7,5 часов утра, как всегда, а в 6,5 час. утра, и лягу, Бог даст, не в 11 час. ночи, а в 10 час. вечера. И так во всем: в расписаниях поездов, в торговле, в часах занятий.

4 июля. В Германии тоже, должно быть, чем-то запахло антидержавным. Ушел канцлер Бетман-Гольвег, и заменен Михаэлисом, про которого пишут, что это восьмидесятилетний старец, очень распорядительный, но либеральный. Про Россию с каждым днем приходится записывать все больше и больше неприятного: начались сенокосы, начались и дожди, уборка опять будет неудачная. На действующих фронтах подсчитали за время с 18 по 30 июня пленных 834 офицера и 36.000 солдат, а добыча — 121 орудие и до 500 разных пулеметов, минометов, бомбометов и огнеметов. Но вместе с тем подчеркивают необыкновенный урон офицеров: их выбыло в боях из-под «Знамен 18 июня» 80 %.

† Какое тяжелое несчастье! Вот истинные мученики революции. Да будет им райская жизнь и вечная память! Погиб английский броненосец «Вангвард» в 19.000 тонн, постройки 1910 года, погиб «вследствие внутреннего взрыва». Из экипажа спаслось только двое. Вообще, немцу еще много радостей доставляется нашей судьбой-злодейкой.

Вот что в Петрограде заварилось со вчерашнего вечера: министры между собой перессорились на почве различного отношения к свободолюбивой и возгордившейся Украине, которая, как Польша и Финляндия, хочет быть совершенно независимым от России государством, и результате министры-кадеты Шингарев, Мануйлов, Кн. Шаховской и А. Степанов (и.о. министра торговли) подали в отставку, чем воспользовались большевики и, подстрекнувши фабричных и солдат, покатили по Петрограду в автомобилях, вооруженных пулеметами, и знать ничего не знают: всех и все долой, долой и долой! Хотели было арестовать всех министров, не исключая и Керенского, но тот умчался на западный фронт. Первый пулеметный полк, Московский, Павловский и Третий стрелковый запасной — совсем предались на сторону анархистов и начали стрелять и крушить

все противоречащее лозунгам: «Протест против расформирования полков», «Арест Керенского». Преображенцы и казаки на стороне правительства, значит, предстоит кровавая междуусобица. Чхеидзе и Церетели «взбунтовавшиеся рабы» совсем не слушают: им свистят и так же грозят, как «буржуям», в зачинщиках чаще всего упоминают Троцкого. Ночью начались разгромы магазинов Гостиного Двора. Что будет сегодня — Бог знает, но несомненно, что разнуздавшиеся «товарищи» теперь уже метят не в спину в самое сердце несчастной России. Почему-то остановили поезда финляндской дороги, для того, что ли, чтобы «буржуи» не разбежались но ведь и там теперь русским несладко. Финляндцы, кажется, требуют чтобы мы оттуда совсем убрались вместе с тем войском, которое находится там в защиту подхода немцев к Петрограду. Ну как тут немцам не радоваться, как ждать, чтобы они «протянули нам руку»?!

5 июля. Официально сообщают, что «по тактическим соображениям оставлен г. Калуш».

Зато «победоносно» воюем в Петрограде. Прибыл Кронштадтский «десант» на трех пароходах и трех баржах, всего около 16.000 человек и торжественно встречен Лениным, Луначарским и другими «товарищами». В единении с ними петроградские бунтовщики буянят день и ночь. Избили и арестовали министра В. М. Чернова, но скоро выпустили. Врываются в клубы, в частные квартиры, стреляют куда ни попало: в толпы народа, по крышам, в магазинные окна и просто в воздух. Всего за два дня насчитывают раненых до 500 человек и с десяток убитых. Из тюрем убежало уголовных 200 человек. 176 пехотн. запасной полк в полном будто бы составе, даже с командиром полка Ставровым, оказался в числе бунтующих. Как кронштадтцы, так и петроградские солдаты демонстрируют, если верить «буржуазным» газетам, в полном боевом порядке с лозунгами «Война войне» и «Передача всей власти советам раб. и солд. депутатов». «Ясские ведомости» восклицают: «Все эти «республики» и отложения, кронштадтская, ревельская, царицынская, кирсановская, переяславская и прочие, являются деяниями, которым нет иного имени, как тяжкое, уголовно наказуемое преступление.»

В Москве тревожно, но далеко не то, что там, в Петрограде. Я вечером вчера никуда не ходил, а оба дня спокойно занимался в конторе. Значит, ничего не видал, но пишут, что вчера были попытки на Скобелевской площади и на Тверской к заворожке эксцессов, но всех демонстрантов с большевистскими лозунгами освистывали и частью колотили. Впрочем, было нападение на

купеческий клуб, но это было только смешно, потому что там шла игра в железку, и «грабители» в сущности выполнили то же самое, что проделывала ранее полиция при «накрытии» за азартной игрой. Но, впрочем, было бы смешно, если бы не было грустно: при перестрелке убиты один из нападателей и один милиционер.

Московский Совет р. и с.д. на своем вчерашнем заседании большинством 442 гол. против 242 отменил всякого рода демонстрации, митинги и манифестации. Это, может быть, и сдерживает Москву.

† По Виндавской ж.д. разгромлено имение Кн. Вяземского, и при этом зверски убито что-то до 50 человек.

Сегодня видел в газетах справочные цены: пшеничная мука за 6 р. 40 к., ржаная 5 р. 13 к. Поденная работа, котированная на бирже труда: плотники 7–9 р., чернорабочие 6–7 р., а слесаря 7 – 10 р. А у нас в конторе есть переписчица, занимающаяся 9 ч. в день, — получает только 2 р. Не разберешься в оценке труда в нынешнее время и не знаешь, сколько же ты сам должен получать в день? Начинает задевать совесть: имею ли я право жить, как «буржуй», то есть тратить по нынешним временем не менее 30 р. в день, при самых скромных потребностях, и имею ли я право «поденно» себя ценить тоже в 30 р, а с другой стороны, когда рабочий стал получать самое меньшее — в 20 раз больше, чем прежде, не оценить ли мне свой труд не в 25 р. в день, как прежде, а в 500 р.?

Вот «сеть дьявольская», в нея же впадеши и изыти из нея не можеши.

6 июля. Из Петрограда, в общем, вести успокоительные: забастовка прекратилась (бастовало 400.000 человек). Кронштадтцы частью вернулись восвояси, а частью засели в Петропавловской крепости, вместе с пулеметчиками. Прибыл, впрочем, из Гельсингфорса в полной боевой готовности минный крейсер «Орфей», но пока не дебоширит.

Зато скверно пишут из Нижнего, Ельца и Киева. В первом взбунтовались эвакуированные (из коих 42 % дезертиров) и под руководством темных сил распоряжаются городом, пока что, по своему усмотрению, а в «верные» правительству войска стреляют и всякую власть арестуют. Во втором бесчинствовавшая толпа убила ген. Семеновского и крупного фабриканта Желудкова, а в третьем, то есть в Киеве, взбунтовался самозваный Украинский полк имени гетмана Полуботка и безобразничает по известному рецепту господ большевиков.

7 июля. Возвратился в Петроград Керенский и публично

предал проклятию всех безобразников последнего времени. На него было в Полоцке покушение, к счастью, не повредившее ему нисколько и даже окутавшее Керенского еще большим дымом славы.

Вышли в отставку Некрасов и Переверзев.

Дача Дурново, дом Кшесинской и Петропавловская крепость от засевших там анархистов и темных сил очищены (слава Богу).

Большевик Козловский арестован. Добираются и до Ленина, и до Каменева. Они подозреваются в пропаганде своих анархических идей на немецкие деньги.

Петрог. Главнок. Половцов уволен за неприятие энергичных мер к Допущению контрреволюции последних дней.

Финляндия-то совсем от нас отпала. Сейм принял законопроект социал-демократов об автономии. Значит, «самоопределилась» без нашего Учредительного собрания.

8 июля. Вчера вечером, проходя Чистыми прудами на митинг с участием А. П. Давыдова, был поражен новым безобразием на обезображенном «товарищами» этом, прежде прекрасном и чистом бульваре. Вповалку на траве, везде, где им угодно, лежат кучками солдаты «штатские» и дуются в карты. Таких игорных «столов» больше, чем во всех московских клубах. Игра, говорят (и в газетах пишут!), не маленькая, и шулеров при ней сколько угодно. Не менее игроков и зрителей. Одним словом, бесплатное, народное, свободное образование юношества, которое особенно прилипло к зрелищу перехода денег из рук в руки. Не слышно уже ни песен, не видно и хороводов. Да и вообще что-то не поется уже никому. Бывало, как славно и гордо смотреть на солдатиков, идущих стройно под такт песни. Лежало сердце к ним в тот момент, и жалость являлась и надежда на них, а теперь они прямо опротивели своею разнузданностью. Нет у нас «избранного воинства» и не с честью оно уходит в область преданий, а с позором. Вот сегодня напечатано о каких бедствиях на фронте, так постыдных для русского оружия. «607-й Млыновский полк самовольно оставил окопы и отошел назад, следствием чего явился отход и соседей, что дало возможность противнику развить свой успех.» И теперь у Бржезан и Галича нас гонят. «В районе Езерни, в направлении на Тарнополь противники прорвали наш фронт.» Бедный мой Леля — в какую скверную историю попадает он! Спаси его, Господи, за его простодушие и мою беспомощность!

Вместо Гутора Главнок. Юго-Западным фронтом назначен Корнилов, замененный ген. Черемисовым.

Временное правительство приказало арестовать Ленина,

Зиновьева, Троцкого и Каменева. Надо бы заодно словить Коллонтай, Стеклова, Рязанова, Козловского, Луначарского, Рошаль, Раковского и самого Максима Горького. Бурцев выступил публично с обвинением всей этой дюжине в работе «над разрушением России».

Отставка Половцова отменена. В Нижнем бунт ликвидирован. Временное правительство постановило расформировать воинские части, участвовавшие в мятеже 3–5 июля. И пошли на этой почве опять вооруженные сопротивления.

Английский Королевский Дом принял английскую фамилию Виндзор.

Вчера состоялось первое заседание новой Московской Городской Думы. Председателем Думы избран старый революционер-евреи О. С. Минор.

Происходит дальнейший крах кадетской партии у правительственного руля: Кн. Львов ушел, и премьерство взял на себя неутомимый неустрашимый Керенский, сохраняя пост Военного и Морского министров и прихватив, на время, портфель Министра торговли и промышленности. Министром внутренних дел и почты — И. Г. Церетели, министром юстиции — Некрасов. Министры, ввиду финансовых затруднений казны, порешили жалованье свое сократить до половинного размера, но ведь «шилом моря не нагреешь».

10 июля. По сообщению из Ставки от 9-го числа, наши войска, проявляя полное неповиновение начальникам, продолжали отступать за р. Серет, частью сдаваясь в плен. Сопротивление противнику оказала только 155 пехотная дивизия и броневые автомобили.

11 июля. Министром юстиции объявлен И. Н. Ефремов, а министром призрения — А. А. Барышников. Но что же социалисты не идут в министры?

Капитан 1-го ранга Развозов назначен командиром Балтийского флота.

Начавшееся наступление на Вильно, по-видимому, тоже сорвано нашими трусами и мародерами. Станиславов и Галич эвакуируются. Бежит позорно 11-я армия. Чтобы останавливать бегущих, уже отдан приказ стрелять по ним. Лебедев (Упр. Морск. Минист.) и М. И. Скобелев на фронте с громадными полномочиями, как высшие правительственные комиссары.

Противно и страшно читать известия с фронтов.

Керенский издал приказ: «Восстановить дисциплину, проявляя революционную власть в полной мере, не

останавливаясь при спасении армии пред применением вооруженной силы.» Вот ведь до чего дошло, до чего довели взбунтовавшиеся рабы — до восстановления смертной казни!

И Совет рабочих, солдатских и крест, депутатов взывает: «Кто ослушается приказов Временного правительства в бою, тот — изменник, а прощения изменникам и трусам не будет.» Но почему только в *бою?*

Советом принято 252 голоса при 47 воздержавшихся уже такая грозная и серьезная резолюция:

«1. Страна и революция в опасности.

2. Временное правительство объявляется правительством спасения революции.

3. За ним признаются неограниченные полномочия.»

Все революция, да революция, а где же Христианское Великое государство — Русь-матушка?

12 июля. Еще до назначения Развозова надо бы было записать, «Команд. Балтийским флотом Вердеревский арестован правительством.» Должно быть, за безвластие 3–5 июля.

Вчера Московская Дума избрала в головы В. В. Руднева, доктора и конечно, социал-революционера.

Но Корнилов телеграфировал Керенскому и Брусилову приблизительно так: На полях, которые нельзя даже назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам… Требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах, в целях сохранения и спасения армии при ее реорганизации на началах строгой дисциплины… Введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий… Смерть не только от вражеской пули, но и от руки своих же братьев непрестанно витает над армией… Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов… Если правительство не утвердит предлагаемых мною мер, то я, генерал Корнилов самовольно слагаю с себя полномочия Главнокомандующего.

13 июля. Половцов все-таки отставлен и командующим Петроградскими войсками назначен ген. Эрдем.

С войны все еще только печально-безотрадные известия: оборонявший Тарнополь 1-й гвардейский корпус (без Петровской бригады) самовольно, без давления со стороны противника, бросил позиции и отошел в восточном направлении. Действовавшие в районе к северо-западу от Романовки 113, 153 и 74, бросив позиции, также самовольно ушли в тыл. Не тут ли и сынок мой, который в письме от первого июля писал мне, что за

18 июня он представлен к какому-то боевому ордену. О горе, горе!.. Боже, буди милостив к нам, грешным!

Св. Синод обратился к населению России с воззванием, в котором, между прочим, говорится: «Наш непременный, наш неотложный и повелительный долг — покаяться в этом страшном нашем грехе, дабы не судил Господь нам пить чашу испытаний наших до конца — сделаться среди других народов ужасом, посмеянием, пустыней и проклятьем.»

Государственному банку предоставлено выпустить кредиток еще на 2 млрд. рублей. Вот почему курица стоит теперь уже 6 руб.

В Петрограде организовано новое политическое общество: «Союз свободы и порядка». Инициаторы — Н. А. Морозов, Г. А. Алексинский и др. Мне по душе такое общество, и я желаю ему успеха.

По последним официальным данным виды на урожай: в 20 губерниях и областях удовлетворительные, в 18 — частью удовлетворительные, частью неудовлетворительные, и в 6 — неудовлетворительные.

14 июля. Сегодня с утра сам не свой. В сообщении из Ставки, где только самые скверные и неутешительные новости, для меня лично самое ужасное такие строки: «Некоторые части продолжают самовольно оставлять свои позиции, не выполняя возложенных на них боевых задач, но наряду с такими частями есть беззаветно выполняющие свои долг пред родиной и с ничтожным числом бойцов в своих рядах оказывающие противнику стойкое сопротивление, † За последнее время особенно отличился 416 пехотный полк, потерявший в жестоких боях почти всех своих старших начальников, включая своего командира полка.» Как раз в этом полку и мой сын, которому я хотел посвятить эту летопись, в надежде, что он и дети его через десятки лет прочтут мое немудрое сказание о войне и революции, но, видимо, Бог судил иначе. Как бы в этом сказании и даже вот на этом самом несчастливом листке не пришлось записать, если хватит мужества и сил, и о гибели моего героя-сына, и тогда читай эту горькую повесть один ты, бедный отец, и она будет для тебя самой ужасной, самой страшной за всю твою жизнь.

Но будь, что сделалось и что будет. На все Господня воля!

На соединенном заседании Совета рабочих, солдат и крестьян Керенский сказал: «От имени правительства торжественно обещаю, что все попытки восстановить монархию будут подавлены беспощадным образом». На этом же заседании постановлено заявить, что вожаки большевиков Ленин и Зиновьев подлежат суду, но скрываются.

15 июля. Страшные и гнусные российские события так заняли мое внимание, что я в свое время не отметил, что в Китае опять восстановлена республика, а Греция уже в открытой войне с нашими врагами. Это, стало быть, 15-я держава в войне (если не ошибаюсь). В Румынии идет наступление русско-румынских войск, и пока удачно.

По распоряжению Временного правительства временно, по 2-е августа, закрыта наша государственная граница как для въезда в Россию, так и для выезда из нее. Надо же оборониться от наводнения немецких шпионов и от разбега большевиков-провокаторов. Но Ленин, кажется, уже успел улизнуть за границу. Нигде его не найдут.

† Вчера состоялись трогательные похороны юнкеров Московского Алексеевского училища Фомина, Страдзина и Новика, убитых и растерзанных безумными нижегородскими бунтовщиками. Хоронили на Братском кладбище и плакали все, видя неутешный плач шестилетней девочки, дочери Новика, оставшейся круглой сиротой. Помоги ей, Господи, на этом горе вырасти благополучно и сделаться счастливой гражданкой, а погибшим юнкерам вечная память и Царство Небесное!

В фельетоне «Русск. ведом.» помещено солдатское письмо, в котором слово «буржуазия» изображено так: «Буржу-Азия». Именно у нас все еще «Азия», если не буржуа, то социалисты в большинстве непременно азиаты. Вот ведь бедных юнкеров-кто убил, как не социалисты, и так зверски, как это может быть только в Азии!

17 июля. «По стратегическим соображениям» очищен нашими войсками Икскюль, то есть наши войска перешли на правый берег Двины и, кажется, оставил службу Радко-Дмитриев, столько времени оборонявший Ригу. Вероятно, на этом фронте тоже начинаются события, которые еще больше расстроят нас.

† В Петрограде с честью и славою, с православною торжественностью похоронены 7 казаков, погибших во время петроградских беспорядков 3 и 4 июля. Вечная им память и такое же сожаление, как нашим юнкерам, похороненным третьего дня в Москве.

В Москве, близ Симонова монастыря сгорело на складах Восточного общества на 3 млн. хлопка и на 2 млн. табаку. До войны (а может быть и до революции даже) не дали бы сгореть всей такой массе товара, да и она стоила бы не таких громадных денег. Какое невезение!

18 июля. Вот последний день войны, продолжающейся ровно года, и 142-й день революции, день московского обывателя: встал в 7,5 часов, выпил кофе и съел 4 яйца с подозрительным привкусом (ценою 11 к. шт. и стойка прислуги в хвосте за полсотней 2–3 часа) Купил газету (10 к.), вести не лучше, не хуже вчерашних, купил газету сам, потому что все домашние пошли в хвосты за более существенным: кто за молоком, кто за хлебом. Осмотрел свою жалкую обувь, надобно сменить подошвы, да сказали, что дешевле 12 р. сапожник не берет. Новые ботинки можно купить рублей за 70, а если встать в хвост у «Скорохода», то надо посвятить на это 3 дня (дают отпуски на кормежку и за «нуждой», т. е. так сговариваются сами хвостецы, чередуясь между собой). Пошел в контору. На трамвай, конечно, не попал, но мог бы доехать на буфере, если бы там уже не сидело, вернее, не цеплялось человек 20. По тротуарам идти сплошь не приходится. Он занят хвостами: молочными, булочными, табачными, чайными, ситцевыми и обувными. Зашел в парикмахерскую. Делаю это вместо двух раз в неделю только один: за побритье с начаем заплатил 1 р. 10 к. Парикмахерская плохенькая — в хорошей пришлось бы израсходовать все 2 р. Пришел в контору; сотрудники угрюмые, неласковые, «чужие» какие-то (я — «буржуй», а они — № 3). Пред чаепитием заявили, что за фунт чая надо теперь платить 5 р. 20 к., и то только по знакомству, в оптовом складе Высотского. Велел купить сразу 5 фунтов, а то, вероятно, будет еще дороже. Подают счет за купленные угли — 11 р. 50 к. за куль (дрова уже достигли 100 р. за сажень, а кто говорит, что платит и 120). Сидел в конторе с 9 час. утра до 6 вечера безвыходно и, конечно, ничего не ел, что вошло уже в обыденку, и в привычку. А бывало, прерывал занятия от одного до трех на ресторанный завтрак. Как-то на днях нужно было пойти в ресторан, по делам, так мы втроем заплатили 93 р. и были не в Метрополе или в Эрмитаже, а у Мартьяныча. Съели там по куску белуги, по полтарелки супа с курицей, выпили по стакану кофе (бурда какая-то), еще одну бутылку портвейна и полбутылки коньяку. Марка «славной памяти Ивана Федоровича Горбунова (см. его рассказ о пробе вина с этикетками, «утвержденными правительством»). Я об вине упомянул для того, чтобы засвидетельствовать, что и с пришествием революции, и с устранением полиции пить еще на Руси можно, и взятки кто-то берет по-прежнему, только все это день ото дня дорожает. (За полб/утылки/ коньяку, кажется, посчитали 43 р.) Спирт через ловких людей можно достать рублей 40 за бут. В конторе» между прочим, подписывал документы, из которых видно, что перевозка в Москве на лошадях с пристани на вокзалы обходится теперь от

30 до 60 коп. за пуд (когда-то за то же самое цена была 2–5 к. Провоз по Волге от Нижнего до Астрахани больше одного р. за пуд, от Ярославля до Нижнего около 50 коп., от Москвы до Нижнего водным путем не менее 60 коп. Все эти цены вдесятеро выше довоенных.

Работают в конторах, на пристанях, на вокзалах, в амбарах (по транчасти) лениво, небрежно и часто недобросовестно. Цены на подымаются, а нравы падают. Дисциплины никакой нет. Маломальски ответственное дело (как у меня, например), а дрожишь беспрестанно. Все идет не так, как нужно, нервирует тебя целый день всякое зрение всякий разговор, каждая бумажка, а в особенности, заглядывания в неясности любого завтрашнего дня. И погода тоже под стать делам жизненному укладу: целый месяц то и дело дождь. В церквях унылая малолюдность, и вообще все Божье как будто тоже уже устранено. Об Нем что-то ни проповедей, ни разговоров. В последнее время утешаемся тем, что по историческим воспоминаниям такие же безобразия жизни были и во Франции в 1847–1849 гг.

К вечеру вычитал, что Керенский опять слетал на фронт и, между прочим, заехал в Ставку, где состоялось опять совещание с участием Брусилова, Деникина, Клембовского (главнок. Сев. фронтом), Рузского, Алексеева, Величко, Савинкова и др. высших чинов военного дела. Сколько в этой пресловутой «ставке» было уж разных сверхважных совещаний, и кажется, что ни одно из них не дало еще для изнемогающей России желаемого лекарства. Больна она сама, матушка, больны и знахари, лечащие ее. И теперь ничего не выйдет из нового совещания. Нужно перемирие, нужен конгресс. Будет уж, ведь целых три года воюем. Кто-кто не устал от войны, кто не пострадал от нее? Я не верю, чтобы во всем мире нашелся такой человек, который искренне, душою желал бы ее бесконечности. Пускай она для кого-то материально выгодна, но этот же материалист про себя хоть, но тоже вздохнет и скажет, махнув рукою: «Да ну ее к черту, эту самую войну!»

По дороге из конторы на квартиру завистливо заглядывал в окна гастрономических магазинов и читал ярлычки цен: балык — 6 – 8 р. ф., икра 8 – 10 р. ф., колбаса 3 р. 50 к.–4 р. 80 к. фунт, ягоды 80 к.-1 р. ф., шоколадная плитка 2 р. 50 к. и т. д. в этом же роде. Настроенный такими хозяйственными соображениями, придя домой и усевшись за обеденный стол, узнавал, что стоит то, другое. Фунт черного хлеба 12 к., булка из какой-то серой муки 17 к., курица 5 р. 50 к. (старая, жесткая и даже не курица, а петух), стакан молока (может быть, разбавленного водой) — 20 к., огурец 5 к. штука, и это все приобреталось не где-нибудь поблизости от квартиры, а в Охотном ряду, так сказать, из первых

рук, то есть с соблюдением всевозможных выгод.

После обеда пошли с горя, что ли, в электрический театр. Конечно, он набит битком, и надо было заплатить за вход по 1 р. 50 к. с человека, бывало, за эту же цену сидели в Малом театре, смотрели Ермолову, Садовского, Лешковскую.

Вот какая жизнь в Москве среднего буржуа на рубеже четвертого года войны и сто сорок пятого дня революции!

После театра чай, и на сон грядущий грешная молитва о благах для себя, для детей, для близких и родных, об упокоении усопших и мире всего мира!

19 июля. И этот день, первый день четвертого года войны, начну с той же главной мольбы: подаждь Господи всему миру мира, прекрати брань, сохрани жизнь сына моего, всех воюющих, а усопших и погибших на поле брани упокой и сотвори им вечную память. Нас грешных, не воюющих, но междуусобствующих, вразуми, укроти, спаси и помилуй!

Уж не загадываю, не рассуждаю и не предсказываю, кончится ли война в начавшемся четвертом году. Знаю только, что чем дальше, тем для всех будет хуже. Закончится ли когда это описание? Быть может сам автор исчезнет с белого света ранее того времени, когда кончится война. На все воля Создателя, и да смилостивится Он над всеми нами!

Погода улучшается, с утра солнце и 27° тепла.

Ставка сообщает, что Гинденбург якобы обещал Вильгельму через 2 месяца вывести Россию из строя.

«Заем свободы» к 17 июля достиг суммы 3 млрд. и 13 млн.

Начальник милиции в Москве А. М. Никитин теперь товарищ министра труда и от должности нач. московск. милиции отказался.

Опять собралось человек 60 членов Государственной Думы и уже заговорили в открытую (М. Горький напишет в «Новой Жизни», что собрались, мол, «черносотенцы, контрреволюционеры справа»). Может быть, речи, произнесенные на этот раз Масленниковым, Пуришкевичем, Милюковым и др., отвечают думам многого множества русских граждан, боящихся вслух сказать то, что им думается. Так, например, А. И. Масленников сказал, что мы дошли до позорного унижения по вине фантазеров, сумасшедших людей, которые воображают себя творцами политики мира. К революции примазалась кучка сумасшедших, фанатиков, проходимцев и предателей, назвавших себя Исполнительным комитетом Совета Рабочих и крестьянских депутатов. Масленников и Пуришкевич как раз выразили в своих речах то, что я на днях сам изрек про себя, то есть, «революция,

революция, а об России ни полслова», как у Дениса Давыдова: «Жомини да Жомини! А об водке — ни полслова!»

В конце концов Исполнительный комитет Государственной Думы (давно, якобы, «упраздненный» Советами Сэ и Сэ) принял единогласно резолюцию, в которой выражено прямолинейно, что: «Причина бедствия кроется в захвате безответственными партийными организациями прав государственной власти и в создании ими двоевластия в центре и безвластия на местах.»

20 июля. Сенсационные перемены в высшем командном составе, верховным назначен Корнилов, к нему комиссаром от правительства подпоручик Филоненко. Вместо Радко-Дмитриева — Парский, вместо Корнилова ген. Черемисов. Вчера провожал на фронт своего племянника и крестника Сергея Ивановича, прапорщика 192 полка. Отправили вместе с эшелоном войск в Сморгонь. Час им добрый и дай Бог вернуться в Москву скоро и честно, невредимыми и здоровыми. Отправлялся поезд с военной платформы Александровского вокзала, что у самого Ваганьковского кладбища и пришлось это громадное расстояние пройти домой (В районе Сретенки) пешком, так как трамваи работают теперь только до 9 ч. вечера (ради экономии топлива), а извозчики просили от 17 до 6 р. (последняя маленькая цена от Страстного монастыря до Сретенки). Дело было ночью, почти в 12 ч., и вот на Трубной площади попал в облаву, которую делали на дезертиров. Насилу выпутался, так как не имел при себе паспорта, и только мой «полупочтенный вид» и сильная проседь убедили «ловцов», что я уже вышел из призывного возраста. Пришел домой в 1 ч. ночи, выйдя с платформы в 11 ч. вечера.

22 июля. Известия с войны самые плачевные: везде отступаем, и даже в Румынии дело пошло скверно. Немцы прут в Бессарабию, грозят Одессе, берут деревни, села, местечки, города, в таком численном количестве, что, читая сообщения из Ставки, как бы видишь, что из этих несчастных селений и градов образовался «хвост», и немец или австрияк орудует как бойкий филипповский сиделец, спеша забрать одних, чтобы не задержать других.

Командиром Черноморского флота назначен капитан 1-го ранга Немиц (не немец ли?).

В правительстве сумятица. Пробовали привлечь кадетов Н. И. Астрова, В. Д. Набокова и П. П. Новгородцева, но они брались за портфели при условии неподчинения Советам р. и с. д. И вот сам Керенский подал в отставку и куда-то исчез. За ним понесли свои отставки все другие министры, а В. М. Чернов сделал это даже и по другой причине: на него нападают как на политического деятеля типа Ленина. Хочет себя реабилитировать.

Но старое министерство успело издать манифест о роспуске Финляндского Сейма и о новом созыве первого ноября. Этот акт есть непризнание за финляндцами права устанавливать свою автономию самочинно.

Арестованы А. Н. Хвостов и ген. Гурко. Первый будто бы проворовался, а второй явно агитировал за возвращение старого строя.

23 июля. Приехал в Москву Брусилов и сказал представителям печати, что его отставка совершенно для него была неожиданна и оскорбительна. Видно, не одни цари капризничают, и за Керенским кое-что водится.

Ограблен сам Сенат, как квартира какого-нибудь буржуя. Украдены драгоценные вещи и некоторые реликвии.

Враг подошел к Каменец-Подольску.

В Петрограде заседания во всех дворцах. Милюков, Чхеидзе, Церетели, Родзянко, Винавер, Некрасов, Савинков говорят, говорят, говорят и ни до чего пока не договорились, кроме: призовем Керенского и дадим ему полномочия.

24 июля. Керенский вернулся. Милюков говорит Советам: возьмите всю власть себе, а Чхеидзе говорит, пускай будут министрами кадеты, но под контролем Советов.

Троцкий и Луначарский тоже арестовываются.

25 июля. Наконец составился кабинет, на этот раз очень обширный и разноцветный. Но, может быть, опять придется сказать: «Друзья, как вы ни садитесь, а в музыканты не годитесь». Министр-премьер и военно-морской А. Ф. Керенский, министр внутр. дел Н. Д. Авксентьев, государственного призрения И. Н. Ефремов, гос. контролер Ф. Ф. Кокошкин, мин. путей сообщ. П. П. Юренев, мин. вероисповед. (Об. Прок. Св. Синода) А. В. Карташев, нар. просв, академик Ольденбург, мин. юст. А. С. Зарудный, мин. землед. В. М. Чернов (оправдался пока), мин. труда М. И. Скобелев, мин. прод. А. В. Пешехонов, мин. почт А. М. Никитин мин. иностр. дел М. И. Терещенко, торговли и пром. С. Н. Прокопович, финанс. Н. В. Некрасов, кроме того, управляющие министерствами: военным — Б. В. Савинков, морским — В. И. Лебедев, финансов М. В. Вернадский. Значит, Церетели, Годнев и В. Н. Львов остались не у дел.

Заняты австрийцами Черновицы. Мрачные известия о неурожае в житницах России, о пожарах. В Иванове-Вознесенске был грандиозный пожар на жел. дороге, сгорело хлеба и хлопка на несколько мил. Гибнет родина, гибнет изнутри и извне.

Смилуйся над ней, Господи! Ты еси, творяй чудеса!

27 июля. В газетах стали пописывать, что Ленин уже в Швейцарии и так скоро попал туда только через Германию. Подсчитано уже, что на городских выборах по всей России соцрев. и меньшевики получили около 70 %. Опубликовано постановление Временного правительства о выборах в Учредительное собрание. Выборы, конечно, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного принципа, но с применением начала пропорционального представительства, причем любопытно: наравне с безумными, глухонемыми и преступниками лишены избирательного права все члены царствовавшего в России Дома. Бедняжки!

И на войне, и во всех «тылах» продолжается у нас одно нехорошее. Царствию кровопролитного и разорительного безобразия несть конца.

2 августа. Вчера, рано утром, куда-то перевезли (не то в Кострому, не то в Тобольск) из Царского Села нашего отставного Царя с семьей, свитой и прислугой. Пускай он был злодеем для государства, но мне его теперь страшно жалко, да и много найдется людей, жалеющих его «по-человечески». Ну что возят туда и сюда? Отпустили бы за границу. Живут же там разные экскороли, и чем те лучше его?

† На Николаевской ж.д. около Вишеры было столкновение товарного поезда с пассажирским. Убито человек 40 да ранено около 70. это очень прискорбно и все это показывает разруху русской жизни во всех ее проявлениях. Будет, конечно, еще хуже, если Господь не смилостивится над нами окаянными…

После долгих тягостных дней безвестия от сына и об сыне, после напрасного ожидания ответов на телеграммы командующему полка, в Главный штаб и на имя председателя Думы Родзянко (которую послал своего имени член Государственной Думы И. П. Демидов, милейший человек и энергичный кадет, с которым я познакомился случайно и, вероятно, мимолетно) получил сегодня как-то внезапно письмо от самого моего героя. (Послано с позиций 19 июля вечером. Молю Бога, чтобы с того времени боев и опасностей для героев 416-го полка уже не было; будет с них!). Он пишет, что ихняя 104-я дивизия отступала с честью. С восьмого по пятнадцатое июля было два боя, причем в бою под деревней Выбрановкой 416 полк пошел в атаку в составе 1.300 штыков и 70 офицеров, а вернулось только 190 штыков и 13 офицеров, в числе которых и Леля. Шли после 40-верстного перехода 2 версты под пулеметным

расстрелом, без поддержки нашей артиллерии. Полк, говорит, шел как и на парад не ходил, то есть уж очень стройно. Это на гибель-то! Сбитый таким мужеством противник отбежал в оказавшиеся там окопы с проволочным заграждением и уже сделался для штыка недосягаемым. Наши должны были сами отступить (за дер. Яновку, за рекой Серет), где держались до 12 июля вечера, после чего Лелиной команде приказано было взорвать мост, что она и выполнила. Потом приказано отступить на реку Сбруг и Гнилу, где укрепиться и ни шагу назад. Ну и попал же мой мальчик в дела! «Сколько, — говорит, — было смертей у меня на глазах, сколько боевых товарищей погибло, что я уже перестал верить счастью моей звезды. Не может того быть, что я кому-нибудь так нужен, что судьба сбережет меня, нет, тут не вывернуться! Но зато можешь гордиться: наши имена по приказу Брусилова записаны и останутся для потомства как имена спасителей России — это за бои с 7 по 12 включительно.»

† Итак, вечная память офицерам и солдатам славного 416 пехотного Верхне-Днепровского полка, погибшим в те исторические бои, когда русское воинство, развращенное приказом № 1, осрамило себя на вечные времена, и доброе здоровье их верным соратникам, чудесно избавленным Божьей милостию от такой же участи, не дрогнувшим и в этом ужасе и продолжающим выполнять свой долг пред родиной до сего, быть может, времени. Дай Бог вернуться им на родину честными и невредимыми!

4 августа. † Неприятельской миной взорван в шхерах Балтийского моря миноносец «Лейтенант Бураков». Погибло 23 человека.

Был вчера на открытии Второго Всероссийского торгово-промышленного съезда в качестве делегата от о-ва для содействия торговому родству. Конечно, только сидел и слушал. Впрочем, побаивался, как бы нас всех «товарищи» не арестовали и не побили: уж очень речи и настроения были антиреволюционные. Вопияли о погибающей родине, называли Советы «шайкой политических шарлатанов», министров «расточителями, которых надо взять под опеку», и все в этом ключе. Прямо черносотенные разговоры, но, по совести скажу, страшно правильные, ибо с каждым днем становится все яснее и яснее, что у русских, даже у передовых людей, положительно нет, как сказал П. П. Рябушинский, «государственного разума». И молодчина этот Рябушинский: говорит основательно, четко, едко, смело и красиво. Приятно послушать как крупного дельца-практика и опытного оратора. Ловок еще Бубликов (член Гос.

Думы). У этого много юмора и парламентского умения захватить внимание слушающих. Много говорил и С. Н. Третьяков, Председатель Моск. биржевого комитета, кандидат в министры торговли и промышленности и приятный молодой человек Прости меня Господи! — но я все-таки подумал, что если бы и он был министром, то тоже бы для России не явился спасителем. Он, собственно, про то только и говорил, что его приглашали в министры. Настоящему же министру торговли Прокоповичу досталось на съезде! Выходит, он совсем не на месте, и министром, да еще таким «специальным» как торговли и промышленности, — по недоразумению. Его телеграмма с фразистыми благопожеланиями закончилась такой нелепицей: «После съезда прошу приехать ко мне для доклада.» Когда это читали, так был и смех и возмущение — социалист, а требует «докладов».

7 августа. Бедняжку Николая Александровича Романова отвезли с семьею в Тобольск. Ведь это настоящая Сибирь: 2.800 верст от Петрограда и 250 верст от ж.-д. сообщения. Каково-то этой изнеженной семье жить зиму в таком жестоком климате, и чем она виновата, что родилась для царствования, а не для ссылки? Сердечно жалко их, как жалел и тех, которых цари и Николай ссылали в тот же Тобольск и дальше.

В Финляндии переживают анархию. Социал-демократы не признают роспуска Сейма, а наше правительство стоит на своем. Творится в Гельсингфорсе что-нибудь похожее на наши июльские дни, и, конечно, там и наши солдаты на стороне сопротивления властям.

Луначарского и Каменева освободили. Пойдут опять споры да драки.

Папа Римский обратился к воюющим державам с уговором помириться, а пред этим число воюющих увеличилось: Китай заявил себя в войне с Германией. Вильгельму хоть бы что — «ведет свою линию неослабно. Подсчитали, что наши воины-дезертиры оставили врагу снова 500.000 десятин с великолепным урожаем.

Вчера случайно видел проехавшего в автомобиле Брусилова. Посмеивается себе, да и как не смеяться, видя на каждом шагу идиотские рожи рев-гусаров-солдат, кичащихся завоеваниями революции в виде презрительного поглядывания даже на него, старого генерала, украшенного тремя Георгиями и исторической славой. Ведь оно, собственно, не смеяться, а плакать нужно, но кто знает, что у него в груди под этими белыми крестами? Я думаю, одна только гнетущая черная печаль.

9 августа. На Румынском фронте последнее время стойко: если то румыны делают врагу основательное сопротивление.

Итальянцы повели наступление в Юлийских Альпах и взяли в плен 7.500 австрийцев, а французы зашевелились под Верденом, продвинулись вперед и полонили свыше 5.000 немцев.

Вот и сама демократия стала бояться того, что сейчас происходит: совещании об обороне страны чуть не большевики высказались, что в такое время спешить с проведением 8-часового рабочего дня не следует. Надо всем работать во все лопатки.

Вчера в Москве открылось «малое совещание общественных деятелей» созванное кадетами, финансистами и опальными генералами для выработки внушительного заявления стране на государственном большом совещании общественных деятелей, имеющем быть на этих днях в Москве, в Большом театре. Участвуют Родзянко, Алексеев, Брусилов, Юденич, Милюков, Маклаков, Рябушинский, Е. Н. Трубецкой, Шингарев, Шульгин, Бубликов, Ледницкий, Грузинов, И. А. Ильин, Каледин и много других популярных общественных деятелей-буржуев. Заседания происходят закрыто, даже от печати запечатаны, но все-таки уже известно, что будет выработана такая резолюция, которая «товарищам», да пожалуй и самому Керенскому, будет не по носу. Определенно уже выяснилось, что присутствие в министерстве Чернова признается всеми для государства зловредным. Особенный успех имели речи Трубецкого и Ильина. Последнему достались необыкновенно бурные аплодисменты.

10 августа. Выборы в Учредительное собрание отсрочены до 12 ноября, а созыв его — до 28 ноября.

Финляндский Ген.-губернатор М. А. Стахович уполномочен Керенским не допускать созыва старого Сейма и в случае необходимости распустит его силой.

Был сегодня у нас в конторе писатель Г. С. Петров. Жалуется, что его мало печатают, ибо газеты наполняются речами министров, депутатов советских и участников всевозможных съездов. Вот какие обстоятельства! Значит, теперь и Толстой не мог бы вещать миру свои светлые и золотые слова!

11 августа. Вчера начался в Сенате с участием присяжных заседателей суд над бывшим военным министром Сухомлиновым и его супругой. Сегодня, слава Богу, получил от сына телеграфное сообщение, что он жив и здоров. Телеграмма подана из Меджибожа еще 8 августа в 11 ч. дня. По календарю видно, что это местечко Подольской губернии, в 140 верстах от Подольска, в

1.243 верстах от Москвы и в 15 верстах от станции Деражня Юго-Западной ж.д.

12 августа. Первое впечатление сегодняшнего исторического дня, когда в Москве открывается своего рода «собор лучших русских людей», — самое неприятное: не ходят трамваи… Стало быть, бастуют кондукторши: после узнаем, может быть, и о многих других бастующих в виде протеста созыву совещания, в котором большевики видят угрозу завоеваниям революции, но пока горько выскажемся против господш кондукторш, в большинстве глупых, сварливых, старых баб, ничего своим куриным умом в политике не понимающих. Какое они право имели на такое дерзкое выступление? Где же партийная дисциплина? Ведь они — оплот 3-го списка, ведь по этому списку прошла новая городская дума, их хозяйка. Ведь городской голова Руднев «ихний», ведь он еще с вечера расклеил воззвания к москвичам встретить съезжающихся на совещание почетно, покойно и оказать им «содействие и гостеприимство». Разве это гостеприимно: идите-ка, мол, господа совещающиеся, с вокзала пешком и бродите по Москве сколько вам и куда угодно тоже пешочком, а мы сегодня погуляем, погрызем семечков, поблудим на бульварах. Вот оно русское хамство-то!

13 августа. Кроме трамваев вчера бастовали (сегодня трамваи ходят) на городском газовом заводе, прислуга и повара некоторых ресторанов и кофеен и на многих заводах. Не устыдились бастовать и в «земгорских» разных мастерских. Однако этим совещание не сорвано, и первый день его прошел в порядке, без эксцессов, как в самом Большом театре, так и около его. Собралось свыше 2.000 человек. Из министров — Керенский, Некрасов, Кокошкин, Никитин, Авксентьев, Прокопович, Карташев, Ольденбург и Чернов. Из знаменитостей: Милюков, Родзянко, Шидловский, Шульгин, Маклаков, Годнев, Головин, Хомяков, А. И. Гучков, М. В. Алексеев, Каледин, Юденич, Кропоткин, Брешко-Брешковская, Вера Засулич, Н. А. Морозов, Бурцев, И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе, Караулов, Родичев и проч., и проч., а также — представители (военные и консулы) союзных держав, кои сидели в бывшей Императорской ложе.

Совещание открылось речью Керенского, продолжавшейся более полутора часов. Она то вызывала аплодисменты правой стороны, то левой, но, как видно, не слила все сердца воедино, и если были бурные единодушные аплодисменты, то только по адресу союзников и «недезертирствующих» офицеров, да и то только из вежливости, а не по чистому побуждению. Говорил,

конечно, волнуясь и увлекая, как трибун уже испытанный. (Недаром в войсках прозвали его «главноуговаривающим»). Речь расцветена крылатыми фразами, но не окрылила никого. Все равно нам не сладко, сегодня жизнь идет тем же манером. На Чистых прудах все равно такое же безобразие, хвосты такие же, матерного слова сколько угодно, папиросы — 1 р. десяток, маленькое яблочко — двугривенный штука, и пьяных порядочно. Много было сказано Керенским и угроз (направо и налево). «Кто уже раз пытался поднять вооруженную руку на власть народную, пусть знают все, что эти попытки будут прекращены железом и кровью… Каждый, кто пройдет черту (в попытках открытого нападения или скрытых заговоров), тот встретится с властью, которая в своих репрессиях заставит этих преступников вспомнить, что было в старину самодержавие… И какие бы и кто бы мне ультиматумы не предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти, и мне, верховному главе его.» Наконец-то Керенский поставил офицеров и солдат каждого на свое место, то есть признал, что «мозг русской армии — рядовое, боевое, карьеры не делающее, но безропотно при тяжких условиях, а иногда и испытаниях погибающее за родину офицерство». А вот и «крылатость»: «Для нас и для меня нет родины без свободы и нет свободы без родины!» «Я хотел бы найти какие-то новые нечеловеческие слова, чтобы передать вам весь трепет, весь смертельный ужас, который охватывает каждого из нас, когда мы видим все до самого конца, смотрим во все стороны и понимаем, что опасность и там, и здесь.» (И не нашел, и не нужно — мы, обыватели российские, сами в большом трепете и ужасе и все чаще стали задумываться, стоило ли огород городить, лучше ли нам стало с 27 февраля?)

«Мы хотим и мы добьемся, чтобы никто не смел считать Российскую державу на втором месте в хоре мировых государств… Мы милости не просим и в снисхождении не нуждаемся… Мы душу свою убьем, но государство спасем.» Это сказано при рассуждении смертной казни не только на фронте, но и в тылу.

«Вся армия, независимо от чина и положения, должна являть собой образец дисциплинированности и подчинения младшего старшему, а всех — власти верховной.»

Потом говорил министр внутр. дел Н. Д. Авксентьев. Ничего нового, ничего яркого, ничего утешительного. После него С. Н. Прокопович нарисовал «грозную картину экономического положения» и закончил приглашением капиталистов «отказаться от излишних прибылей, а рабочих — от излишнего отдыха. Спасение России — в общих жертвах.»

Министр финансов Н. В. Некрасов много сообщил для всех нас «поучительного». Долгу на 1 января 1918 года — 15 млрд. «Ни одно царское правительство не было столь расточительным, столь щедрым в своих расходах, как правительство революционной России.» «В 1914 году выпускалось 219 млн. бумажных рублей, в 1915 — 223 млн., в 1916 — 290 млн., в первые два месяца 1917 года — 423 млн., а с 1 марта по 16 июля — 832 млн. То расходование средств, которое было до сих пор, нам не по карману… Комиссия по вопросу о солдатских запасных пайках предъявила министерству финансов требование, исчисляемое суммой 11 млрд. р. в год… Новый революционный строй обходится государственному казначейству гораздо дороже, чем обходился старый строй… Расходы продовольственных комитетов по их организации достигнут 500 млн. в год, земельных комитетов — 140 млн. в год. По одному только Путиловскому заводу на повышение заработной платы нужно до 90 млн. р. до конца года.» Поступления государственных доходов упали: земельные налоги — на 32 %, с городского недвижимого имущества — на 41 %, кварт. — на 43 %, военные — на 29 %, промысл. — на 19 %, выкупн. плат. — на 65 % и т. п.

Первый день совещания закончился приветственной речью от «гостеприимной Москвы» городского головы В. В. Руднева. Отмечают, что ему аплодировали; а я думаю, не иронически ли? За трамвайную забастовку следовало бы свистать ему, а не аплодировать.

Сегодня общего собрания нет, и происходят в разных помещениях групповые совещания.

15 августа. Ходил на Красную площадь посмотреть на Крестный ход и молебствие по случаю открытия всероссийского Церковного Собора. Тысячи хоругвей, сотни священнослужителей в золотых ризах, торжественный звон по всей Москве, и все это под куполом жаркого ясного дня. Зрелище великолепное и умилительное, но, к сожалению, оно не привлекло несметных толп народа. Не то ему теперь нужно — не хоругви, а красные флаги ведут его за собой. И это очень грустно: сердца грубеют, развивается эгоизм, исчезает красота жизни.

Прошел обратно мимо Большого театра. Он окружен солдатами: там продолжается Государственное Совещание. На площади народа очень мало; или поумнели, или охладели ко всему — к Церкви, к Москве, к Революции, к Войне, к Керенскому.

Вчера выступили с речами В. Д. Набоков, Ф. А. Головин, Ф. И. Родиче в, Г. А. Алексинский, А. И. Гучков, Л. Г. Корнилов, Каледин, Архиепископ Платон, Н. С. Чхеидзе, Мартюшин,

Д. Д. Гримм, В. В. Шульгин, В. А. Маклаков, И. Г. Церетели, П. Н. Милюков, М. В. Родзянко, и др. От пышной речи Керенского не осталось уже никакого впечатления; в речах других одно опровергнуто, другое осмеяно, третье обложено недоверием. В контру крылатым словам произнесено множество слов еще крылатее, и получилось то, что в пору сказать по-толстовски: «А ен все терпит», то есть русский человек.

А что говорил Верх. Главнок. Корнилов, приехавший из Ставки на один только день, так это можно уподобить какому-нибудь легендарному «плачу Ярославны». Армия развращена духовно и нравственно, в почти безнадежной степени, она уже начинает голодать, и страшна не только сама война, но и приближающийся конец ее. От демобилизации ожидаются кровавые, кошмарные эксцессы.

Молиться нужно, а не совещаться, не речи красивые говорить. Ни Керенский, ни сотни гениальных людей нам уже теперь не помогут. Что-то страшное пишут и говорят о Казани. Какой-то там грандиознейший пожар.

17 августа. Совещание закончилось в ночь с 15 на 16, закончилось последней речью Керенского, который признает за совещанием хорошие результаты. Опять были красивые и оглушительные фразы, опять овации, главным образом ему, Керенскому, а еще Брешко-Брешковской, Кропоткину, Плеханову и Церетели, вместе с Бубликовым, — за их рукопожатие друг другу, в чем усматривалось как бы примирение непримиримых партий — рабочей с торгово-промышленной. Я не ошибся в д. А. Бубликове: это дивный краснобай. Его речь одна из самых блестящих на совещании. Вообще, речей было страшно много. Говорили еще Брешко-Брешковская, Плеханов, П. А. Кропоткин (требовал федеративной республики), П. П. Рябушинский, М. В. Алексеев, М. В. Родзянко (а бедного Брусилова не пригласили на совещание) и многие другие. Брать из речей и заносить сюда все значительное из них — это повторять не только давно известное или переживаемое сейчас, но и записать то, что еще будет сказано впереди по тому или другому поводу.

Опять прорван Румынский фронт. Наши бегут не только с позиций, но и из резервов. Бегут в беспорядке от артиллерийского огня, не дожидаясь атаки неприятеля. Что думают теперь о наших вояках бедные румыны?

И опять Графиня Панина. Теперь ее назначили Товарищем министра народ. просвещения. Дали бы дело и бабушке Брешковской, а то мычется по разным митингам непоседа старая!

С большим удовольствием отмечаю, что 15 августа в

Успенский собор к концу обедни приехал и Керенский. Там были еще Авксентьев, Карташев, Родзянко, В. В. Руднев и др. видные лица. За торжественной службой первенствовал Киевский Митрополит, Владимир. К этому дню Синод возвел в сан митрополитов нашего Архиепископа Тихона, Петроградского Вениамина и Тифлисского Платона.

Вчера, то есть 16-го, в Храме Христа Спасителя состоялось первое торжественное заседание Церковного Собора. В час добрый, да поможет России хотя бы надежда на духовное просветление православных! Если бы они объединились, то это была бы сила сильнее «пролетарской».

19 августа. С каждым днем жизнь становится труднее и страшнее. Боятся железнодорожной забастовки; стачечный комитет грозит ею, предъявляются казне такие требования, которые невозможно выполнить. Надвигается продовольственный кризис, уже для Москвы не везут хлеба. С сегодняшнего дня по карточкам отпускается на человека только полфунта. Казанский пожар и разгром (теперь каждое такое несчастье сопровождается грабежами и насилиями, причем особенно бесчинствуют солдаты) продолжались три дня. † Много убитых и раненых. Видимо, злые люди — свои или иноплеменные — имели целью взорвать пороховой завод. Начальник его погиб, а солдаты разбежались, если верить корреспонденциям, почему-то «злорадствуя».

А вчера в Москве чуть не такое же бедствие: горела Прохоровская Трехгорная фабрика. Тоже взрывы, миллионные убытки и растаскивание чужого добра, вместо помощи пожарным.

Всероссийский Церковный Собор большинством 407 голосов против 33 избрал председателем Московского Митрополита Тихона. Грузинская церковь стала автономной и выбрала Епископа Леонида «заместителем Грузинского Католикоса».

22 августа. Дождались того, что давно предсказывали главнокомандующие: Рига пала вчера. Головокружительный успех германского удара готовит нам новые бедствия. Двина, такая могучая река, перейдена противником как ручеек. Разве такого сопротивления надо было ждать от «революционной, свободной, воодушевленной, непобедимой, сознательной» русской армии? Наши войска либо отводятся в тыл по стратегическим соображениям, либо бегут и попадают в плен под ничтожным натиском врага.

Ах! Какой чудесный город Рига. Я бывал там в 1906, в 1907, 1908, 1909, 1911 гг. по нескольку раз, а оттого хорошо знаю его и тем паче скорблю за новую утрату громадного богатства и

культурной красоты. А сколько погибло людей при отстаивании Рижского фронта!

† Умер Б. В. Штюрмер, не дождавшись суда, который, может быть, сказал бы, что ему не следовало сидеть в тюрьме 4 месяца.

Казанское несчастье надо рассматривать не как местное несчастье, а как государственное, всероссийское. Как оказывается, там погибло неисчислимое количество пороха и снарядов.

Возвращаюся к рижской катастрофе. Ведь теперь уже ясно, что моральное разложение наших войск непоправимо, и, значит, они не спасут родные земли от дальнейшего вторжения неприятеля. Чего же ради продолжать эту войну? Ну, отдадим Петроград, Одессу, Киев, а потом что же? Образовать «Московскую» республику и тогда только просить Вильгельма, чтобы он пощадил нас, сирот и убогих!

В Москве на Солянке было что-то вроде еврейского погрома. Били не только их, но и милиционеров. Безобразничали солдаты в Коломне и Серпухове. Верховскому пришлось снаряжать карательную экспедицию.

Но на всем этом я не буду останавливаться, потому что все это теперь «обыденные происшествия», изо дня в день творящиеся то там, то тут. И надо полагать, что они поблекнут своим значением пред теми погромами, пожарами, голодовками и бесчинствами, которые еще будут впереди, и будут неминуемо. Кстати, наш курс упал до 227 р. за 10 фунтов стерлингов, а курица уже дошла до 7 р. 50 к. Табаку дешевле 25 р. за фунт не найдешь, ресторанный обед стоит не менее 10 р., сахар продают (тайно) по 2–2,5 р. за фунт, телятина 3 р. 50 за фунт, яйца 40 к. шт. и т. д. и т. д.

23 августа. Как в такое смутное время значительны и поучительны речи людей, типа «исправных, твердых мужиков». Я говорю о Рябушинском, сказавшем на старообрядческом съезде в Москве замечательную речь о бесхозяйственности наших «вреправителей» (или «ревправителей»). Придет еще время, когда многие заговорят таким языком, теперь это боятся делать, как боялись когда-то говорить против Царя.

Рига оставлена нашими войсками 21-го августа. Усть-Двинские укрепления и мосты через Двину взорваны (но что эти взрывы для таких сооружений — вероятно, месяц-другой, и их немцы возобновят лучше, чем до взрыва). После рижского поражения, в тот, может быть, момент, когда «дезорганизованные массы солдат (как пишут в газетах) неудержимым потоком устремились по Псковскому шоссе», петроградские революционные воины под предводительством самого Керенского

победоносно, блестяще арестовали бывших Великих Князей Михаила Александровича и Павла Александровича, вместе с их семьями и прислугой, людей безусловно порядочных и, вероятно, для революции безвредных, а для спасения России, быть может, и очень даже полезных.

Ставка сообщает, что в Рижский залив вступил германский флот; а где же наш флот, бывший там?

24 августа. Из Берлина доходят известия, что взятие Риги празднуется там и флагами, и звоном «во все колокола», и роспуском школьников. Ведь вот: и побеждают, и учатся, а у нас ученье окончилось 1 мая и не начнется ранее 17 сентября.

В Петрограде состоялись, наконец, выборы в Думу по революционному способу. Обнаружилось равнодушие 60 % населения — оно не участвовало в выборах. Результат в пользу социалистов больших и малых — их 140 чел., а кадетов и их попутчиков 60.

28 августа. Хотя сегодня и хороший по погоде денек, но чудная погода, стоявшая до 20-х чисел августа, сменилась дождями, серым небом и понижением температуры до 6°.

Сегодня Москва ошеломлена выпуском экстренных газет, в них оповещается о чрезвычайных происшествиях. Верх. Глав. Корнилов прислал к Керенскому В. Н. Львова, который передал от Корнилова требование немедленно передать ему диктаторскую власть над всем государством[3]. Керенский объявил: 1. Корнилова немедленно отставить, временно назначить на его должность главнокомандующего Северным фронтом Клембовского. 2. Город Петроград считать на военном положении.

Это все официально, а слухи вот какие: Корнилов предложил Керенскому уйти добровольно вместе со всем кабинетом, на место которого генерал наметил своих министров. Корнилов будто бы арестован, а также арестован его посол В. Н. Львов. Совет казачьих войск чуть ли не на стороне Корнилова. Кадеты, кажется, солидарны с Керенским.

Министры подали в отставку, но полномочия свои сохраняют. Предполагается учредить директорию в составе Керенского, Некрасова, Терещенко, Скобелева и Б. В. Савинкова. Совет рабочих против образования директории. В Зимний дворец вызывались В. А. Маклаков и М. В. Алексеев. Видно, умные люди нужны и социалистам. Савинков, в силу военного положения Петрограда, назначен его Генерал-Губернатором. Корнилов отказался сдать должность, и его хотят объявить мятежником. В

общем, пока не разберешь, что это: авантюра или нарождение действительного спасения России!? И Центральный комитет большевиков лезет в «спасители», решив образовать «комитет спасения». На Виндавской дороге в пути к Петрограду будто бы 9 поездов, наполненных войсками, преданными Корнилову. Будто бы приказано арестовать Родзянко, Гучкова, Пуришкевича и Балашова.

Должно быть, как бычку ни выть, а на веревочке (у Вильгельма) быть. Теперь немцам еще легче забраться в наши «недра». Скоро будем этого искренне желать. Начнем русскую историю с первой страницы ее, т. е. с помощью варягов.

26 августа курс в Лондоне стоял 268,5 р. за 10 ф. стерл. В Париже за 100 р. давали только 98 франков.

29 августа. Корнилов прислал Московск. Командующему Верховскому телеграмму с требованием выполнять только его приказы, но тот ответил, что ужасается его приказам и видит в таком выступлении для родины одно гибельное. Вслед за опубликованием корниловской телеграммы Верховский объявил в Москве и во всем округе военное положение, а также ввел военную цензуру.

В Петрограде она введена ранее, и даже некоторые газеты совсем прихлопнуты. Например, «Новое время», якобы за сочувствие Корнилову, что усмотрено в напечатании его воззвания к народу, которое печатать воспрещено. В этом последнем номере «Нового времени» правильно все-таки сказано, что «Россия у трех дорог и не знает, куда ей держать путь, а рядом разверстая пропасть, черная и страшная».

Корниловские войска, однако, достигают Петрограда, и будто бы у станции Вырицы разобраны рельсы, чтобы задержать его наступление. Наступает он с тремя кавалерийскими дивизиями и пытается окружить Петроград со всех сторон, перерезав ж.д. пути, соединяющие столицу. И в это же время Каледин грозится со своими казаками отрезать от столицы весь юг России.

Клембовский, кажется, тоже на стороне Корнилова и распоряжений Временного правительства не выполнил. По газетным версиям, у станции Антропшино начался уже междуусобный, настоящий бой. В это время сам Вильгельм пожинает лавры великого победителя и оратора в свежевзятой Риге, куда прибыл, должно быть, в момент отъезда нашего наполеона Корнилова на новый фронт «реворусский», то есть в вышесказанное Антропшино. Пока что, а тут он действует победоносно; слышно, что Луга и Гатчина заняты им.

К вечеру в Москве был ураган с дождем и градом. Погода как бы иллюстрировала российский хаос, и на душе было необыкновенно тяжело.

30 августа. Усердие военной цензуры уже сказалось: газеты тощие и с пробелами, как в последний год царствования тобольского узника. Но «Социал-демократ» поругался всласть, видно, это цензурно; ругает он «буржуазные газеты» («Русское слово», «Русские ведом.», и т. п.) «сволочами» и всякими такими словами. Требует их закрытия, вооружения всех рабочих, ареста Милюкова, Рябушинского, Родзянко, Родичева и К°. Однако чего же изволите лягаться, товарищ? Ведь и газеты, и кадеты тоже осуждают Корнилова и готовы всемерно поддерживать Временное правительство. Теперь, не только с ружьем, но и со словом надо обращаться как можно осторожнее. С каждым днем разрастаются продовольственные волнения. Недостаток пищевых продуктов говорит сильнее «Социал-демократа» или «Русского слова», митинги запрещены, но они происходят невольно в «хвостах», и еще не выяснилось, на чьей стороне большинство — на корниловской или на керенской. Будь на месте Корнилова кто-нибудь погениальнее, вроде, например, Скобелева (покойного), так ясно, что не большинство, а все пошли бы за ним, а вы, товарищи, отправились опять бы в свои подполья.

Из министерства окончательно ушли Юренев, Кокошкин и Чернов. Последний хочет все-таки проводить свои земельные проекты через Совет крестьянских депутатов. Официально объявлено, что генералы Корнилов, Лукомский, Деникин, Марков и Кисляков отчислены от должностей и предаются суду за мятеж. Кто же, в самом деле, Корнилов? Не прав ли я был, отнеся его побег из плена к поступку, не делающему ему чести и славы? Не он ли оговорил Алексеева и Брусилова, и что, собственно, он сделал за время своего верховного главнокомандования? Бегство из Галиции, позор Тарнополя и скоропалительная сдача Риги — не следствие ли его бесталанности? Да и что бы вышло теперь, если бы он был гениален, как Наполеон? Ровно ничего. Все равно мы войною уже не вернем потерянных людей, богатства и земель. Об этом утопично мечтают все наши временно-вредо-правители да дети маломысленные, а большинство (если мы еще не все обыдиотились) не видит в войне ни надобности, ни прока. Опять скажу, что именно «буржуи» сознают ее бессмысленность и бесплодность. Но только кончать ее нужно дружно, а не в разброде. Надо всем сразу сказать «долой войну» и моментально остановить ее перемирием. Пусть оно будет сепаратно, но условлено так, что мы не предадим немцам наших союзников, то

есть не сделаем их положения от нашей пассивности ухудшенным. Как это сделать — пусть подумают великие умы, и социалисты, и кадеты, и дипломаты. Все они такие мастера говорить, писать — пускай договорятся и допишутся до такой великой победы.

31 августа. Определенно известно, что А. И. Гучков и В. В. Шульгин арестованы */неподтвердившийся слух — ред./*. И какая ирония судьбы: первый арестован в Пскове, то есть там, где он лишил престола Николая. Керенский назначен или «назначился» верховным главнокомандующим, а начальником его штаба М. В. Алексеев. Но дадут ли работать Алексееву, как ему хотелось бы? Вероятно, нет, потому что у нас все еще самодержавствуют Советы р. с. и к.д., троица неразлучная, присносущная и препорочная.

Управляющим военным министерством назначен наш Верховский с производством в генерал-майоры. Значит, отказавшись от содействия Корнилову, сыграл очень удачно. Управляющим морским министерством назначен адмирал Вердеревский, тот самый, которого за 5 июля было арестовали. В приказе нового Верховного сказано, что уже совершилась «бескровная ликвидация мятежа». Дай Бог, чтобы это была правда, но почему же газетам запрещено печатать воззвание Корнилова и почему газетные пробелы прогрессируют? Сегодня в «Утре России» и в «Русском слове» громаднейшие прогалы. Жилкин правильно написал сегодня, что «6 месяцев непрерывно спорили мы об единении. Вопили, стыдили друг друга, усовещали, а в действительности трагическими и ускоренными шагами шло всеобщее разъединение». Под новый неожиданный шумок последних дней из тюрем опять побежали. Например, в Петрограде с гауптвахты вчера улизнуло 30 политических и 120 уголовных.

Из Тегерана пишут, что там русский рубль идет за гривенник. Врем. правительство постановило удвоить существующие сейчас твердые цены на хлеб. Но принудит ли это производителя хлеба к сдаче его для армии и населения? Сегодня слышал от извозчика, что он платит за овес по 30 р. за пуд и мучится с ним, пряча его между своим домашним скарбом от реквизиций. Все эти продовольственные комитеты и разные зем- и реворганизации так запутали дело, что все только тем и занимаются, что что-нибудь прячут и вздувают цены на всякую необходимость до такой степени, что сейчас и зажиточные люди живут впроголодь. Про себя скажу: если с вечера не скоро засыпаешь, значит — голоден, не поел за день столько, сколько требует организм. И это

происходит чуть не ежедневно.

Сын пишет спокойные «тыловые» письма из Проскурова, Подольской губ. Там он пробудет до 1 сентября в качестве присяжного заседателя в военно-полевом корпусном суде. Пишу ему, чтобы помнил великий завет: лучше оправдать 10 виновных, чем обвинить одного невиновного. Бог даст, окажется судьей правдивым и милостивым.

1 сентября. За мятеж суду предаются еще генерал Каледин, Эльснер, Кн. Долгоруков, которые уже арестованы. А Гучков освобожден. Савинков и Филоненко отставлены от своих должностей. Цензура отменена. Она еще более позорила новую Россию. Даже поэты заговорили прозой. К. Бальмонт в «Утре России» напечатал статеечку, которая бросится в нос нашим самодержавцам: «Изменился, — говорит, — только лик порабощения… совесть России сейчас не свободна — на ней узда и ярмо». И т. п.

† Командир передового кавалерийского отряда Корнилова генерал Крымов был арестован, а потом, после разговора с Керенским, застрелился. В Выборге солдаты на почве корниловской истории убили 3 генералов и 5 офицеров. Вот вам и бескровная ликвидация! Вероятно, все они не себе пожелали лучшего, а Родине. Да упокоит их Господь!

Жив курилка! Рузский опять откуда-то явился и назначен Главнокомандующим Северным фронтом, а Юго-Западным тоже «опальный» генерал Драгомиров. Не надолго все это — не стоило бы и записывать.

Министерство еще не вполне сформировано. Во Франции тоже смена — вместо министерства Рибо министерство Пенлеве (министр-президент и военный).

2 сентября. «Военный министр получил от министра-председателя сообщение, что Корнилов сдался и арестован в Ставке Алексеевым.» Так официально объявил временно командующий войсками московского округа подполковник Рябцев. И наш голова В. В. Руднев приглашался в кабинет, но, как пишут, отказался. Таких министров, я думаю, в одной Москве найдутся тысячи. Немного же, стало быть, требуется теперь для министерской должности. Как ни бьемся, а, должно быть, не миновать нам приглашать для водворения порядка в нашей земле — великой и обильной — варягов (если они сами не придут к нам). В Думе городскими делами совсем не занимаются, все болтают про «текущие моменты» и сочиняют резолюции, которые жизнь нисколько не улучшают. В частности, голова сообщил

Думе, что Каледин еще не арестован и «сеет контрреволюцию, разъезжая по Донской области, объявляя мобилизацию и собирая вооруженные части, в распоряжении которых имеются и артиллерия и броневики». В прениях вчерашнего думского заседания Н. И. Астров сделал сильный бросок партии социал-демократов: «Возьмите власть — она валяется на улицах Петрограда», и тем самым «убил-ушиб Лебедь белую» — Керенского, который все еще никак не раздаст затасканные министерские портфели. Мало охотников управлять «взбунтовавшимися рабами».

Не собрал я этим летом Божьей жатвы,
Не писал благовествующих стихов,
Видел низость, празднословье, лживость клятвы,
Миллионы обезумевших рабов.

Не дышал я этим летом духом луга,
Ни единого не встретил я цветка,
Видел руку, что заносит брат на друга,
Знал, что радость хоть близка, но далека.

Не узнал я этим летом поцелуя,
Слышал только тот позорный поцелуй,
Что предатели предателям, ликуя,
Раздавали столько, сколько в море струй.

Этим летом — униженье нашей воли,
Этим летом — расточенье наших сил,
Этим летом — я один в пустынной доле,
Этим летом — я Россию разлюбил.

Это спел в конце «этого лета» К. Бальмонт. Не правда ли — как это грустно, красиво и правдиво?!

4 сентября. 1-го сентября Временное правительство издало новый Манифест исторического значения. В нем объявлено, что «государственный порядок, которым управляется Русское государство, есть порядок республиканский и (правительство) провозглашает Российскую республику». «Для восстановления потрясенного государственного порядка Временное правительство передает полноту своей власти по управлению пяти лицам из его состава, с министром председателем во главе» и т. д.

Значит, «Директория» ввелась и объявлено, что в совете пяти

будут Керенский, Терещенко, Верховский, Вердеревский, Никитин. Но едва ли и это поможет России. Мало кому нравится своевластие власти: образ правления Россией должно установить Учредительное Собрание, а не Керенский и К°.

Корнилов сдался добровольно при условии, чтобы признать виновным только его одного, а всех других лиц, пошедших было с ним, от суда и следствия освободить. Тем не менее вместе с ним арестованы Лукомский, Романовский, Плющик-Плющевский.

В. В. Шульгин освобожден. Вот теперь его послушать или почитать. Да где тут! Разве дадут ему теперь свободу слова и суждений. Не по носу его литература нашим вреправителям!

5 сентября. Распоряжение Керенского о предании ген. Каледина суду за мятеж и о заключении его под стражу отменяется. Каледин должность атамана сам передал добровольно своему товарищу Богаевскому.

Пуришкевич освобожден из Выборгской одиночной тюрьмы. Ему никакого обвинения не предъявлено.

В. А. Маклаков о выступлении Корнилова обмолвился словами Талейрана: «Это больше, чем преступление. Это ошибка.» Совершенно правильно.

6 сентября. Президиум Петроградского Совета р. и с. д. в полном составе, то есть Чхеидзе, Анисимов, Гоц, Дан, Скобелев, Церетели и Чернов, сложил свои полномочия. Причина — принятие большинством голосов Совета постановлений, продиктованных большевиками. Да! большевики мало-помалу делаются все сильнее и сильнее. С ними скоро придется считаться всей России или они будут считаться со всеми друг ими, то есть с «небольшевиками». В Московском Совете р. и с. д. вчера большинством 355 голосов против 254 принята их резолюция, в общем, требующая немедленного предложения всем воюющим народам всеобщего демократического мира, немедленной отмены смертной казни на фронте, немедленной отмены частной собственности на помещичьи земли без выкупа, беспощадного обложения крупных капиталов и имущества, конфискации военной прибыли, передачи власти в руки пролетариата и революционного крестьянства, вооружения рабочих и т. д.

Вчера в Московской Думе утвержден доклад о переходе в ведение города милиции, и штат ее на сумму 24 млн. руб. По этому поводу Астров напомнил Думе, что «Протопоповская» полиция и та обходилась только в 8,5 млн.

7 сентября. В «Социал-демократе» объявлено: «Сегодня —

парад войск московского революционного гарнизона. Посылайте на Красную площадь к 5-ти часам вечера рабочие делегации с приветствием революционным солдатам! Превратите этот парад в братание с революционными солдатами, демонстрацию единения рабочих и солдат.»

А давно ли, перед двунадесятыми праздниками, как завтра, — (Рождество Пресвятой Богородицы) — и солдаты, и рабочие спешили в храмы Божии и мирно молились. Ни парад этот, ни демонстрация благу народному не помогут. Бог отступился от нас, да и недостойны мы Его милости. Московские католики говорят, что их ксендзы в своих проповедях указывают уже на православных как на неверующих и говорят, что за это Бог и победы не даст православным, а были победы у итальянцев, французов, баварцев, и это потому, что те — католики и с политикой Бога не забыли.

Вот образец современных «подпольных» произведений:
Уж сколько лет твердят народу,
Что лесть гнусна, вредна; а только все не в прок,
* * *
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
России как-то Бог послал свободу.
В восторге от грядущих благ,
Россия сшила красный флаг.
И уж республикой себя вообразила.
На ту беду Германия бежала,
Взглянула на свободный флаг
И порешила: «Тут мне крах,
Поди же, как сложилось глупо.
И кто б предвидел этот трюк,
Ей-ей, останусь я без брюк,
Без Лотарингии, без Круппа,
А впрочем, чем не шутит черт —
Я дипломатка первый сорт,
Весь век морочила доверчивые души,
Шепну: на пару слов — авось, развесит уши.»
Забрала белый флаг, тихохонько подходит;
Вертит хвостом, с России глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Россиюшка, как хороша,
Какие митинги, какие стачки,
Как это ловко ты вывозишь всех на тачке,
Как ты шагаешь смело, прямо,
Какая у тебя широкая программа,

Какое мужество у тебя в груди,
Какой великий путь намечен впереди.
Другие сеют рожь, ячмень да яровые,
А ты одна вертишь вопросы мировые;
Что если бы, сестрица,
При красоте такой решилась ты мириться,
Ведь ты у нас была б жар-птица!»
Российская с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло,
И на приветливы немецкие слова
Взяла и рявкнула во все большое горло:
«Долой войну, прочь с фронта и с завода!» —
Флаг выпал, и… Прощай, свобода…
Сей басни смысл найти читатель сам сумеет,
Наш чистый красный флаг еще сегодня реет,
Но если станем мы брататься, а не драться —
Не поручусь, что завтра может статься.

Теперь за появление такой сатиры газету прихлопнут, а редактора посадят в Петропавловскую или пошлют в Кронштадт.

12 сентября хотят собрать «демократическое совещание», где думцев и кадетов уже не будет. На этом совещании предполагается указать правительству, какого курса ему держаться и из каких персон слиться. Одним словом, чуть не «учредительное» собрание! Чтобы подделаться под масть грядущей власти — новый военный министр Верховский, что называется, «землю роет»: предполагает в ближайшем будущем произвести полную замену всего руководящего состава в Ставке, включая генерала Алексеева. Значит, новых лиц на командные должности, считаясь лишь со взглядами и способностями, но не с чинами и опытом. Свои проекты Верховский доложил в бюро Центрального исполнительного комитета. Берегись, Керенский, то тебя Брусилов было повалил, но теперь то же хочет сделать другой генерал (только с другой стороны). По его словам, Корнилов хотел «превратить расстроенные части в настоящее войско пулеметами, нагайками и плетьми», а он хочет сделать это проведением в сознание войсковых масс здоровых идей чрез посредство командного состава и общественных организаций. Ошибаетесь, товарищ генерал! Про Алексеева он выразился, что тот «не может оставаться на своем месте, ибо не понимает психологию современной армии». Какой вздор! Кто не понимает теперь этой психологии, да и что ее понимать, когда она вредна, ее нужно искоренять, как неудачную прививку в здоровом

организме. Об этом и старался Алексеев, и не его вина, если ему не дают этого сделать новоявленные авантюристы.

Второй неотложной задачей Верховский считает сокращение численного состава армии. Конечно, это следует сделать, если правда, что только одна десятая призванных состояла в рядах бойцов, а девять десятых — в тылу.

Рузский и Драгомиров отказываются принять новые назначения.

С Кавказского фронта сообщают, что в горах выпал снег, глубиною местами по полутора аршин, и кое-где свирепствует метель при морозе в 19°. А там, кажется, войска не обутые, не одетые. Вот и воюй тут! Стало чувствоваться, что война догорает: еще два-три события крупных на фронтах или даже в тылу — и все побросают оружие и сольются в единодушный рев: «Долой войну!» Дальше невозможно. Я уже предсказываю, что война кончится к 19 ноября сего года, то есть тогда, когда ей исполнится 40 месяцев. Бог дальше не потерпит!

О параде и демонстрации 7 сентября отзывы кисловатые. Общее впечатление: «Проходили войска. Было несколько тысяч депутатов от рабочих, в том числе много женщин. И не было Москвы!»

За неимением материала писать об этом ненужном празднике московских бездельников, какой-то репортер остановился на «торжественном» слиянии звуков революционных песен и колокольного кремлевского звона. Слава Богу! Я не был на Красной площади, не слышал этого кощунственного звукового хаоса, а то бы заплакал горькими слезами, до того это противно моей мирной и скорбящей душе!

Да! На маневрах, предшествовавших параду на Красной площади, изволили присутствовать городской Голова Руднев и Председатель московского Совета р. д. Хинчук. Руднев сообщил потом представителям печати, что революционные войска, по его мнению, представляют теперь внушительную силу и что они сумели бы справиться с Корниловым. Так, значит, вот для чего теперь существует у нас войско: не для врагов внешних, а для внутренних!

11 сентября. Войсковой казачий круг в Новочеркасске, выслушав объяснения Каледина, признал его действия не изменническими и объявил правительству, что казаки о контрреволюции не думают и Каледина не выдадут. Мало-помалу складывается такое впечатление, что Корниловская и Калединская история — сплошное недоразумение и чуть ли не сам Керенский готовился сделать какой-то переворот, да не

сговорился как следует, с кем нужно. В казачьем «парламенте» кто-то ввернул такую фразу: «Хотя Керенский и великий человек, а слова своего не сдержит.» Начинаем понемногу развенчивать «великого человека».

Московский Совет рабочих и солдатских депутатов также полевел настолько, что его президиум во главе с Хинчуком и Урновым сложил свои полномочия.

12 сентября. † Был вчера на похоронах своего старинного приятеля и хорошего человека Сергея Никифоровича Хренова. Царство ему Небесное!

Объявлено, что с 15 сентября паек хлеба для москвичей увеличивается до $^3/_4$ фунта, но фунт белого хлеба уже стоит 36 копеек, черного — 20 коп. Про вольную (то есть тайную) покупку хлеба рассказывают (и оно действительно так) прямо чудеса: мешок муки пшеничной покупают за 400 р., фунт сахара по 4 р., сотню яиц 30–40 р. и т. п.

Министром внутренних дел назначен Никитин, с сохранением и почтово-телеграфного портфеля; но вообще-то «хозяина в стране нет», как выразился на московском кооперативном съезде, открывшемся вчера, С. Н. Прокопович, и «необходимо, чтобы он появился как можно скорее». Это говорит министр-социалист. Кооперативы заговорили по-новому, они почувствовали национальную тревогу и стоят за идею национальной коалиции всех живых сил страны. Значит, в Демократическое совещание (отложенное до 14 сентября) будет внесена представителями кооперации, то есть 20 млн. россиян, такая нотка, которая будет не по губе большевикам, уже считавшим, что они большинство, что власть в их руках. Напечатаны ответы наших врагов на предложение Папы. Они признают, что таковое предложение служит достаточной основой для открытия мирных переговоров, и они согласны приступить к ним. Чего же, казалось, ждать дальше? Момент подходящий для немедленной приостановки военных действий, но, видно, такой вопрос не моего ума, по крайней мере, и наша печать и заграничная — союзная — в общем, считает такой ответ пустым местом: «Нет, дескать, ни одного конкретного предложения». И, видимо, все будут ждать непременно «конкретных предложений», а до того времени продолжать давать немцам возможности все большего и большего завоевания в России с изумительной для них легкостью. Тот же Прокопович, как член правительства, подтвердил на кооперативном съезде, что немцы перешли под Ригой Двину без урона хоть бы одного германца и без пролития капли немецкой крови. А сколько при этом погибло наших, хотя

бы и бегущих только?

Начальником штаба Верх. главн. назначен Духонин, а Главнок. Северного фронта — Черемисов. И мой сын тоже получил «новое назначение», то был командиром роты, а теперь каким-то «боевым …ром» в 416-м полку. (Сам Алексеев говорит теперь определенно, что «положение армии непоправимое», значит, пора бы уже инструктировать не бои, а демобилизацию. Что уж ждать хорошего от непоправимой армии!)

Алексееву выдан Верховным Керенским аттестат своего рода: «Своим мудрым вмешательством он быстро и бескровно восстановил порядок!» Кто-то выдаст аттестат Керенскому за его фейерверочную деятельность, которая, как видится, уже приходит к концу и уже потрескивает только, едва мигая своими замирающими вспышками. Каледин торжественно реабилитирован казаками, и ему опять вручили «пернач», эмблему власти атамана. То был суд скорый и правый, но вот приходит к концу и суд длинный и, вероятно, не совсем правый, над Сухомлиновым и его женой. Уже отговорили свои речи прокурор и защитники, из них замечательная по здравому смыслу и остроумию речь защитника Сухомлиновой М. Г. Казаринова. Несомненно, что она виновата не в измене России, а только «постольку поскольку» она молодая баба, любившая приятно пожить, и истеричная, как все ее поколение. Да и сам Сухомлинов скорей ротозей, русский разгильдяй-барин, чем предатель родины. От души желаю им, если не оправдания, то самой мягкой кары, в том, в чем обвиняют, виноваты, может быть, сотни тысяч буржуев, живущих главным образом для себя, жены и детей и не задающихся более возвышенными и широкими перспективами.

13 сентября. Буди Имя Господне благословенно отныне и вовеки!

Вчера к вечеру совершенно неожиданно приехал ко мне с войны мой молодой герой Леля. «Не дезертировал ли ты?» — был мой первый вопрос, и он всерьез поспешил познакомить меня со своим послужным списком, составленным командиром 416-го пехотн. Верхне-Днепровского полка. Из списка видно, что он зачислен в полк 4-го апреля сего года, с 6-го мая был в ударной команде, которою с 11 по 21 июля даже командовал, а затем получил командование пятой ротой. Затем его наградили Солдатским Георгиевским крестом 4-й степени и ввиду украинизации полка перевели на службу в 54-й саперный батальон, куда он сейчас и направляется. В походах и делах, как сказано в списке, «находился против австро-германцев с 4 апреля 1917 года по 26 июля 1917 года». Ранен и контужен не был. К

списку приложен перечень боев и операций, в которых принимал участие прапорщик Окунев.

Оборона позиций у дер. Рудка-Миронская, у ст. Мегшцув, между Лесным хребтом «Клюв» и обренговским лесом, у м. Козова, у дер. Брыкуля-Нова, у местечка Янув, на восточном берегу р. Серет, у стыка дер. Сухостав и Яблонув, у дер. Дуковцы и Пусталувка, у Рахув-Кант и Воеводинце. А главные страшные бои 17 и 18 июня, 9—10 июля, 11 июля между Лесным хребтом «Клюв» и обренговским лесом и у деревни Понталика и Выбрановка. За такую боевую службу кроме солдатского креста он представлен к орденам Св. Анны 4-й степени (7-го июля), Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (22 июля), Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (14 августа) и к чину подпоручика (22 июля).

А сегодня в 9 час. утра вдруг получаю такую телеграмму: «Согласно справке, полученной из Ставки, прапорщик 416-го Верхне-Днепровского полка Окунев жив-здоров, состоит в полку налицо. Секретарь при Председателе Городской Думы Садыков.» Это ответ на телеграмму, посланную И. П. Демидовым М. В. Родзянко еще 29 июля. Но лучше поздно, чем никогда.

Молодой воин приобрел на войне новые, несвойственные ему черты некоторой серьезности, стал немного нервен, все еще, конечно, находится под впечатлением бедовой жизни, но в общем выглядит неплохо. Рассказов уйма, и все, хотя интересно, но для военного времени более или менее известно, как одинаковое со множеством доказательств выносливости русского человека.

Буди Имя Господне благословенно отныне и до века!

Главнокомандующим Юго-Западным фронтом назначен ген. Володченко. Генерал-квартирмейстер при Верх. глав. ген. Дидерих.

Сухомлинов признан виновным в государственной измене (сознательное способствование неприятелю отвергнуто), в подлогах, в превышении и бездействии власти, а супруга его оправдана. Приговор суда пока еще не объявлен.

15 сентября. Наряду с бесчисленными беспорядками в городах и селах Российской «режпублики», своею обыденностью уже не пугающих нас, надо все-таки отметить крупные беспорядки в Тамбове и Козлове и их уездах. Разграблена масса лавок, свыше 20 имений. Грабят, жгут хлеб, расхищают имущество, и все это делает наше воинство. Начинается обыкновенно на каком-нибудь рынке, где унюхают тухлую рыбу, и пойдут без разбора уничтожать и воровать все, что подвертывается под руку.

Беднягу Сухомлинова законопатили в каторгу без срока. Подлоги, превышение и бездействие были безусловно, но была ли измена государству — это такой вопрос, который разберет впоследствии история, а не те присяжные заседатели, которые, боясь, вероятно, всяческого самосуда, изрекли свое «да, виновен» не без колебаний совести.

16 сентября. Заседание Демократического совещания открылось 14 сентября в Петроградском Александровском театре. Присутствует свыше 1.200 человек. Председательствует Н. С. Чхеидзе. В его приветственной речи есть такая крылатая и правдивая фраза: «Вместо скачка в царство свободы был сделан прыжок в царство анархии.» Керенский, по обыкновению, говорил много, стяжал «бурные аплодисменты», но утешительного в его речи было мало. «Немецкая эскадра, ознакомленная с положением вещей, приближается к Финскому заливу.» Это — самое главное в его речи, пересыпанной проклятиями врагам революции, которых, по его мнению, много и справа и слева. Верховский сказал, что Германия, почувствовав слабость нашей армии, делает попытки предложить сепаратный мир за счет России, отдавая Франции и Англии все, что им нужно, делясь за счет родины нашей. Но союзники наши ответили на такое предложение категорическим отказом. Но как скверно в наших войсках! «Флот, — говорит, — не отказывается выполнять боевые распоряжения, но он убивает своих офицеров… Дезертиров у нас уже 2 млн.»

† На Балтийском море у о. Эзель взорван немцами миноносец «Охотник», спаслось только 11 матросов, из офицеров никто не попытался оставить своего судна — все погибли! Генерал-Губернатор Некрасов донес правительству, что тальман Маннер сорвал государственную печать, наложенную на двери Сейма, и объявил заседание Сейма открытым. В заседании присутствовало только 80 депутатов. Сейм в спешном порядке (в 20 минут) принял законопроекты о верховных правах Финляндии, о 8-часовом рабочем дне и коммунальных выборах.

По постановлению Симферопольского совета р. и с. д. в Алупке арестован П. П. Рябушинский. Правительство послало срочное распоряжение об освобождении Рябушинского и о привлечении к уголовной ответственности самочинных арестовывателей.

На почве продовольственной сумятицы происходят беспорядки в Астрахани, в Ташкенте и в Киеве.

Ленин и Зиновьев появились в Петрограде и даже пытались принять участие в демократическом заседании, но президиум не

согласился на допущение их. Все-таки арестовать их пока не удалось.

18 сентября. Демократическая болтовня в Александровском театре продолжается. М. И. Скобелев высказался за коалицию, даже с кадетами. А. С. Зарудный защищал кадетскую партию от обвинений в заговоре с Корниловым. Речи Чернова, Богданова, Каменева и других показывали, что эти вожди сродни Ленину и немцам. Несколько раз говорил И. Г. Церетели. Он пользуется особенным фавором: никому так громко не аплодируют. Он высказывается за образование «предпарламента» с участием цензовых элементов, и пред этим органом правительство должно быть ответственно. Ну что же! Пожалуй — это лучше засилья Советов. А тут как раз известия из Ташкента, что там вся власть и военная и гражданская захвачена Советами. Одним словом, повторение Кронштадтских или Царицынских безобразий.

Англичане на французском фронте произвели удачное наступление и взяли около 2.000 пленных.

19 сентября. Стало холоднее. В 12 ч. дня только 5° тепла, а рано утром, вероятно, был градус мороза.

В Нижнем грузчики предъявили новые требования — 112 р. 50 к. с 1.000 пудов, это составит заработка в месяц не менее 1.000 р. Мускульная сила людей, от рождения здоровых, неприхотливых, так теперь ценится, как ни одно из других занятий, которые также считаются за труд. Что это — равенство или захват человеческой жизни грубой рабочей силой?

В Омске сам гарнизон произвел выборы Командующего войсками округа: избран подпоручик Яницкий.

В Екатеринославе Совет р. и с. д. самочинно распустил по домам солдат призыва 96, 97 и 98 гг.

И это в то время, когда в Александринке идут бесконечные и уже скучные споры о том, что делать дальше, какую власть завести: коалиционную или чисто демократическую. Говорить-то говорят без конца и без толка, да еще сколько пишут все о том же. Послушать — все такие умные, понимающие, а дела-то самого нет и нет. Да, может быть, его и некому делать, когда на этом совещании столько дней сидят более 1.200 чел., да столько же, если не больше, вожаков других партий пишут теперь или словесно на различных докладах критикуют тех. Конечно, таким занятием все они завалены по горло, и им некогда уже что-нибудь делать активное. Демагоги несчастные!

Из всех речей 17-го и 18-го всех симпатичнее оказались произнесенные грузинами. Благородная и политически мудрая

нация! Она видит благо народностей Российского государства в единстве его и не гонится за хохлацкой политикой, которая в революцию сделала великороссов и малороссов врагами между собой. Это столь же тяжело, когда в одной семье между братьями заводится ненависть друг к другу. А грузины совсем нам чужие и не так давно составляющие отдельное царство, чего бы им не завести свою Раду, свой Сейм. Самое большое, что они сделали, — это выбрали себе Церковного главу — Католикоса Киприана, бывшего Витебским Епископом. Но об этом поднимали вопрос и во времена Царского правления.

20 сентября. На демократическом совещании выяснилось, что только группа кооператоров действует более или менее солидарно, а во всех других группах и партиях идет борьба 2–3 и даже 4 мнений по одному и тому же основному вопросу. Минор правильно сказал, что он только слышит блестящие речи, но они не заменяют блестящих мыслей. А Рябушинский требовал от революционных деятелей «государственного разума». Где уж нам! Получилось что-то нелепое, несуразное: договорились до коалиции с буржуазией, но без кадетов. Дело было так: поименном голосованием признана желательность коалиции (766 за, 688 против и 38 возд.). За — Церетели, Авксентьев, Гоц, Чхеидзе, Дан, Минор и др., против — конечно, Троцкий, Каменев и др., а Чернов «воздержался». Затем баллотировали поправку, гласящую: «За пределами коалиции остаются те элементы как кадетов, так и других партий, которые причастны к корниловскому заговору», и эта поправка принята большинством 797 против 139 при 196 возд. Далее поставили на суд другую поправку: «За пределами коалиции остается вся партия кадетов», за нее высказалось 595 против 493 и воздержалось 72. Эти поправки, конечно, в корне разрушили самую возможность коалиции, а потому снова баллотировали резолюцию в целом виде и отвергли ее 813 голосами против 183 и при 80 воздержавшихся. Создалось безвыходное положение, но решили не разъезжаться до тех пор, пока партии не придут к какому-нибудь согласительному результату. Об этом узнаем завтра или послезавтра.

Итальянцы опять зашевелились и сообщают, что за последние три дня взяли 2.000 пленных.

В Москве началась забастовка аптекарских служащих. Больные попробуют умирать без содействия лекарств. Впрочем, аптеки не закрыты: сами хозяева по возможности будут работать во время забастовки не покладая рук. Уже бастуют железные дороги Моск.-Винд.-Рыбинская и Юго-восточная (частично), и

боятся всеобщей российской жел.-дор. забастовки. Очень трудно удовлетворить новые требования ж.д. служащих. Они достигают ежегодной потребности в 1,5 млрд. р.

Большевики окончательно завоевывают несчастную Россию: в Совете рабочих в Москве большевики прошли в преобладающем количестве (их 246 чел., а других социалистов 216), причем в исполнительном комитете засело 35 большевиков (других товарищей 28), и председателем вместо меньшевика Хинчука выбран большевик В. П. Ногин.

† Умер один из моих бывших «собутыльников», Александр Федорович Плотников. Бытовая, непосредственная натура, умный, оригинальный и видом богатырь. В начале войны мы с ним спорили, он не допускал, чтобы мы не справились с немцами, судил по себе. Но вот и Россия побеждена, и сам он сгиб. Царство ему Небесное и вечный покой.

22 сентября. В бесчисленных газетных статьях по поводу бесконечных разговоров на Демократическом совещании мое внимание остановило упоминание о словах великого французского социалиста Жореса: «Революция есть *варварская* форма прогресса». Какая это жуткая и неопровержимая правда, как приглядишься к нашей революции!

Совещание, наконец, закончилось, и как будто ничем. Спасибо еще Церетели, что он нашел такую формулу, которую после долгих споров приняли подавляющим большинством. В коротких словах сошлись на следующем: «Программа будущей власти — на почве пожеланий, прочитанных Чхеидзе на Московском совещании 14 августа, это — одна основа. Создание парламента, пред которым эта власть будет ответственна — вторая. Делегирование пяти лиц для участия в организации власти — третье. Допущение в предпарламент представительства всех цензовых групп, которые делегировали своих членов в правительство, — четвертое.»

25 сентября. Вчера в Москве происходили выборы в районные думы. Подал от себя записку с № 1, т. е. за кадетскую партию. Если бы были партии правее ее, то с громаднейшим злорадством сунул бы в ящик и таковую. Впечатление в выборном присутствии в сторону апатии и равнодушия со стороны обывателей. Не шли ни с какими записками — обозлились, значит, и махнули на революцию рукой. Пусть, мол, будет как можно хуже.

Газеты испещрены известиями о солдатских бунтах в Чернигове, в Иркутске, в Гомеле и в Одесском округе; об

аграрных беспорядках в губерниях Харьковской, Черниговской и Саратовской.

Со вчерашнего дня началась забастовка на ж.д., кроме «фронтовых», т. е. Александровской, Киево-Воронежской и Виндавской. Но нельзя сказать, чтобы она подготовлялась, началась и проходит единодушно, — многие службы против забастовки. Однако создается прескверное положение: транспорт и продовольствие, да и оборона страны запутаются еще более, и, Россия, — кричи уж теперь караул! караул! и караул!

† В Петрограде сгорел Панаевский театр, причем погибло в огне более 20 человек.

Если это и не газетная утка, то очень знаменательно: удирающие внутрь страны без оглядки петроградские аристократы, богатеи и буржуй оставляют большую часть своего имущества в Петрограде под страховку и платят за это страховым обществам страховую премию по 60 р. с 1.000 р., но такая высокая премия определена только до момента занятия столицы неприятелем, а с того времени премия понижается до 40 р. с 1.000 р. Кто же, выходит, самый страшный для нас враг?

27 сентября. Наконец-то сформировался новый кабинет министров: торговли — А. И. Коновалов, труда — Кузьма Гвоздев, юстиции — Малянтович, путей сообщения — Неверовский, гос. контролер — С. А. Смирнов, финансов — М. В. Бернацкий, призрения — Н. М. Кишкин, пред. эконом, совета — С. Н. Третьяков, народного просвещения С. С. Салазкин, продовольствия — С. Н. Прокопович. Остальные те же, какие и были, кроме министра земледелия, пост которого пока не замещен. Перед «предпарламентом» открылись заседания «демократического совета», но и там то же, что и во всех прочих всяких советах: словоизвержительная борьба эсеров с эсдеками. Церетели и Брешко-Брешковская все время стараются умиротворить большевиков, да, кажется, ничего из этого не выйдет. Большевики разошлись вовсю, и того и гляди — от слов перейдут к делу. Что им предпарламент, да и само Учредительное собрание, когда их программа не учреждать, а разрушать. (Как горько это! Ведь и разрушать-то осталось только не учрежденное, а «разрушенное».) Правительство предлагает ж.д. служащим минимальные нормы содержания, разбитого на 14 категорий: 1-я для женщин — 40 р., для мужчин — 60 р., 14-я — муж. и жен. 360 р. в месяц. Кроме того, на дороговизну жизни для всех категорий одинаково в Петроградском районе 100 р. в месяц, в Московском — 90 р., и чем глубже к Сибири, тем меньше, например, в Сибирском районе, Среднеазиатском и

Дальневосточном только 30 р. Сверхурочные работы (свыше 8 ч.), конечно, особо и притом — в полуторном размере. Но забастовка там, где она началась, продолжается.

Опубликована новая декларация правительства. Созыв Учредительного Собрания не отсрочится ни на один день. В согласии с союзниками правительство в ближайшие дни примет участие в конференции союзных держав, причем кроме правительственных уполномоченных на нем будет особое лицо, «облеченное доверием демократических организаций» (не Ленин ли?). Далее в декларации и твердые цены, и «регулирование взаимных отношений между трудом и капиталом», и «привлечение кооперацій», и «государств, контроль над производством и частными предприятиями», и «передача земли сельскохозяйственного назначения в земельные комитеты», и «налоги на наследство, на прирост ценностей и предметы роскоши, поимущественный, повышение существующих, восстановление новых, в виде монополий», и т. д. и т. д., вплоть до «прекращения полномочий общественных исполнительных комитетов с момента выборов органов местного самоуправления» и до «признания за всеми народностями права на самоуправление». Для осуществления таких задач правительство учреждает «временный совет республики», с которым и будет в контакте до Учредительного собрания. Директория с сего дня свое существование (на деле не проявленное) прекращает. Керенский с военным и морским министрами выехал в Ставку.

Ж.-д. забастовка прекращается в ночь на сегодняшний день. А вчера днем она еще чувствовалась. Я был на Брянском вокзале, провожал в Луцк сына. Не знаю, как и доедет: еле втиснулся на площадку вагона второго класса, а его вестовой (Федор Рязанцев) поместился с вещами в уборной. Не только вагоны, площадки и переходы поезда переполнены, но и на крышах вагонов многолюдие необыкновенное! Леля поехал к месту своего нового служения: в 54-й саперный батальон. Дай Бог ему благополучного пути и скорого счастливого возвращения в Москву!

Вместо Чхеидзе председателем Петроградского С. с. и р. д. избран большевик Троцкий.

28 сентября. В Тамбове председателем местного с. р. и с. д. был избран Голощапов, который, как теперь установлено судебными властями, является беглым каторжником, совершившим 22 убийства.

Выборы в районные московские думы дали победу большевикам: из всех мест они получили 51 %, затем идут кадеты — 26 %, далее социал-революционеры — 14 %, и меньшевики —

4 %. Все остальные списки получили в общем только 5 %. Всего голосовало что-то около 350.000 чел., то есть не более 30 % избирателей. Дружно шли только солдаты, которые и дали победу большевикам, так как главный лозунг этой партии — немедленное прекращение войны.

Семья Романовых переведена в Абалахский монастырь, находящийся в 20 верстах от Тобольска.

2 октября. После ненастья и маленьких холодов установилась удивительная для осени погода: вчера, например, в 2 часа дня на солнце было около 30° тепла.

С каждым днем жизнь страны делается все ужаснее. Вчера, а особенно 30 сентября, такие ужасы и пакости сообщаются газетами, что читать жутко и тошно. На Румынском фронте уже обстреливают из тяжелых орудий город Галац. Немцы под прикрытием больших морских сил высадили десант в бухте Таггалахта, на острове Даго и на островах Эзель. Остров Даго от Петрограда в 375 верстах и от Ревеля в 125 верстах. Эзель на 25 верст дальше. Наши приморские батареи были моментально сбиты мощным огнем немецких дредноутов.

В Харькове и в Харьковском уезде погромное движение усиливается. Погромы продовольственные, солдатские и аграрные беспорядки отмечаются еще в Астрахани, в Царицыне, в Азове, в Аткарске, в Каменец-Подольской губ., в Рязанском уезде, в г. Остроге Волынской губ., в Тирасполе, в Бендерах, в Ржеве, в Вятской губ., в Кашире, в Кременчуге. Не стоит и записывать: везде скверно, а где если и тихо, то, может быть, только до завтра. Особенно безобразничают там, где доберутся до какого-нибудь винного склада. Как прав Дорошевич, советовавший уничтожить все спиртное, не дожидаясь, когда «обезумевшие рабы» сами доберутся до него. Однако где же Дорошевич? Что с ним? Отчего он ничего не пишет?

В ночь с 29 на 30 обворовали склад, доверенный мне о-вом «Самолет». Воры взобрались на крышу, оторвали несколько листов, подпилили подрешетник, потаскали товару тысячи на 3 и ушли незамеченными. И это теперь обыденное явление, потому что на улицах уже нет ни блаженной памяти городовых, ни ночных сторожей. А дворники или дворовые сторожа спят себе после 8-часового ничегонеделания или сами занимаются тем, в чем обвиняют непойманных воров. Зато уж теперь так водится: как только кого накроют на месте преступления, то происходит такой ужасный самосуд, от которого избави Господи самого бесчеловечного преступника. Вот когда уместно сказать: «О времена! О нравы!»

3 октября. Идут бои за обладание островом Эзель. † Пока что погиб миноносец «Гром». С неприятельской стороны потонуло (верно ли?) 2 миноносца и два сильно повреждены. О человеческих жертвах не пишут, но, конечно, они были.

Наши солдатики успели набезобразничать и во Франции. Самочинно ввели там русские революционные новшества, объявили, что воевать не следует, и стали оскорблять своих офицеров, а также и французское начальство. Дело превратилось в вооруженное столкновение с французским войском. До десяти солдат убито, до 50-ти ранено.

7 октября. «Гром *бесчестья* раздавайся!» Каждый день приносит известия все о новых и новых бедствиях. И каждое бедствие создается нашей преступной революцией. Острова Эзель, Моон и Даго заняты неприятелем, и наши части, находившиеся там, либо истреблены, либо остались в плену. 4 октября был у этих островов неравный бой: неприятель явился к Рижскому и Финскому заливам с флотилией в 100 вымпелов (чуть ли не две трети всего его боевого флота).

† У нас погиб броненосец «Слава» и один миноносец. Батареи у входа в Моонзунд были сметены огнем дредноутов в очень короткое время. Сверху немецкие самолеты забросали бомбами наши суда, пристани и островские поселения. Над Рижским и Финским заливами уже летают их цеппелины. Петроград и Ревель улепетывают во все лопатки. Эвакуация правительственных и общественных учреждений в полном ходу. Железные дороги и водные пути спасают спешно, что могут. Сколько теперь исторических, художественных и вообще дорогих предметов растеряется, разворуется, перетонет, исковеркается. Наживалось все это добро 2 столетия, кости великого Петра не один раз перевернутся теперь от такого величайшего позора. Но он утешится тем бесспорным обстоятельством, что окно, прорубленное им в Европу, будут замуровывать не его потомки, а случайные авантюристы, набежавшие к кормилу правления Россией из Бутырок и из Сибири.

Временное правительство объявило о роспуске 4-й Государственной Думы и об окончании полномочий членов Государственного Совета по выбору.

Делегатом на Парижской конференции союзников от русской демократии будет М. И. Скобелев.

10 октября. По утрам начались легонькие (до 2°) морозцы. Дождей и снега пока нет.

7 октября состоялось открытие Совета Российской Республики. Конечно началось с речи А. Ф. Керенского. Кадеты и эсеры аплодировали, большевики шикали. Опять горделивые слова, которым уже никто не верит: «Никогда насилием не будет сломлена воля нашей армии к торжеству права и справедливости… Мы хотим мира и права, но мы не склоним своей головы перед насилием…» Но были и такие признания, как: «Мы накануне великого экономического и финансового кризиса» и т. д. В общем светлее не стало. После Керенского зачем-то вытащили на трибуну пресловутую «бабушку», которая тоже ничего нового и хорошего не сказала кроме того, что вся земля должна перейти к народу. Заседание окончилось речью Н. Д. Авксентьева, избранного Председателем Совета. Товарищами его избраны Крохмаль (с-д), А. В. Пешехонов (народ, соц.) и В. Д. Набоков (кадет). Секретарем — М. В. Вишняк (с-р). А большевики покинули Совет Республики, заявив через своего лидера Троцкого, что в составе Совета преобладает цензовый элемент, значит, будет провоцироваться ужасная война и держаться курс, играющий на руку голоду, который должен задушить революцию. После этого возможно от большевиков ждать активного выступления с требованием передать всю власть им. Так им ее не отдадут, но они смогут *взять* ее, а в особенности в такой момент, когда правительство собирается покинуть Петроград и перебраться в Москву. Вот в чем я согласен с большевиками: бегут из Петрограда, значит — хотят отдать его без сопротивления немцам. Но зачем же воевать тогда, когда нет никакой надежды остановить врага в любом для него направлении?

Солдаты призыва 1897–1898 гг. распускаются с 10 октября.

Бастуют больничные служители, и тем же угрожают служащие учебных заведений.

М. В. Родзянко рассказывает журналистам, что Вильгельм был в Православном Рижском соборе, прикладывался к иконе и велел при богослужении упоминать здравие Императора Николая. Побеседовал с пленными русскими: офицерам сказал, что они рыцари, а солдатам, что они трусы и негодяи. В Риге полный порядок, тишина и в продовольствии острой нужды нет. Позавидуешь!

А у нас беспорядок, голодание и произвол «товарищей». Нет порядка и в действующей армии. Получил от 3-го октября письмо от сына, пишет, что ездит по Подольской губ. и никак не найдет своей части, т. е. 54-го саперного батальона. Теперь прикомандировался к Коменданту в Жмеринке (Подольск. губ.). «Пока, — говорит, — живем припеваючи, а про батальон ходят

слухи, что он в плену.» Значит, его и нескольких товарищей назначили в такую часть, которая находится сейчас «заграницей».

Морской генеральный штаб сообщает, что действовавший против германских морских сил наш флот выбрался на север, потеряв «Славу» и миноносец «Гром». Немец высаживает уже десант на полуострове Вердер, что, кажется, близко от Ревеля. Одним словом, дело идет как по писаному. Скоро увидим благочестивого «Василия Федоровича» */шутливое солдатское прозвище имп. Вильгельма — ред./* и других в православных храмах. Если и он молится о мире всего мира, то да услышит его Господь!

Цензовых представителей в Совете республики 153 чел., а демократических 344. Если бы не ушло 53 большевика, то всех оказалось бы там 550. Вообще расход людей на внутреннюю политику самый щедрый. Подсчитано, что в разных политических организациях числится 400.000 военнообязанных. Вот сколько ревгусаров расплодилось! И каких денег они стоят бедной России!

11 октября. Вчера состоялось второе заседание Совета республики. Опять речи Керенского, Верховского, Вердеревского, М. В. Алексеева, Мартова и др. А по поводу их длинных и похожих на сказанные в других бесчисленных заседаниях речей — длинные и тоже не нового содержания газетные статьи. Так вот и проводим время. Они говорят, а мы читаем, немец же все напирает. «Черт знает, что такое!», как воскликнул Милюков во время речи Военного министра. Тот все похвалялся, что он не как Корнилов, а между тем доложил Совету, что за 9 дней октября произошло в России 16 аграрных погромов, 8 пьяных погромов, 24 самочинных выступления с применением вооруженной силы. Верховский утверждает, что сейчас еще есть армия, а если бы не было, то Вильгельм не стал держать на русском фронте 13 дивизий. Но мы не знаем, так ли бездействуют эти дивизии, как наши. Стало быть, они делом занимаются, т. е. строят дороги, мосты, здания, земледельничают, шьют и т. д. Вон у нас сколько дивизий катаются по России и городам, портя паровозы и вагоны, или заполняют городские улицы, площади и рынки беспатентной торговлей и хулиганством.

В. Н. Львов, обвиняемый Керенским в причастности к Корниловской истории, пишет в газетах, что его сам Керенский посылал к Корнилову, и вообще многое такое, что и суд не разберет, а в особенности современный, который свои приговоры сочиняет не по своему убеждению, а под угрозой самочинных солдат, как это было в Сухомлиновском деле. Между прочим,

Львов описывает первую ночь своего ареста. Поместили его в Зимнем Дворце в комнате императрицы Марии Федоровны и в головах постели поставили двух часовых. Рядом же, в комнате Александра Третьего, находился Керенский и пел арию из оперы, мешая Львову спать. А в это время вся Россия спала, не зная, что ей грозит «Корниловская измена». В Зимнем Дворце разыгрывалась сценка для «Сатирикона» и «Бича», а вовсе не из чего-нибудь исторического. На Москву надвигается новая беда: Центральный Союз городских рабочих грозит с 15-го числа всеобщей забастовкой.

16 октября. М. С. Аджемов в своей речи в Совете республики сказал, что неприятелем *занята четверть России,* так неужели теперь надо еще объяснять цели войны?

Замечательные речи сказали на этом Совете две революционерки: Е. Д. Кускова и Л. И. Аксельрод. Даже кадеты аплодировали. А кадеты правеют до платформы Союза истинно-русских людей. На совещании общественных деятелей того же 12 октября казак-кубанец М. Н. Орлов говорил как известный черносотенец В. Г. Орлов и договорился до того, что назвал Керенского «полукровным еврейчиком». А. С. Белевский откровенно сказал, что лучшие люди теперь действительно «контрреволюционеры» или «корниловцы», и этого стыдиться нечего. Я согласен с ним.

Немцы на р. Эн, если верить французским известиям, за последнее время терпят неудачи. Французами взято в плен … ч. и много пушек.

В. А. Маклаков уехал послом в Париж.

Представитель казачества докладывал в Совете, что из донцов нет ни одного дезертира, что казацкие женщины и дети встретили бы их проклятьями. Что же наши бабы и ребятишки не покажут такого отношения двум миллионам наших дезертиров?

А. А. Брусилов и Н. В. Рузский на московском совещании общественных деятелей рассказывают о развале армии и плачут непритворными слезами, а в это время Керенский форсисто заявляет в республиканском Союзе, что Петроград укрепляется и будет защищаться до последней возможности и правительство не только не бежит оттуда, но даже надеется созвать Учредительное Собрание именно в Петрограде.

Московская всеобщая городская забастовка, слава Богу, отменена.

К. Бальмонт настроен «по-корниловски» и поет ему свои дивные песни:

Перед тобой склонен в восторге я,
Он предрешенный, твой удел:
Ведь имя Лавра и Георгия —
Герою битв и смелых дел.
С тобой душою вместе в плене я,
Но что бы ни промолвил суд,
Бойцу, я знаю, поколения
Венец лавровый принесут.

А рядом стихи с заглавием «Говорителю», значит, Керенскому:

Кем ты был? Что ты стал? Погляди на себя,
Прочитай очевидную повесть.
Тот, кем был ты любим, презирает тебя,
Усмотрев двоедушную совесть.

Ты не воля народа, не цвет, не зерно,
Ты вознесшийся колос бесплодный.
На картине времен ты всего лишь пятно,
Только присказка к сказке народной.

Что говорить: в историю Керенский, конечно, попадет, но и Бальмонтовское такое острое, веское и складное слово о нем тоже найдет себе место в истории, и по заслуге!

17 октября. В Совете республики выступали: по вопросам внешней политики — М. И. Терещенко и по вопросам продовольствия С. Н. Прокопович. В первой области смутно, во второй безотрадно, с ежедневным уклоном все к худшему и к худшему.

На итальянском фронте началось очень энергичное наступление австро-германцев.

Бразилия тоже ввязалась в войну и объявила ее Германии. Читатель! Считай сам, сколько теперь держав воюет, а я сбился со счета.

«Говоритель» сейчас в Ставке.

18 октября. Заем Свободы разбирается очень туго. Но вот объявлено от Синдиката по реализации 4,5 % ж.д. облигаций

выпуска 1917 года на 750 млн. р., что подписка на эти облигации превысила нарицательный капитал выпуска до такой степени, что подписавшиеся получат только 30 % подписанных ими сумм. Это очень знаменательно. Выходит, что под залог государственных имуществ не так охотно дают деньги, как под залог частных. Вот какое время настало!

Бедная Италия! Сообщают оттуда, что 2-я армия разбита, враги прорвались на «священную почву нашей родины», как гласит официальное сообщение Итальянской главной квартиры. «Некоторые части трусливо отступили, не оказав сопротивления, а некоторые сдались неприятелю без боя». По-русски, значит, завоевали!

По последним известиям, Романовы из Тобольска никуда не перемещались.

Погода все еще не зимняя. Утром легонькие морозцы, днем тепло и ясно. Навигация на Волге и ее притоках продолжается. На Московских скверах, на солнышке, можно еще видеть зеленую травку.

По австрийской радиотелеграмме видно, что итальянцы потеряли при отступлении более 60.000 пленными и 450 орудий.

19 октября. Наконец-то получил от сына известие (от 8-го числа), что он прибыл к месту своего назначения, т. е. в 54-й саперный батальон, который стоит в г. Новая-Ушица, Подольской губ; дай Бог, чтобы и там все было подобру-поздорову!

† На этих днях скончался Александр Альфонсович Зевеке, немец, но с американскими идеями и с русской простой душой. Когда-то был владельцем знаменитого «Зевекинского» пароходства, в коем в 1899 году и я имел честь служить. Покойный был для меня добрым и любезным. Царство ему небесное!

20 октября. Творится что-то невообразимое! Украинская Рада объявила Черноморский флот украинским и развешивает на судах флота свои флаги. Петроградский гарнизон почти в полном составе объявляет, что он относится к Временному правительству отрицательно и по первому приказу петроградского Совета р. д. выступит для свержения правительства и передачи всей власти Советам. Большинство петроградских полков требует немедленного прекращения войны и перемирия на всех фронтах.

Троцкий внес резолюцию с призывом к захвату власти рабочими и солдатами, к захвату всех земель и с нападками на командный состав и офицеров.

Даже М. Горький заговорил против большевицкого движения.

В «Новой Жизни» его статья с предостережением об ужасах уличных выступлений. Такой же Алексей Михайлович в душе буржуй и мещанин, как мы, грешные, осмеиваемые и презираемые им. Встревожился за свой уголок, где у него есть близкие и приятные ему существа, красивые вещи, уют и т. д., и вот боится, как бы «товарищи» все это не переломали.

21 октября. Вчера в Петрограде и Москве ожидалось «выступление» большевиков. Напуганному обывателю рисовалось, что ночью произойдут на квартиры вооруженные нападения, резня, грабежи, — одним словом, что-то вроде Варфоломеевской ночи. И вот «домовые комитеты»… (Да! Завелись комитеты по всяким делам, не только по правительственным, общественным и профессиональным, но и по жилищным делам, т. е. касающиеся кухни, спальной и дворницкой.) Вот блага так долгожданной свободы: она спеленала нашу жизнь бессмысленными комитетами, резолюциями, воззваниями, поборами, угрозами, самочинством. Ни есть, ни пить, ни спать, ни дышать свободно не можем. Была одна власть, теперь она над нами, под нами, с боков, сзади, перед нами — взнузданы мы все и уже бесимся. Сами норовим огрызнуться и ударить грозящего нам «товарища», и вот домовые комитеты на этих днях, и преимущественно вчера, собирались и совещались, как бы оберечь свои семьи, имущество и сон от анархических эксцессов, и тут обнаружилось, что большинство обывателей имеют и револьверы, и ружья, и кинжалы. Решено учредить ночное дежурство на лестницах, на парадных, на улицах перед входами в дома и т. д. Состоялись такие «стратегические» советы: как, мол, действовать, если ввалится шайка в 10–15 человек, и как действовать, когда дом осадит толпа в 500 – 1.000 чел. Таким образом и мы — 12 квартирантов дома Поповых в Просвирином пер., совещались с 9 до 11:30 вечера и решили по двое дежурить вооруженными с 12 ч. ночи до 7:30 ч. утра. На каждую смену вышло по 1 ч. с четвертью времени, и нам с соседом пришлось дежурить от 2:30 ночи до 3:45. У него был свой револьвер, а мне оставил мой предшественник по дежурству, так как у меня, кроме перочинного ножа, никогда никаких смертоубийственных орудий не было. Было очень скучно и смешно. Дом спал, в переулке тишина, ни людских голосов, ни собачьих, ни кошачьих, ни каких других звуков (впрочем, петухи немного попели). Фонари не горели, но зато светила великолепная луна и поблескивали звезды. Держался крохотный морозец, ветра не было и вообще чувствовалось недурно. И если так было у многих домов, то при осуществлении «выступления» действительно бы вышло что-

нибудь кровопролитное. Не у всех ведь револьверы были на запоре, как у меня, «непротивленца».

23 октября. В Калуге воинская сила, состоящая главным образом из казаков, арестовала местный совет рабочих. Вот бы попробовать и в других городах!

Боже мой! Что делается теперь у нас на Сухаревке, где мирно и тихо продавались, бывало, старые книги, дешевая мебель, поношенная обувь и одежда и из-под полы что-нибудь краденое, вроде часов, брошек и т. п. Продавцы и покупатели знали друг друга и ходили вместе спрыскивать покупки в трактиры и чайные. Было и тогда грязно и шумно, но не так страшно грязно и тесно, как теперь. Раньше чернело или пестрело от праздничного базара, а теперь все посерело: две трети этого скопища состоят из солдат, дезертиров или жуликов, носящих солдатскую форму (для бесплатной езды на трамваях). Одни из них — солдаты второй гильдии, т. е. продавцы калош, папирос, муки, масла, казенных солдатских вещей и всевозможных нужных и ненужных товаров, почему-то попадающих теперь в торговлю непременно через солдата. Вот где фронт, вот где тьма русской силы! Не то чтобы выносилось на рынок то, что произведено за неделю усидчивым трудом, нет, это все приобретено не усидчивым трудом, а устойчивым стоянием в хвостах или еще проще — грабежом. Никакой застенчивости, никакой тайны в продаже и покупке краденого, или заведомо спекулятивного. Вот оно — торжество хамократии! Вот куда приходите, Максим Горький и другие печальники и учители «великого русского народа», посмотреть, как с публичного торга продастся русская совесть, распоясавшаяся без городового до наглости, до преступления. В дворцах, Смольных институтах, в театрах, в Губернаторских домах, в редакциях газет теперь грязь, как на Сухаревке, но в них все-таки раздаются красивые слова, добрые призывы — вы это видите и славите «завоевания революции», но не знаете, что делается тут. Вы часто описывали грязь русских площадей и улиц, художественно и смешно подмечая в этой грязи роль свиней, собак, кошек, кур и ребятишек, — опишите же теперь, как в этой грязи барахтаются, хрюкают, ссорятся, дерутся и похабничают люди-свиньи.

24 октября. В Германии новый канцлер, баварский граф Гертлинг.

Итальянцы потеряли пленными более 150.000 чел. и орудий свыше 1.500.

У англичан с немцами произошел морской бой в Каттегате.

Результат — уничтожение англичанами германского вспомогательного крейсера и 10 сторожевых судов, без своих потерь.

Кронштадтские матросы самовольно увели из Петрограда стоявшую там под охраной морского штаба как историческая ценность бывшую императ. яхту «Штандарт». Тащили бы туда же все Адмиралтейство, чего церемониться с историческими ценностями!

Петроградский Совет р. и с. д. образовал «военно-революционный комитет» и предписал солдатам не исполнять никаких распоряжений по гарнизону, не подписанных военно-революционным комитетом. Штаб округа не признает это учреждение.

Генерал Верховский уволен «в отпуск по болезни». Временное управление военным министерством возложено на ген. Маниковского. Значит, Верховский или кончился, или только начинает. Если большевики вырвут власть у настоящего правительства, то этот товарищ будет им служить, как Корнилов правым.

Торгово-промышленная фракция Совета республики внесла запрос относительно забастовки текстильных рабочих в Иваново-Вознесенске. В запросе указывается, что там бастуют 50.000 текстильщиков, причем забастовщиками захвачены в свои руки все фабричные склады.

С сегодняшнего дня хлебный паек Москвы опять сокращается до полфунта в день.

25 октября. Вчера А. Ф. Керенский выступил от имени правительства в Совете республики. Он квалифицировал последние действия политической партии Ленина как предательство и измену Российскому государству и установил «полное, ясное и определенное состояние известной части населения Петрограда как состояние восстания», и им предложено немедленно начать соответствующее судебное следствие и произвести соответствующие аресты.

Керенский, между прочим, сказал вчера: «Я вообще предпочитаю, чтобы власть действовала более медленно, но зато более верно, а в нужный момент — более решительно.» Чушь какая-то!

Итальянцы в последнем поражении, оказывается, сдали пленными всего до 180.000 человек. Вот так Гинденбург!

Вот заголовки сегодняшних газет: «Анархия», «На погромах», «Бой в Казани», «Захват фабрик и заводов», «Бесчинства солдат», «Уничтожение лесов», «Продовольственные беспорядки»,

«Следствие над следствием», «Голод», «Разгром имения Тяньшанского», «Захват мельниц», «Грабежи», «Ультиматум городских служащих», «Убийство генерала Зебарова», «Осквернение мощей», «Карательный отряд в Калуге», «Самовольный захват участка», «Забастовки», «Самосуды», «Убийство князя Сангушко и разгром его замка», «Самочинные обыски», «Разгромы экономий» и т. д. и т. д. Так вот каждый день. Впрочем, с тою разницею, что вчера ужасов было меньше, чем сегодня, а завтра их будет больше, чем сегодня.

26 октября. Вот плоды политики Керенского: *властвовать медленно.* Большевики разогнали Совет республики, захватили телеграф, государственный банк, Петроградское телеграфное агентство, Балтийский вокзал, освободили своих ранее арестованных товарищей и т. п.

Мы ждали сегодня прочитать в газетах, что в исполнение решения правительства большевицкие вожди арестованы, а тут, выходит, как бы т. Троцкий и К° не арестовали наших Вреправителей. Да и газеты «наши», то есть «Русские ведом.», «Русское слово», «Утро России», «Раннее утро» и более правые, — сегодня не вышли. Читаем произведения большевиков и меньшевиков, т. е. «Социал-демократ», «Известия советов», «Вперед», «Труд» и т. п. газеты.

В Петрограде вчера то правительство разведет и наведет мосты, то большевики, при помощи своей «красной гвардии», наведут или разведут эти мосты. О том, что отряд матросов и солдат с броневиками явился в Совет республики и разогнал его, сообщил Городской Голова В. В. Руднев во вчерашнем заседании Московской думы. Он же сказал, что были арестованы министры Карташев и Прокопович, но потом освобождены, и что Керенский выехал на фронт, а Н. М. Кишкин назначен командующим вооруженными силами Петрограда, оставшимися верными вреправительству. Керенский-то «в нужный момент» сбежал из Петрограда, что, должно быть, и есть: «более решительно» (см. его речь, записан. 25 окт.).

Московский Совет р. и с. д. хочет действовать в контакте с Петроградским советом, но Центральный комитет советов ведет другую линию, более приемлемую правительством и обществом. И что мятутся, окаянные?! До Учредительного собрания осталось менее трех недель. Подождали бы.

В Московском совете р. и с. д. постановили образовать революционный комитет из семи членов: Ломов, Смирнов, Усиевич, Муралов, Константинов, Николаев и Тейтельбаум. Кто эти люди — Бог их ведает, но они берут на себя в Москве высшую

власть.

Сегодня впервые падал снег. Мороза нет. Туманно и сыро.

27 октября. Центральный исполнительный комитет объявляет, что фракции социалистов-революционеров, социал-демократов (меньшевиков), интернационалистов, народной социалистической группы не сочли возможным принять участие во Втором всероссийском съезде демократических советов и покинули его. Таким образом, Второй съезд рассматривается ими как частное совещание большевиков.

Смута в полном разгаре. По улицам Москвы пестрят воззвания двух правительств: Керенского и Ленина. Каждое говорит о незаконности супротивного. Вот положение покорного сына отечества! Кому ему подчиняться? Кремль вчера был окруженбольшевиками-солдатами, но позднее пришли юнкера иказаки и окружили цепь большевиков, а потом, говорят, их в свою очередь окружили новые большевики, и образовался какой-то слоеный пирог. В противовес революционному комитету в Москве образовался «комитет общественной безопасности» (городское самоуправление, крестьянский съезд, солдатский совет, почтово-телеграф. союз, земская управа, ж.-д. союз и командующий войсками).

Керенский в Пскове, откуда шлет приказы по армии. От имени вреправительства Коновалов издает воззвания из Зимнего дворца, который осажден большевицкими войсками, а со стороны Невы на Зимний дворец наведены пушки военного судна «Аврора». Позиции обеих сторон непримиримы. Большинство народа на стороне Временного правительства, а большинство петроградских солдат и рабочих — на стороне Ленина, Троцкого и К°. Что делается там, подробнее и точнее неизвестно. Сегодня вышли в Москве только «Социал-демократ», «Власть народа» и «Солдат и гражданин». Типографии и редакции других газет захвачены большевиками. В типографии, где печатались «Московский листок», «Фонарь» и «Сигнал», — работает новая газета «Анархия», торжествующая, что большевики берут верх, и уже предвкушающая, что в стране очень скоро наступит полная анархия — единственный и верный путь к спасению человечества.

Большевики захватили Мариинский дворец, штаб Петроградского округа, морское министерство, все вокзалы в Петрограде. 1, 4, 14 казачьи полки заявили о неподчинении Временному правительству. Большевики уверяют, что они уже арестовали и доставили в Петропавловскую крепость Вердеревского, Кишкина, Коновалова, Третьякова, Маслова (министра земледелия), Маниковского, Гвоздева, Малянтовича,

Смирнова, Салазкина, Бернацкого, Терещенко, Никитина, Карташева, Пальчинского, Рутенберга, Борисова и Лаврова.

Троцкий в заседании Петроградского совета 25-го октября сообщил, что совершилось бескровное свержение вреправительства и захват всей власти военно-революционным комитетом совета. «Были заняты все учреждения, все министры попрятались.»

«Государственный преступник Ленин», как его на этих днях окрестил Керенский, выступал тогда же в Петроградском совете и «был встречен долгими аплодисментами» (так пишет «Новая жизнь»). Самое важное в его речи, сулящее России кисельные реки, это: «Наше государство будет рабочим и пролетарским государством, в котором не только рабочие, но и богачи будут принуждены работать.»

28 октября. Сегодня с 5 часов утра до 6:15 опять дежурил с чужим револьвером в кармане на парадном подъезде. Слышал всю пушечную и ружейную пальбу. Утром на улицах очень неспокойно. Трамваи и телефон не работают, банки и все торговли закрыты. Местами караулы, дозоры и патрули. У всех крайне испуганный и недоумевающий вид. Не знают, идти ли по своим делам, не поймут, кто, где и почему стреляет. Школьники толпятся у ворот и подъездов. Тут и боязнь шальной пули, и любопытство.

Керенский объявился в Гатчине, откуда отдал приказ, что он прибыл во главе войск фронта, преданного родине.

Москва, конечно, объявлена на военном положении. Я бы сказал, что «на двухстороннем военном положении». Воюют не город с войсками, не войско с народом, а войско с войском. Кто по указке революционного комитета, кто на стороне комитета общественной безопасности.

Московский арсенал в Кремле взят большевиками, оружие расхищается. В Москве уж не хуже ли Петрограда? Захватываются комиссариаты, типографии, гаражи, склады.

Петроградский военно-революционный комитет большевиков постановил предложить германскому генеральному штабу немедленно начать мирные переговоры. Потребовано от английского посла выдачи тайных международных договоров, но им отвечено, что они могут получить их только силою. В конце концов английский, французский и итальянский послы отозваны в срочном порядке.

Большевики уже составили кабинет. Министр-председатель — Ленин. Иностранных дел — Троцкий, просвещения — Луначарский, финансов — И. И. Скворцов, внутр. дел и юстиции

— Рыков, путей сообщения — Рязанов, труда — Милютин.

В «Труде» напечатано, что при обстреле Зимнего дворца убитых и раненых около 500 человек и что Петроград взят верными правительству войсками (какому правительству —?).

10 ноября. Поистине, «человек предполагает, а Бог располагает»! Думал, что эти листы сплошь будут посвящены борьбе с иноземными неприятелями. Но вмешалась в ход событий революция и заняла в этой летописи первенствующее значение. С 27 февраля началась только увертюра к революции, а сама она, по крайней мере в Москву, со всеми своими ужасами препожаловала только к утру 28 октября. Вот что произошло за эти злосчастные 10 дней. Могу приступить к описанию того, что видел, слышал, переживал и читал тогда только, когда в Москве водворилось наружное спокойствие. Умышленно говорю «наружное», потому что внутреннего спокойствия нет ни у кого, и неизвестно, придет ли оно в этом году?!

Итак, большевики совершили переворот в свою пользу, но «не бескровно», как похвастался Троцкий. В одной Москве, говорят, от 5.000 до 7.000 жертв, а сколько испорчено зданий, имущества и всякого добра, и не перечесть.

Уже в субботу вечером 28 окт. послышались по Москве выстрелы ружей, пулеметов и пушек, но где это происходило, узнать было невозможно. Тревога разрасталась; начались денные и ночные дежурства. В нашем домовом комитете постановлено было дежурить сразу троим или четверым квартирантам, по 2–3 часа смена. Ночью никто из мужчин не раздевался и говорят, что так везде по всей необъятной Москве.

В воскресенье 29-го «буржуазных» газет опять не вышло, а в «Социал-демократе» уже напечатан форменный призыв большевиков к оружию, и что власть перешла уже к Советам, а также «декрет о мире», которым правительства и народы всех воюющих стран приглашаются немедленно заключить перемирие на 3 месяца. Декрет подписан «рабочим и крестьянским правительством». С врагами перемирие, а с единокровными братьями беспощадная война. До полдня еще можно было ходить по улицам (день был прекрасный, солнечный), но видно было, что междуусобная война затеяна не на шутку. Сухарева башня окружена какими-то солдатами (не знали еще, чьими: большевицкими или правительственными). Подъезды к ней со всех сторон перерыты канавами и забаррикадированы сухаревскими палатками. После обеден (к глубокой моей горести, не везде совершившихся и крайне малолюдных) стрельба пошла развиваться повсеместно. Но кто в кого стрелял и зачем в наших

местах, т. е. между Сретенкой и Стрелецким переулком, — совсем не разберешь. Однако можно было попасть под любой выстрел, стало известно, что у нас позиция большевиков, — оно и видно. Солдатики рваные, грязные, наглые, такого «дезертирного типа»; ружья держат раскорячась, нескладно, неумело — того и гляди его самого пришлепнет свой же выстрел. Видно, что и на войне не были, а если и были, то безо всякого ущерба для немцев.

Чем позднее, тем стрельба оглушительнее. Ходили слухи, что стреляют из пушек по Почтамту и по телефонной станции. Поздно вечером к нашему дому подошел какой-то воинский отряд, состоящий человек из 15, которым командовал не совсем трезвый подпрапорщик. Объявив нам, что они командированы «военно-революционным комитетом», они отобрали все имеющиеся в доме револьверы. Если бы это не было сделано добровольно, то они сделали бы во всех квартирах обыски, что было очень опасно, так как сплошь и рядом бывает, что при обысках пропадают и деньги и ценные вещи. Я почему-то очень боялся за свои резиновые калоши, не так давно приобретенные «в хвосте» за 15 руб. Впрочем, «командующий» этой экспедиции сказал своему товарищу в присутствии всех нас мужчин-квартирантов: «Публика-то тут чистенькая, не мешало бы посмотреть, что у них в комодах, а то ведь они нас не помилуют, попади-ка им в лапы.» Но, к счастью, среди солдат нашелся один, должно быть не пьющий и с совестью, — так тот отсоветовал делать обыск, и его послушались. В доме начались уже женские истерики и женский визг. Но тут «товарищи» стали уходить, оставив на лестнице сильный спиртной «дух» и унося с собой до десятка револьверов, которые завтра же, быть может, будут продаваться на Сухаревке нашему же брату, трусливому «буржую». Всю ночь слышалась пальба и из орудий, и из пулеметов, и из ружей.

30-го, в понедельник, было тише, но далеко от дома выходить опасно. На каждом шагу злые солдатские фигуры. К ним присоединились «красногвардейцы», молодые, плохо одетые люди из тех, которые вечно ищут мест и которые в былые годы жались к Хитрову рынку и составляли собой так называемую «золотую роту». У них через плечо висели на веревочках винтовки. У некоторых был просто глупый и даже идиотский вид. Возможно, что какая-нибудь сотня или даже несколько сотен вступили в «красную гвардию» идейно, но громадное большинство по озорству или недоразумению. Так и думалось, что они не ведают, что творят, и неизвестно еще, кого убьют или ранят — своего ли политического врага или единомышленника. Кстати, чувствовалось, что нет плана действий, нет

распорядительности.

Цензура задушила даже газету «Труд», орган социал-революционной партии. И вот, читаем теперь «Социал-демократа» и «Известия совета р. и с. д.». Там информация — «постольку-поскольку» это не задевает самолюбия большевиков, и лозунг «на кой черт нам Учредительное собрание, когда Советы прекрасно справляются с Россией». В «Социал-демократе» и «Известиях военно-революционного комитета», единственных газетах, выходивших за эти дни, печатаются ошеломляющие новости. Образовалось временное рабочее и крестьянское правительство, именуемое Советом народных комиссаров. Председатель совета — Владимир Ульянов (Ленин), народн. комиссар по внутр. делам — А. И. Рыков, земледелию — В. П. Милютин, труду — А. Г. Шляпников, торговли и пром. — В. П. Ногин, нар. просвещ. — А. В. Луначарский, финансов — И. И. Скворцов, иностр. дел — Л. Д. Бронштейн (Троцкий), юстиции — Г. И. Оппоков, продовольствию — И. А. Теодорович, почт и телегр. — Н. П. Авилов, по делам национальностей — И. В. Джугашвили, по делам военным и морским — трио: В. А. Овсеенко, Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко. (Овсеенко, Крыленко и Дыбенко, — точно из какого-нибудь чеховского рассказа!) Правительством объявлены декреты о немедленном перемирии, об отмене безо всякого выкупа помещичьей собственности на землю и о передаче удельных, монастырских и церковных земель со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями — во всенародное пользование «всех трудящихся на ней».

31-го во вторник днем стрельба была страшная. Об выходе из дома и думать нечего. В «Соц.-демократе» уже ликуют, пишут, что новая революция опрокинула трон Керенского, капиталистов и помещиков. А мы, мещанишки, не вышедшие на улицу для классовой борьбы и оберегая только свои семьи и свой скарб, все еще надеемся, что Керенский пришлет в Москву казаков, солдат с фронта и разгонит торжествующих большевиков. В. Ульянов-Ленин именем правительства объявляет, что выборы в Учредительное собрание должны быть проведены непременно в назначенный срок, то есть 12 ноября. Им же издан «декрет» о временном запрете выхода в свет буржуазных газет. Ходят слухи, что вызванные Временным правительством с фронта солдаты и казаки переходят на сторону большевиков, и теперь в Москве только юнкера самоотверженно защищают правительственные учреждения от захвата большевиков.

1-го ноября в среду попытался пробраться в контору, где на моей ответственности большие деньги и документы, но дошел

закоулками и переулками лишь до Лубянского проезда, дальше идти было невозможно: по Лубянской площади летели снаряды, шрапнель и пули. Говорят, юнкера отчаянно защищают здание телефона и Кремль. Почтамт и телеграф в руках большевиков. Возвращался домой под музыку выстрелов. Над головой и где-то близко, незримо, свистели пули, ударяясь в стены домов, разбивали стекла, грохотали по крышам, ранили, убивали и пугали мирных обывателей, а также — ворон и голубей. При этом путешествии подвергся двум обыскам, нет ли при себе оружия. «Соц.-демок.», или «Специал-денатурат», как теперь многие зовут этот погромный листок, пишет уже, что: «Самое имя офицера стало слишком ненавистно народу. Необходимо полное уничтожение офицерского звания. Все командиры должны быть выборные и должны оставаться солдатами, как бы ни были они образованы, опытны, какие бы ни были у них заслуги.» Там же напечатана телеграмма за подписью «главнокомандующего войсками, действующими против Керенского, подполковника Муравьева», что 30-го октября в ожесточенном бою под Царским селом революционная армия наголову разбила контрреволюционные войска Керенского и Корнилова. К вечеру в дом занесены слухи, что немцы взяли у нас Двинск, Ревель, Або, а у итальянцев — Венецию и 100.000 войска. Это, дескать, ответ Вильгельма на предложение немедленного перемирия.

В четверг, 2-го ноября, хотя стреляли не меньше, чем накануне, я твердо решил во что бы то ни стало добраться до конторы, до пристани и до своего дома, где живет мать и брат с семьей. Надо же знать — живы ли, все ли благополучно, и об себе успокоить. Пошел по Сретенке, увидел, что у Сретенских ворот оборваны трамвайные провода, обстреляны дома и колокольня Сретенского монастыря (ружейным огнем), и вернулся, чтобы идти по Мясницкой, но и там далее угла Милютина переулка идти было невозможно. Видно, что телефонная станция еще не сдалась большевикам. Ближе к ней, а в особенности церковь Архидиакона Евпла, — следы многодневной стрельбы. На тротуарах — осколки выбитых стекол и свалившаяся штукатурка. Трамвайные провода разорваны и в беспорядке валяются по улицам. Дошедшие до Милютина переулка — сейчас же пускаются в обратный путь, и уже бегом. Там что-нибудь ужасное: может быть, трупы, раненые, рукопашная схватка. Значит, опять в контору не попал и решил, что она попала под обстрел, разбита, разграблена и мой бедный Иван Евдокимович, старый и преданный страж, может быть, погиб. Но на пристань к Краснохолмскому мосту пробрался. Хотя было очень жутко. В пути от Покровских казарм до Устинского моста точно вымерло.

Все попрятались, за исключением уличных пикетов, которые то и дело постреливали не то в воздух, не то по форточкам и крышам, где только казалась им, вероятно несуществовавшая, засада. Когда шел по Устинскому мосту, с глубокой тоской поглядывал на Кремль. Он виден был в тот момент неотчетливо, не то туман (все эти дни после воскресенья снежная слякоть и мгла), не то дым от выстрелов или пожаров. Говорят, что его обстреливают с площадей и с Воробьевых гор. На пристани оказалось пока благополучно, но за час до моего прихода в дом Волка, насупротив нашей пристани, попал снаряд из трехдюймового орудия, поставленного на противоположном берегу р. Москвы для обстрела Кремля. Вот артиллерийское искусство большевиков: это не перелет, не недолет, а «криволет» — он угодил на полверсты левее и упал *сзади* пушки. С пристани пошел по Краснохолмскому мосту, через Таганку по Садовой. Встречались безумно мчавшиеся автомобили с безумными людьми, злобно поглядывавшими на каждого проходящего и готовыми беспрестанно стрелять в непонравившиеся им морды. Попадались кучки «красногвардейцев». Кто имел смелость спрашивать их, куда они торопятся, они важно отвечали: «на позиции». На какие позиции? На фронте ведь «немедленно перемирие». Значит, на позиции против Кремля, всероссийских святынь, и против бедных, униженных, оскорбленных и напуганных революционной расправой мальчиков-юнкеров. Спаси их Господи! Зашел на Курский вокзал. Там столпотворение Вавилонское. Много офицеров, солдат, красногвардейцев и самой разношерстной публики. Кто приехал, кто уезжает, кто тут застрял, боясь идти на московские улицы или не зная, где жить, где отдыхать, что делать. Вероятно, такая же картина наблюдается на станциях в близком ожидании наступающего неприятеля. С вокзала разными переулками добрался до Лефортовского. Там нашел мать, брата и родных — живыми. У них стало тише, а то было жутко, когда большевики обстреливали кадетские корпуса. Вечером в одну квартиру приехала с Александровского вокзала одна сестра милосердия, бывшая на Германском фронте. Она сказала, что в Москве страшнее, чем на войне.

В пятницу 3-го ноября Военно-революционный комитет издал «манифест», в котором торжественно объявляет, что «после пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов р. и с. д.». Манифест «кончается патетическими словами: «Слава павшим в

великой борьбе! Да будет их дело делом живущих.» Итак, гражданин Керенский весной, летом и осенью так образовал на бульварах, площадях и в рощах «товарищей», что они, проявив свою неспособность на поле брани с внешним врагом и дезертируя оттуда, оказались очень храбрыми в Петрограде и Москве и легко справились с небольшими кучками «юнкеров» и «белогвардейцев» (так названы студенты, выступавшие вместе с юнкерами). Нисколько не жалко теперь Керенского, позорно сбежавшего куда-то. Если бы он и победил, то все равно не вернул бы к себе былые симпатии. Теперь раскусили его. Что называется, «ни Богу свечка, ни черту кочерга». Комитет общественной безопасности (Руднев и К°) 2-го ноября в 5 час. вечера подписал с Военно-революционным комитетом «договор». Офицеры, юнкера и белая гвардия разоружаются. Большевики безусловно победили… Пускай так, но сегодня все вздохнули посвободнее и с утра бросились кто заниматься своими делами, кто смотреть, что сделалось за эти позорные дни с Белокаменной. Вышел приказ открыть магазины, лавки, трактиры и чайные, но как это сделать, когда не работают телеграф, почта, телефон, трамвай и банки? (Ж. д. по возможности действовали все время.) Штаб Керенского во главе с генералом Красновым и Войтинским арестован матросом Дыбенко. Керенский бежал, переодевшись в матросскую форму.

Сегодня, наконец, добрался до своей конторы. Иван жив и здоров; все пока цело. Но в том же доме стр/ахового/ о-ва «Россия» с Большой Лубянки и Лубянской площади следы бомбардировки. В некоторых местах пробиты стены и выбиты окна. Ходил на Театральную площадь, в Охотный ряд, на Тверскую, к Никитским воротам, по всей Мясницкой. Масса домов с громадными повреждениями. Особенно досталось «Метрополю», Думе, Малому театру, Национальной гостинице и многим домам по Тверской, Газетному переулку, Большой Никитской и в Милютинском переулке. Но сама телефонная станция как здание нисколько не повреждена (вот что значит строили ее не русские, а шведы!), внутри, конечно, через разбитые окна там понапорчено как следует, но этого увидать с переулка нельзя. Однако и сегодня среди половины дня разгорелась было сильная пальба. Может быть, холостыми снарядами для разгона публики, нахлынувшей на зрелище «поля сражения». Все-таки я только сегодня видел санитарные автомобили с несчастными ранеными. † А сколько убитых? Говорят, что около 5.000 человек. Бедные жертвы людского безверия, мрака и междуусобицы. Прости им Господи! И пожалей плачущих и скорбящих о них.

В субботу 4-го ноября уже совсем без выстрелов, но опять без банков, телефонов и трамваев, телеграф и почта начали действовать со вчерашнего полдня. Подается такая масса телеграмм, что мне пришлось на главном телеграфе стоять «в хвосте» целый час. Давал телеграмму сыну. Знаю, что он тревожится об нас, а еще более тревожусь я о нем. Теперь его положение, положение правоверного офицерика, прямо бедовое! Большевики командуют Москвой очень круто. Командующий Московским военным округом полковник Рябцев смещен, а на его место назначен *солдат* Муралов. Комиссар по гражданским делам Москвы М. И. Рогов. В Кремль не пускают, но я уже видел страшные язвы, нанесенные ему кощунственными руками: сорвана верхушка старинной башни, выходящей к Москве-реке (ближе к Москворецкому мосту), сбит крест с одной из глав «Василия Блаженного», разворочены часы на Спасской башне, и она кое-где поцарапана шрапнелью, наполовину разбита Никольская башня, и чтимый с 1812 года за свою неповрежденность от взрыва этой башни французами, образ Св. Николая Чудотворца уничтожен выстрелами без остатка. Старинные крепчайшие ворота исковерканы, разбиты и обожжены до жалкого вида, а в самом Кремле, говорят, разрушения еще страшнее. Как же это щадили его татары, поляки и французы? Неужто для нас ничего святого нет? Должно быть, так. По крайней мере я слышал, какой-то солдатишко, идя по Мясницкой, ораторствовал, «что там ихний Кремль, жись-то наша чай дороже». Подумаешь, до чего может дойти русский мужик своим умом! Хотя, разрушая народные святыни, он разрушает их все-таки для того только, чтобы кого-то там уничтожить, лишить жизни, а вовсе не для того, чтобы разворотить что-либо священное, целые века охранявшееся его же предками от нашествия иноплеменных и теперь уничтоженное его святотатственной рукой.

5-го ноября в воскресенье, слава Богу, спокойно. Можно было побывать в церкви и на Сухаревке. Вышли газеты меньшевиков. Конечно, протестуют против уничтожения свободы слова и печати, против разгона московской Думы, впервые избранной всеобщим голосованием. Протестуют против большевицкого террора, самочинных обысков и против попрания прав личности. Знаменательно заявление влиятельного большевика Луначарского. Он слышал об осквернении Кремля, о тысячах жертв и восклицает: «Вынести этого я не могу. Моя мера переполнена. Остановить этот ужас я бессилен», а потому — выходит из Совета народных комиссаров. Муралов объявляет о выборах командного состава в войсках, а тем генералам и

офицерам, которые не будут избраны на командные должности, предлагает в двухмесячный срок уволиться в отставку. Значит, «ищи себе другого места». Похоже на то, что в недалеком будущем придет к нам в пароходство какой-нибудь бывший начальник корпусного штаба, всю жизнь посвятивший себя военной науке и службе, и будет несмело спрашивать, нет ли у нас каких-нибудь письменных занятий на самое ничтожное жалование, чтобы семья не подохла от голода… Больно! Кое-где пошли трамваи, а про телефон говорят, что его не скоро еще наладят.

6-го ноября в понедельник можно бы и делом заняться, но банки еще не открыты, а потому ничего не клеится. Театры не работают. «Буржуазные» газеты все еще не выходят. Из состава нового правительства ушло еще несколько «министров»: В. Ногин, А. Рыков, И. Теодорович, В. Милютин, А. Шляпников и Д. Рязанов (комиссар путей сообщ.). Уходят, не соглашаясь с засилием чисто большевицкого правительства, действующего лишь средствами политического террора. Арестован управляющий госуд. Банком Шипов. От него Совет комиссаров требовал выдачи 10.000.000 на экстренные надобности Совета. Но он имел мужество отказать в этом захватчикам власти.

7-го ноября во вторник пишут, что гласные Думы не допущены в Думу на заседание. Они собрались в Университете Шанявского и вынесли резолюцию с протестом против такого беззакония.

† Ошеломлен и глубоко огорчен неожиданным известием о кончине своего друга с детства Василия Ивановича Зотова. Вот человек, которому надо бы дожить до 90-летнего возраста, но скончался он 53-х лет, от самой ничтожной причины, которая, вероятно, не возымела бы своего смертельного действия, если бы то случилось не в эти проклятые дни. Прыщик на носу, — он его сковырнул, — образовалось рожистое воспаление — лечил первый подвернувшийся врач, у которого, конечно, руки тряслись от слышавшейся канонады, и получилось заражение крови, и наш веселый, всегда бодрый, моложавый, никогда серьезно не хворавший — мирно почил утром 7-го ноября. Позднее, на его похоронах 9-го ноября, у его могилы я слышал разговор двух простых людей, вероятно, с его фабрики: «Таких людей уж теперь не будет. Дай Бог ему Царство Небесное.» Вот истинная оценка доброго, великодушного и приветливого друга моего, вот мой венок на его безвременную могилу. Вечная ему Память!

† 8-го ноября в среду, наконец, вышли настоящие газеты, то есть — «Русск. слово», «Русск. вед.», «Утро России» и др. На первых страницах — траурное объявление о кончине многих

московских обывателей, случайно погибших за эти дни или павших идейно. Царство им Небесное! Много скорбного, нерадостного и предвещающего новые народные бедствия помещено в этих газетах. Но во всех — надежда, что дело большевиков — только нарыв, который когда-нибудь да лопнет. «Русские вед.» прямо говорят, что: «Царство большевиков мертворожденно. Роковые слова «мене, текел, фарес» написаны на его стенах с самого его возникновения.» Статьи имеют такие заголовки: «На развалинах», «Апофеоз братоубийства», «Со взломом», «Трещина», «Украденный закон», «Братский бой», «Дни ужасов», «Террор» и т. п. В Петрограде правительство засело в Зимнем дворце, который порядочно испорчен стрельбой с Невы и с Дворцовой площади и разграблен. Министры были все арестованы, но потом оставлены под арестом только кадетствующие, т. е. Кишкин, Терещенко, Коновалов, Смирнов, Третьяков. Под Петроградом был бой казаков с матросами, которых было больше, чем казаков в 12–15 раз. И везде так. Вообще, за малым исключением, все солдаты, строго говоря «изменившие» Царскому правительству, еще раз за эти 8 месяцев успели изменить и другому правительству. Какой позор для нации! И как жестоко дралась эта рать громадная с небольшими кучками верных долгу! Никому пощады не было, убивали при этом священников, мирных граждан и даже не постыдились надругаться над «учителем революции» Г. В. Плехановым!

В министерствах никто не работает. Чиновники не признают новой власти. Все отбирается от них насилием. Все спуталось, все пошло к окончательной разрухе ужасающими скачками. Слухи о немецких победах не подтверждаются, но о победоносном шествии анархии по всей стране сообщается очень определенно. Железнодорожники, доведенные насилием и угрозами различных властей до отчаяния, грозят массовой стачкой. Тогда голод на фронте и в городах вступит в свои ужасные и неумолимые права. Горе России! Безумие овладело массами ее. Это гнев Божий!

Пуришкевича, конечно, арестовали.

Повреждений в Москве не исчислишь. Они и там, где я их видел (в особенности у Никитских ворот, где разбито и сожжено дотла несколько домов, от которых остались одни полуразрушенные стены. Там все погибло в огне: много живущих там и все добро, все имущество от подвалов до чердаков. И дома многоэтажные, с сотнями квартир.). В Кремле снаряды попали в Успенский Собор, в Чудов монастырь, в церковь 12-ти Апостолов, в Малый дворец и вообще, должно быть, пострадал наш Святой и седой Кремль больше, чем от нашествий иноплеменных. Пишут о многих разрушениях, пожарах, расстрелах, но Бог с ними! Лучше

уж сказать сразу, что, в общем, надо бы хуже — да нельзя. Может быть, эти ужасные картины пробудят совесть восставших брат на брата и не доведут политическую борьбу до повторения таких ужасов. Да и нет возможности записывать обо всем протокольно. Это не по моим силам и не по моему настроению.

† Случайно серьезно ранен в ноги в своей квартире Брусилов. Как старик с ума не сойдет от такой превратности судьбы! Застрелился от невыносимого состояния духа старый московский общественный деятель Ф. Ф. Воскресенский.

Казаки на Дону, что называется, окопались: ни к нам не идут на помощь, ни угля и хлеба нам не дают и к себе никого не пускают.

Украина и Финляндия провозгласили себя республиками и тоже с презрением относятся к нашему бедствию. Погибайте, мол, коль не сумели объединиться.

Кавказ тоже что-то устроил у себя «самостийное». Распадается великая Россия, трещит по всем швам. В Бессарабии автономия.

Одна только Церковь силится удержаться, и дай Бог, чтобы «не одолели врата адовы». В воскресенье выбран по жребию Святейшим Патриархом Московский Митрополит Тихон. (На Церковном Соборе были избраны 3 кандидата: он и Архиепископы Антоний и Арсений.)

Сегодня объявлено, что временный Верховный главнокомандующий Духонин не исполнил распоряжения Ленина и К° о немедленном перемирии и за это смещается, а на его место назначается *прапорщик* Крыленко. Ловко! Можно ли идти дальше, и что за честь победоносному великому Гинденбургу состязаться с прапорщиком Крыленко. Не лучше ли просто прислать к нам в Россию немецких жандармов и городовых и разогнать всю нашу шатию «в сером», а разных Врыленко, Дубенко, Гнусенко, Ленина и коммивояжера Троцкого связать и поместить в дом умалишенных, а затем в союзничестве с другими нашими неприятелями и с англичанами, французами, американцами и японцами разделить Россию на части и взять ее со всеми республиками, автономиями и комитетами под строжайшую опеку. Искренне говорю и говорю, как любящий свою бедную родину, — дай Бог, чтобы это совершилось.

Сегодня опять праздник с музыкой, революционными песнями, процессиями и флагами. Приказано не торговать, не учиться, не работать, а идти на Красную площадь, где вырыты могилы для жертв революции, стоявших на стороне большевиков, † По-христиански и по-человечески говорю — упокой их Господи! Но душа не лежит к афишированию этого скорбного, но мрачного

торжества. Я даже не пошел с утра за народом и провел день в тиши своей конторы за писанием этой роковой повести. Прости меня Господи и утешь осиротевших, но не дай торжествовать тем людям, которые сегодня распевали «Мы жертвою пали». Не было надобности в этих жертвах, и мирным путем можно добиться на земле Царствия Божьего. Нужно только быть *всем* безоружными.

На улицах расклеен приказ военно-революционного комитета о свободной выдаче в банках без ограничений сумм только по чекам на выдачу жалования служащим и заработка рабочим, а также необходимых для воинских частей, все же прочие выдачи ограничиваются 150 руб. в неделю. Такая чепуха, свидетельствующая о полном убожестве наших новоявленных администраторов. Ведь благодаря такому распоряжению вся торговая жизнь крупнейшего торгового центра остановится. Остановится и вся промышленная жизнь. Не имея возможности получать деньги за проданные товары, фабриканты не в состоянии ни купить материалы, ни заплатить рабочим. Черт знает, какое создается положение! Вот идиотство-то! А в Петрограде само «правительство» в лице Ленина и Луначарского (вернулся опять к власти, — видно, разобрался, что Кремль не настолько осквернен, чтобы плакать о нем) издало декрет о введении государственной монополии на объявления. Суть его в том, что печатание за плату объявлений в периодических изданиях печати, равно в сборниках и афишах, а также сдача объявлений в киоски, конторы и т. п. учреждения объявляется монополией государства. Печатать такие объявления могут только издания «временного рабочего и крестьянского правительства в Петрограде и издания местных советов р.с. и к.д.». Одним словом, большевики осуществляют легендарный проект черносотенной газеты дореволюционного времени «Земщина» или повторяют страничку из «Записок сумасшедшего». Да и чего ожидать от них, когда Троцкий сказал, что «свобода печати — буржуазный предрассудок», а Ленин сравнил защитников свободы печати с людьми, «останавливающими идущую вперед полным паром революцию».

В районе Балом-Перонн английскими войсками захвачено 8.000 пленных и прорвана линия противника на 5 миль. Также сообщают, что английские войска, оперирующие в Палестине, находятся от Иерусалима только в пяти милях. Из армии несутся мольбы, жалобы и стоны самого страшного содержания: «Медлить больше нельзя. Не дайте умереть от голода. Армия Северного фронта уже несколько дней не имеет ни крошки хлеба, а через 2–3 дня не будет иметь и сухарей»… «Люди больны, раздеты, разуты и обезумели от нечеловеческих лишений», и т. д.

Большевики захватили московскую контору Государственного банка и арестовали ее управляющего В. Я. Ковальницкого.

Зима делает попытку установиться. Немножко выпало снегу, и сегодня был мороз до 10°.

К вечеру ходил на Красную площадь. † У самой кремлевской стены, напротив верхних рядов, погребены сегодня борцы за власть большевиков. Похороны были гражданские. Музыка и песни революции. Могилы вырыты на площади торжественно, а не где-нибудь в тиши кладбищ. Все это как-то не идет простому русскому человеку. В народе, окружающем могилы, было какое-то мстительное настроение: из-за буржуев погибли, вот мы им покажем! Я не без опаски крестился и шептал «царствие им небесное!» Может, такое мое настроение контрреволюционно?

15 ноября. В субботу 11 числа сильно расшиб руку, и до сих пор чувствую себя нехорошо. Газеты читаю усиленно и вижу, что царствование большевиков пока что укрепляется. Они делают что хотят, и никакие протесты, никакой саботаж на них не действует. Государственный банк и все российское золото в их руках, Ленин и Троцкий действуют самодержавно, напористо и безо всяких церемоний даже в международных отношениях. Крыленко поехал заключать перемирие, а так как Духонин не признает его, то еще неизвестно, кто у нас Верх, главнокомандующий. Обысков, арестов, запрещений, разгромов, декретов, забастовок и всего прочего такого так много, как будто вся Россия осаждена кругом беспощадным неприятелем и не знает, как жить, как быть.

† На Красной площади без церковной обрядности похоронено более 400 человек. 3-го числа на Братском кладбище состоялись трогательные похороны по христианскому обряду 37 молодых людей (юнкеров, студентов, сестер милосердия), погибших в неравном бою с большевиками. Говорят и пишут, что их провожала несметная толпа. На могилах говорились речи, из коих речь Н. И. Астрова довела меня до слез. Он сказал что нужно, и, может быть, его слова проймут озверевшие сердца наших настоящих властителей. Но едва ли они удосужатся прочитать описание этих похорон. Бедные молодые люди! Думали ли они, что сложат свои головушки на Братском военном кладбище от своих же братьев, с которыми, быть может, иные шли рука об руку на настоящем ратном поле против неприятеля. Упокой, Господи, их и пожалей плачущих и скорбящих о них!

Погода стоит тоже мятежная. Чего-чего не было за эти дни: и мороз, и снег, и дождь, и снежный ураган, и буря, как летом! Сейчас снег, можно ехать на санях, а через час он исчезнет, и опять поезжай на колесах.

16 ноября. Крыленко сообщает подробности, как командированные им три товарища ехали к немцам предлагать немедленное перемирие. Немцы обещали дать ответ к двум часам дня 19 ноября. Должно быть, примут предложение, и выйдет, что как бы «краденое» купят, потому что это предложение от власти, серьезно нигде и никем не признаваемой. Дальше Троцкий сообщает нашим союзникам, что если они не согласятся вместе с нами заключить перемирие, то он не остановится перед заключением мира только с Германией.

Англичане заняли Иерусалим и объявили евреям, что те могут устраиваться в Палестине и основывать свое свободное государство.

Вчерашнее заседание Думы Московской (не в Думе, а в Университете Шанявского) было прервано солдатами, присланными военно-революц. комитетом. Было бурно, и кончилось тем, что гласные разъяснили солдатам цель их собрания и нелегальность действий новой власти, и солдаты, как везде и всегда, и тут изменили, уже большевикам, т. е. остались в заседании Думы и, так сказать, участвовали сами в ее занятиях, кончившихся, конечно, резолюцией с протестом против самочинства большевиков.

Установился санный путь.

17 ноября. Духонин объявлен Лениным-Троцким «врагом народа», Черемисов арестован, и проч., и проч.

«Викжель» — общежелезнодорожная организация («Вежеталь», как по своей малограмотности я перекрестил ее), то, было не поддававшаяся власти большевиков, теперь объединилась с ними.

В «Дне» характеристика некоторых народных комиссаров. Большинство из них либо бывшие черносотенники, либо явные жулики или пьяницы. Нечего сказать — компания теплая! Недаром в России стоит такая теплая зима в этом году!

Опубликовано воззвание от «Временного правительства», подписанное и.о. Министра-председателя Прокоповичем, министрами Малянтовичем, Никитиным, Ливеровским, Масловым и другими социалистами «за прочих министров». В нем они заявляют о незаконности власти большевиков, не признают их декретов, переговоров о мире, и надеются, что скоро будет положен конец господству насильников, и просят поддержать Учредительное собрание, которое назначается на 28 ноября. В Петрограде выборы закончились. По числу голосов больше всех, конечно, получили большевики — 415.587, потом идут кадеты —

245.628, социал-революционеры — 149.644, все прочие — ничтожное количество. Всего в выборах участвовало 923.354 лица (чуть ли не больше 70 %).

Большевики взяли из Государст. банка «на экстренные нужды» 25 млн. Еще более или менее добросовестно.

18 ноября. Все-таки надо признать, что наши настоящие властители Ленин и Троцкий люди недюжинные. Идут к своей цели напролом, пренебрегая никакими средствами. Если это и нахалы, то не рядовые, своего рода гении. Керенский перед ними мелок. Он может умереть, но него лучше того, что писали весной и летом, — уже не напишут.

На каких-то тюфяках, после царских, спит он теперь, и где он теперь находит слушателей для своего пустомельного, выходит, красноречия? Кто-то сказал, что «если вы хотите узнать, что такое слава, то спросите о том поросенка, нюхающего воздух».

Кстати, о славе, о честолюбии: обнародован декрет об отмене «сословий, званий и чинов». Все теперь (по Ленину) «граждане Российской республики». Но кто теперь возгордится таким «высоким» званием?

А в прошлом году я, выходец из крестьян Владимирской губ. и с 1911 г. «мещанин Сергиевского посада», ожидал пожалования меня в потомственные почетные граждане, согласно представления о том О-ва для содействия русскому торговому мореходству. Хорошо, что не успел получить этого звания, а то, пожалуй, считал бы теперь себя обиженным.

В Омске, под председательством Потанина, образовалось особое для Сибири правительство, не признающее Российской власти.

Петроградскую Думу Совет комиссаров «распустил», также как и Московскую. Конечно, она не думает подчиняться, но что она может сделать, когда штыки теперь на службе у Совета, а не у общественного мнения! В Москве, вот, законная, но разогнанная Дума только говорит, а в Управу ее не пускают и там хозяйничают большевики, причем председателем новой Думы является некто Афонин — полуграмотный мелкий подрядчик.

В Петрограде, при представлении толстовского «Живого трупа», публика, увидав в последнем акте на сцене городового, сначала несмело, а потом бурно и дружно зааплодировала. Видно, «старый друг — лучше новых двух».

Солдаты решили всерьез, что война кончена и нечего околачиваться на фронтах и в тылу, и разъезжаются по деревням (кстати, надо же участвовать в разгроме помещичьих и частновладельческих хозяйств). И кто их теперь удержит? Это уже

не дезертирство, а великое переселение серых народов. Может, к лучшему?

В Москве Совет рабочих вместо Ногина выбрал себе в председатели еще более левого большевика М. Н. Покровского.

20 ноября. Вчера исполнилось 40 месяцев войне, и она должна бы, по моему предсказанию, уже закончиться. И действительно — вчера начались переговоры парламентеров Крыленки с немецкими генералами о перемирии, но ведь эти переговоры того и гляди приведут к миру с немцами и к войне с нашими союзниками. Значит, запишем, что и после 40-месячных испытаний война еще продолжается.

Вчера же начались Москве выборы в Учредительное собрание. Подал свой голос за № 1, т. е. за кадетов, и от души желал бы им победить большевиков в этой бескровной войне. В общем, нельзя надеяться на преобладание кадетов в Учредительном собрании. Солдаты ломят влево напропалую. Войска могилевской Ставки было ощетинились против Крыленки, не пускали его в Ставку, но по последним известиям — Духонин оттуда уехал и она, все-таки, перейдет к большевикам. Все эти наши «спасители», и Корнилов, и Каледин, и Алексеев, и Духонин, храбры только соло, а нет чтобы сплотить вокруг себя многочисленную силу. Кажется, все они съехались в Новочеркасск, но это Ленина, Троцкого и Крыленко нисколько не пугает, и они уже командировали туда матросов и прочие «красоты русской революции», в лучшем виде расстреляют казаков или поднимут их против своих атаманов.

Большевики чувствуют себя не на шутку царями положения: в ответ на объявления министров Прокоповича, Никитина и К° издан «декрет» об аресте их, но те предусмотрительно разбежались. Может быть, тоже в Новочеркасск?

22 ноября. † В «Русском слове» напечатано потрясающее известие, что ген. Духонин убит в Ставке матросами-большевиками. Не верится даже, что свершился такой ужас. Честному генералу вечная память, а безумной революции позор, позор!

Вчера в Успенском Соборе состоялась интронизация «Святейшего Московского и всея Руси Патриарха Тихона».

Ставка, под угрозой прибывших гвардейцев и матросов, перешла во власть Крыленки, или «товарища Абрама», как кличут его в своей партии, а генералы Корнилов, Деникин и другие бежали из Быхова и направились, вероятно, в Новочеркасск. «Цо-то будет».

Арестованы генерал Маниковский, Петроградская городская

Дума (вскоре освобожденная от ареста) и некоторые редакторы «правых» газет. Эти газеты ежедневно закрываются, а на другой день выходят уже под другим названием. Их типографии реквизируются и там печатаются «труды» большевиков. Такого гонения на печать не было и при царском правительстве.

24 ноября. Печальное известие об убийстве Духонина, к великому сожалению, подтвердилось. Сам Крыленко защищал его, но матросы до того озверели, что *убитого* Духонина продолжали расстреливать и терзать штыками. Такого варварства и от русских нельзя было ожидать.

Товарищ Керенский! Где вы сами, где ваши убаюкивания, где ваше железо, где ваши портреты, акционировавшиеся за десятки тысяч руб., где ваши глупые поцелуи, дифирамбы бабушкам и дедушкам революции, ваши страшные слова о власти медленной, но верной, ваши демократические куртки и панибратство с курьерами министерских домов, и зачем вы дерзаете еще обращаться к народу и к солдатам с бледными, выдохшимися уговорами «опомниться» и заявляете, что вы не сложили еще власти. Что толку для России, если она когда-нибудь опять попадет к вам? Ну вас к черту — уйдите от нас или спрячьтесь в свою скорлупку, которую бедная, неразумная Россия приняла было за ясли спасителя Родины. Никакого вам оправдания — вы не друг, а враг своего отечества, и враг не по идее, а по вашему человеческому ничтожеству!

На Кавказском фронте заключено перемирие и его предложил командующий турками Вестиб-Паша. Это все-таки похоже на что-то. А главные парламентеры — Шнеур и К°, начавшие с немцами мирные переговоры 19 ноября, уехали ни с чем. Немцы, видно, «краденое не покупают» и предложили нам то, что даже Ленину и Троцкому не понравилось, так что переговоры отложены на неделю и должны состояться в Брест-Литовске.

Про полковника Шнеур, нашего главного делегата в перемирии, пишут определенно, что это бывший охранник и шпион.

Корнилов двигается на юг уже во главе 7.000 ударников. Большевицкие герои двигаются с разных сторон к Дону. Заваривается новая каша, может быть, еще горшая, чем нас угощали в Москве.

Декреты продолжают «просвещать и развращать» Российское государство. Упраздняется Сенат, Судебные установления, Мировой Институт, Следственная часть, Прокурорский надзор и Корпорация Присяжных Поверенных. Будет один только «Военно-революционный суд». Одним словом, суд правый уничтожается, и

будут судить нас «судьи неправедные».

Английским подданным выезд из России воспрещен, это за то, что англичане не выпустили наших двоих политических эмигрантов, вероятно задержанных там за какое-нибудь *уголовное* преступление, совершенное в Англии.

Кама, Волга, Ока и р. Москва встали. Навигация теперь закончена, с опозданием против обычного на целых полтора месяца.

В Москве из 1.150.000 избирателей в Учредительное Собрание явилось 764.763 чел., т. е. 66,5 %. Большевики получили 366.148 голосов и имеют 5 мест (Ленин, Скворцов, Бухарин, Игнатьев и Губельман), кадеты — 263.859 голосов — 4 места (Кокошкин, Маклаков, Астров и Новгородцев), социал-революционеры 62.260 — 1 место (В. В. Руднев). Прочие списки без мест.

27 ноября. Арестован Главный Избирательный Комитет Учредительного собрания. Причины довольно загадочны, но дело клонится к тому, что Учредительное Собрание будет сорвано большевиками. Они уже говорят, что при наличности Советов Учредительному Собранию делать нечего, а особливо в таком составе, когда в нем эсеров и кадет больше, чем большевиков.

Вышел новый декрет об отмене частной собственности на дома в городах. Вот так штука: не было ни денег, ни ценностей — был отцовский дом, нажитый его многолетними трудами, и вот теперь он не мой. Значит, если бы я его продал месяц тому назад, то были бы у меня вместо дома деньги, а теперь ни того, ни другого. Неужели этот декрет построен на научном основании? Кто же теперь ошибается так грубо: учители социал-демократов или их ученики?

Любой край теперь, кроме нашего, раем кажется, и тянет туда. Вот когда познается величие той истины, что «где справедливость — там и родина»! У нас же нет справедливости, стало быть, нет и родины!

28 ноября. Вчера вечером приехал в Москву Леля. Как я и ожидал, положение офицеров сделалось невыносимым. Солдаты глядят на них, как на злейших своих врагов. И не боявшийся страшных и непобедимых врагов-немцев мой бедный вояка забоялся своих родных солдатиков и, заявив о своей болезни в ноге, о которой молчал перед призывом на военную службу, получил возможность эвакуироваться для лечения в Москву. Что-то Бог даст дальше, но ясно, что добытые им через учение и ратные подвиги почетное звание офицера и знаки отличия будут

отняты у него солдатской властью. Ну, его еще дело такое, что лишение присвоенного и заслуженного заденет лишь его самолюбие, а вот каково кастовым офицерам и генералам и их семьям. Ведь если они не достигли 39-летнего возраста и не избраны на командные должности, то всех их низводят в солдаты, причем предстоят для дальнейшей жизни солдатские нары, солдатский котел, солдатское жалование, а для семей солдатский паек. И только достигшие 39-летнего возраста будут уволены в отставку. Значит, более молодые, хочешь не хочешь, — служи солдатом, хоть бы ты, начиная с кадетского корпуса, чуть не 30 лет учился военному искусству и завел большую семью, которую доселе имел возможность воспитывать и содержать в культурном порядке вещей.

Что же делается у нас? И что эти «трое», Ленин, Троцкий и Муралов, за законодатели превращения интеллигентных людей в каторжников? Неужто это их законное право и никто никогда не отменит их ужасных, бесчеловечных «декретов»? События последних дней не сулят скорого избавления от такого неслыханного произвола. Большевики сильны безусловно и даже там, где, казалось бы, они должны были встретить могучий отпор, т. е. на Украине, на Дону и в других «самоопределившихся» краях. Они победоносно завоевывают себе властное значение: несколько дней уже идет активная борьба большевиков с казаками, юнкерами и офицерами в Ростове-на-Дону, в Нахичевани, в Белгороде, и, по-видимому, Каледину и Корнилову не сдобровать. Значит, нет такой силы, которая могла бы урезонить ликующих большевиков. «Буржуазные» газеты надеются на образумление «темных масс», но я не вижу этого вскоре и склонен думать, что террор родины прогрессирует и может быть остановлен только союзом европейских государств, но для этого там нет теперь таких гениев, как Наполеон или Бисмарк.

Иерусалим англичанами еще не занят, а только окружен. А вот у нас большевики уже «заняли» Сенат, Петр/оградскую/ Судебную палату и друг. судебные установления (в исполнение декрета об устранении суда).

Бедный генерал Духонин! И мертвому ему не дают покоя: привезли было его прах на Киевское кладбище, но явились солдаты и не дали хоронить его там — хорони где хочешь, только не на кладбище. Что за дикий народ! Неужели у них нет никакой совести и она не гложет их хоть ночной порой, наедине с самим собой?

«Всероссийская Комиссия по выборам в Учредительное собрание» — освобождена от ареста, а Учредительное собрание

по декрету Ленина-Троцкого открывается не сегодня, а тогда, когда на него съедется не менее 400 чел. Собственно, это такая штука, что если большевики не захотят, то Учредительное собрание *никогда* не съедется. Вообще, с каждым днем все безотраднее.

Все наши послы при заграничных дворах получили отставки.

Сенсационный арест: посадили в тюрьму главного парламентера с немцами — Шнеура.

Петроградские «буржуазные» газеты опять прихлопнуты, а также и наше «Русское Слово» (с сегодняшнего числа).

В Кремль все еще не пускают. Видно, стыдно показать, как осквернены там братоубийственной войной Успенский собор, Церковь 12-ти Апостолов, Патриаршая ризница, Чудов монастырь и Малый дворец.

Театры Большой, Малый и Художественный открылись только на днях. В Малом театре засело в боевые дни 200 красногвардейцев, которые там так набезобразничали, что артисты плакали. Много из личного и казенного добра расхищено, растерзано и переломано.

Вот иллюстрация существующего в Москве внешнего порядка: в центре города, на Большой Лубянке, лежит уже пять дней дохлая лошадь, и если бы не морозная погода, то этой улицей не пройти бы. Мы морщим носы, когда читаем в описании Пекина, что там на улицах валяются дохлые кошки, а у самих-то под носом что делается?

29 ноября. Расклеено воззвание народных комиссаров «Всем, всем и всем». Предостерегают верноподданных большевиков, что буржуи взбунтовались всерьез. Каледин на Дону, Корнилов на юге, Дутов на Урале. Им объявлена беспощадная борьба; туда и сюда шлются и сами едут матросы, красногвардейцы и все другие, кому делать кроме нечего, а главное те, у коих совесть нечиста или готова на всякое, даже братоубийственное дело. И всех пуще орудуют матросы. Откуда взялась храбрость, завоевательные приемы и работоспособность не только морская, но и сухопутная?! Некоторые суда проникли в Ростов н/Д. и Таганрог, и производится форменная бомбардировка, а тысячи две матросов, кроме того, разъезжают в воинских поездах и то там, то тут орудуют, как в добрые старые времена орудовали против турок.

Воинственному азарту наших преторианцев помогает винное зелье. В Петрограде приступом взяты дворцовые винные погреба, и по всей России громятся всякие винные склады. Вино льется рекой, в нем товарищи прямо купаются. Никакими силами нельзя

приостановить это пьянство. Сам Луначарский заявил в Смольном, что в Петрограде царит пьяный ужас…

Кое-где заранее вино выливают в реки, в канализационные трубы и т. п. Так например, в Москве уничтожены громадные запасы Удельного вина.

Вчера в Петрограде к Таврическому дворцу, месту Учредительного Собрания, весь день шли громадные толпы «штатских». Это была мирная и внушительная демонстрация с лозунгами «Вся власть Учредительному Собранию». Самое Собрание официально, конечно, еще не могло открыться. Но собравшиеся 40–50 членов собрания (соц.-револ. и кадеты), однако, вошли в зал заседания и под председательством В. М. Чернова поговорили против большевиков (их не было), против их декретов и выразили единодушный протест против арестов членов Учредительного Собрания (Кокошкин, Шингарев и Кн. Долгоруков арестованы) и против отмены свободы печати. Решили собираться таким же порядком до тех пор, пока не соберется кворум, и тогда уже объявят официальное начало заседаний.

Наш рубль ценится теперь за границей в 4 копейки. В Москве курица стоит теперь 9 рублей, мясо 2 р. 80 к. фунт, масло коровье 6–7 р. фунт, сахар 5–6 р. фунт, башмаки стоят 200 р., мужской костюм 500–900 р. Банкротство России наступило. «Жалкие остатки великой страны», как вчера вслух помыслил какой-то почтенный господин, обходивший труп той несчастной лошади, которая все еще валяется на Лубянке…

Телефоны только начинают налаживаться, но и то больше для большевицких учреждений, да за особую единовременную плату в 150 р., а в целостном порядке заработают, говорят, еще не раньше как через месяц.

Трамвай, по обыкновению, наполовину занят бесплатными пассажирами (солдатами, красногвардейцами, милиционерами и «советскими» ревгусарами), а мы платим двугривенный за станцию. И то еще благодать, когда как-нибудь повиснешь на лесенке, а извозчик за расстояние, равное станции, дерет 10–15 р. Ломовые берут за воз 60–70 р., что на пуд груза ложится 1–1 р. 50 к.

30 ноября. Вот тебе, «бабушка, и Юрьев день, и Милюков!» Декретом народных комиссаров все кадеты признаны «врагами народа», а их вожаки, не исключая и таких «неприкосновенных» лиц, как члены Учредительного Собрания, арестуются и предаются Военно-революционному суду. В первую голову вчера арестован Ф. И. Родичев, уже участвовавший в первом частном

заседании Учредительного Собрания. Это будет почище гонений на Госуд. Думу. Штык-социалисты чувствуют себя всемогущее немцев, которые, как говорил Бисмарк, никого кроме Бога не боятся, — эти в первые голову «Бога не боятся», а про людей что уж говорить!

2 декабря. Родичев, должно быть, не арестован еще, но он, как и другие видные кадеты, приговорен к этому и, по-видимому, скрывается. Арестован Н. Н. Кутлер — это подтверждено.

Писал ли я, что Иерусалим наконец занят англичанами?.. А «мы» взяли Калугу, Белгород, Ростов и Нахичевань (по сообщению большевиков).

Павшую на Лубянке лошадку, наконец, убрали, но вчера я видел в разных местах еще три лошадиных трупа. Около них стаи собак. Все пошло попросту. Социализируемся вовсю!

Во всех газетах сегодня сообщается слух о побеге из Тобольска Николая Второго. Еще раньше писали о том, что его дочка Татьяна, переодевшись в мужской костюм, бежала в Англию.

† Застрелился генерал Скалой, участвовавший от русского генерального штаба в переговорах о перемирии с немцами. Трагическую его кончину приписывают несогласию его с демократическими делегатами, не останавливающимися на подписании сепаратного перемирия. В частности, таковое уже заключено нашим Румынским фронтом, в окончательной форме.

По Москве свободно разгуливают австрийцы-пленные. Кажется, заражаются от наших чудо-дезертиров и катаются себе на трамваях да околачиваются около рынков и калошных магазинов. Тоже в «коммерцию» вступают. «Торговые гости», выходит!

Мне хотелось встать «вверх ногами». Нет, должно быть, идет к тому, что всех нас, россиян, перекувырнут вверх тормашками, независимо от того, какое мы сами, «свободные» граждане, желали бы иметь положение…

5 декабря. Слухи о побеге Николая Второго опровергаются.

Итальянские подводные лодки в Триестской гавани потопили австрийский броненосец «Вена» и повредили броненосец «Монарх».

3-го декабря в Москве произошла манифестация в защиту Учредительного собрания. Я на улицу не выходил и сам ничего не видел, но по газетам можно вывести заключение, что манифестация имела внушительные размеры и порядочно-таки рассердила большевиков, которые даже не допустили гласных

Думы в Университет Шанявского, где предполагалось заседание Думы. Оно состоялось *под открытым небом* на Миусской площади. Высшие служащие старой Городской Управы бастуют, и вообще сейчас никакой управы над городом нет. Хозяйствуют районные большевики и какой-то Афонин. Впрочем, «какому-то Афонину» выдано уже на нужды города из Гос. банка 16 млн.

Судебные учреждения в Москве вчера закрыты военной силой, явившейся по распоряжению Муралова (*Маралова* или *Мурлова* — как его зовут «близко знающие»).

Но Ростов-на-Дону и Нахичевань заняты казаками. Значит, большевики не везде еще воцарились. Точно так же в Киеве и Харькове им дан отпор со стороны Украинской Рады.

Перемирие с немцами, австрийцами, турками и болгарами заключено до 1-го января 18 г.; сейчас же начнутся переговоры о мире, в которых наши союзники, должно быть, участвовать не хотят. Не говоря уже о кадетах, и социал-революционеры предсказывают, что будет заключен *похабный* мир.

Японцы уже совершили оккупацию Владивостока. Вот это дело!

Только что же немцы не делают этого в отношении Петрограда, а англичане — в отношении Архангельска? Кажется, в этом только и есть проблески спасения России от самоуничтожения.

9 декабря. В Петрограде «осадное» положение, а в Москве с 8-го по 20-е объявлено «военное положение», причем газеты и всякие печатные произведения на это время подвергаются предварительной цензуре, вследствие этого сегодня ни одна не только «буржуазная», но и «эсеровская» газета не вышла. Видно, переговоры насчет «мира» и объявленная война малороссийской Раде, а также действия Каледина, Корнилова и Дутова не по носу их величествам большевикам. (Сам Горький в «Новой жизни» сознается уже, что у нас сейчас не революция, а типичный «русский бунт». Он же подсчитывает, что было за время «свободы» 10.000 самосудов.)

Последнее развлечение солдат и красногвардейцев — срывать погоны с несчастных офицеров. Публика вступается за последних, но это только разжигает страсти. Были случаи убиения и избиения сопротивляющихся расстаться с признаками своего почетного звания.

Свод «заборных законов», как называются остряками декреты народных комиссаров, утолщается каждый день, но, кажется, они никем не выполняются, хотя за неисполнение их угрожают тюрьмой и конфискацией всего имущества. А так как старые

законы упразднены Лениным-Троцким-Луначарским (собственно по законам комиссарствует особая штучка — Стучка), то теперь царит полное беззаконие. Преступления не караются, об них даже некому заявить, налоги и повинности не вносятся — боятся, как бы потом не заплатить их вдругорядь, — но жить жутко: каждый мало-мальски порядочный человек теперь «враг народа», и любой из них — страшный преступник, потому что он не принимает участия в разбоях, захватах, поруганиях над лучшими людьми, обысках и доносах, что только и находится сейчас под защитой «заборных законов».

15 декабря. Так долго не писал, но что писать-то? Мир еще не заключен, и переговоры об нем окружены какой-то тайной, а война «внутренняя» продолжается. Ничего отрадного не предвидится в ближайшем будущем. Учредительное Собрание все еще не открыто. Шествует царь-голод, бесхлебица и царица нищеты — безработица. Чернорабочие требуют уравнения платы с рабочими обученными, солдаты — с красногвардейцами, красногвардейцы — с офицерами. Заводы и фабрики вешают на двери замки; банки по неделе совсем закрыты. Арестуют фабрикантов, банковских директоров, городские служащие бастуют. Воровство, грабежи повсеместные. Если кто еще не обворован, то не потому, что он принял какие-то меры, а потому, что до него очередь не дошла. «Не разорваться же грабителям! Везде сразу не успеешь!»

В Москве установилась настоящая зима: 10–15 гр. мороза и отличный санный путь.

22 декабря. Каждый день выходят новые «декреты», и их было столько, что, кажется, все уже теперь у нас разрушено и в жизни такой сумбур, с которым не справятся никакие силы. Недаром Вильгельм ведет переговоры о мире. Видно, он не думает когда-либо дождаться в России внутреннего порядка и уже не отказывается взять, стало быть, русские векселя за подписью доверенных «без доверенности». Но в последние дни после ликующих сообщений Троцкого, Луначарского, Крыленки и Каменева о полном согласии немцев на *наши* условия пошли оговорки, что «а вот на это немцы не согласны, но мы заставим их согласиться, а иначе будем воевать». Да разве мы можем теперь воевать? После разгрома офицерского института, после обнажения всех фронтов и разграбления дезертирами прифронтовых хозяйств — наше военное значение свелось к нулю. «Вперед» идут теперь только красногвардейцы, да и то не против внешнего, а против «внутреннего врага». Значит, на немца

и они не пойдут, ибо не изменят своему лозунгу «долой войну».

† В Сочи убили обыкновенным разбойничьим манером старика Горемыкина, его жену, дочь и зятя. Несколько недель тому назад умер Штюрмер. Старые греховодники не могли дождаться земного справедливого суда. Прости им Господи!

Да и какой теперь суд в России — суд Александра Второго, со всеми «новеллами», отменен и введен «Революционный трибунал», который судит только тех, кто «не большевик». Всякие другие преступления, должно быть, караться не будут.

Учредительное Собрание назначено к открытию 5-го января, но опять при условии сбора 400 членов.

Теперь взялись за эсеров и на днях арестовали Авксентьева.

Декретом народных комиссаров отныне в России церковные браки аннулируются и признаются только «гражданские».

Дают хлеба по карточкам $^1/_4$ ф. на чел. в сутки. Но на Сухаревке открыто торгуют ржаным хлебом и мукой, но Боже мой! — какие цены: черный хлеб — 2 р. 50 к. за фунт, белая мука — 150 р. за пуд. Курица дошла уже до 10 р., окорок ветчины до 150 р., чай — 12 р. фунт, сахар — 6 р. фунт, ситец — 2–4 р. аршин, шелковые от 51 р., трико — 100–120 р., женские ботинки — 200–250 р., сапоги простые — 100–150 р., молоко — 1 р. 25 к. кружка (два стакана), спиртом торгуют по 1.500 р. за ведро, водкой — 50–60 р. за бутылку. Как это все ни нелепо, но «бойкота» продавцам нет и даже, что называется, «рвут нарасхват» все, что ни продавалось бы.

Ждем не дождемся немецких товаров и, кажется, они не за горами, но тогда что будут делать наши миллионы безработных? Вот тогда, должно быть, и начнется самая-то главная «революция», т. е. истребление друг друга из-за куска хлеба. Теперь класс на класс, а тогда брат на брата. Господи! Помилуй нас, грешных, не прогневайся до конца Своего долготерпения!

С «национализацией» частных банков и с ревизией стальных комнат, где в несгораемых ящиках хранятся частные бумаги и драгоценности, — пока ничего не выходит. И банки, и кладовые пока что закрыты. Некому там работать. Служащие бастуют, а у большевиков на службе одни только «красногвардейцы», способности которых довольно-таки однообразны.

Угроз о взносе казенных повинностей и налогов сколько угодно, но касс и людей для приема их нет, и кто даже хотел бы выполнять веления народных комиссаров, — постоит-постоит около закрытых дверей банковских или казначейских касс, а потом плюнет и решит предать себя самой судьбе. И вот, таким образом, вся финансовая жизнь России запуталась до безвыходного положения.

Немцы со своими союзниками сказали нашим делегатам, что из Польши, Лифляндии, Курляндии и Эстляндии они своих войск не выведут, потому что поляки, прибалтийские немцы и латыши уже «самоопределились», т. е. предпочитают германское иго русской свободе. Правильно! Финляндия теперь уже совершенно независима от России, и назначила к нашему «двору» своего посла. Мы, конечно, ответили ей тем же, делегировав послом какого-то матроса-большевика.

В газете М. Горького «Новая жизнь» Крыленко назван «фельдмаршалом». У нас до него было много генералов и офицеров, но не было «фельдмаршала», а теперь нет ни генералов, ни офицеров, зато есть Крыленко.

Вот как редко стал я пописывать. Конечно, история от этого не пострадает — за ней следят теперь в оба мужи науки и искусства. Но, я думаю, и они ошеломлены всем происходящим, и их мозги не могут работать спокойно в такое время, когда волосы дыбом встают от ужасов современности.

С 20-го числа московские «буржуазные» газеты стали опять выходить (кроме «Русского слова»), но я не вижу в них ни ярких статей, ни утешительных известий. Тошнит от них, как тошнило все это время от «Правды», «Социал-демократа» и «Известий с.р. и с. д.».

28 декабря. «Русские ведомости», критикуя новые «декреты» о земле, приходят к заключению, что «таким образом, полное уничтожение частновладельческого хозяйства, обострение продовольственного кризиса, обезземеливание значительной части крестьянства, лишение заработка деревенских рабочих и огромная подушная подать в пользу комитетчиков — вот краткий перечень результатов большевицких декретов о земле, если бы кто-нибудь принял их всерьез».

В полночь на сегодня часовая стрелка переведена на час назад, т. е. восстановлено нормальное исчисление времени. К слову сказать, это сделано по «декрету» народных комиссаров, и единственно этот декрет принят и исполнен всеми беспрекословно.

«Верх. главнок.» Крыленко издал «приказ по армиям», где говорится, что: «Дело мира в опасности… Американские и французские капиталисты дают деньги на вооружение калединцам. Немецкая буржуазия готова войти в союз с ними, чтобы удушить русскую революцию внутри страны». Далее — призыв «к священной войне против российской, немецкой, англо-французской буржуазии», для чего «должна быть создана всюду революционная, народная, социалистическая гвардия на фронте и

в тылу» Знаем мы эти гвардии!

Троцкий сам поехал в Брест-Литовск пугать немцев.

Английский посол Бьюкенен уехал из России «в отпуск по болезни» и, вероятно, навсегда. «Болезнь», разумеется, «дипломатическая».

† Убили (солдаты, конечно) атамана Терского казачества Караулова, бывшего членом последней Государственной Думы.

Большевики, однако, оказались необыкновенно воинственными. Перенеся войну с вражеских фронтов на своих соплеменников — буржуев, юнкеров, офицеров и казаков, — теперь поговаривают уже о войне с немцами. Сам Ленин-Ульянов сказал на днях: «Я боюсь, что нам придется приостановить демобилизацию и готовиться к войне. Если Германия и ее союзники не примут наших условий, то мы объявим революционную войну Германии. На позорный мир мы не пойдем.»

29 декабря. † В Севастополе матросы убили 62 офицера (в том числе нескольких адмиралов), а всех других арестовали. Вот что делается у нас!

Перемирие продлено с 5-го января еще на месяц.

Украинцы воюют с большевиками не на шутку. В Харькове и Полтаве форменная война.

Нехорошо и в Сибири. В Иркутске междуусобица продолжалась 10 дней, и тогда погибло до 8.000 человек. Население бежит, нет ни продовольствия, ни освещения.

Пьяные погромы, голодные бунты и всякого рода вооруженные безобразия приняли затяжной и все разрастающийся характер. Было много случаев ограбления самих большевицких вождей. Вот уж поистине «своя своих не познаша»!

Ходил в Городскую Управу. Нужно было оформить дело по аренде пристани пароходства «Самолет». Никакого толка не добился. Одни отделения совсем закрыты, в других сидят 2–3 штрейкбрехера, ничего не знающие, ничего не понимающие и на вид подозрительные. И так теперь в банках, в казначействах, во всяких присутственных местах. Денег мало кто несет, их или взять уже негде, или страшно платить штрейкбрехерам — не пришлось бы платить потом в другой раз, а главное, никто не знает, за что платить, сколько платить, куда платить. Все в недоумении и даже в страхе;. с одной стороны неизвестность, с другой — грозные «заборные» декреты — платить без повесток, а иначе — арест и конфискация имущества. В «Утре России» Н. Устрялов пишет сегодня, что «всероссийское правительство средь бела дня и на виду у всех занимается грабительством и

шантажом». Что верно, то верно!

Друг мой П. А. Оленин, по-теперешнему «черносотенный» писатель, живет в эту зиму в Касимове и просит писать ему о московских действиях. Не мог я исполнить его просьбы, но нацарапал ему, как видите, «эскизно», следующую картину моих настоящих настроений, начав послание словами Пушкина из А. Шенье, как будто отвечающими нашему времени:

> …Закон,
> На вольность опершись, провозгласил равенство,
> И мы воскликнули: «блаженство!»…
> О горе! о безумный сон!
> Где вольность и закон? Над нами
> Единый властвует топор.
> Мы свергнули царей? Убийцу с палачами
> Избрали мы в цари! О ужас, о позор!

Дальше что — сам вспомнишь потому, что знаешь наизусть не только Пушкина, но и Оленина-Волгаря.

12-го ноября ты пишешь мне, что ждешь от меня как «правдивого летописца» описания московского действа. Я записал его, но уж очень длинно вышло, так что давай отложим это удовольствие до тех времен, когда, Бог даст, наступит «на земле мир и в человецех благоволение». Да и в газетах все было описано без утайки. Я думаю, что ты достаточно информировал себя.

Для меня, человека в сущности необразованного, теперь совершенно ясно, что «свобода» — это самое страшное рабство. Все теперь взрослые люди обвиты, спеленуты, затянуты политической дисциплиной, профессиональными союзами, советами, комитетами, мандатами, карточками, декретами, нормировками, налогами, обысками, самоохраной, экспроприациями, уплотнением, углублением, на всех точно надели серые мешки, всех занумеровали, всех ограничили и всем наказали: «Лопай, плюй, спи и не разговаривай». И только неосмысленным подросткам теперь такая свобода, какой никто из нас не имел, да и не нуждался. По московским тротуарам и бульварам шляются на коньках отчаянные мальчишки с папиросами в губах, а около бань прохаживаются для продажи своих хилых прелестей их сверстницы, лишенные стыда и надзора, потому что теперь нет ни проституции, ни церковных браков. Все свободно, все ограждено, но не ограждено ни от преступлений, ни от ужасных болезней. Впрочем, их будущность ужаснее переживаемого нами — взрослыми. Да и вообще все то, что впереди, — не возрадует ни одной глубокой души. Не будет

такого поколения, появление которого примирило бы человечество с его теперешними поношениями. Не будет ни голубых, ни синих, ни карих глаз. Нельзя и не демократично любоваться голубым небом, синевою морей и зеленью лесов и лугов. Будут все «красноглазые», от непрестанного зрелища красных тряпок и от кровавого похмелья. Счастливое животное царство! Порода там никогда не потеряет значение: пойнтер с дворняжкой не смешается, и тот же красногвардеец, слямзивший винтовку для охоты по уткам, посвищет себе в помощь лягаша, а не подворотного лаятеля.

Христос, — говорили мне, — социалист, и все его учение сводилось к тому, что Царство Небесное внутри нас, и мы должны стремиться сделать рай на земле. Нечего сказать, сделали, но рай серый, «сахалинский», все из общего котла. Все пожалуйте в дворняжки! Тебя из командиров в матросы, меня в сторожа, офицера в кашевары, студента — в приготовишки, а дезертира — в начальники штаба «вверх ногами». Не лучше ли сделать, как говорил Гартман: «Жизнь есть зло. Когда это ясно сознает наконец все человечество, тогда актом единодушной воли оно уничтожит себя, тем же ударом оно уничтожит и божество. Такова будет развязка всеобщей мировой трагедии.» И не идет ли дело к такому концу?

Божественное, царственное и человеческое — вот три кита, на которых зиждились история, красота, блеск, богатство, бедность, горе, радость, изящество, искусство, труд, изобретательность, природа, преступление и все то добро и зло, которые спокон веки существовали и, по наивному, может быть, представлению людей, давали им ключи в рай или в ад.

«Цари и убогие в равном бе достоинстве» — предстанут на суд Царя Небесного. Вот оно настоящее-то равенство, вот оно где начиналось! Не здесь, а на рубеже жизни и смерти! Вдумайся в это. В неравенстве людей — величие Бога. Уравнение их — все без погон, без имени, занумерованные — арестанты земли, а не небожители.

Читал ли ты, что сказал про капиталистов Троцкий? Они, — говорит, — собирают деньги и учреждают фабрики, дома терпимости, типографии и тем разоряют народ (значит, «кровушку» их пьют). А что ты скажешь про такое коммерческое предприятие, как их Совет? Ведь там теперь не собрано, а с народа содрано столько денег, что они дали возможность Совету разбойничать напропалую: захватывать чужую собственность, разорять отцов наследие, кощунствовать, святотатствовать, междуусобничать, унижать, оскорблять и т. д. Допустим, что это грандиозное коммерческое предприятие, скажем, «дом русской

нетерпимости», оплачивая широко труды своих агентов-дезертиров, автомобильных наездников и разных «ревгусаров», переместит денежки и пожитки «буржуев» к пролетариату, тогда-то что же делать смятенному русскому человечеству, какое еще «углубление» предстоит ему?

Передо мной, «буржуем», неотступно проходит видение прошлой собственной жизни. (Много значит прожить полвека, можно сказать, что только в эту пору человек и достоин права голоса. Сколько десятков миллионов белогубых юношей, баб и девок отдали свои голоса большевикам только потому, что не знают еще жизни, и сколько из них, придя к нашему возрасту, сознаются потом, что они не ведали, что творили.) Я родился в деревне, и хотя меня с двух лет сделали горожанином, но лет 10 потом я был ближайшим свидетелем крестьянских трудов своих дядей, теток, двоюродных братьев и сестер. Я не помню, но знаю, что и родители мои пахали, боронили и молотили. Я много спал на полу, в сенях, в сенных сараях, на постоялых дворах, а потом и в казармах. Ранние годы ел суровую пищу, и копеечный пряник был для меня таким же лакомством, как впоследствии итальянская лягушка от Кирпикова. Лет с 15 я был в отцовском амбаре «мальчиком», то есть ходил за кипятком и водкой для господ приказчиков, а с 17 лет меня стали посылать по ярмаркам, и мне приходилось выезжать на лошадях зимнею порою по 150 – 350 – 560 верст (например, от Нижнего до Вятки). В этих поездках я видел и бедность народную, а где и довольство. Никогда не забуду, как проезжал по Вятской губернии в одну из суббот. На каждой станции были задержки, — все деревни дымились от бань, и из них выходили красные от пару мужики и их бабы. Кто извозничал, тот сейчас же, почти не застегнувшись, садился на облучок и вез меня градусов в 30 мороза до следующей станции, которая отстояла от той верстах в 30, т. е. часах в 4-х хорошей езды. Там только он начинал «озябать», но стакан водки, чашек 15 чаю да каравай хлеба живо согревали этого, тогда еще святого и веселого богатыря, и он, со своей тихоструйной песней, садился уж в повозку, и его, сонного, верная парочка каких-нибудь чалых привозила к своей бабе на теплую печку, где он сейчас же, разумеется, займется продолжением своего рода и, может быть, вот в это наше разнесчастное время плод такой своего рода уютной и свободной жизни — 30-летний бородач прикатил на крыше вагона в свою деревню, тогда еще не видавшую никаких поездов, и привез из-под Риги накраденное казенное добро да французскую болезнь, с лексиконом новых слов, которых мы тогда с его папашей совсем не знали. Одного я тогда не видал: скота в человеке. И никогда я

не боялся таких поездок ни днем, ни ночью. Всегда со мной были большие деньги («хозяйские», стало быть), и притом никакого со мной вооружения не было. После этого, т. е. за последние 30 лет, пошли разные железнодорожные строительства, телефоны, электрические освещения, трамваи, граммофоны, автомобили, и жить стало с каждым годом все труднее и труднее. Чем культурнее становилась страна, тем, думается, невежественнее сделался наш народ. Я и раньше косился на засилие электричества, а теперь глубоко убежден, что оно не от Бога, а от дьявола. Все нервы, все извращения, все жульничество, все безверие, вся жестокосердечность, вся безнравственность и вырождение людей — от этих проклятых звонков, хрипов, катастроф, миганий, смрада, гудков и чудес!

Видел я, те же 30 лет тому назад (и позднее), не только труженическую крестьянскую жизнь, но и купеческую. В Симбирске я квартировал в доме бакалейщика Банцекова. Он был такой тип, в котором сразу сидели и Катерина и Тихон. Царство Небесное, и умер-то раньше, чем следует, вероятно, от того, что уж очень трудна тогда была «жизнь купеческая». Он такой красивый, видный, веселый, добрый, а дома — строгая мамаша, некрасивая жена и стены без картин, окна без цветов, а шкафы без книг. Зато щей, пирогов, варенья и перин сколько угодно. Но когда ему было читать и заниматься ботаникой, когда надо было в 6 часов открывать лавку и, стоя, торговать там на холоде, без перерыва, до 9-ти часов вечера. Так жили и прозябали его дедушка и отец.

Так же жили (ни лучше, ни хуже) и их «молодцы» и мальчики. Теперь какой результат: заминка в делах, несостоятельность, сделка, и снова торговля с маленьким оборотом до накопления маленького капитальца, а потом «в равном бе достоинстве с царем» кончина. Панихиды, похороны, блины и т. д., а в лавочке его мать или вдова, или подросший сын, и за полстолетия такого каторжного труда, глядишь, завелся собственный двухэтажный домик, и вот тогда, когда предки наших настоящих вождей проживали денежки в свое удовольствие, — эти буржуи сколачивали медными пятаками домишки и думали, умирая, что их тяжкий труд не пропал даром и покормит их вдов и детей (Бог их знает, какие они будут, т. е. в состоянии ли сами-то прокормить себя). Но настало царствование Ленина, Луначарского, Троцкого, Крыленки и К° — молодые бездельники закричали: социализировать, национализировать, монополизировать все буржуйское добро!

Бедный Банцеков! Стоило столько лет недосыпать, зябнуть, мокнуть, запивать и унижаться пред кредиторами и

покупателями!

Там же был и еще тип, по наружности и по питью — Куреслепов, а по любви к труду и по общественной складке — Кузьма Минин. Я видел его на Волге наряду с наемными рыбаками, производящего собственноручно лов, потрошение и разделку осетров, сазанов и стерлядей. Видал его и в лавочке, на базаре, где он поучал хозяек, поваров и кухарок, что взять для щей, для жареного и для начинки пирогов. Вид был и там и тут солено-засаленый, но видел его шествующим в Думу, в качестве гласного. Тут надевались лисья шуба, черный сюртук, белая манишка, бобровая шапка и золотые часы. Соленым уж не пахло — пред этим ходил нарочно в баню. Значит, шел вершать общественные дела, как в храм Божий. И не было человека на моей памяти более любознательного, более общительного и более справедливого. Вот аристократ мысли, вот кладезь природного старорусского ума! И притом — изумительная память, кстати сказать, почему-то особенно проявлявшаяся на творениях Некрасова. Он знал их *наизусть*. И после бутылки водки, выпитой наполовину с бальзамом, он всем нам читал наизусть и пел Некрасова. А на каждый житейский пример, для характеристики кого-нибудь или для отметки чего-либо, у него моментально находился подходящий афоризм из того же Некрасова. При всем этом он был безбоязненно правдив в своих определениях и делах. Когда его, в мое отсутствие, познакомили с моей женой, он сказал ей: «Очень приятно, *стало быть* (такая у него была поговорка), я вашего супруга знал еще мальчиком, молите Бога, стало быть, что Ванька Банцеков издох раньше времени, а то бы они, *имейте в виду* (тоже его поговорка), спились бы с ним.»

И надо принять, что он очень любил Ваньку Банцекова и тоже пил с ним, да для такого богатыря не было опасения, что он мог спиться. Однако и этот труженик, энергичнейший и по-своему просвещенный человек, оставил своим дочерям только дом, ну и вот что теперь выходит из его родительских заслуг!

Между прочим, он при новом с кем-нибудь знакомстве вкратце рассказывал свою биографию и завершал ее фразою: «Теперь живу слава Богу, имею, стало быть, жену, двух дочерей, дом в 40.000 рублей, товару на 20.000, деньгами 10.000 р., стало быть, имейте в виду, имеем 60.000 р. в среднем, стало быть, рыбачеством заработал по 4.000 в год.» Значит, считал своего труда 32,5 года.

Я глубоко уважаю его память и жалею, что он не дожил до наших лукавых дней.

Восемнадцатый год

«Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.»

(А. С. Пушкин,
«Капитанская дочка», гл. 6)

«Бедная страна отцов, созревшая для крови и для разгрома… Не торопись, грядущее!»

(Ш. деКостер, «Тиль Уленшпигель»)

3 января. Святки проходят при настоящей русской зиме. Морозы от 10 до 20 градусов. Сейчас вот, в полдень, задувает такая метелица, что свету Божьего не видно. С продовольствием еще хуже будет, — без заносов дело не обойдется. Писали до праздников, что в Петрограде свирепствовали такие метели, что остановилось трамвайное движение, а для расчистки улиц от сугробов введена всеобщая повинность, т. е. сами обыватели, будь то бывший тайный советник или просто конторщик, — должны вооружиться лопатами и метлами и бесплатно совершать такую работу, за которую простые рабочие получают теперь от 50 до 80 рублей в день…

Не хочется относиться к происходящему со всею серьезностью, ибо все «законодательство», все политические и общественные новости, при всей своей сложности и беспощадности, как-то, по существу, не серьезны. Думается, что все это ненадолго. Подумать только, что делается в России, если выхватить наудачу пять-шесть газетных новостей за один день!

1. В Москве Совет р. и с. депутатов образовал какую-то новую, «единую» власть исключительно из большевиков: Смидовича, Ломова, Муралова, Покровского, Усиевича, Игнатова, Рогова и Максимова.

2. Там же объявлено, что Председатель Московского революционного трибунала, т. е. «Верховный Московский судья», — Моисеев, оказался уголовным преступником (вором-

рецидивистом).

3. Товарищ комиссара по министерству финансов (т. е. товарищ министра) Лапицкий арестован за пьянство и подозрение в мошенничестве, и арестован не какой-нибудь «контрреволюционной» властью, а своим же комиссаром-большевиком Роговым.

4. Некоторые командиры полков, получившие образование в академиях Генерального Штаба, боевые и усыпанные орденами, избраны по новым революционным правилам в ротные кашевары или в конюхи…

5. В Петрограде солдаты ворвались в здание Итальянского посольства и разгромили там винный погреб.

6. Была арестована в Петрограде Румынская миссия во главе с посланником Диаманди и только по требованию всего дипломатического корпуса, грозившего в полном составе покинуть Петроград, — Диаманди был освобожден из Петропавловской крепости, где пробыл целую ночь. Нарушены священные международные традиции, существовавшие между странами сотни лет. И нашим комиссарам хоть бы что: выпустить-то выпустили, но пригрозили, если румыны не освободят из-под ареста наших солдат (вероятно, правильно арестованных), то они еще и не то сделают с Румынской миссией. Одним словом — удержа нет, размахиваем дурацкими кулачищами направо и налево, ругаемся площадною бранью и ясно даем знать о «непрепятствовании нашему нраву».

Разве все это серьезно?

Несерьезно даже и то, что Австро-Германская делегация утруждает себя разговорами с нашей делегацией в Брест-Литовске… Серьезнее поступают японцы: по последним известиям, Владивосток занят ихними войсками. Командующий ими генерал потребовал от населения повиновения ему.

Предложение большевиков очистить от неприятельских войск Польшу, Курляндию и Литву и оккупированные острова Балтийского моря, конечно, категорически отклонено немцами. И это серьезно, а что будет в противовес этому, т. е. призыв в «священногвардейцы» изленившихся дезертиров и отбившихся от своей настоящей работы рабочих и составление из них какой-то грозной силы против несговорчивых немцев, это, конечно, в высшей степени несерьезно, но тем не менее крайне печально и безотрадно для бедной, в клочья разорванной и опошленной России.

4 января. Сегодня кроме «Социал-демократа» никаких газет не вышло, и будто бы не выйдут до 10 января. Почему — никто не

знает. Все ждут опять нехороших событий. Оборони нас Господи!

† Умер мой сослуживец Людвиг Викентьевич Селицкий. Он служил у нас агентом в селе Кимрах и за время войны много потрудился в устроении там своих сородичей поляков-беженцев. Вечная ему память!

8 января. В Москве 5-го января была назначена мирная демонстрация в защиту Учредительного Собрания, но накануне еще — Муралов издал приказ разгонять демонстрантов даже вооруженной силой. Так оно и вышло — в собравшиеся толпы стреляли, где холостыми, где настоящими зарядами. Без кровопролития опять не обошлось, жертвы были, но откуда узнать — сколько их? выходили только «Социал-демократ» да «Известия с. и р. д.», а 7-го и сегодня и их не было.

По «Новой жизни» от 6-го числа видно, что Учредительное Собрание было открыто 5-го числа председателем Ц.И.К.с.с. и р.д. Свердловым, огласившим декларацию Совета народных комиссаров, которой требовалось признание их власти и утверждение декретов. Председателем Учредительного Собрания выбран В. М. Чернов, получивший 244 голоса, кандидатка большевиков № Спиридонова получила 163 голоса. Улицы, ведущие к Таврическому дворцу, были забаррикадированы и оцеплены. Мирные демонстрации в честь Учред. Собр. подвергались и там расстрелу со стороны красногвардейцев и советских войск. Убитых, по сведениям «Новой жизни», 15 чел., раненых около 100.

Об окончании 1-го заседания Учред. Собр. ничего пока неизвестно. «По техническим причинам мы не имеем возможности дать окончание заседания», так сказано в «Новой жизни». Вероятно, случилось самое скверное — Учред. Собр. разогнано, ибо там в большинстве оказались эсеры, признанные теперь тоже «контрреволюционерами».

Метко сказала в Петрограде солдатка старику-большевику, кричавшему против Учред. Собр.: «Ты, дед, шкурник, ибо теперь выгодно быть большевиком.»

Советами нар. комиссаров получены официальные сведения, что кроме японских крейсеров во Владивостокский порт вошел английский крейсер.

Учрежден еще какой-то «Чрезвычайный военный штаб» — «для защиты власти советов от всех покушений контрреволюционных сил». Начальником штаба Ф. Никонов.

В Москве вчера и сегодня ходят самые тягостные слухи о Петроградских событиях. Говорят об убийстве солдатами-большевиками Шингарева и Кокошкина. Говорят о том, что 5-го,

6-го, 7-го и сегодня в Петрограде стрельба, стычки и вообще грандиозная междуусобица. Ждут, что и в Москву перекинется этот ужас. Что делать? Да будет на все воля Божья!

9 января. † Действительно, Шингарев убит, и еще Кокошкин. Эти два бывших министра так много поработали для достижения того, чтобы русский народ был свободен, и вот сами пали жертвой от звериных рук освобожденных ими. И убиты не в Петропавловской тюрьме, а в больнице, убиты зверски — штыками и многочисленными выстрелами. Неужто убийцы были в своем уме? Если так, то потом они сойдут с ума, ибо нельзя поверить, что в их природе нет совершенно совести. С трагической кончиной Шингарева и Кокошкина кадеты лишились крупных и талантливых сил. Вечная память им! Да будут их предсмертные мучения вечным укоров политическим деятелям, добивающимся социализации мира вооруженной борьбой!

Также действительно, что жития Учредительного Собрания было только одна ночь… Оно закончилось в 5 часов утра 6-го января, а в 7 часов утра опубликован декрет о роспуске его. Самое собрание произошло в необычайной и крайне неприличной обстановке: 400 человек «публики» составляли исключительно большевики рабочие и солдаты, которые открыто грозили расстрелом и Церетели, и всем не нравящимся им ораторам. К утру подошел к председательской трибуне какой-то матрос и, хлопнув Чернова по плечу, предложил ему закончить заседание, «потому что *караул устал*»… Какой же караул нужен над избранниками Царя-народа?

В вышедших вчера и сегодня меньшевистских листках все-таки подчеркнуто, что Учредительное Собрание успело:

1/ Принять закон об отмене права собственности на землю в пределах Российской республики, 2/ обратиться к союзным с Россией державам с предложением приступить к совместному определению точных условий демократического мира, приемлемых для всех воюющих народов, и избрать из членов Учред. Собр. полномочную делегацию для переговоров о мире, 3/ объявить в России «Демократическую Федеративную республику».

В «Новой жизни» 7-го января напечатано, что в Петроградских больницах одного района находится более 200 раненых. Значит, там стреляли не на шутку…

Сегодня и там, и в Москве, не дай Бог, ожидается еще худшее. Объявлена демонстрация с лозунгом «За власть советов». Она рисуется «казенной», т. е. парадом солдат и красногвардейцев, всякие другие сборища («штатские») будут разгоняться всеми силами, т. е. пушками, пулеметами и ружьями. Вот сейчас, в 1 час

дня, я сижу в конторе на Малой Лубянке и слышу уже такую стрельбу. Заглянул в окно, и по Малой Лубянке в панике бежит народ; видимо, его гонят с Лубянской площади. Да и не только «народ», но и солдаты, и красногвардейцы. Не поймешь, что делается… Не передрались ли уже солдаты с солдатами или красногвардейцы с красногвардейцами.

Собственно, сегодня эта демонстрация приурочена к годовщине 9 января 1905 года, когда рабочие шли к Зимнему дворцу, и расстреливались солдатами, тогда в такой же степени верными царю, как ныне Ленину.

На днях «Петроградский революционный трибунал» судил Пуришкевича как заговорщика и присудил его к 4-м годам принудительных общественных работ. На этом судьбище Пуришкевич и не оправдывал себя от приверженности к монархизму. Вообще своей душой не покривил. Речь его очень любопытна, но, к сожалению, длинна, и потому «увековечить» ее не могу.

Что же теперь будет дальше? Сколько времени ждали Учредительного Собрания и, несмотря на то, что оно в большинстве составилось из деятелей, по своим политическим убеждениям близко родственным к большевикам, все же оно признано «контрреволюционным», «буржуйским», и жалеть его нечего. Придется ждать всеисцеляющего времени, которое состарит и образумит «ветряную младость», остудит горячие головы и потихоньку разочарует «товарищей», очарованных сладкими речами Ленина, Троцкого и К°… Это будет неизбежно, но когда — чрез несколько месяцев, чрез несколько ли лет?.. И что теперь происходит в государственном строительстве: строится ли карточный дом, или на старом ветхом строении возводится грандиозная надстройка, которую не в состоянии выдержать на себе старое основание, или же тот фундамент, те устои попросту сейчас взрываются, разрушаются, чтобы дать место новой постройке, начатой заново, с самого фундамента.

…Как-никак, творится что-то необычайное, может быть, пробуют выстроить здание, начав его с верхнего этажа, а не с нижнего, и кто знает: может, оно так и нужно?!

Такому мелкому бытописателю, как я, не под силу «углубление» своего собственного критерия в происходящее историческое «действо», и мне больше всего хочется иногда отметить в своих записках что-нибудь «невеликое» — чисто житейское. Например, не могу утерпеть, чтобы не записать, что его величество Ленин-Ульянов присутствовал некоторое время в Учредительном собрании и в начале речи В. М. Чернова, продолжавшейся около 2-х часов, *лег на полу в проходе* около

«ложи совета народных комиссаров» и так лежал до конца речи… Это сообщено «Новой жизнью», т. е. газетой Горького, который, как известно, шутить не любит.

В Москве и, я думаю, по всей теперь России завелись везде крепчайшие запоры, железные и деревянные ставни и, как в старину, в особенности для ночного времени, все так замкнуто, закрыто, заперто, нелюдимо, темно, что даже жуть берет… Впрочем, есть разница со стариной — тогда были верные сторожа, постукивающие в доски или дававшие знать о себе трещотками, а теперь их не слыхать и если они где есть — то сидят себе тоже за крепкими затворами и самое большое — опрашивают запоздавшего обывателя, свой ли он, и если «чужой», то ни за что его во двор или в крыльцо не пустят до утра.

Вообще зажили крепко, но тем не менее разбойных нападений такая масса, что всех выдающихся даже и не перечислить.

В Петрограде созывается «Всероссийский съезд анархистов» и одним из вопросов там будет: «об экспроприациях», т. е. дело клонится к тому, чтобы этот промысл был, так сказать, узаконен и неподсуден. И это, ко всеобщему ужасу, не анекдот: «Новая жизнь» отмечает, что в Петрограде много солдат уже не удовлетворяется программой большевиков и охотно слушает анархистские рацеи, а в Гельсингфорсе будто бы над морским матросским собранием уже реет черный флаг, эмблема власти анархистов. Ох уж эти матросы, эта «краса русской революции»! Кто были их отцы и матери? — неужто и у тех уже не было ничего святого в душе? Трудно поверить, что на службе морю непременно теряется вера в Бога. Напротив, там Божий промысл явленнее, чем на земле, не знающей таких стихийных бедствий, как море. Почему же они такие атеисты?..

12 января. Вчера и «буржуйные» газеты вышли. Попробую передать вкратце все самое важное, что есть в них и в «большевицких» газетах за последние дни. Начну с последних, т. е. с «Известий р.с. и к. д.». Они теперь печатаются в реквизированной типографии закрытого «русского слова» и по внешности — совсем «Русское слово». Во-первых, воззвание президиума советов «Всем!», где сказано, что «рудневцы и другие буржуазные партии и группы, уцелевшие остатки белой гвардии и контрреволюционного офицерства, не успевшие переправиться к Каледину… вооружились чем могли и расстреливали 9-го января шествие рабочих и солдат. На всех почти площадях и улицах шествие демонстрации было встречено обстрелом из домов и с крыш… Совет предпримет все, чтобы совершенно разоружить

буржуазию, вырвать у нее всякую возможность нападать на рабочий класс… Пусть рабочий класс найдет в себе силы подготовиться к организованному отпору буржуазии. *Буржуазия хочет гражданской войны в самых острых ее формах.* Мы будем вести ее так, что навсегда отобьем у буржуазии всякое желание нападать на рабочих. Пусть усилит рабочий класс *свою армию*… Пусть будет готов рабочий класс во всякую минуту выступить, как один, против буржуазии.»

Дальше — ликующая рецензия об открытии 3-го Всероссийского съезда Советов р. с. и к. д. Это было в несчастном Таврическом дворце 10 января. Собралось 625 членов (почти все большевики). В заседании выступили с приветственными речами и иностранные социалисты — Платтен, Ниссе, Репштейн, Вильямс и Ри. Их, речи перемежались пением и музыкальным исполнением «Интернационала». Председатель от Украинского с.р. и с.д. Затомский рассказал, что у них теперь две рады, и похвалился, что вторая — социалистическая — победоносно сметает первую, буржуазную. Большой успех имел матрос Железняков, тот самый, который требовал, чтобы Учредительное Собрание разошлось. Он оказался «начальником охраны Таврического дворца». Парень очень решительный — пообещал умереть на своем посту, но не пустить назад Учредительное Собрание.

Убийц Шингарева и Кокошкина предписано во что бы то ни стало разыскать и предать суду. Бедный А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин были серьезно больны и, кажется, сами большевики возмущены таким концом. Шингарев недавно овдовел и оставил 5 человек детей безо всяких средств. Вот вам и «буржуй»! Слава Богу, умерщвление их обошлось без штыков. Они убиты несколькими выстрелами. Еще раз помянем их со всею душевной скорбью. Да будут они небожителями!

Мирные переговоры опять прервались. Троцкий вернулся в Петроград.

В Австрии будто бы началось серьезное революционное движение. Большевики не на шутку ждут, что революция охватит своим пожаром весь мир. По «Известиям», 9 января в Москве вышли на улицу не менее 200.000 демонстрантов. Пусть так, но это уж не так грандиозно, как в былые времена, когда революционное единство подсчитывалось для Москвы чуть ли не в миллионах людей. Убитых и раненых «Известия» насчитывают не более 30 чел. Ну что же? Что так мало — тому всякий порадуется, и даже самый заядлый буржуй. Зачем же тогда писать такие страшные воззвания к борьбе с буржуями? Теперь посмотрим, что пишут «буржуи», хотя бы в одном «Утре России»:

«Нет слов для того, чтобы выразить весь ужас, весь кровавый кошмар совершившегося. Дикий, бессмысленный расстрел мирной и безоружной демонстрации 5-го января в Москве, такой же расстрел в Петрограде, заранее спровоцированное и психологически подготовленное зверское убийство Кокошкина и Шингарева, сплошное систематическое издевательство над Учредительным Собранием с ружьями и револьверами ворвавшихся туда диких банд, натравленных на депутатов», и т. д…

Немцы сказали Троцкому, что если делегация не согласится на их условия, то ими «через неделю будет занят Ревель».

Большевик Бухарин в заседании Учредительного Собрания заявил: «Пускай господствующие классы и их прихлебатели дрожат пред коммунистической революцией. Пролетариям в ней терять нечего, приобретут же они весь мир.»

Члены Учредительного Собрания скрываются, т. к. начались их аресты.

Знаменитые «Гебен» и «Бреслау» наконец попались в лапы англичанам. Они пытались пройти из Дарданелл в Средиземное море, но наткнулись на мины. «Бреслау» затонул, а «Гебен» выбросился на берег и разрушен бомбами с английских гидроаэропланов.

5-го января во время уличных демонстраций случайно ранен сам М. Горький. «Что посеешь, то и пожнешь». (Это я говорю.)

О демонстрации 9-го января «Утро России» сообщает, между прочим, «панику усилили конные милиционеры, которые с криком «стреляют, спасайся!» соскакивали с лошадей и бежали в подъезды домов. Лошади без всадников мчались вместе с бежавшим народом… Появились толпы бегущих солдат и красногвардейцев с винтовками и без винтовок, со свернутыми знаменами… Первой поддалась панике Красная гвардия, среди которой имеется много подростков. Эти подростки испугались стрельбы и открыли беспорядочный огонь… Паника, охватившая манифестантов, была страшная. Красногвардейцы, солдаты и рабочие лавинами текли по проездам и переулкам, с обезумевшими лицами. Женщины плакали. Слышались проклятия по адресу манифестантов.» Один из таких эпизодов я видел на Малой Лубянке и, грешный человек, подумал: «А что если бы в Москву вдруг заявился эскадрон немецких гусар, что осталось бы от наших великих революционных завоеваний!?»

Бонч-Бруевич телеграфирует Крыленке, что на Западном фронте осталось на версту только 160 штыков. Остальные, стало быть, разбежались по домам, по сухаревкам, по советским заседаниям и автомобильным экспедициям. На фронтах

товарищи-солдаты уже заторговали лошадями, пушками и пулеметами. Румыны приступили к захвату Бессарабии. Русские наступают на Яссы, румыны на Кишинев. Сам черт не поймет, что делается!

Казаки воюют с большевиками за рудники. Украинцы за Полтаву, Житомир и многие другие места. Трудно даже разобраться, кто кого одолевает и где идут бои. А в Екатеринославе будто бы большевики обложили состоятельных лиц на 3 млн. рублей, и требуют сбора их в трехдневный срок. В Одессе комиссары союза моряков и торгового флота объявили о национализации флота и в управление пароходствами посадили своих комиссаров, а кассы опечатали. Доберутся, значит, и до Волги, а в частности и до Москвы. Как бы вот «не опечатали» эти записки, единственное, кажется, мое состояние.

Вон он какой, Железняков-то! «Мы, — заявил он, — чтобы вконец сломить сопротивление противников Советской власти, готовы расстрелять не единицы, не сотни, а тысячи, если же понадобится, то и миллионы.» Товарищ Абрам! Уступи свое место Железнякову!

Троцкий в своей ответной речи на 3-м съезде Советов представителям иностранных социалистов обмолвился насчет Учредительного Собрания, что оно «было бы упразднительное, а не учредительное собрание».

Оренбургские казаки под предводительством Дутова, если верить «Утру России», выбивают большевиков из края.

В Владикавказе, в Грозном и вообще в этой округе забирают власть в руки чеченцы и гонят оттуда русских без различия партийности. Погоня против «погон» идет вовсю. Муралов приказывает всем солдатам следить за этим важным делом и срывать офицерские и чиновничьи погоны, и, кроме того, «предоставляет такое же право и всему гражданскому населению». На что на другое, а на такое скверное дело у нас найдутся палачи и в «гражданском населении».

15 января. Несколько дней стоит теплая погода (выше нуля на 1–2°) и, Боже мой, что делается на улицах! Такой грязи, таких ухабов, таких ям, такого безобразия даже на центральных московских улицах — я не видывал во всю жизнь не только в Москве, но и в провинциальных городах. Пешеходы осторожно пробираются по мостовым, совершенно игнорируя тротуары, доверять которым действительно невозможно, и ругательски ругают «свободу», приписывая только ей такое безобразие. Пожалуй, на этом партийных разногласий не будет.

В «наших газетах» на разные манеры пишется все об одном,

что «все меньше и меньше остается от того государственного организма, который еще год тому назад назывался Россией. Одна за другой откалываются от этого одряхлевшего организма частицы. Первой откололась Финляндия, объявившая себя независимым государством. Ныне ее примеру последовала Украина.»

Учредительное Собрание, как и упраздненные большевиками городские думы, барахтается еще, заявляя, что оно живо. Чернов объявляет «всем гражданам России», что «Учредительное собрание, разогнанное штыками насильников и поставленное под самосуд, не умерло. Оно будет жить до тех пор, пока не выполнит великих задач, возложенных на него избравшим его народом… По призыву своего председателя, в день, указанный им, Учредительное Собрание вновь соберется, чтобы продолжать свою работу.» К этому обращению подписались кроме Чернова и секретаря собрания Вишняка 266 депутатов.

В Финляндии русские солдаты вмешиваются в управление страной, и отсюда — кровопролитные беспорядки на станциях Райвола, Мустамяки, Териоки и в Выборге. Сенат требует вывода русских войск.

А в это время «российский конвент», т. е. 3-й съезд Советов рабочих и солдатских депутатов упивается речами своих вождей, распевает свой «Интернационал» и грозит гибелью «буржуям». Так, например, Ленин восклицает: «Мы ничего не регламентировали, но добились того, что буржуазный эксплуатирующий класс чувствует себя в осаде, и эта осада продолжится до тех пор, пока буржуазия не будет вынуждена сдаться и капитулировать или погибнуть!» Меньшевик Абрамович в своей речи заметил, что большевики и его повесят, Ленин острит по этому поводу: «Я невольно, — говорит, — подумал про себя: не надейтесь — не так вы сильны! Смешны вы очень, чтобы применять к вам такие меры!» В конце этой речи Ленин сообщил реально неприятное для своих супротивников: будто бы петроградские банковские служащие предлагают уже начать переговоры о вступлении в должность в полном подчинении советской власти.

Спиридонова не отстает от воинствующего Ленина и говорит, что «пред нами дилемма: или нас задушат, или мы должны беспощадно сметать с пути все препятствия».

А Троцкий признался, что германцы согласны очистить наши 15.000 кв. верст, но хотят удержать за собой 200.000 кв. верст.

По последним известиям, Кишинев занят румынскими войсками. Русские части разоружаются. На Нижнем Дунае идут ожесточенные бои большевиков с румынами. Обстреливается

Галац.

Украинская делегация накануне заключения самостоятельного мира с Австрией и Германией.

В петроградских газетах пишут, что в Москве 9-го числа пострадало от стрельбы 300–500 чел.

16 января. Сегодня вышло «Русское слово» под новым заголовком «Новое слово». Газета напечатана уже не в своей типографии, а у Мамонтовых, и размером куда меньше старых выпусков. Передовицы самые печальные, известия тоже безотрадные.

Совет народных комиссаров постановил:

1. Все дипломатические сношения с Румынией прерываются, Румынское посольство и все вообще агенты румынской власти высылаются за границу кратчайшим путем.

2. Золотой фонд Румынии (на сумму 1.207.000.000 руб.), хранящийся в Москве, объявляется неприкосновенным для румынской олигархии. Советская власть берет на себя ответственность этого фонда и передаст его в руки румынского народа.

3. Восставший против революции бывший главнокомандующий Румынским фронтом Щербачев объявляется врагом народа и ставится вне закона.

Троцкий уверен, что «румынская армия не будет сражаться с русскими солдатами, а направит острие своих штыков против румынской олигархии».

А что если и на тех, и на других, товарищ? Ведь нам не известно, кто солонее пришелся на вкус румынам: свои самодержцы или наши.

С 15-го января по постановлению Совета комиссаров вводится казенная монополия торговли золотом во всех видах, кроме изделий из золота. Предприятия по добыче золота обязаны сдавать его в казну по 32 р. за золотник. Изделия из золота весом более 16-ти золотников и золото в сыром виде, где бы оно ни находилось, должно до 15-го февраля быть передано в казну, и за него уплатят по 32 р., а непредставленное будет конфисковываться без вознаграждения.

Дело идет к содранию риз со святых икон. Почин уже есть: министерство призрения в лице госпожи Коллонтай (на днях сочетавшейся новым «гражданским» браком с тоже министром-матросом Дыбенко) заняло Александро-Невскую Лавру и выселяет оттуда монашествующую братию.

Погода не изменяется, а потому московские дороги и пути с каждым часом изменяются к худшему. Прямо опасно ходить: того

и гляди ногу сломаешь или башку расшибешь. Такова жизнь московского обывателя, и особенно плохо нам, «буржуям»; автомобили возят только сановных товарищей (посмотришь — едет в нем солдатская шинель, а кто в ней — главнокомандующий какой-нибудь, командир ли полка или просто жулик-экспроприатор — конечно, не узнаешь), на трамваи тоже не попадешь — там полное солдатское засилье. Остаются извозчики, но их не так много, да и доступны они не всем. Трехверстное расстояние не меньше 10 руб., и куда бы вы ни поехали, кратчайшим расстоянием, — за что, бывало, платили двугривенный — теперь давай трешницу. Одним словом, худо со всех сторон. Многое множество людей совершенно искренне вздыхают теперь со словами: «лучше бы умереть!»

18 января. Финляндское буржуазное правительство низвергнуто, и там составился «совет народных уполномоченных» под председательством социал-демократа Маннера. Совет подчинен «главному совету рабочих». Ленин послал по поводу этого приветственную телеграмму.

Объявлена с 25 января демобилизация призывов 1904, 1905 по 1907 г. Одним словом, кому исполнилось 31 год, тех с военной службы увольняют.

В Петрограде арестовано несколько купцов гостиного двора за невзнос штрафа в 900.000 р. (за неуборку снега), и бедные богачи, из коих Карбасникову уже 70 лет, работают под командой красногвардейцев на улицах по сколке снега. По поводу французской революции сказано: «Цель демократии — добродетель, а средство ее — ужас!» По поводу нашей можно сказать, что и цель, и средства — все ужас!

Дневник московских происшествий за одно число: грабежей и краж наличными деньгами и вещами на 396.575 р., вооруженных налетов на частные квартиры — 7, вооруженных нападений на отдельных лиц, проезжавших и проходивших по улицам, — 5, угнан автомобиль, у другого сняты колеса, найдено два автомобиля, брошенных грабителями; увезено и унесено: на 100.000 мануфактуры, на 10.000 окороков, 10 ящиков ваксы, несколько ящиков ниток, 400 шт. хлебов, украдена масса паспортов, сняты с прохожих брильянтовые серьги, 3 золотых перстня, трое золотых часов, несколько пальто и шапка, расстреляно на улице два подозрительных лица, на Никитской улице была перестрелка из револьверов и винтовок, совершено крупное мошенничество, украдено 32.000 жалования милиционеров и т. д. и т. д. — и все это за один день! А сколько было незарегистрированных грабежей, краж и выстрелов, и не

сочтешь, конечно, и это за такой день, когда обыкновенно говоришь, прочитавши газету, — «так, ничего особенного». Большевики забирают в свои руки и Киев и Одессу. Вообще, они теперь для внутренних «врагов» сила сильная, настойчивая, трудно с ними бороться и украинцам, и казакам, и так называемым «юнкерам». Пока «на ихней улице праздник».

20 января. По «Известиям…» в Берлине бастует 500.000 рабочих, в Рейнской области всеобщая забастовка, и вообще по всей стране революционное движение развивается. В Берлине образовался тоже совет р. и с. д. и выдвинул требование всеобщего демократического мира, всеобщего избирательного права, освобождения арестованных рабочих и их вождей и реорганизации распределения продуктов. Либкнехт освобожден от тюремного заключения.

Третий всероссийский съезд СРКД закрылся. Все декреты народных комиссаров он утвердил, а их самих признал не только временным, но — постоянным правительством. На закрытии опять был оркестр. «Интернационал» и «Марсельеза» повторялись многократно. Послесловие, конечно, сказал Ленин. По его словам, «Украина теперь верный друг Советской республики. Буржуазная рада свергнута, и на Украине власть перешла к Советам… Казаческая трудовая масса энергично борется с Калединым. В Финляндии началось освобождение трудящегося класса. Буржуазная белая гвардия выступила против рабочих, но финляндская буржуазия уже навсегда погибла… И мы видим, что мировая социалистическая республика растет. Недалеко ее торжество, когда победа трудящихся будет достигнута и социалистический переворот произойдет во всех странах. Буржуазия будет свергнута навсегда.»

Немцы сделали налет на аэропланах на Париж, и при этом убито 36 чел. и ранено 190 чел.

Итальянцы на плоскогорьи Ассиаго повели наступление, и как будто — успешно.

Патриарх «Московский и всея России» Тихон обратился «ко всем чадам православной Церкви российской» с посланием, начинающимся текстом из Апостола (Гал. 1,4): «Да избавит нас Господь от настоящего века лукавого». В нем он запрещает творящим «кровавые расправы» приступать к Тайнам Христовым, анафемствует их, если они по рождению своему принадлежат к Церкви православной, а «верных чад православной Церкви Христовой» заклинает не вступать с ними в какое-либо общение. В послании говорится, что обряды крещения, брачные «открыто объявляются ненужными, излишними. Святые храмы

подвергаются разрушению, ограблению и кощунственному оскорблению. Обители святые (Александро-Невская и Почаевская) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием.» Послание заканчивается призывом всем встать в защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Церкви и «если нужно будет, и пострадать за дело Христово».

То, что творят сейчас солдаты, при всей своей малоразвитости будто бы сознательно уразумевшие безнравственность войн и ненужность религий, — не явилось бы в таком всесокрушающем масштабе, если бы Милюков и К° были подальновиднее. Я уже говорил на этих страницах, что кадетская воинственность, даже после свержения царя требовавшая от солдат, чтобы они завоевали России Константинополь, приведет к отвращению масс от кадетской платформы, но не отметил, что кадеты все время свысока посматривали на русскую религию. Для них «попы», монастыри и все сопричастное с ними было ненужным, вредным, безнравственным и разоряющим народ. Теперь они спохватились уже, поняв, какую огромную силу они подточили, или «срыли», как это было пред войной в отношении крепостей, «срытых» в русской Польше по совету Вильгельма. Как бы пригодились теперь кадетам приверженцы церкви, но их (считая и себя в числе таковых), к глубокому прискорбию, осталось так мало. За последнее 15-летие было как-то стыдно рассказывать, что я, мол, хожу в церковь, говею, крещусь на церковь, люблю церковное пение и т. д., «черносотенником» считали за это. А вот все эти дни и в «Русск. ведом.» и в «Утре России» и в других «буржуазных» газетах уже запестрели статьи, что церковные деятели могли бы и должны вступить в защиту разрушаемой жизни, против анархии, против безверия и проч. Выходит, «что имеем — не храним, потерявши — плачем».

«Новая жизнь» по поводу работ 3-го съезда Советов говорит, что члены съезда не пытались иметь свое собственное суждение, не проявляли признаков инициативы и просто ставили свои штемпеля на готовых решениях, принятых за кулисами небольшой группой петербургских лидеров, а мандаты членов Совета составлялись по указке этой группы. Значит, на съезде не было и оппозиции. Где же плоды «всеобщего избирательного закона»? А Максим Горький там же говорит: «Г.г. народные комиссары совершенно не понимают того факта, что, когда они возглашают лозунги «социальной» революции, — духовно и физически измученный народ переводит эти лозунги на свой язык несколькими краткими словами: «Громи, грабь, разрушай…»

И разрушает редкие гнезда сельскохозяйственной культуры в

России, разрушает города Персии, ее виноградники, фруктовые сады, даже оросительную систему, разрушают все и всюду. А когда народные комиссары слишком красноречиво и панически кричат о необходимости борьбы с «буржуем», темная масса понимает это как прямой призыв к убийствам, что она доказала.»

23 января. Вчера был с одним приятелем в ресторане средней руки. Пришлось познакомиться вот с какими ценами: тарелка ухи из судака — 3 р. 25 к., огурец соленый — 60 к. штука, кусок говяжьего студня (0,5 порции) — 3 р. 25 к. и полбутылки спирта, разведенного на $^2/_3$ водой, — 25 р.

Арестован бывший военный министр Верховский.

† При занятии Александро-Невской лавры убит протоиерей Скипетров. Все эти печальные церковные события возбудили в петроградской массе народа религиозный подъем. В Лавре красногвардейцы чуть-чуть не были растерзаны громадной толпой, сбежавшейся к Лавре по набатному звону. В воскресенье 21 января был организован из всех петроградских церквей крестный ход в Лавру. Газеты насчитывают участников чуть не полмиллиона. Однако такая «оппозиция» ныне царствующему классу нисколько их не напугала. Сегодня напечатан декрет Совета Народных Ком. об отделении Церкви от государства. «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой… Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей… Преподавание религиозных вероучений во всех учебных заведениях *не допускается*… Никакие церковные и религиозные общества не имеют права обладать собственностью, прав юридического лица они не имеют. Все имущество их объявляется народным достоянием.»

25 января. По российским деревням рассылаются особые агитаторы, которые должны упрашивать, чтобы рабочие и крестьяне записывались в «красную армию» (таковая учреждается взамен старой, существовавшей по принципу всеобщей воинской повинности. Теперь армия будет только «добровольческая» с жалованием солдату 50 р. в месяц и с полным содержанием его и его семьи за счет казны). Так вот, этим агитаторам Ленин говорил напутственную речь, в которой между прочим сообщил, что на 1918 г. доходы государственные будут равняться 8 млрд., а расходы 28 млрд. Чтобы «вытащить эту государственную телегу, которую царская власть погрузила в болото», по мнению Ленина, надо вести внутреннюю войну, т. е. большевики теперь открыто благословляются «грабить награбленное».

Закрыта газета «Утро России» (газета Рябушинского), а на ж.д. московских вокзалах воспрещена продажа всяких других газет, кроме социал-демократических. Веду «умную» переписку с приятелем своим П. А. Олениным и вот сегодня, между прочим, написал ему: «Не пора ли все эти контроли, карточки, продовольственные, хлопковые, водные и иные комитеты и всякие «центропыли», «центрохамы», «центронадувалы» отменить, закрыть, распустить. Целые века жаловались на засилье бюрократизма, а сами того не замечаем, что сейчас этот аппарат удвоен, если не утроен. И столько народных денег он пожирает! Теперь о чем все, от «Смольного» до «Домостроя», мечтают наипервейше: чтобы все были сыты. И так оно будет быстро, чудесно и легко, если «распределению производства» дать полную свободу, т. е. возродить *конкуренцию,* а она, как известно вам, ученым людям, — «рычаг народного благосостояния». От конкуренции вылетали в трубу купцы, капиталисты то есть, а жизнь была дешевле. Конечно, не мне, заурядному мозгляку, развивать такую великую мысль, но она должна теперь сверлить мозги мудрецов нашего времени. Вообще, надо искать спасения не в прописях, не в хрестоматиях, не в катехизисах, а в простой человеческой сметке. Чем проще мысль, тем она, вероятно, благотворнее. Иглы у ежа, хвост у петуха, Смирновская № 40, соловьиное майское пение, платье Покэна, Самолетский «Добрыня Никитич» — вещи, безусловно, приятные, но ведь они от конкуренции, а не от карточек, а карточки не от недостатка производств, а от перепроизводства комитетов.»

27 января. Объявлена реформа календаря в таком виде: «Первый день после 31 января с/г считать не 1-м февраля, а 14-м, второй день считать 15-м» и т. д.

Декреты: 1. Акционерные капиталы бывших частных банков переходят к Российской республике на основах полной конфискации.

2. Все банковские акции аннулируются, и всякие выплаты дивидентов по ним безусловно прекращаются.

3. Все судоходные предприятия, принадлежащие акционерным обществам, паевым товариществам, торговым домам, и единоличные предприятия со всем движимым и недвижимым имуществом, активом и пассивом, объявляются национальной неделимой собственностью советской республики.

Последний декрет меня очень близко касается. Я так же, как и бедный мой Леля, «бывший» офицер, — могу в один момент потерять все, что заслужил за 19 лет своей службы московским агентом в 1899 г. у О/бщест/ва «А. А. Зевеке», в 1900–1907 у П/

ароходств/а М. К. Катиной, в 1908–1909 у О-ва «Русь», в 1910 у О-ва «Кавказ и Меркурий» и с 1-го февраля 1911 г. по настоящий день у О-ва «Самолет». Меня не сегодня-завтра может сместить какой-нибудь «товарищ» в виде комиссара, матроса или масленщика, т. е. и я моментально лишусь если не «генеральского», то «штаб-офицерского» по своей должности звания и буду рядовым конторщиком или приказчиком, если только меня оставят на привычной мне службе и если я сам, по нужде, спущусь до такого положения, в котором был тому назад 35 лет в начале своей «карьеры». Божья воля! Ведь это все-таки не так уж обидно, как какому-нибудь генерал-адъютанту с георгиями и с разными лентами, бантами, мечами и шашками «за храбрость» снять весь этот блеск и идти в какой-нибудь «домовой комитет» проситься в управители дома.

В «Новом слове» пишут, что румыны завладели всей Бессарабией и утвердились в Бендерах и Кишиневе. Тут же сообщают, что готовится новый декрет об аннулировании государственных займов, и о том, что бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Смирнов и Бернацкий наконец освобождены из Петропавловской крепости на поруки членов политического «Красного креста».

Разрабатывается декрет о монополизации страхового дела. Все активы и капиталы страховых обществ конфискуются в пользу государства. На брильянты хотят ввести налог в размере 20 % стоимости драгоценных камней.

Почти все волостные земства разогнаны большевицкой властью; по-видимому, начинается полная ликвидация Земства.

Если верить «Новому слову», то выходит, что Каледин отстранился от командования казаками и «юнкерами», потому что хотел охранять от большевиков свой Дон, а за это дело взялся теперь Алексеев, будто бы 26-го числа занял уже Воронеж и туда, помимо регулярного войска, «вошло несколько десятков тысяч крестьян, присоединившихся к Алексееву во время его похода из Ростова на Воронеж. Они вооружены вилами, граблями, ломами и топорами»… Что делается у нас на Руси! Прямо «пугачевщина»! Я как раз перечитал пушкинскую историю пугачевского бунта и смотрю в нее, как в зеркало настоящих событий. Одни указы Пугачева столько таят в себе такого творческого материала, который переработался теперь в «декреты народных комиссаров». А Советы думают, что кладезь их премудрости от Маркса!

28 января. Вчера за всенощными бдениями, а также сегодня во время обеден в православных храмах Москвы читались воззвания Патриарха и Церковного Собора и говорились

проповеди по поводу начинающихся гонений советской власти на Церковь. Многие исповедовались и причащались, чтобы сегодня закончить это религиозное торжество участием во всенародном крестном ходе из всех московских православных церквей на Красную площадь. Грешный человек — я в церкви ни вчера, ни сегодня не был, но на крестный ход пошел вместе с дочерью и без лицемерий говорю, что не из любопытства, а по душевному побуждению — погрустить и молитвенно вздохнуть в единении с верующими, — погрустить и вздохнуть об угнетении нашей Церкви. Дорогою к Красной площади видел множество наклеенных свеженьких объявлений Совета РСД «Ко всем гражданам». Там сказано, что крестному ходу «они» не помешают, но разъясняется «сознательным солдатам, рабочим и крестьянам», что «великая русская революция разрушает до основания все виды рабства» и отбирает у попов монастырское и церковное землевладение, состоящее будто из 2-х млн. десятин. Духовенство, мол, было потатчиком и крепостного права и расстрелов и вешаний, а также распутинских кощунствований, войны и т. д. Заканчивается это новое произведение советского президиума: не идти на это церковное торжество вместе с «помещиками, капиталистами и их прислужниками», которые восстали «на защиту богатств, имений, земель, жалования в 200 тысяч руб. митрополитам, миллионов, накопленных в монастырской казне, сытой, спокойной и бездельной жизни сотен тысяч праздных и богатых людей». Последние суммирования так же преувеличены, как и в былых выпадах кадетов против «попов». Однако участниками этого церковного протеста, т. е. сегодняшнего Крестного хода, в большинстве, я думаю, были теперь именно кадеты. «Не плюй в воду, пригодится воды напиться»… Приближаясь к Красной площади, я примкнул к одной из бесчисленных процессий и так дошел до Лобного места, где, в первом часу дня Патриарх отслужил молебен. В ожидании его выхода из Спасских ворот, в предшествии многочисленных хоругвей, икон и сонма духовенства, на Красной площади (как и в пути до нее, и по окончании крестного хода, в пути по церквам) духовенством и народом распевались разные песнопения и между прочим «Христос Воскресе». Все чувствовали себя, безусловно, благоговейно, но вместе с тем и нервно. Как завидят какого-нибудь сорванца из той породы, которая так свирепствовала в срывании погон с «униженных и оскорбленных» офицеров и чиновников, как завидят его, демонстративно идущего чрез толпу в шапке, то возбужденно кричали все «снять шапку!». На этой почве были, должно быть, пререкания, и толпа то и дело шарахалась в разные стороны, ожидая, что эти шапочные

товарищи будут стрелять.

В общем, народу для Красной площади вполне достаточно, но все-таки это была далеко не вся Москва. И не только мало было простого народа и солдат, не много было и «капиталистов и помещиков», и были, стало быть, в подавляющем количестве «их прислужники», вроде меня, да богобоязненные кухарки и мастеровые старого типа. Вот наше русское несчастье: неуменье объединиться в чем-нибудь отменно-благородном. Либо боимся, либо сидим дома, потому, мол, «моя хата с краю».

Кажется, что революционная вспышка в Германии, в Австрии и вообще за границей — начинает угасать. Даже «Известия» уже намекают на это. Там же сегодня напечатана телеграмма «главнок. восточным против Киевской Рады фронтом тов. Муравьева» следующего содержания: «После пятидневных ожесточенных боев сегодня окончательно овладел г. Киевом. Успел уже сформировать революционный комитет.» И по «Известиям» выходит, что генерал Алексеев около Воронежа потерпел поражение. А по «Новому слову» большевики терпят поражение в Финляндии, на Дону и в Минской и Могилевской губерниях, в которых против большевиков пошли польские легионы. Черт знает кому верить!

30 января. День величайших сюрпризов в мировой жизни и в моей личной. Большевицкая делегация в Брест-Литовске отказалась подписать мирный договор с Германией и Австрией и заявила вместе с тем о полном прекращении войны. В декларации Троцкого так и говорится: «В ожидании того близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, как это сделал рабочий народ в России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны… Мы выходим из войны; мы извещаем об этом все народы, все правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации всех армий, противостоящих ныне войскам Австро-Венгрии, Германии, Турции и Болгарии. Мы ждем и твердо верим, что другие народы скоро последуют нашему примеру… Мы отказываемся санкционировать те условия, которые германский и австро-венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов. Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и ожесточение миллионам человеческих существ». Декларация кончается так: «Совет Нар. Ком., правительство Российской Федеративной республики, настоящим доводит до сведения правительств и народов воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия объявляет со своей стороны

состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией — прекращенным. Российским войскам отдается одновременно приказ о полной демобилизации по всем линиям фронта.»

Этот знаменательный документ подписан 10-го февр. (нов. стиль) в Брест-Литовске Троцким и членами делегации: Биценко (кажется, женщина), Карелиным, Иоффе, Покровским, Караханом и «председателем всеукраинского центрального комитета Медвединым и народным секретарем по военным делам Украинской республики Шохраем». К этому надо присовокупить, что раньше украинцы представляли на конференции не настоящую раду, а прежнюю, уже смещенную теперь, и те представители успели заключить мир с Германией и Австрией, о чем граф Чернин, представитель Австрии, тут же заявил в таких выражениях: «Центральные державы действительно заключили сегодня мирный договор с представителями Центральной Украинской народной республики, которую они признали. Каковы взаимоотношения Украинского государства с Петроградским правительством, это — вопрос, который нас не касается. Мы с Украиной заключили не союз, а только мирный договор. Украина есть не союзник, а нейтральное государство, и если бы мы пришли к мирному договору с Россией, то и Россия сделалась бы для нас также нейтральным государством…»

То, что проделывал Троцкий за эти три месяца во исполнение торжественного обещание большевиков немедленно заключить почетный и полный мир, и вот эта последняя «декларация» Брест-Литовского вдохновения похожи на такую штуку: однажды балетный танцовщик в лихой русской пляске закончил ее такой отчаянно-молодцеватой фигурой, что не утерпел сам и, притопнув последний раз, воскликнул: «Вот как по-нашему!» Конечно, в шантане или под песни русского хора — можно и балетному артисту поговорить с публикой, но в балете это уж совсем не полагается, так и в Брест-Литовске наш обер-балерина, то бишь прима-дипломат, взял да ляпнул: «Мира не хотим и воевать не желаем! Нате-ка, мол, выкусите!»

Слухи об освобождении министров-кадетов оказываются еще преждевременными.

Учреждения Синода закрыты. Чиновники (свыше 700 человек) уволены, деньги конфискованы. Красногвардейцы производят опись всего синодального имущества.

На Трапезунд и его окрестности движутся орды курдов.

В Воронеже тоже был Крестный ход по поводу занятия большевиками Митрофаньевского монастыря, и вот красногвардейцы принялись стрелять в толпы богомольцев, а

потом и богомольцы в красногвардейцев. На подмогу последним прибыли даже броневики и пулеметы. Их трескотня смешалась с звоном колоколов. Пострадавших пока зарегистрировано 17 чел.

Пошли и такие войны: воюют теперь между собой города Саратов и Астрахань.

При захвате большевиками от украинцев Одессы считают убитых и раненых более 500 чел. А в Киеве погибли, должно быть, целые тысячи!

А это вот и меня самого задело очень чувствительно: в исполнение декрета о национализации торгового флота сегодня заявился к нам в контору конторщик «Восточного общества», некто Александр Герасимович Лукашев, и заявил, что он назначен СРСД комиссаром над московскими пароходными конторами и пристанями и что ему предоставлено право назначить по его выбору в каждое отдельное предприятие своего комиссара, причем он пояснил нашим служащим (их у нас здесь, кроме меня только 11 человек), что было бы желательно, чтобы они наметили кандидата в комиссары из своей среды. Когда те единогласно выразили желание иметь своим комиссаром не кого иного, как меня, — Лукашев категорически заявил им, что это не пройдет, так как все директора, управляющие и вообще администраторы должны быть отстранены от участия в делах и могут оставаться пока в качестве «советчиков», а если бы они заявили согласие на занятие более низших должностей (что ныне, пожалуй, выгоднее по окладам), то на это не соглашаться и вообще стараться совсем обходиться без них. После беседы со служащими он удостоил и меня коротенькой и довольно сухой беседой, из которой я узнал, что в громадном соединенном предприятии «Восточного общества» и «Кавказ и Меркурий» уже назначен комиссаром один молоденький конторщик, а двое главных управляющих — старый, опытный и заслуженный А. Е. Шевченко и молодой, высокообразованный и симпатичнейший Г. Л. Минскер — совсем отстранены от должностей и не оставлены даже «советчиками». Вот как распоряжаются с нами, с «приспешниками капиталистов», товарищи! Бывало, старые хозяева, даже за наши провинности, смещали нас, увольняли или «переводили» на иные должности с джентльменской конфузливостью: придумывали какой-нибудь не оскорбляющий человеческое достоинство компромисс, предлог, давали какую-нибудь компенсацию, а тут — черт знает что! Ждал награды, горд был сознанием, что служишь честно и на пользу доверителей, и на благо своей семьи и подчиненных, и все это — насмарку, моментально — в 24 минуты. Это хуже, чем с генералами, тех могут выбрать в писаря, в кашевары, а нам не дали и такой перспективы: так и сказали: вам и в конторщики

нельзя! Странное теперь наше положение: мы распоряжались чужим добром по доверенности известных лиц и должны в силу этих доверенностей возвратить это добро им же, конечно, но вот приходят неизвестные лица и строго-настрого говорят: отдай все хозяйское им и сам убирайся на все четыре стороны, а что касается твоего собственного добра в виде залогов, взносов в сберегательную служебную кассу и в виде заслуги по годам служения, — на это ответ: это нас не касается, или «это будет обсуждаться в особой комиссии». А когда она соберется, где, из кого, — господин главный комиссар и сам не знает. Но, как теперь часто говорят, «Бог не выдаст, свинья не съест».

31 января. Если у этой скучной записи найдется когда-либо читатель, то я прошу его простить меня, что я нет-нет, да и — пропишу тут о себе, то о своих присных, и вот сегодня та же скучная история, а именно, о себе. Впрочем, на этот раз у меня есть оправдание: надо же закончить то, что вчера значилось на этих листах. Одним словом, о комиссаре, долженствующем заменить меня. Им выбран мною любимый молодой человек, конторщик лет 23—24-х, некто Николай Сергеевич Григорьев, в сущности, мой ученик, за 7 лет моего руководства научившийся недурно составлять деловые бумажки и, надо правду сказать, отличавшийся среди других служащих добросовестностью и усердием. Сегодня в полдень он уже не без волнения вручил мне официальную бумагу, по содержанию своему заслуживающую, так сказать, общественного интереса, а потому я ее списываю тут полностью, буква в букву: «Комиссар над национализированными пароходными предприятиями г. Москвы. Января 30-го дня 1918 г. № 14. Копия рабочей группы президиума районного экономического комитета. Агенту о-ва «Самолет» Н. П. Окуневу. В силу полномочии, предоставленных мне президиумом СРСКД, мною, впредь до утверждения рабочей группою президиума районного экономического комитета, назначен комиссаром всех московских учреждений В/о-ва Н. С. Григорьев. Сообщая об этом, предлагаю вам немедленно сдать ему все дела, имущество, денежные средства и сложить свои служебные обязанности, впредь до особого извещения. Комиссар А. Лукашев.»

Что добавить по поводу этого манускрипта? Разве только то, что мое бывшее правительство, т. е. правление общества, никогда мне в бумагах своих ничего «не предлагало», «не предписывало», а всегда только «просило» сделать то-то и то-то.

Саратов воюет с Астраханью, Жлобин с Могилевым, Воронеж с Новочеркасском, Киев с Дарницей, Одесса с Кишиневом, Севастополь с Симферополем и т. д., и т. д. Не сосчитать, сколько

же войн ведет в каждый данный момент это жаждущее мира население не воюющей с немцем страны. Она не Российская федеративная республика, а просто «чресполосная»!

Судили знаменитого Шнеура, в первые дни за особые заслуги Ленину и К° произведенного из поручиков или корнетов прямо в полковники и назначенного начальником главковерхштаба и делегатом для переговоров о мире, а потом и проворовавшегося, и оказавшегося служившим в царской тайной полиции, — судили в революционном трибунале и приговорили «к лишению всех гражданских прав, общественного доверия (разве теперь все это существует в нашей жизни?) и высылке за пределы Российской республики» (теперь эти пределы российские — сущая каторга, а не рай какой-нибудь). Какое же это наказание?

Обокрадена Московская Патриаршая ризница. Похищена масса исторических драгоценностей на сумму не меньше чем 1 млн. рублей.

1/14 февраля. Начался новый стиль, и продолжаются старые безобразия. Группа рабочих в 100–150 человек, конечно, по-красногвардейски вооруженных, назвавшихся анархистами, захватили купеческий клуб, якобы для «культурно-просветительных целей», и кстати обобрали находившихся в клубе посетителей, но не дочиста, а только на $^1/_3$ оказавшихся у каждого денег.

Про украденные богатства из патриаршей ризницы говорят уже, что их было не на миллион, а на десятки миллионов и что ограбление произошло так, как будто охрана Кремля глядела на происходившее как на что-нибудь правомерное.

2/15 февраля. Хотя с переменой стиля праздник Сретения как бы прошел, и думали, что сегодня не дадут даже праздновать его в церквях, но сами Советы решили все-таки попраздновать. В чем другом, а в этом вопросе раскола не произошло; так велика любовь россиянина к безделью!

В Петрограде на улице обобрали итальянского посла: взяли бумажник, документы и сняли с него шубу, шапку и перчатки.

Увы! Алексеев разбит наголову и бежал будто бы в Новочеркасск, где он объявил, что и Новочеркасску угрожает близкая опасность от большевиков. А дальше слухи еще хуже, † Застрелился Каледин, а в Киеве банда хулиганов явилась к Митрополиту Владимиру, ограбили его, раздели, выгнали в Печерские горы и там убили. Обоим уже не житье было в такие «лукавые дни», как говорил покойный Владимир, но они были, безусловно, честные люди, честные и даровитые. Пускай

политически они и не совсем были правы, но, Боже мой! — чего они не перенесли за последние годы, не желая изменить своих убеждений. Помяни их, Господи, во Царствии Твоем!

4/17 февраля. Киевская война продолжалась 12 дней. Убитых свыше 3.000 чел. В Астрахани казаки воевали с большевиками тоже почти 2 недели и в конце концов потерпели поражение. Там тоже много жертв. Вокруг Бобруйской крепости началось решительное сражение советских войск с польскими легионерами. Последние уже окружены со всех сторон большевиками. Дело тоже проигранное.

Назревают события под Ростовом н/Д. Румыны приближаются к Одессе.

В Туле революционный комитет обложил торговопромышленников контрибуцией в 3,5 млн. руб., на этой почве произошли волнения. Происходивший там 2-го февраля крестный ход был обстрелян, и даже ранен сам Епископ Ювеналий, возглавлявший процессию.

Троцкий назначен продовольственным диктатором.

В рев. трибунале судили «Утро России» и оштрафовали эту газету на 100.000 руб. Защищавший ее Н. П. Измайлов, между прочим, изрек большевикам: «Мне, например, ненавистна ваша власть. Я не верю, чтобы вы могли дать счастье не только Европе, как вы печатаете, но и России. Но в борьбе вашей с сепаратизмом России, с Керенским — я вас приветствую. Ибо Керенский, это — чахотка русской жизни, которая удушила бы страну. Большевистская же власть — спасительный тиф: ведь после тифа, если он не смертелен, организм крепнет.»

Грабят без конца и без разбора: дворцы, ризницы, особняки, клубы, богатых, бедных. Грабят анархисты, грабят вообще люди на автомобилях и с винтовками. Кто они? Бог их ведает. На днях ограбили мою мать, брата, его дочь — увезли ночью из кладовой все, что там было у них: шубы, одежду, платья, обувь — все «буржуйное» сбережение. Хорошо, что никто не видел этого ограбления, а то, спаси Бог, кого-нибудь еще убили бы при этом.

Несколько дней тому назад установилась хорошая морозная погода, продолжающаяся доныне. На московских улицах такое же безобразие: катакомбы замерзшей грязи и снега, все еще не убранные и представляющие для людей и лошадей настоящие капканы.

6/19 февраля. Война с немцами опять возобновляется. Генерал Гофман официально заявил нашему генералу Самойлову, остававшемуся в Бресте, что 18 февраля в 12 ч. дня оканчивается

перемирие, и начинается снова состояние войны. Троцкий телеграфировал в Берлин «правительству германской империи», что предупреждение о конце перемирия должно быть сделано за 7 дней, а не за 2. Вообще Троцкий считает немецкую угрозу «бесчестным, даже с милитаристической точки зрения, образом действия» и «разбойничьей операцией», а потому войскам, находящимся (?!) на фронте, отдано распоряжение оказывать сопротивление разбойничьему набегу. Отдано распоряжение о приостановлении демобилизации. Бонч-Бруевичу приказано взять на себя руководство действиями по отражению германского наступления.

Принц Леопольд Баварский, главнок. против нашего фронта, отдал приказ по своим войскам, где говорится: «Мы наступаем на Россию не с завоевательной целью и не для получения там военной добычи, мы объяты стремлением водворить в Европе социальный порядок, так как Россия грозит стать источником заразы для всей Европы. Будем надеяться, что вся Европа и весь цивилизованный мир поймут, что немцы предпринимают теперь наступление и продолжают войну во имя защиты всеобщего европейского порядка.» К этому пока можно добавить, что немцы действительно завоевали и заняли уже Двинск, и идут слухи о высадке немецкого десанта в Ревеле и о занятии Луцка.

Житомир сдался большевикам. Ими окружен Ростов н/Д.

Сообщают, что в Государственном банке насчитали капиталов дома Романовых около 24 млн. Не так уж много, как принято было думать.

† Около ст. Оредеж Виндавск. дороги убит красногвардейцем бывший начальник штаба верх, главнок. генерал Янушкевич. Беднягу арестовали в Могилеве и препровождали в Петропавловскую крепость.

В «Известиях» крупнейший плакат: «В среду 20-го (7-го) февраля — день красной социалистической армии. Красная социалистическая армия — верное орудие в борьбе за революцию. Ее дисциплина — глубокое революционное сознание, ее силы — международное братство трудящихся и священная ненависть к капитализму.» Как говорится, комментарии излишни.

7/20 февраля. Встал с какими-то смутными, недобрыми предчувствиями, потому что всю ночь одолеваем был разными такими снами, которые, как говорится, — «не к добру», † И действительно: около 3-х часов дня получил известие о кончине своей матери. Она долго хворала. Кажется, нет такой болезни, которой бы она не перенесла за свою долгую жизнь. Ей почти 85 лет (родилась 24 сентября 1833 г., в дер. Чащи, Покровского

уезда Владимирской губернии). Она еще 28 лет жила под крепостным игом, и все крестьянские работы, включительно с пашней, были ее обязанностью, чуть не до 35-летнего возраста. Одним словом, это была поистине трудовая жизнь, жизнь безропотная, снискавшая ей громадное уважение, прежде в крестьянском, а потом и в купеческом кругу. До последних часов своей жизни она сохранила моложавое лицо, отчетливый голос, ясные глаза, несогбенную фигуру, великолепную память и острый, пытливый и внимательный ум. В воскресенье она еще говорила со мной, интересуясь даже войной и последними событиями, но сегодня, когда я был у ней, около часу дня, она только грустно посматривала на меня и, может быть, даже не узнавала. Величайшей ее заботой было благополучие детей, внуков и правнуков. Только ихними радостями она и жила; только ихними скорбями и скорбела, хотя, вообще, была очень добра и ко всем добрым людям. Господь благословил ее очень большим потомством: 2 сына, дочь и по прямой линии 15 внучат и 11 правнуков обоего пола, из коих старшему уже 16 или 17 лет. Упокой ее, Господи, во Царствии Твоем Небесном, и да помолится она в Селениях Твоих за нас грешных.

В ночь с 18 на 19 февраля Ленин и Троцкий отправили в Берлин радиотелеграмму, заканчивающуюся такими историческими словами: «Совет народных комиссаров считает себя вынужденным при создавшемся положении заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза в Бресте», и вчера они получили уже такой ответ: «Сообщите письменно ваши условия нашему представителю в Двинске.» Двинск занят немцами в 5 ч. дня 18 февраля. Боя не было, гарнизон заранее разбежался, вывезти ничего не удалось. Немцы продвигаются дальше. Затем, есть известия, что шведским десантом заняты Аландские острова.

Ленин вчера в Таврическом дворце сообщил, что «немцы двигаются по всем фронтам: как на юг, так и на запад, и на север, от Румынского до Северного фронта. В настоящую минуту они уже около Валка».

8/21 февраля. Минск, Могилев и Режица заняты германскими войсками: Эвакуируется Витебск, Полоцк и Ревель. Австрийцы вступили в Броды «по мирному договору с Украиной».

О Керенском пишут, что он сейчас в Норвегии, в г. Христиании.

Все «мягкие» вагоны изъяты из железнодорожного движения, и они сдаются в ремонт «в целях упрощения их внутреннего

убранства».

Декретом Нар. Ком. постановлено монополизировать на 5 лет и издать сочинения русских беллетристов, поэтов и критиков (всего 56 фамилий).

Хлеба все меньше, но за дорогую цену он находится, и теперь многие — уж не одни солдаты — стали промышлять таким делом: едут куда-нибудь в глубь России, купят там пуда 2 муки рублей за 40 и возвращаются в Москву, чтобы продать купленное за 200 или 300 р. И какие ни делают на них облавы, все-таки промысел этот развивается с каждым днем. «Мешочники» теперь в моде. У нас даже ночной сторож подал в домовой комитет прошение, в котором, ссылаясь на дороговизну жизни и невозможность существования с семьей на 250 р. в месяц, просит отпустить его, с сохранением содержания, «в мешочники на 6 дней».

9/22 февраля. Воззвания и воззвания без конца!

«К трудящемуся населению всей России: мы, Совет Нар. Ком., считаем, что сейчас революционная Россия не может взваливать на свои израненные (а кто, спросить, изранил-то?) плечи бремя новой войны, и, подписывая аннексионистский мирный договор, мы объявляем, однако, демобилизацию нашей армии и состояние войны с Германией объявляем прекращенным.» Дальше в воззвании говорится, что «расстроенные остатки наших войск почти без сопротивления отступили перед организованным натиском врага». И еще дальше, что «германский рабочий класс оказался в этот грозный час еще недостаточно решительным и сильным, чтобы удержать преступную руку собственного милитаризма». Воззвание заканчивается обычным призывом в Красную армию, и угрозой всем тем, кто не рабочий, не крестьянин, не солдат, что борьба с ними будет «до последней капли крови».

Затем другое воззвание, под особым заглавием: «Социалистическое отечество в опасности!» Тут уже говорится, что Совет Комиссаров постановил: «Все силы и средства страны предоставляются целиком на дело революционной обороны», в развитие чего предписывается всем советам и революционным организациям «защищать каждую позицию до последней капли крови»… «При отступлении уничтожать пути, взрывать и сжигать ж. д. здания, весь подвижной состав немедленно направлять на восток, в глубь страны. Все хлебные и продовольственные запасы, а равно и всякое ценное имущество, которому грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению.» Мобилизуются какие-то батальоны по линии «нового фронта» для рытья окопов, причем «все работоспособные

члены буржуазного класса, женщины и мужчины, под надзором красногвардейцев должны работать в этих батальонах, а сопротивляющиеся будут расстреляны». И вообще, расстрелы вводятся в широких размерах, и к ним уже обречены: «неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы и германские шпионы», и т. д. и т. д., все в таком же страшном тоне. Те же песни поет и неутомимый Крыленко, да, пожалуй, еще попронзительнее самого Ленина с Троцким: «Борьба не на жизнь, а на смерть, беспощадная борьба, в которой нет отступления, нет отходов, в которой есть либо смерть, либо победа» (черта с два!). «Народную месть, народный террор должны мы противопоставить нашествию противника. И если нам удастся бросить навстречу сплоченные массы революционных граждан, которые не только по правилам военной стратегии, а из-за угла, всюду и везде, мелкими отрядами и крупными сражениями за каждое селение и за каждую улицу, за каждый дом в городах поднимут бой в нашей отчаянной гражданской войне, — нет силы, которую немцы могли бы противопоставить нам.» И т. д.

Для передышки от такой без войны воинственности, запишу о кончине турецкого экс-Султана Абдул-Гамида, царствовавшего с 1876 по 1910 г. и свергнутого с престола младотурками.

21 февраля немцами занят Валк и ст. Рысти в 40 верст, от Ревеля. Через несколько часов Вилейка, Кривичи, Бреславка и Балки. Даже Двинск взят только кучкой немцев, приехавших туда всего лишь на двух автомобилях. Что же говорить о разных Кривичах и Балках — их, может быть, взяли такие же силы, численностью, которые так успешно оперируют в наших городах при встречах в глухих переулках с одиноким прохожим.

Так много немецких «взятий», что забыл даже, писал ли о взятии Минска, Борисова, Могилева-на-Днестре.

Образован «верховный малый совет» из Ленина, Троцкого, Сталина, Прошьяна и Карелина «с целью установления в стране твердой власти». В Петрограде введено осадное положение, и учрежден «Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа».

Перед началом 17-го года я был убежден, что он-то и будет самым знаменательным, но теперь приходится сказать то же самое про настоящий 18-й год, должно быть, самое-то важное, самое страшное (чего не дай Боже) произойдет именно в текущем году и, может быть, вскорости от сего дня — чрез неделю, чрез месяц. Настает такое времечко, когда только и можно сказать: «пронеси Господи», как говорят путешественники по Военно-грузинской дороге, когда едут под навесом огромных каменных глыб, носящих даже название «Пронеси Господи».

10/23 февраля. Гапсаль также занят немцами. Из Ревеля отправлен будто бы этапный поезд в составе 12 вагонов, наполненных «пятьюстами прибалтийских баронов», арестованных по постановлению исполнительного комитета СРСД за проявление преданности к Вильгельму. Баронов отправили в Красноярск.

Псков ждет еще немцев, а доблестное воинство уже удирает оттуда во все лопатки. Отходящие поезда берутся ими с боя. Солдаты влезают на крыши и буфера, в вагонах выбивают стекла и лезут внутрь их через окна. А отсюда отправляются в помощь им красногвардейские отряды. В конце концов дело опять сведется к междуусобному кровопролитию, и вот, кто тут одолеет: бегущие от немца или едущие на него? Но во всяком случае сам немец от этого только выиграет.

Австрийцы восстановили с большой торжественностью старую государственную границу между Волоческом и Подволоческом. «Волочи», «Подволочи», а есть еще и «сволочи», доигравшиеся до такого позора.

И турки двигаются «на вы»: Эрзинджан занят, и очередь за Эрзерумом.

В «Чрезвычайном штабе Петроградского военного округа» орудует тоже пятерка: Бонч-Бруевич, Васильевский, Еремеев, Мехоношин и Юренев. Румыны обстреливают Тирасполь.

11/24 февраля. Ответ германцев, по признанию самого Ленина, — «ставит нам условия еще более тяжкие, чем в Брест-Лиговске». В общем, немцы требуют: 1. Установления германских полицейских в Эстляндии и Лифляндии, впредь до воссоздания упорядоченных учреждений. 2. Установления советским правительством мира с народной Украинской республикой. 3. Вывода русских войск из Финляндии и Украины. 4. Отказа советского правительства от пропаганды в Германии и в оккупированных ею областях. 5. Сохранения торгового договора 1904 г. по крайней мере на срок до 1925 г. 6. Возвращения Турции ее восточных анатолийских провинций. 7. Отторжения от России территорий, лежащих к западу от указанной в Брест-Литовске русским представителям линии. 8. Немедленной полной демобилизации русской армии, вплоть до вновь образованных большевиками частей.

Это еще не все, но самое главное тут записано. Ультиматум заканчивается указанием, что он должен быть принят в течение 48-ми часов.

Полоцк занят немцами.

13/26 февраля. Ко всеобщему удивлению сегодня вышли только разные «социал-демократы». Значит, что-нибудь у их смольных величеств не ладится. Однако прочтем, что хоть «Соц-дем» сообщает. Во-первых, крупнобуквенное воззвание на видном месте: «К оружию, товарищи. Все на фронт, все на борьбу с захватчиками. За социализм, за освобождение человечества против буржуазии, против власти капитала.» И во-вторых, объявление (несколько помельче), что «по постановлению моек, комитета РСДРП обязана записаться в красную армию такая-то категория», а в-третьих, информация под заголовком: «Согласие совета нар. ком. на мир». Оно принято ВЦИК большевиков, большинством 116 голосов против 85, и 26 воздержавшихся. На основании этого Лениным и Троцким 10 февраля ночью послана телеграмма, что «совет нар. ком. постановил, условия мира, предлагаемые германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск». И эта делегация выехала вчера. Там же сообщают, что на Бологое двинуто около 70.000 красной армии. Что толку-то?

Ленин сказал про условия мира, что они «неслыханно тяжелы, угнетающе тяжелы. Германский империализм, пользуясь нашим положением, стал коленом на грудь и предъявляет свои омерзительные требования, и мы вынуждены принять эти требования, ибо иного выхода у нас нет.»

Но зачем же тогда призыв, — даже не призыв, а что-то вроде принуждения всем идти в красную гвардию? С кем, собственно, воевать, когда уже приняты «омерзительные требования» германского империализма? Сегодня все стены заклеены разными воззваниями «к оружию, к оружию!» и буржуазные газеты, вероятно, потому не вышли, что их бумага пошла на эти воззвания. Впрочем, к вечеру вышли два листочка несомненно «буржуйного» типа. Оказывается, что введена на все газеты предварительная цензура, а потому они и не могли выйти, ибо, должно быть, все, что они имели сообщить читателям, все «нецензурное». И в этих листках много белых пробелов, как год тому назад, в последние дни царствования Николая Второго. Из них узнаем, что Ленин на всякие манеры все оправдывается, — то говорил, а теперь пишет в одной из петроградских «правд»: «Мы обязаны подписать с точки зрения защиты отечества самый тяжелый, угнетательский, зверский, позорный мир не для того, чтобы «капитулировать» пред империализмом, а чтобы учиться и готовиться воевать с ним серьезным, деловым образом. До сих пор пред нами стояли мизерные, жалкие враги, как-то: идиот Романов, хвастунишка Керенский, банда юнкеров и буржуйчиков.

Теперь против нас поднялся гигант, культурный, технически первоклассно оборудованный, организованный великолепно, — всемирный империализм. С ним надо бороться, с ним надо умея бороться», и т. д. Год тому назад Романова еще называли «всемилостивейшим», а полгода назад и Керенского «великим трибуном», когда же наконец назовут и Ленина идиотом и хвастунишкой? Как будто дело-то идет к тому.

Примут или нет германцы наше согласие на мир, узнаем, конечно, на этих же днях, но пока они продолжают свое шествие на нас довольно неутомимо. Взяты Ревель, Ровно, Минск, Псков и наступают на Гомель. Про свою добычу германцы сообщают так: «Добыча общая не поддается и приблизительному подсчету. До сих пор взяты в плен 1 генерал, командующий армией, несколько начальников дивизий, 425 офицеров, 8.700 солдат, 1.353 орудия, 120 пулеметов, 5.000 повозок, ж.д. поезда и около 1.000 вагонов, во многих случаях нагруженных съестными припасами, самолеты и прочий необходимый военный материал.» И ведь это по донесению одного только немецкого генерала Линзингена, а ведь там их много, и все знают свое дело, и тоже, поди, подсчитывают не свой урон, а «необозримую» добычу.

14/27 февраля. Сегодня, кроме «казенных», вышли еще две газеты: «Утро России» и «Раннее утро». Белых столбцов немало, а в особенности в «Р. у.».

Немцы уже в Луге, т. е. в расстоянии 130 верст от Петрограда. Ими еще занят 11-го числа Юрьев.

Московский Совет РСД большинством 41 против 10 (в исполнит, ком.) высказался против заключения сепаратного мира. Того и гляди, Москва тоже обособится и будет особой республикой. В Петрограде решено мириться, а здесь воевать. Чья возьмет?

Ростов н/Д взят большевиками. И значит, и казаки обольшевистились. Стоило тогда огород городить. Сколько погибло людей в этой междуусобице, и без всякого толка. Бедный Алексеев тоже ввязался в эту грязную историю и вот теперь где-то скрывается и ждет, конечно, страшного конца. Не лучше его и Корнилову, и Дутову, и Щербачеву. Спаси их, Господи, от самосуда — он витает над их судьбой.

16 февр./1 марта. На днях горели в Москве на Мясницкой улице интендантские склады. Погибло разных запасов на 70 млн. руб. Говорят, что пожару предшествовали грабежи этих складов, и пожар, собственно, — заметение следов.

Из Петрограда уехали по финляндской дороге посольства:

французское, великобританское, бельгийское и сербское. Эвакуируются из Петрограда Госбанк и некоторые министерства.

Кроме Москвы, многие города телеграфом сообщили Совету нар. ком., что они за продолжение войны, и Ленин заявил даже, что «если бы у нас было столько дисциплинированных и вооруженных полков, сколько имеется резолюций в пользу войны, то мы могли бы воевать с империалистами всего мира». То-то, товарищ!

«Анархисты в редакции «Утра России», «Взрыв в поезде», «Запрещение езды на автомобилях», «Забастовка городских служащих», «Грабежи», «Угрожающая продовольственная опасность», «Контрибуции и аресты», «Смертный приговор», «Обложение буржуазии», «Расстрел крестного хода», — вот заголовки газетных сообщений, и это каждый день.

Неужто придет когда-нибудь такое время, когда чтение газеты будет удовольствием, то есть не будет в жизни таких ужасов, которые происходят теперь по всей «чресполосной России».

Здоровы ли, живы ли Дорошевич, Амфитеатров и другие острословы? В злой действительности много и смешного. Кому, как не им, позлоязычничать бы теперь над власть имущими. Писали же они при царе о царе и о министрах. Не боялись ни тюрем, ни Нарымских краев, ни заграничных ссылок. Чего теперь боятся?

17 февр./2 марта. Ленин разослал всем советам такую телеграмму: «Первого марта в 8 ч. веч. получена следующая телеграмма из Бреста: «Вышлите нам поезд в Товшино (около Пскова) с достаточной охраной. Снестись по последним с Крыленко. Подпись Карахан.» Эта телеграмма, по всей вероятности, означает, что мирные переговоры прерваны германцами. Надо быть готовыми к немедленному наступлению немцев на Питер и на всех фронтах. Ваша обязанность — все поднять на ноги и принять меры охраны и обороны.»

Корреспондент «Утра России» сообщает, что германцы спросили русских делегатов, от кого они выступают — от всей России или от определенной группы, — и те ответили, что от имени «определенного класса», и тогда немцы прекратили всякие переговоры с ними. Ни где-нибудь, а в самих «Известиях» сегодня напечатано, что Гомель взят немцами и Киев пал.

18 февр./3 марта. Новая телеграмма Ленину и Троцкому от Карахана (слушайте!): «Как мы и предполагали, обсуждение условий мира совершенно бесполезно, ибо они ухудшились

сравнительно с ультиматумом 21-го февраля и носят ультимативный характер. Ввиду этого, и вследствие отказа немцев прекратить до подписания договора военные действия, мы решили подписать договор, не входя в его обсуждение, и по подписании выехать. Поэтому потребовали поезд, рассчитывая завтра выехать. Самым серьезным ухудшением, по сравнению с ультиматумом 21-го февраля, является отторжение от России округов Ардагана, Карса и Батума под видом самоопределения.»

† Вчера в 5 час. вечера над Петроградом появился, надо полагать, германский аэроплан и сбросил 2 бомбы, от которых пострадали мирные жители: убито 5 и ранено 6 человек.

Терещенко, Кишкин и Бурцев освобождены, но в Москве зачем-то арестовали Камчатского Епископа Нестора.

В буржуазных газетах проклятия немцам и большевикам. В пролетарских — проклятия опять немцам и — буржуям. Первые предрекают скорый разгон настоящих властителей, а вторые — испещрены разными декретами, приказами и постановлениями о беспощадных налогах, штрафах, поборах, конфискациях, арестах, контрибуциях с буржуев и буржуев. А голод все рельефнее и рельефнее: сегодня в Москве вместо мягкого хлеба выдали на паек $^1/_8$ фунта ржаных сухарей. Краса же русской революции, всякое воинство — сухопутное и морское — заполнило все улицы, рынки и площади, спекулируя и мародерствуя откровеннейшим образом. Белую или серую муку дешевле 185 р. за пуд уже не купишь. Цена рублю, должно быть, не более трех копеек. А нам самим — и буржуям, и пролетариям, — цена грош. Никуда не годимся, и напрасно храндучим: без варяга нам порядка не завести. Пусть он придет. Кто против этого, тот боится за свою власть или за свое брюхо. Несть теперь власти кроме Бога и своей совести, и не единым хлебом человек жив бывает!

20 февр./5 марта. Сегодня, ни утром ни вечером, — никаких газет, кроме «Известий», «Соц.-дем.» и «Анархиста». Дух захватывает от такой жизни! Однако на Кузнецком мосту гуляние очень многолюдное. Впрочем, преобладают «саботажники» и прапорщики без погон, но с эдакими «офицерскими» лицами. Да и что им делать теперь, как не гулять? Случайно встретил там необычайного в тех местах гражданина: хозяина ломового обоза. Ликвидирует его: овес 45 р. пуд, сено 15 р. пуд, ржаная мука 120 р. пуд и хлеб, значит, обходится ему 3 р. 50 к. за фунт, а он обязан выдавать извозчикам кроме усиленного пайка в 0,5 фунта — еще 2 ф. Ну, мясо потом, и разное другое содержание людей, лошадей, саней, полков и сбруи, — так что никакие цены за перевозку не окупают расходов, и он бросил лошадей и все

обзаведение. «Умирать с голода буду, — говорит, — один.»

В «Известиях» официально сообщается, что 3-го марта в 7 час. вечера подписан мирный договор с Германией и ее союзниками. Военные действия должны прекратиться к 1-му часу дня, но это не мешало вчера ночью показаться около Петрограда трем цеппелинам, которые были обстреляны артиллерийским огнем. Бомб сброшено не было, и сами цеппелины, конечно, не пострадали.

Освобождены Авксентьев, Вышнеградский и Епископ Нестор.

Заняты турками Трапезунд, немцами — Нарва.

В «Известиях» помещено «необходимое разъяснение» от помощника командующего войсками Аросева. «Разъясняет», что «штабом черной гвардии *анархистов*» было произведено «только» 4 обыска, так как штаб красной гвардии должен был произвести за одну ночь всего 20 обысков и, следовательно, не успел бы «управиться», а потому анархисты и были приглашены Аросевым в помощь. Умилительное содружество правящей власти с анархистами. Совет им да любовь!

23 февр./8 марта. Наконец-то вышли буржуазные газеты, но все еще с предварительной цензурой, а потому — с порядочными «проплешинами». Приводя полный текст мирного договора, газеты вопрошают, да действительно ли заключен мир? Почему-то 5-го марта немцы взяли с бою Оршу, а 6-го Ямбург.

Арестован красногвардейцами В. Кн. Михаил Александрович и доставлен в Смольный. Из формирования «красной» армии ничего не выходит: сам Зиновьев жалуется в Петрограде, что в Москве записалось в Красную армию 80.000 чел., а когда стали собирать записавшихся, не сосчитали и 3.000. Идут исключительно безработные рабочие, а солдаты поголовно разбегаются по деревням, по домам.

Московские трамваи движутся все хуже и хуже, а тариф все повышается. Теперь введена однообразная плата 40 к. беспересадочных билетов и без раздела на станции.

5 марта Румыния заключила с Германией и ее союзниками предварительный мирный договор, по которому она теряет в пользу союзников Германии Добруджу до Дуная.

В Берлине и Вене торжествуют по случаю мира с нами. Вильгельм рассылает благодарственные телеграммы Гинденбургу, Канцлеру и др. деятелям. Там, между прочим, сказано: «После долгой борьбы драгоценные результаты победы в наших руках. Наши балтийские братья освобождены от русского ига и могут снова сознавать себя германцами. Бог поможет нам и далее.»

Николая Второго и его семью перевели «на солдатский паек»,

а право расходования им своих денег ограничено до 4.200 р. в месяц на всю семью.

«Главковерх» Крыленко, или «Верховрыло» подал в отставку. От какого Верховного Главнокомандования, кем, чем?

25 февр./10 марта. Какие-то странные известия из Иркутска: будто бы «Кн. Львов (какой?) и директор русско-азиатского банка Путилов провозгласили себя правительством прибрежной полосы Дальнего Востока, для подкрепления новой власти из Японии двинуты большие силы».

В. Кн. Михаил Александрович по одним сведениям освобожден, по другим — помещен в больницу при «Крестах».

«Правительство» переезжает из Петрограда в Москву. Как говорится, «хуже стало»!

Во многих городах местными советами наложены контрибуции на богачей или в несколько сот тысяч, или в несколько миллионов, а если эту контрибуцию не платят, то неплательщиков арестовывают. Например, на Нижн. Новгор. наложено 50 млн., но срок прошел, денег купцы не дают, тогда взяли да арестовали их до тридцати «штук». Немало за последние дни арестовано и московских богачей. Этих — за невзнос различных налогов. Да и где взять теперь богатому человеку средств, даже для существования: фабрики, дома, имения, леса, акции, текущие счета, процентные бумаги, содержимое сейфов — стало не их собственностью, а «национальным» достоянием, или потеряло всякую ценность.

Два слова и о погоде: она устойчиво прекрасна — ночью морозы и звездное небо, а днем сияет солнышко, давая десятиградусное тепло, но московские улицы с каждым днем все более и более делаются «катакомбистее» и грязнее.

27 февр./12 марта. Сегодня должен бы быть великий праздник — годовщина русской революции, и его празднуют, то есть все учреждения и торговли закрыты, но ни колокольного звона, ни флагов, ни уличных манифестаций. И совсем не праздничное настроение: на улицах движения мало, кто идет или едет — на всех так и лежит печать уныния, разочарования или апатии ко всему окружающему. А для Москвы и еще бы праздник: вчера переехало сюда «правительство» во главе с Лениным. Значит, ее давнишняя мечта сделаться опять столицей — осуществилась, но как это сейчас горько и постыло. Одним словом, сбылось «предсказание» Лермонтова, написанное им еще в 1830 году:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать;
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож.
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

Газеты наполнены «юбилейными» статьями. Изо всех них один вывод: русская революция, как пушкинская старуха, требовавшая от золотой рыбки то новое корыто, то избы, то боярских хором, то царских палат, а потом оставшаяся при старом разбитом корыте.

Перелистывал прошлогоднюю запись этих дней и высчитал, что медовый месяц русской революции только и продолжался 1 месяц. А что к концу года получилось? В «Русск. вед.», например, отмечено, что за год мы потеряли Украину, Польшу, Прибалтийский край, Финляндию и часть западных и закавказских областей, что составляет 50 млн. народонаселения. Но ведь скоро и Сибирь отойдет от нас, что же останется от великой Российской Федеративной республики?

Предварительная цензура в Москве наконец отменена, но — надолго ли?

В «Новом слове» И. М. Гольдштейн делает интересные сопоставления, что стоили разные продукты до войны и что стоят теперь. Беру самое существенное, считая за фунт: мука пшеничная 7 к. и 3 р. 70 к., ржаная 5 к. и 3 р., рис 10 к. и 3 р. 25 к., картофель (мешок) 1 р. — 80 р., дрова (сажень) 15 р. — 140 р., керосин 5 к. — 60 к., масло сливочное 50 к. — 14 р., сыр 50 к. — 15 р., молоко (бутылка) 7 к. — 1 р. 50 к., яйца (десяток) 40 к. — 4 р. 20 к., судак 25 к. — 3 р. 50 к., кетовая икра 60 к. — 6 р. 50 к., курица 60 к. — 15 р., индейка 4 р. — 60 р., гусь 1 р.

50 к. — 40 р., рябчик 60 к. — 2 р. 50 к., мясо коровье 25 к. — 4 р. 50 к., колбаса 50 к. — 12 р., яблоки (шт.) 5 к. — 1 р. 50 к., апельсин 8 к. — 4 р., лимон 6 к. — 2 р., мед 45 к. — 9 р., сахар 15 к. — 10 р. Там же П. Ашевский шутя отвечает на вопросы, что от чего осталось, — «от царя — распутинские анекдоты», «от великой России — приятные воспоминания», «от Учредительного Собрания — рожки да ножки», «от русской армии — Крыленко», «от русского флота — "нелюдимо наше море"», «от солдат — мешочники», «от офицеров — намогильные кресты и другие знаки отличий», «от гражданина — панихиды», «от семи повешенных — семь расстрелянных», и «во что превратилась наша жизнь? — в каторгу. Каторга — в господствующее сословие. Война — в мир. Мир — в войну. Законы — в декреты. Суды — в самосуды», и т. д. в этом же роде. Очень недурно и очень «правильно»!

«Благую честь избра», кн. Иоанн Константинович, сын покойного Вел. кн. Константина Константиновича и зять Сербского короля, пока рукоположен в дьяконы, и затем — в сан иерея, а потом — разводится с женой, принимает монашество и будет к Пасхе возведен в сан Епископа.

Для годовщины установления в России свободы-свобод, сегодня напечатано обязательное постановление президиума СРСКД г. Москвы и Московской области, чтобы мы, паршивые буржуи, «не выполняющие какую-либо общественно необходимую работу, не связанные с Москвой необходимой связью, все, чья работа без ущерба для народного хозяйства может быть перенесена в другое место, служащие закрытых или эвакуированных учреждений, чины демобилизуемой армии, учащиеся и учащие прекративших занятия учебных заведений, а прежде всего беженцы из других городов и люди «без определенных занятий» должны оставить Москву немедленно» и никак не позднее 1-го апреля. Короче говоря, убирайтесь куда знаете, а мы вам с 1-го апреля не дадим продовольственных карточек и ваши квартиры реквизируем.

1/14 марта. Сегодня утром реомюр показывал 12° мороза. Днем тоже холодно, и только на солнце согревало по-весеннему.

Царя не обожали, а «обожаемым» все время называли. Буду для краткости Совет нар. ком. называть тоже «обожаемым». Для дебюта в новой столице обожаемый председатель обожаемого совета Ленин выступал вчера в двух заседаниях московских обожаемых советов и везде ему «бурно аплодировали». Нового он ничего не сказал, но здорово ругнул экс-царя, Керенского и буржуазию. Первого назвал «идиотом», второго «пустым

хвастунишкой», а буржуазию «бездарной и глупой», а ее «прихвостней — подлыми». (Теперь я по крайней мере знаю свое политическое лицо: подлый прихвостень бездарной, глупой буржуазии, — а то право не знал, что я такое?!) Во всех последних речах Ленина, сказанных в Петрограде и здесь, одни просьбы «не увлекаться революционной фразой», т. е. не говорить империалистам, что мы закидаем их шапками, а сделать «передышку», принять позорный мир и исподволь готовиться сделать немцу отпор революционной силой.

Завтра московские газеты должны выйти без объявлений, которые являются теперь монополией «обожаемых» «Известий». «Русские вед.» называют такой декрет актом «безобразного и недостойного насилия».

† Скончался композитор Ц. А. Кюи.

Вел. Кн. Михаил Александрович выслан в Пермь. Так распорядились «обожаемые».

Л. Троцкий сложил с себя комиссарство по иностранным делам и передал его какому-то Чичерину, а сам сделался председателем комиссариата по военным делам. Должность «главверха» упраздняется, и товарищ Абрам, он же Крыленко, — пока без ангажемента, значит, уже не обожаемый.

С переездом обожаемых в Москву здесь в спешном порядке, порой в 24 часа, реквизируются особняки, гостиницы, магазины, целые небоскребы, или частью, чтобы разместиться всем «правительственным» учреждениям и служащим в них. Многие семьи — буквально выбрасываются на улицу со всем своим скарбом. Что церемониться с бездарными, глупыми и подлыми буржуями!

Нарву немцы очистили, но заняли Або и Могилев.

Ожидают, что на днях Одессу займут румыны. Сибирь готовится к приему японцев и всех других наших союзников, кажется, настроенных теперь против нас, а не за нас.

В Благовещенске арестован «обожаемый» совет земством и казначейством.

При центральной обожаемой власти главную охрану несут латышские отряды. Ох, эти латыши! Зуб имели на немецких баронов, а грызут русских буржуев!

3/16 марта. Суббота масленицы. И погода сделалась масленой — тепло с самого утра; снег тает. На 4-м «Всероссийском съезде советов» собралось всего 1.164 делегата, в том числе, большевиков 732, левых эсеров 238 и анархистов 14, остальные не правее меньшевиков. Отмечены речи Ленина, Зиновьева, Камкова, Покровского и Мартова. Читана

приветственная телеграмма президента Амер. Республ. Вильсона. Она выражает сочувствие «русскому народу» за обиды, чинимые ему Германией, и уверяет, что Правительство штатов обеспечит России «полный суверенитет и полную независимость в ее внутренних делах» и т. д. Большевики, конечно, ликуют, имея такую телеграмму. Мы, мол, теперь признаны! И отвечают на телеграмму не без сознания своего правительственного достоинства.

Во второй день съезда эсер Лихач захотел сострить и сказал, что «у Николая был злой гений — Алиса Гессенская. Вероятно, и у Ленина есть также свой гений», и вот за это Лихача лишили слова, усмотрев в его словах оскорбление совета нар. ком. (как и встарь: «за оскорбление Величества»). На этом заседании съезд утвердил (ратифицировал) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске.

Официально сообщено, что Одесса занята германо-австрийскими войсками. Считала ли «Новая жизнь» и эту потерю, когда подводила такие итоги наших потерь: Территорией 707 т. кв. верст (4 %), населением 46 млн. душ (26 %), посевами 28 млн. десят. (27 %), урожаем 2.900 млн. пудов (37 %), ж.д. дорогами 17.500 верст (26 %), фабр.-зав. производством 925 млн. р. (33 %), мех. двигат. 575 т. сил (39 %), углем 1.500 млн. пуд. (75 %), чугуном 190 млн. пуд. (73 %). Выдержит ли несчастная Россия такое кровопускание? «Батько (т. е. «обожаемый» Ленин), слышишь ли?»

Беспощадно реквизируются московские особняки и некоторые даже в драку большевиков с анархистами. Последние, когда захотят, — первым не уступят. Так было с особняком А. В. Морозова в Лялин ом переулке. Там картины знаменитых художников, там редкое собрание старого фарфора, и сам Морозов просил, чтобы в особняке поселились какие-нибудь влиятельные большевики. Так и было сделано: начали переезжать чины Комиссариата путей сообщения, но прикатили на броневике анархисты и выгнали из особняка самого Морозова и его квартирантов-путейцев. Устраивают в особняке общежитие безработных, а фарфор обещают передать в «Национальный музей», который *они* предполагают устроить.

4/17 марта. За ратификацию мирного договора высказалось 704 депутата съезда, против 261, воздержалось — 115, не голосовало — 110.

Затем съезд обсуждал вопрос о перенесении столицы из Петрограда в Москву и принял его большинством голосов утвердительно. В конце концов большевики раскололись с

левыми социал-револ., и их представители — Штейнберг, Карелин, Колегаев, Алгасов, Шрейдер и Трутовский вышли из состава нар. ком.

Корреспонденты буржуазных газет отметили, что Ленин начинает толстеть, рыжеватую бороду и усы коротко стрижет, глаза у него маленькие и хитрые, говорит с подъемом, быстро и грубовато. На слушателей действует побеждающе, и тон у него самодовольный. Изо всех других ораторов — наибольший успех имеет Зиновьев. Троцкого на съезде не было; он вместе с Луначарским диктаторствует в Питере.

Съезд закрылся вчера вечером.

Арестовали в Тюмени Кн. Г. Е. Львова, но это не он образовал какое-то там «прибрежное», на Дальнем Востоке, правительство.

Одессу заняли дружным натиском «трое рыцарей» — Германия, Румыния и Австрия.

В Тифлисе открыт «Закавказский сейм». Председателем избран Н. С. Чхеидзе.

Турки уже заняли Баязет, Эрзерум и добираются до Батума.

5/18 марта. М. Горький в «Новой жизни» отмечает, что «грабят изумительно, артистически. Грабят и продают церкви, военные музеи, продают пушки и винтовки, разворовывают интендантские запасы, грабят дворцы бывших великих князей, расхищается все, что можно расхитить, продается все, что можно продать, в Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдок и продают их по 25 р. за шт. Это очень «самобытно», и мы можем гордиться — ничего подобного не было даже в эпоху Великой французской революции.»

И это не художественный вымысел писателя, а сущая правда. Я, как современник Горького, — сим свидетельствую, что это самая натура. И на другой день наш высокодаровитый бытописатель пишет почти о том же, причем не один раз сокрушенно восклицает: «Издохла совесть!» Именно «издохла»… Скоро и сами мы будем дохнуть с голода. Уже в Петрограде с 6-го марта будут распределять для жителей конину, о чем объявляется продовольственным советом.

Цена устанавливается такая: 1-й сорт — 1 р. 24 к. за ф., 2-й сорт — 1 р. 16 к. Вероятно, и мы вкушаем такое мясо, но в замаскированном виде пока, т. е. в колбасах и в разных произведениях ресторанных кухонь.

6/19 марта. Немцы, австрийцы и гайдамаки заняли Николаев и Херсон. Огромная добыча досталась немцам: в Николаеве

заняты все судостроительные заводы, где много недостроенных дредноутов, крейсеров, миноносцев и подводных лодок. Кроме того, задержан весь русский торговый флот Одессы, Днепра и Дуная, что-то около 2,5 тысяч судов. Везде в Одессе и Николаеве остались в пользу новых хозяев колоссальные продовольственные и военные запасы. Ну и Троцкий с Лениным: какие они тароватые для немецких буржуев! Тем и во сне не снился такой финал их нашествия на нашу разнесчастную страну. Не разберешь теперь, какому своему соотечественнику наиболее обязан Вильгельм своей победной славой: Гинденбургу — военному гению, или Марксу — политическому гению. В Германии Гинденбургу заживо уже расставлены везде памятники, а Марксу, вероятно, нет, кроме разве намогильного, зато у нас уже объявлен конкурс на составление ему проекта памятника. Хорошо бы написать на памятнике: «Карлу Марксу — неединая, разделимая, невеликая Россия», а если написать «единая, неделимая, великая», то это будет очень старо (как во времена Богдана Хмельницкого), да и не верно.

7/20 марта. Троцкий выступил вчера в пленарном заседании московского совета РД с докладом о необходимости создания сильной армии. Его пугает теперь все, и Германия, и Франция, и Англия. Он ожидает, что Франция и Америка, Англия и Япония тоже помирятся с Германией, и тоже за счет России. Взывая к «европейскому» пролетариату, он говорит, что без его поддержки «мы погибли. Мы не можем питать иллюзии, что европейский капитал будет терпеливо переносить тот факт, что в России власть находится в руках рабочего класса.»

И мы так же думаем, товарищ!

Сегодня возвратился в Москву домой мой племянник и крестник Сережа. Слава Богу! Вернулся здоровым и невредимым! Но за последние месяцы перенес и видел догорание русской армии, весь ее позор, всякое бесчиние, всякие грабежи, и в конце концов попал в Минске в плен к немцам, а потом, должно быть, бежал из плена. Увижу на днях его самого и обо всем расспрошу и запишу.

8/21 марта. Советская власть подсчитала, что расходы на ведение войны определились у нас в сумме около 51 млрд. руб. А сколько станет наша внутренняя война?

Вот у нас как: нежданно-негаданно арестовали самого нар. комиссара по морским делам Дыбенко. Даже не разберутся за что! По одним версиям, он провалил партизанское противодействие наступающему немцу, по другим — поругался с

Лениным по вопросу о ратификации мирного договора, по третьим — он под угрозой расстрелов заставил железнодорожников дать ему и его супруге госпоже Коллонтай экстренный поезд из Петрограда в Москву в составе одного паровоза и одного вагона. Госпожа Коллонтай тоже теперь не министерствует: «народное призрение» осталось без ее призрения и, может быть, с презрением к ней получило теперь нового комиссара — Малиновского.

11/24 марта. В Гельсингфорсе матросы арестовали адм. Развозова, но через несколько дней освободили. Комиссаром иностранных дел назначен Иоффе. Комиссар народ, просвещ. Луначарский остался, как известно, в Петрограде, а здесь комиссарствует по просвещению жена Ленина — Н. К. Крупская. (Вот она, «Алиса-то».)

Немцы возобновили наступление на английский фронт во Франции и, по-видимому, прорвали фронт на протяжении 80 км. и взяли в плен 16.000 чел. Потери с обеих сторон огромны.

Знаменитый предводитель большевиков Муравьев подал в отставку, а также комиссар путей сообщений — Елизаров.

Городские и банковские служащие становятся на работы. На саботаж средств нет, а городские товарищи, заведовавшие забастовочными или стачечными капиталами, не посовестились растратить что-то громадную сумму, будто бы более 2-х млн. Все это на руку «обожаемым», а потому царствование их, вопреки всяким авторитетным предсказаниям и предположениям, затянулось на долгие месяцы, и ему конца не видно. Паутина их учреждений — бесчисленных советов, комиссариатов, трибуналов, коллегий, комитетов и прочее, и прочее — все гуще и гуще связывает российскую жизнь и становится плотной сетью, в которой мы, буржуи, беспомощно трепещемся, как рыбный лов, и чистосердечно проклинаем то, что год тому назад благословляли.

13/26 марта. Немцы опять надвигались в направлении Великие Луки — Бологое. Над Харьковом показался немецкий цеппелин, но, обстрелянный из орудий, скоро скрылся. Херсон и Николаев, по сообщению советской печати, отняты у немцев большевиками.

Все находившиеся в Питере великие князья высланы или высылаются на жительство в Вологодскую, Вятскую и Пермскую губернии (куда кто хочет).

Дыбенко из-под ареста освобожден.

† Скончался один из лучших артистов Московского Малого театра Н. М. Подарин. Я очень любил его, это был прекрасный

актер. Вечная ему память!

В московский популярный трактир «Мартьяныч» вчера в 6 ч. вечера явилась вооруженная шайка, состоящая всего из 6 чел., и обыскала всех посетителей, отобрав у них деньгами и ценностями что-то более 400.000 р. И кончилось все это без стрельбы, без сопротивления, без задержания, без погони. Привыкать стали. Скоро будут приходить за тем же и в храмы Божии — там-то эти эксперименты с несчастными буржуями будут проходить совсем тихо и мирно. Уж если в трактирах не кричат «караул», так в церквах и подавно помолчишь! Кстати, за молебнами теперь то и дело слышатся моления о здравии и спасении «заблудшего воина» такого-то. Это, должно быть, старозаветные мамаши скорбят за своих сынков, пристроившихся в какой-нибудь комиссариат или в красную гвардию. Что-то чеховское: как в его «Панихиде» — записочка об упокоении «Блудницы».

14/27 марта. Сегодня газеты отмечают 50-летие Российского «Буревестника» — Максима Горького.

Несколько дней стоит зимняя, суровая погода: утром — 15 градусов мороза, и весь день, несмотря на подогревания солнца, чувствуется нестерпимая стужа, потому что все время дует ветер. Вот так весна!

Немцы бросили в атаку, при новом наступлении на западе, 185 дивизий и взяли уже 30.000 пленных и 500 орудий. Англичане отступили на 30 км. и очистили 3 линии окопов. Париж бомбардируется с аэропланов и из 240-миллиметровых орудий, стреляющих с расстояния 120 км. Этот новый немецкий «трюк» поражает всех своею чудовищностью. Не сразу даже догадались, откуда летят снаряды, и многим не верится, чтобы возможно было стрелять больше, чем за сто верст, и даже попадать. За день по Парижу выпускается 24 снаряда, что уносит десятки жертв и разрушает здания. Первоначальная скорость таких снарядов 1.300 метров в секунду. Это новое смертоносное и безжалостное изобретение обязано какому-то секрету, уничтожающему сопротивление воздуха при полете снарядов. Оно не газетная утка, а доказанный факт.

По советским сообщениям и Одесса взята обратно от немцев. Но они идут на Полтаву, на Севастополь и занимают уже Кременчуг.

16/29 марта. По германским сообщениям, немцы перешли Сомму, взяли Руа, Нель и т. д. Пленных уже насчитывают более 45.000 чел., взятых орудий около 1.000 шт. Но при этом немцы несут громадные потери. Идут ужасные битвы, быть может, еще

не бывалого за всю войну напряжения. Не видать что-то, чтобы немцы и их враги вели себя «по-русски», т. е. кричали бы на войне — долой войну! Воюют себе, как ни в чем не бывало, нисколько не считаясь с нашими революционными откровениями.

Сегодня опять пишут, что и Николаев, и Херсон, и Одесса в немецких руках.

17/30 марта. Но сегодня насчет Одессы, Херсона и Николаева пишут, что они в русских руках. Может быть, это для подслащения новой немецкой пилюли: взятия ими Полтавы.

Подсчет пленных и орудий за последнюю германскую операцию на англо-французском фронте дает уже теперь 70.000 чел. и 1.100 оруд. Но все же, если вникнуть в сообщения об этих великих битвах с обеих сторон, то представляется, что как ни могуч, как ни страшен этот напор Гинденбурга, но англичане и французы держатся стойко, отступают планомерно и не считают своего положения критическим.

А у нас новое крупное завоевание: в Петрограде Исаакиевский Собор объявлен собственностью «петроградской коммуны». Надо полагать, что Собор понадобится для устройстра «скетинг-ринга». В нем такой великолепный мраморный пол; то ли не катанье для веселящегося пролетариата!

18/31 марта. По западному календарю сегодня началась Пасха. Немцы по соглашению с англичанами и французами решили по случаю праздников три дня не воевать. Посмотрим — утерпят ли!

29-го пал Мондидье. Англичане и французы отброшены в местность, не затронутую войной с 1914 г.

Сообщают, что советские войска, после взятия немцами и гайдамаками Полтавы, подожгли ее и открыли по ней убийственный артиллерийский огонь, и несчастный город обращен в пепел.

Насчет Одессы очередное опровержение, по которому она — в руках немцев.

Записан диалог «петропавловских» соседей — И. Г. Щегловитова и М. И. Терещенко: — И вы здесь, Михаил Иванович? — Увы! и я здесь, Иван Григорьевич! — Я слышал, что это удовольствие обошлось вам в несколько миллионов. Почему вы не сказали мне раньше, когда я был у власти, — я вас даром посадил бы сюда!

«Несколько миллионов» — намек на те суммы, которые Терещенко пожертвовал на освободительное движение.

Организована воздушная почта между Петроградом и Москвой. Первые аэропланы полетели из Петрограда вчера.

Ленин в предисловии к своему последнему сочинению объясняет читателям, почему вышла задержка с выходом в свет последней части сочинения, — объясняет, собственно, октябрьскими днями: «приятнее, — говорит, — проделывать опыты революции на деле, чем писать о них в книге». Для него, может быть, приятнее именно так, а для России, может быть, приятнее бы было, чтобы он не на деле, а на бумаге проделывал свои «опыты».

20 марта/2 апреля. Германское наступление как будто выдыхается. Англичане и французы, видно, не так слабы, как было показалось нам, угоревшим от собственной слабости, † Но ведь эта пушка, которая стреляет в Париж за сто верст, продолжает свое гнусное дело: один снаряд попал 30-го марта (нов. ст.) в храм Божий и убил зараз 75 молящихся французов и 90 ранил.

Французское и английское правительства опубликовали декларацию, что они не признают аннулирования русских займов.

23 марта/5 апреля. Наконец, стало теплее. Снег сильно тает, на улицах непролазная грязь — подлинной весной запахло!

«Русск. вед.» и «Утро России» закрыты навсегда. Редактор первых приговорен к трехмесячному тюремному заключению, а издательство второго к 100.000 р. штрафу. Вот как расправляются с когда-то «либеральнейшими» московскими газетами за то, что они не поправели и не полевели.

Немецкая эскадра в составе 30 судов подошла в Гангу и высадила десант. Находившиеся в порту русские суда, в том числе и 4 подводные лодки, взорваны своими командами.

Одесса опять будто бы перешла в советские руки. Вот блудница-то!

Русский ледокол «Волынец» предался немцам и расчищал им путь в Ганге.

24 марта/6 апреля. Официально сообщается об очищении советскими войсками Екатеринослава и о том, что Николаев, Одесса и Очаков по-прежнему в руках немцев. Больше об Одессе не буду записывать ни с официальных, ни с неофициальных данных. Ну ее — потаскуху!

Адмирал Като, командующий Японским фронтом, высадил во Владивостоке десант, и обратился к местному населению с воззванием, что Япония берет на себя охрану порядка. Правительственное сообщение называет это «грабительским вторжением на территорию России» и предполагает, что «империалисты Японии хотят задушить советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири, закабалить Сибирских рабочих и крестьян». Вслед за Японией высадила десант и Англия. Советам Сибири приказано оказывать сопротивление «всякому насильственному вторжению на территорию России».

«Компьен, Клермон, Альен обстреливаются немецкими тяжелыми дальнобойными орудиями. Нуайонский район пылает», — так пишут в Берлине пожиматели рук Ленина, Троцкого и Чхеидзе.

Кстати, в Берлин назначен послом Иоффе, в Вену — Каменев, — а примут ли их?

27 марта/9 апреля. † Похоронили в Москве Савву Ивановича Мамонтова. Вечная ему память! Это был «буржуй» просвещенный, талантливый, энергичный и благородный. Был когда-то миллионером, владел железными дорогами, был меценатом — был и на скамье подсудимых, жизнь кончил, хотя и в почете, но давно уже в тени и чуть ли не в нужде. История не забудет и его и где-нибудь упомянет о нем, хоть вкратце, но, во всяком случае, добрым словом.

В Петрограде получена немецкая радиотелеграмма, официально сообщающая о занятии немцами Реймса и Ла-Фера. А у нас пал Харьков.

Немцы считают теперь от последних боев на западе 90.000 пленных и 1.300 орудий.

Троцкий ходит теперь «в Керенских» — назначен «комиссаром по военным и морским делам».

Сегодня отдавал в починку карманные часы: дешевле 40 руб. не берут, а я за них, за новые, лет 8 тому назад заплатил только 26 р. Говорят, что мастера-часовщики получают теперь поденно 20 руб.

30 марта/12 апреля. Оскорбленные, закрытые «навсегда» «Русские ведомости» вышли вчера под новой фирмой: «Свобода России». И Боже мой! Сколько горестных истин напечатано в 1-м номере этой «новой» газеты. «Теперь старый закон и старое право отвергнуты и развеяны по ветру, а взамен их не созданы ни новое право, ни порядок, ни свобода — и тем открыт полный простор для разгула низких страстей, своекорыстных посягательств, неистовых безумств! Теперь у страны нет ни войска, ни общепризнанного правительства, ни законодательного аппарата, ни организованного суда, ни промышленности, ни определенных форм землевладения, ни транспорта, ни торговли, ни денег, ни кредита!.. Стыд за то, что мы собой в мире представляем, впивается в нашу душу глубоко своими беспощадными когтями… Оккупированы Финляндия, Остзейские провинции, Литва и Латвия, Польша, Белоруссия, Украина и Новороссия немцами; понемногу занимается Закавказье турками; на Дальнем Востоке японцы и англичане. Кто знает, какая еще часть России будет занята иноземцами? Это в области политической. В области экономической мы видим аналогичное явление. То, что осталось от некогда великой и свободной России, голодает, а паровой насос, установленный иноземцем в оккупированных им хлеборобных областях, выкачивает из них необходимый нам хлеб… Разделенные внутри самих себя, разобщенные и враждующие между собой, мы зиждем свой внутренний порядок — вернее было бы сказать: свой беспорядок — на диктатуре пролетариата, на принуждении общества одним малочисленным классом жить в экономических и социальных формах, ему чуждых… Мы изгнали из нашей родины свободу и самодеятельность; целые общественные классы объявили врагами народа и вне закона. Скрутили независимую мысль и оружие ее — свободную печать. Упразднили свободу личности, упразднили самую личность, поставили ее в обязательную зависимость от

профессиональных и политических организаций. Жизнь нации и привычные ей формы экономической деятельности втиснули в рамки наскоро придуманных доктрин и систем.»

Судя по такому началу, надо ожидать, что этой «Свободе» не долго быть на свободе. Народный комиссариат не любит поперечного слова.

Турки тоже не спят: Ван, Ардаган и Сара-Камыш уже заняты ими!

31 марта/ 13 апреля. Сообщается, что турки повели наступление по всему Кавказскому фронту.

В ночь на вчерашний день и вчера утром в Москве опять «была игра» с броневиками, пушками, бомбами и пулеметами, поранившая и убившая несколько недавних соратников — красногвардейцев и черногвардейцев. Больше всего досталось Купеческому клубу и особнякам, т. е. прекраснейшим московским зданиям и их богатой обстановке. Там в последнее время поселились анархисты: и «идейные», и «жулики», вот их-то и выживали большевики с помощью тяжелой и легкой артиллерии. (Проще было бы в свое время той же советской власти не пускать анархистов в эти гнезда.) В общем, очищено от анархистов 26 особняков и арестовано идейных и неидейных захватчиков до 400 чел. Но мы привыкли уже к ратному делу и нисколько не волновались от происходившего очередного безобразия. Вся и все, что не попало под непосредственный огонь пальбы, — жили за эти сутки точно так же, как третьего дня и как сегодня. В газетах отмечается, что и сами воевавшие «стороны» свершали свое грязное дело, как обыденное, — вроде как бы позевывая и почесываясь, как вообще русский человек делает всякое свое дело.

По радиотелеграфу германцы сообщают, что пал Армантьер, окруженный с юга и с севера; общее кол. пленных — 30.000 и захвачено 300 орудий.

Теперь Париж в опасном положении. Гельсингфорс занят немцами. Наш флот успел перекочевать в Кронштадт.

Вчера р. Москва вскрылась; ледоход стремительный, наделавший катастроф с баржами и мостами, но подъем воды невысокий.

1/14 апреля. Упразднены существующие в Москве должности нотариусов, конторы их закрыты, все оборудование конфисковано. Взамен их учреждены «нотариальные отделы».

На Мурмане высадка французов и англичан. Это будто бы с согласия Совета Нар. Ком? и для борьбы с немцами и

финляндскими «белогвардейцами».

Новый каскад декретов: 1. «В ознаменование великого переворота, преобразовавшего Россию, Совет Н. К. постановляет: памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц» и т. д. 2. «Академия художеств как государственное учреждение упраздняется» и т. д. 3. «Флагом Российской республики устанавливается красное знамя с надписью: "Российская социалистическая федеративная советская республика".» Тут уж я не прибавляю «и т. д.», потому что дальше такой длинной фирмы совсем разъедешься с здравым смыслом. Долго ли такой флаг будет развеваться над Московией и какую роль сыграет он в истории? Объединяющую непримиримых или дразнящую «врагов народа», как испанские торреадоры быков?

3/16 апреля. Из Баку пишут, что там за последнее время полное столпотворение: мусульмане на армян, большевики против тех и других. В результате стрельба и поножовщина в городе и по городу с моря. Поджоги, пожары пристаней, пароходов, нефтяных вышек. Убитых и раненых свыше 5.000 чел., особенно досталось персам. После всего мусульмане заключили с советскими властями перемирие, а военно-рев. комитет наложил на разоренный город контрибуцию в 40 млн.

И это одно из повседневных явлений в Р.С.Ф.С.Р. — сегодня в Баку, вчера в Торжке, завтра в Чебоксарах. Нет никакой возможности исчерпывающе писать каждый день о таких событиях. Для мирного жития, для культурной революции, даже для военного времени — все это очень уродливо, но до такой степени многообильно, что, повторяю, — нет никакой возможности не то что уследить за всеми, но и записать самое выдающееся, потому что что ни день, то — новая страшная мерзость.

Нар. ком. Гуковский (не кто-нибудь!) в последнем заседании Центрального Исполнительного комитета преподнес ликующим «товарищам» ошеломляющие финансовые подсчеты. Расходы государства предвидятся за полгода — 80 млрд., а доходы — 6 млрд. Телеграфисты получают за 6 ч. работы 10.000 р. в год; паровоз на Русском заводе, благодаря демократизации зоологического лозунга «Рви!», обходится теперь в 600.000 р. Всякие «совдепы», «совнаркомы», «кавомары», «главководы», «центротопы» и другие сочетания букв русского алфавита — тоже «рвут». Печатный денежный станок окончательно изнемогает. Все разрушается, и ничего взамен не создается, кроме новых советов,

комиссариатов, комитетов, отделов, подотделов, комиссий и трибуналов, требующих только денег, денег и денег и дающих лишь декреты, постановления, распоряжения о налогах, контрибуциях, конфискациях, национализациях и всяких других акциях. Железная дорога работает вместо прежнего только на 30 %. Расход на версту возрос с 11.000 р. до 80.000 р. Но знаменательно, что и после таких покаянных докладов слушатели не отрезвляются и поют свой опьяняющий «интернационал» да выдумывают новые праздники, как например завтрашний День — годовщина расстрела рабочих на Лен(ин)ских приисках, — не будут работать, а будут слушать в манежах, театрах и народных домах Ленина, Троцкого, того же Гуковского, которые ведь тоже скажут, что русский рабочий и крестьянин почти теперь не работают, но при этом позовут его в красную армию с тем, чтобы окончательно придушить империалистов, Корнилова, белогвардейцев, буржуев и помещичьих сынков. Что делают — аллах их разберет! «Кушайте, Иван Парамонович, не наше дело!» — как говаривал Пров Садовский, когда его спрашивали о французской революции.

4/17 апреля. Исчезли из Москвы Дыбенко и Коллонтай. Судебные власти приняли меры к розыску. Сам Крыленко старается тут: он теперь пустил себя по юридической части и выступает на трибунах в качестве прокурора. Экий работящий парень!

Что-то опять стали пописывать о Корнилове. Его войска продвигаются к Екатеринодару и представляют собой уже внушительную силу, что-то в 5.000 чел., находящихся в стройном порядке и хорошо вооруженных и снабженных всем нужным.

В Царицынском затоне сгорели два лучших парохода о-ва «По Волге» — «Графиня» и «Заря». Вот она, национализация-то, не на бумаге, а на деле.

6/19 апреля. Дыбенку, между прочим, обвиняют и в том, что он в салон-вагоне распивал со своим штабом водку прямо из бочонка. Вот как славно живут наши комиссары и министры.

Новочеркасск переходит из рук в руки. То его возьмут отряды Каледина, то опять советские войска. Сущая трагедия!

† А под Екатеринодаром убит мортирой сам Корнилов. Когда он бежал из немецкого плена, я осудил его. Не сказал про него добрых слов и за всякие его дальнейшие похождения, но теперь мне его от души жалко. Вечная ему память! И не к лучшему ли для него такой чисто боевой конец? Знаем мы, как расправляются теперь революционеры со старыми генералами!

Грустно и про Керенского слышать, что он теперь бедствует в Стокгольме, где для пропитания вынужден даже служить на фабрике простым рабочим.

Троцкий вчера летал над Москвой на аэроплане. Настоящий Гамбетта! (Только тот летал на немца, а этот больше «на ны».)

7/20 апреля. Чудные, ясные и теплые дни! Бывало, москвичи (буржуи, конечно) в это время мчались на юг, на Черное море. Кто в Ялту, кто в Сочи, кто в Гагры, а кто и в самый Батум. А вот теперь у них и денег нет на такие дальние поездки, и ехать не на чем, и ехать некуда — Батум взят турками, с большою добычею пленными и орудиями, а в Ялте и ее окрестностях голодают бывшая императрица Мария Федоровна и другие члены дома Романовых; как пишут, нужда всех этих высокопоставленных лиц настолько велика, что сами Великие Княгини и Княжны стирают и кухарничают. Невеселое, значит, житье в русской Ривьере! Никого теперь туда не потянет.

10/23 апреля. Насчитывают, что в одной Московской губернии сейчас более 300.000 чел. безработных.

В перегоне между ст. Кашира и Ожерелье Ряз.-Уральск. ж.д. в почтовый вагон ворвались 5 вооруженных чел., забрали почтовые баулы, в которых было 9.000.000 руб., спрыгнули на ходу поезда и скрылись. И о таком событии теперь в газетах напечатано мелким шрифтом. Потому что это — «мелочь». А я помню, лет 35 тому назад казначей воспитательного дома украл 200.000, так тогда московские газеты писали о том случае целый месяц, посвящая ему полномера.

† 17-го апреля Дутов взят советскими войсками в плен и отправлен в Оренбург, а в Ростове н/Д расстрелян Богаевский, бывший помощник Каледина. «Казаки предали шпагу свою.» Ничего из их дела не вышло: не только Россию не сберегли, и свой Дон, Урал, Терек, Кубань — реки, горы, степи, старую славу, — все растратили и потонули в волнах большевизма, как и наша великорусская, когда-то «христолюбивая» армия. Конец балладам, поэмам, гимнам, песням, преданиям, воинской гордости, знаменам, порфирам, булавам — наступило такое время, когда все старое исподтишка скупается предусмотрительными антикварами за бесценок, а потом, по прошествии времени, делается уникумами и становится баснословно дорогим.

Сам Илиодор возвратился из Америки. Его было во Владивостоке арестовали, а потом выпустили. Год тому назад из-за границы приехал «в запломбированном вагоне» сам Ленин. Не

думает ли Илиодор (он же Сергей Труфанов) тоже о каких-нибудь экспериментах над Россией? Она, старушка, все перевидала на своем веку и уже начинает скучать. Пора бы на сцену являться и самозванцам и пророкам, не все же пробавляться «политическими шарлатанами» и просто «жуликами», надо чего-нибудь пикантного.

11/24 апреля. Видел сегодня на пригорочках зазеленевшую травку. Дай Бог хороший урожай и рост всяких злаков! А то что же происходит теперь: сено стоит в Москве 30 р. пуд, овес 60 р., ржаная мука 16 р., пшеничная 200 р. пуд.

Газета М. Горького в последних номерах подчеркивает, что в наши дни, т. е. вот в эти, весенние, — выяснилось с несомненностью, что «правые полевели, а левые поправели». Какое это библейское положение, как бы в недалеком будущем тощие коровы не пожрали тучных.

По словам той же газеты, т. е. «Новой жизни», «коммунистическое правительство, забаррикадировавшееся в Московском Кремле (от себя скажу: наш святой, древний Кремль забаррикадирован уже давным-давно от верующих православных. Если им и попасть туда, то не легче, как, бывало, попасть в какую-нибудь царскую резиденцию.) от проявления народной преданности (тоже от себя: а бывало, цари приезжали в Кремль, чтобы увидеть воочию проявление народной преданности), продолжает насаждать в России «советскую власть». В то время как Закавказский Сейм организует сопротивление турецкому нашествию, Совет Нар. Ком. командирует в Баку прославленного на Украине Муравьева для того, чтобы установить на Кавказе «советскую власть» и, вместе с тем, заставить кавказские народы подчиниться требованиям Брестского договора. Более позорного шага советское правительство не совершало за все время своего господства.»

Вчера приехал в Москву немецкий посол граф Мирбах и поселился в реквизированном для посольства особняке Берга, в Денежном переулке. И в этот же день Ленин в Московском Совете РД заявляет, что: «Мир, который мы заключили, может быть опрокинут в любую минуту. Мы бессильны сейчас против внешних врагов, и кто будет звать нас на эту борьбу, тот или пустой крикун, или провокатор. Наша тактика — лавировать, отступать, и кому эта тактика не нравится, будь он даже левый коммунист, тот плохой революционер.»

14/27 апреля. Обнародован «декрет об обязательном обучении военному искусству». И это в целях «всеобщего

разоружения, вечного мира и братского сотрудничания всех народов, населяющих землю». Вот и разберись тут, в этом социалистическом законодательстве! Однако при этом «паразитические и эксплуататорские элементы общества (читай «буржуи») не будут допущены к овладению оружием. Военному обучению подлежат граждане от 18 до 40 лет. Обучение должно производиться непрерывно в течение восьми недель, не менее 12 час. в неделю.»

Германский посол граф Мирбах и турецкий Халил-бей вручили вчера свои верительные грамоты Председателю ЦИК Свердлову. Стало быть, Свердлов почитается у нас чем-то вроде президента республики?

Свердлов предполагал, но, видно, так и не отважился спросить Мирбаха: почему Германией нарушается мирный договор, почему продолжается наступление в Финляндии, на Украине, а также, совместно с гайдамаками, — на Севастополь и почему финские белогвардейцы, действующие при поддержке немцев, требуют сдачи форта Ино.

Восстановляются военные округа и начальниками их назначаются генералы. В Москву, например, назначен генерал Юзефович, а начальником штаба генерал Гришинский. Звезда Муралова, значит, закатилась. Вообще, «товарищи» насчет своих товарищей что-то уже веру теряют: не только генералов, но и многих крупных коммерсантов и чиновников восстанавливают на старых местах. Дошла очередь и до меня грешного: «комиссара» нашего упраздняют и мне предлагают вступить в прежние обязанности. Но что-то «не хочется»…

Турки после занятия Батума, Азургеты и Артагана продвигаются к Кутаису.

Закавказский Сейм объявил Закавказье самостоятельным государством. Глава кабинета Чхенкели.

Под Курском идут бои советских войск с немецко-украинскими. В самом Курске исчезла из Знаменского монастыря высокочтимая Курская икона Богоматери.

Все фракции, все предприятия, имущества и капиталы, принадлежавшие Московскому городскому самоуправлению, перешли к Моск. Совету Р.Д.

Англичане пытались проникнуть до шлюза канала в немецком Зеебрюгге. Был произведен налет на Остенде, поддержанный с моря флотом, но, как сообщает германский штаб, англичане потерпели неудачу, потеряв 5 малых крейсеров и 3 истребителя.

15/28 апреля. В Пензе ставят первый в Европе памятник

Карлу Марксу, а в Москве приступлено к снятию памятника Скобелеву. Скобелев дал России завоеванные области и славные победы, а что дал России, в частности Пензе, Карл Маркс?

Советское правительство потребовало от французского немедленного отзыва посла Нуланса. Причина — аннексионистские намерения Франции и Англии, на которые будто бы науськивал Нуланс. Пока что Нуланс находится еще в Вологде и не собирается покидать России.

В Курске собираются делегации от Советской республики и Украинской рады для переговоров о мире.

Сегодня вербное воскресенье. Погода чудесная, день солнечный — в тени не менее 16°, но Москва не на «вербе», как бывало шумевшей на Красной площади. Теперь она на Девичьем поле и, как пишут газеты, малолюдна и невесела, а Красная площадь заселена теперь убиенными революционерами, самый же Кремль заперт и строго охраняется современными жандармами — латышами, ибо там «сами» живут, т. е. Ленин, Свердлов и их опричнина. Невероятно даже, чтобы Кремль был открыт и в наступающие святые дни Страстной и Пасхальной недели. Устраивая праздник 1-го мая в среду Страстной недели, народные вожди хотят отучить русский народ «от предрассудков», т. е. от поклонения Христианскому культу. Так на что же теперь ему Кремль, Чудотворные иконы, гробницы Святых, гробницы Патриархов и Царей?

Ходят слухи, что Корнилов жив и здоров, а Дутов сбежал. Тем лучше.

Заработная плата рабочих продолжает расти. За 8-мичасовой день мужчины 1-й категории получают 18 р., чернорабочий 10 р. 65 к., сторожа 9 р. 75 к.; женщины 1-й категории 15 р. 30 к., чернорабочие 9 р. 35 к. Монтеры и механики на фабриках получают по 893 р. 75 к. в месяц. И вот от этого различные (ненационализированные) предприятия просят ссуд и субсидий, а иначе грозят закрыться. Например, одна фабрика Т-ва Ивано-Вознесенской ткацкой мануфактуры требует 10 млн. А у суконных фабрик нет денег на закупку шерсти, и они требуют от государственной власти на этот предмет 250 млн.

† Не то случайно, не то влекомый каким-то смутным предчувствием, я оказался сегодня утром в Покровском монастыре. И думал там о своей первой невесте, с которой в течение своей полжизни был связан только душевным родством. Все время была сердечная близость и только. Вдруг она взглянула на меня живая, приветливая, как 23 года тому назад, взглянула с образа Святой мученицы Александры. Затрепетала тогда моя душа, нахлынули в нее воспоминания и радостные и горестные;

страстно захотелось видеть ее воочию, и я вышел из храма, чтобы пойти к могиле ее дочки, куда, может быть, и она пришла «случайно». И, о ужас! Она действительно нашлась там, но она не пришла туда, а ее *принесли*… уже зарыли в сырую землю. На новеньком кресте было начертано: «Родилась 15 сентября 1876 г., скончалась 9 апреля 1918 г.» Как это случилось и отчего — такие вопросы одолеют меня, изведут; с днями все узнается, но одно для меня ясно и сейчас: она Бога узрит, ибо была чиста сердцем. Прощай, друг души моей, и прости меня! В последние 3 года разрушено целое царствование, начавшееся как раз в день нашей первой встречи (20 окт. 1894 г.), шли войны, совершались величайшие перевороты, сменялись поколения, но тот свет в душе моей, который загорелся тогда во имя твое, неизменно теплился во мне все эти годы и не угаснет до конца дней моих!

17/30 апреля. Выборг, Тавастгус и Свеаборг заняты германо-финскими войсками.

Ленин все пишет, все говорит. Энергия этого человека действительно выдающаяся, и оратор он, как и Троцкий, — безусловно, замечательный. На их выступления идут уже не одни серые большевики, пошла и «пестрая публика». Залы выступления буквально ломятся от жаждущих послушать их. Ни кадетам, ни Керенскому такого длительного и бесспорного успеха не давалось. И говорят ведь, в сущности, вещи довольно неутешительные, не хвалятся своими успехами, а вот подите, каких оваций удостаиваются! Куда тут Шаляпин! Ленин все с «передышками» носится. Вчера сказал, что «и в борьбе с буржуазией необходима передышка, что одной экспроприацией экспроприаторов ничего не сделаешь». И мастер же он «крылато» говорить!

20 апр./3 мая. В Страстную Среду 18-го апреля по приказу правителей Москва и вся верноподданная большевикам Русь праздновала Первое мая, нисколько не смущаясь совпадением пролетарского праздника с днем скорби о Христе. Решили, что печальный колокольный перезвон не помешает звукам марсельезы и интернационала, а на то обстоятельство, что такая музыка мешала богомолению верующих, — плюнули, конечно. Стоит толковать о таких предрассудках! Но вот что объявили *анархисты:* «Празднование Первого мая в настоящем году в России носит явно государственный характер, является казенным, принудительным праздником, организованным по приказанию свыше, по повелению власти, которая хочет превратить этот праздник борьбы за освобождение трудящихся в день ликования в

честь своей временной победы. И велит власть праздновать его не скромно, как всегда, а с шиком и блеском, с триумфом, который не отвечает переживаемому грозному историческому моменту, а рассчитан только на то, чтобы этой внешней яркой драпировкой скрыть от очей трудового народа трагическое положение вещей. Потому мы вынесли следующее решение: праздник Первого мая в этом году бойкотировать, участия в нем не принимать.»

Кадеты с объявлениями об отношении к этому празднику не выступали, но я не ошибусь, если скажу, что все они расписались бы и на таком объявлении. Сущую правду сказали анархисты!

Как в старину «с появлением городового у обывателя появлялось патриотическое чувство» в виде флагов, развешиваемых в царские дни, так и теперь — объявили домовым комитетам и всяким заведениям, конторам и лавкам, чтобы дома были украшены красными флагами и занятия нигде не производились. Вот вам получился, хоть подневольный, но всенародный праздник! Лично я не видел никакого торжества, и не слышал даже музыки и песен, ибо «спасался» говением. Но говорят, а потом в газетах описывают, что праздновали не по-прошлогоднему. Не так было многолюдно, и в общем очень скучно. Сами манифестанты видимо колебались — кем им быть в этот день: революционерами или просто «русскими», — ведь в душе-то все-таки скребло напоминание, что Страстная Среда когда-то напевала им совсем другие песни. Зато флагов, флагов — целый океан. А разные «правительственные» здания, памятники и кое-где кремлевские стены — вдосталь разукрашены кумачом, лентами, надписями, кистями и всякими ненужными выдумками; в одной Москве потрачено на это 200.000 р., а по всей России — многие миллионы. Вот вам и «ткань» нашлась, а мужик из хлебородной губернии не дает нам ни за какие деньги хлеба: на кой мне черт, говорит, ваши деньги, когда я хожу голый. Давайте мне рубашку, а я вам дам кусок хлеба.

Начался суд над Дыбенкой. Обвинительный акт содержит в себе указание на трусливое и бесчестное бегство Дыбенко перед лицом неприятеля, на его пьянство, на незаконные расстрелы, производимые по его приказанию, и т. п. безобразия. Но, кажется, дело это снимут с очереди. По крайней мере, дальше одного заседания не пошло — Дыбенко требует вызова в свидетели Ленина и Троцкого, и оно отложено и едва ли возобновится. Дыбенко на свободе.

Знаменитый герой советского воинства Муравьев арестован. Тоже, видно, «фрукт»!

Германцы заняли Севастополь и Феодосию.

Вследствие частичной амнистии, объявленной по случаю

праздника Первого мая, освобождены из «Крестов» 200 человек, в том числе — Пуришкевич, Сухомлинов и Григорьев (комендант Ковно).

Первого мая на Ходынке был даже парад войск, который «принимал» Троцкий. Изволил быть и Ленин с «самой». Ну чем не цезари?

Первого мая к вечеру огромное красное полотнище, закрывавшее изъяны, причиненные Никольским воротам во время октябрьского переворота, когда была разбита икона Николая Чудотворца, порывом ветра было разорвано, и таким образом ясно обнажилось как раз то место, где скрывался под красной тканью образ. На другой день собралась к воротам огромная толпа людей, видавшая в этом чудо. По требованию верующих был совершен из Казанского собора к Никольским воротам крестный ход, и там отслужен молебен. А затем явились конные стражники и разогнали всех, сделав даже несколько выстрелов, к счастью, в воздух.

Турки взяли Карс и в нем 800 орудий.

21 апр./4 мая. Сегодня в 5 ч. утра было 3° мороза. «Майская погода отлетела с пришествием мая», т. е. холодно стало с 1-го мая по новому стилю. Посмотрел я сегодня на оставшиеся неубранными первомайские «убранства», какая во всем безвкусица, видно, что тут поработали футуристы, друзья министра искусств А. В. Луначарского. А этот, казенный теперь, красный цвет — как он скучен и пошл, когда нагроможден в таком изобилии и без примеси других цветов. Ах, как скучно по красоте, и как ясно теперь, что она неисправимо консервативна!

К празднику пара новых декретов: об отмене права завещать свою собственность каким-либо наследникам и о запрещении всякого дарения имущества на сумму свыше 10.000 р.

Не пропустил ли я записать еще об одном декрете: о национализации сахарных заводов?

Сегодняшние большевицкие газеты посвящены столетней памяти Карла Маркса, творца интернационала. Он родился 5 мая 1818 г., и, как видно из его биографии, отец его был не немец, а еврей. Вот в чем дело! — скажут сегодня те многие, которые все бедствия человеческие обыкновенно приписывают происках «жидов».

Царя опять потревожили: перевели его с супругой и наследником в Екатеринбург, княжны почему-то оставлены в Тобольске.

«Жив Курилка!» — В. М. Дорошевич писать — не пишет, а разъезжает теперь по России со своей лекцией о великой

французской революции. В Москве собирается читать ее второй раз и имеет в качестве лектора огромный успех.

Высчитывают, сколько теперь стоит домашнего приготовления пасха, фунта в 3: творог 3 ф. — 9 р., полфунта масла — 7 р., полфунта сметаны — 2 р., 1 ф. сахара — 11 р., палочка ванили — 1 р., 5 шт. яиц — 5 р. (да, да! по «вольной» цене яйцо уже стоит 1 р.). Итого, не считая изюма, миндаля, теперь уже не заправляемых в пасху, — 35 р., а до войны такая пасха, нет, не такая, а с миндалем, изюмом и проч. сладостями, — обходилась всего в 1 р. 07 к.

Появились первые распоряжения о перемене названий московских улиц. Пресня Большая будет именоваться «Красной Пресней», Горбатый мост — «мостом 1905 года», Немецкая улица — «улицей Баумана» и т. д. Надолго ли эти новые названия? И почему Немецкую улицу не назвали «Пушкинской» — ведь дом, где родился Пушкин, и сейчас стоит там. При чем здесь Бауман, рядовой революционер, убитый в 1905 году, разве только потому этой улице дали его имя, что он погиб на ней? Но вот у стен Кремля сколько погибло революционеров, даже более знаменитых, чем Бауман, — но нельзя же Красной площади дать название, перечисляющее десятки имен.

Вышел новый иллюстр. ежедн. журнал «Пламя», издаваемый Петроградским Совдепом, под редакцией самого Луначарского. Там есть такие стишки:

Сняты двери с крепких петель.
Бунт, свобода, счастье, слава.
Блещет грех, как добродетель,
И неправом стало право.
Бог был кошка, Бог был камень,
Был драконом и луною,
То земля, то гром, то пламень,
Бог стал духом и мечтою.
Ближе утро — и бесплотней,
И прозрачней сновиденье,
Исчезает лик Господний,
Как дым фабрик в воскресенье.

Подписано: «И. Я.»

Должно быть, Иероним Иеронимович Ясинский. Был почтенным старцем, средним писателем — сделался прохвостом и от революционного угара разучился говорить по-божески, по-человечески и — замяукал кошкой или зашипел змеею. Да исчезнут его гнусные писания со страниц журналов в пламя

печек!

Одним словом, не идет такому глубокому старцу такая кощунственная линия. О смерти пора подумать, Иеронимушка!

22 апр./5 мая. Христос Воскресе!

26 апр. / 9 мая. Пасха холодная. Утром все дни — легкие морозцы. Хотя наше неблаговерное правительство и игнорирует Православную церковь, но от праздничного безделья не только не отказалось, но даже распространило его на целых 4 дня. Газеты вышли только сегодня и принесли ворох сенсационных известий: германские войска заняли Ростов н/Д и Таганрог; бывшую Вел. Княгиню Елизавету Федоровну выслали из Москвы в Екатеринбург; бывшая Императрица Мария Федоровна переехала в Киев; бывший Вел. Кн. Николай Николаевич куда-то исчез из Крыма; немцы разогнали в Киеве Центральную Раду, а собравшийся там съезд «хлеборобов» провозгласил украинским Гетманом генерала П. Скоропадского, который, как увидите, «подготовлен» к этой роли немцами. Новая украинская власть уже издала ряд постановлений, отменяющих в области социального законодательства все эксперименты Временного правительства и Рады. Этими постановлениями распускаются все земельные комитеты, восстанавливаются в полном объеме права частной собственности, полная свобода сделок по продаже и купле земли, полная свобода торговли и т. д. Одним словом, восстанавливается старый, «буржуазный» строй. А мы только что заключили перемирие на Курском фронте. Странное перемирие! Воевали с Украиной, а перемирие заключили с германским командованием, несмотря на то, что мир с Германией не только подписан, но и давно ратифицирован. Даже советские «Известия» ошеломлены такими новостями настолько, что молитвенно восклицают: «Судьбы Господни неисповедимы!»

2/15 мая. Ленин пишет в «Правде»: «Мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать.»

Французские газеты подсчитывают, что немцы в последних операциях на Западном фронте потеряли около 600.000 чел.

Назначен новым комиссаром путей сообщения инженер Кобозев. Он изложил свою программу, которая очень крута по отношению к «выборному» начальству. «Там, — говорит, — где массами на ответственные посты выбраны хорошие ораторы, но дрянные администраторы, я устраню их безжалостно, во имя диктатуры пролетариата, врученной мне на железных дорогах.»

Петроград уже накануне полной голодовки. Начались бунты, крики «довольно слов, давайте хлеба!». В Колпине расстреляли десятки людей. В Павловском Посаде на этой же почве дошло дело до того, что фабричные подожгли местный совдеп, и там сгорело несколько членов совета.

Вчера в соединенном заседании ЦИК и Московского совета РД Ленин опять и пугал, и хвастался, и подстрекал, и, по обыкновению, стяжал громовые аплодисменты своей верной паствы. «О непрочности советской республики официально заявлялось много раз… Вопрос о войне и мире висит на волоске. Япония, имеющая миллионную армию, не решается наступать, потому что Америка грозит ей ультиматумом и разрывом с союзниками. Но это может измениться. Американская буржуазия может сговориться с японской и даже с германской… Английская и французская буржуазия затратила громадные капиталы на Мурманск, конечно, в корыстных целях. С целью зашиты мурманского побережья они высадили войска. Мы не имели реальной силы воспрепятствовать высадке этих отрядов. Германское правительство требует их разоружения, говоря, если вы не можете защищать себя, то мы будем воевать на вашей территории… Мы — не великая держава. От России ничего не осталось, кроме Великороссии. Для нас интересы мирового социализма выше национальных интересов. Для нас маленькая угнетенная Великороссия во много раз выше той громадной великой державы, которая с тайными договорами предалась империалистическим хищникам. Теперь мы не можем скрывать того, что мы являемся оборонцами. Мы желаем защищать наше социалистическое отечество, и для этого необходима сильная армия и упорядочение продовольственного вопроса.»

Сегодня в 12 часов ночи по московскому времени *вся Россия* должна поставить стрелку часов на час вперед и уж впредь исчислять время не по петроградскому, а по московскому меридиану.

Вчера какой-то жулик сплел хитроумную интригу на почве доставления мне с Волги от нашего командира парохода муки, сахара и синьки. Надо было послать 640 р. денег, и эти деньги у моего посланного отняли (слава Богу, что хоть живой вернулся-то!). Узнав об этом, я, конечно, порасстроился и шел домой, что называется, опустя голову. Видно, такой вид собакам не нравится и одна из них почему-то на меня залаяла и два раза куснула. Видевший эту сцену гулявший на улице мальчик лет семи, не больше, принял почему-то не мою сторону, пострадавшую, а — «собачью», и не без сердца плюнул в мою спину и ударил своим кулачишком. Должно быть, этот юный пролетарий почуял во мне

контрреволюционера, саботажника и спекулянта. А я, горемычный, шел далее обобранным, укушенным и оплеванным, и думал: «Весь век учись, а все равно дураком умрешь!»

Но сегодня имел некоторую «компенсацию» за свое смирение в обидах и напастях. Сын принес мне с чем-то сто рублей, как излишек от своего, пока еще скромного, заработка. Он с недавнего времени поступил на службу, увы! — в военный комиссариат, по канцелярской части. Все понемногу становятся «соглашателями» с большевиками. Такова сила этих «неунывающих россиян». Керенский все подыскивал какие-то «нечеловеческие слова», чтобы заставить всех работать на пользу родины, а вот Ленин сыплет ими как из рога изобилия и заставляет всех работать, хочешь не хочешь, для разрушения России во имя интересов «мирового социализма», для нас и, малопонятного и, пожалуй, не очень нужного. И «мировой социализм» — такая же суета сует, суета всяческая, как и все, и вся!

4/17 мая. Мирбах вчера посетил самого Ленина. Пробыл у него 35 мин.

Форт Ино взорван гарнизоном и сдан финляндским белогвардейцам.

С декретом о переводе часовой стрелки вышло какое-то недоразумение — официально извещают, что он еще силы закона пока не имеет. Тогда зачем же его напечатали в газетах, и почему вчера, с утра, часы на Главном телеграфе и на Почтамте показывали уже новое время?

Сегодня, впрочем, они поставлены по-старому.

«Товарищи», перевозившие Царя из Тобольска в Екатеринбург, хотели бы в своих сообщениях об этом путешествии еще раз поглумиться над несчастным Царем, его супругой и семьей, подчеркнуть его ограниченность, ее гордость и их презрение к царской фамилии, — но получается как раз обратное впечатление: хочется презирать самих палачей, а фигура Царя невольно растет и показывает нам, что это человек незаурядный. Какая-то высокая порядочность так и сквозит во всех его словах и поступках. Он необыкновенно прост, искренен и, что умилительнее всего, — покорен воле Божьей. Какая тирания — разлучить родителей с единственным больным сыном; он оставлен пока в Тобольске вместе с сестрами. Дай Бог им всем пережить эти бедствия и поскорее устроиться где-нибудь подальше от «товарищей». Я уверен, что они уже не мечтают о старом величии и не стремятся вернуть его. Действительно, «тяжела ты, шапка Мономаха!» И не в наше время поднимать ее,

пусть она лежит себе в оружейной палате (впрочем, теперь немудрено увидеть ее и на Сухаревке под полой какого-нибудь «товарища»).

6/19 мая. Вчера в Москве послышался первый гром, а сегодня почти целый день лили с небольшими перемежками обильные, благодатные для юной зелени дожди, сопровождаемые и громом и молнией такой силы, которая достаточна бы была и для летней грозы. Дай Бог урожаю!

Больше недели гремели раскаты обвинений Крыленки против Дыбенки. (Да, да! Все-таки суд состоялся, и притом — такой длинный и «милостивый»). Дыбенку, несмотря на его оказавшуюся несомненно бездарность, невежество, самохвальство, дерзость и распущенность, — оправдали вчистую. Но этот исход процесса так и зовет на скамью подсудимых самого обвинителя, «генерал-прокурора» Крыленку. В указаниях защиты так и значилось, что неумелое и растерянное командование Крыленкой остатками бывшей русской армии должно бы удлинить скамью подсудимых и этой зловещей для России фигурой. А паче всего — весь этот суд еще раз заставил пожалеть, что нет теперь ни суда, ни судий для осуждения всей милой компании, т. е. и Крыленки, и Дыбенки, и судивших его, и обвинявших, и оправдывавших, и даже, любопытства ради, — всех присутствовавших на этом суде, который будет со временем пресмешным материалом для опереток, фарсов и водевилей.

Между прочим, немного из статистики или экономики: книга в 590 страниц до войны требовала типографских расходов в 1.278 р., а теперь в 19.267 р.; бумаги на 988 р., теперь — на 18.469 р., в общем, итого, себестоимость книги была прежде 2.267 р. 50 к., теперь 37.736 р.

Французы сообщают, что им удалось воздушными атаками привести в негодность те три орудия, из которых немцы палили в Париж с расстояния в 100 верст. А итальянцы похвалились на днях, что им удалось утопить австрийский дредноут. Попробуем поверить!

Мирбах будто бы заверил Ленина, что германское правительство отказывается от дальнейшего продвижения на русской территории. Видно, немцам все еще мало нашего междуусобия — предоставляют ему дальнейшее саморазвитие. А, может быть, и в Германии что-нибудь «начинается»?

Баку был в руках мусульман, но теперь пишут, что его взяли большевики.

Из г. Горбатова Нижегор. губ. отправлен в Астрахань транспорт рыболовных снастей весом 60.000 пудов и за доставку

этого груза, водным, конечно, путем, будет взыскано 261.000 р. (До войны эта операция обошлась бы, самое большее, в 10.000 р.) Хотя об этом пишут в «Нашем слове», но могу засвидетельствовать, что это — сущая правда, ибо сам участвую в разных комиссиях по делам национализированного торгового флота, и все, что касается водных перевозок, знаю хорошо.

Неспокойно в Казани, в Саратове, в Самарской губ., в Уральской обл. А впрочем, где теперь спокойно?

В Москве, может быть, теперь спокойнее, чем где-нибудь, но ведь тут Мирбах, Ленин, Троцкий и миллионы разных комиссариатов, советов, комиссий, комитетов, центропутов и т. п. чертовщины. Здесь зато и грабят же, и расстреливают же! Например, по последнему официальному сообщению «Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией» пойманы 15-го мая 9 бандитов и немедленно расстреляны. Только эти «дельцы» захватили в Военно-промышленном комитете 250.000 р., в Кооперативе земского союза 196.000 р., у Бландовых 40.000 р., и они же предполагали ограбить банкирскую контору Джамгаровых на 23 млн., да вот, оказывается, не успели. А вчера другая шайка, в несколько большем составе, ограбила правление писчебум. фабр. Кувшинова на 800.000 р., и хоть одного грабителя убили, троих задержали, но деньги все-таки исчезли вместе с десятком непойманных нападателей.

8/21 мая. Фельетонист «Нашего слова» И. Жилкин все ждет, что низовье р. Волги заявит верховью: «Я впадаю в Каспийское море, а ты можешь впадать куда угодно — в Черное, в Белое, в Зеленое. У меня свои притоки, у тебя свои. Я на юге, ты на севере. У тебя леса, у меня степи. Нечего морочить друг друга — пора самоопределиться.» Жилкин к тому так шутит, что в Киеве «все еще стараются перегородить плотиной Волгу единой русской речи». В украинском каком-нибудь министерстве пишут бумагу на привычном русском языке. Потом ее переводят на украинский язык в особом переводном отделе и направляют по адресу другого министерства. Там, получив, сначала отправляют бумагу в переводной отдел. Ее снова перекладывают на русский язык, и тогда уже чины министерства начинают уж вникать в бумагу. Иногда от двойного перевода бумага до того делается невразумительной, что чиновник самолично едет в соседнее министерство и озабоченно спрашивает: «Скажите пожалуйста, что такое вы тут написали?»

В ЦИК Свердлов потребовал, чтобы в деревне была развита та же гражданская война, что и в городах. «Деревенская беднота должна быть объединена и брошена в бой против деревенской

буржуазии.»

Пусть попробуют. Кажется, что деревенский буржуй позубастее городского, и его теперь, пожалуй, побольше, чем «бедноты».

† Сообщают, что старейший член петроградского окружного суда Красовский скончался от голодного истощения. А я-то сообщаю об этом потому, что теперь такие смерти заурядное явление, и каждый день пишут в газетах, что этот и вон тот умерли не от чего другого, как от голода. Но так как некрологи пишутся только о людях выдающихся, то можно судить, сколько же «невыдающихся» людей гибнет теперь от голодухи?! Господи! Помилуй нас, грешных!

Народный комиссар путей сообщения Кобозев на съезде железнодорожников прочитал доклад о разгроме Средне-Азиатской, Туркестанской и Оренбургской ж.д. И это сделано не войною с немцами, а междуусобными авантюрами. Положение этих дорог самое ужасное и неисправимое на долгий срок.

Пока национализировано, секвестровано и взято под правит, управление и надзор (в России) 58 промыш. крупных предприятий. Пора бы и тут сделать «передышку», а то скоро дышать будет нечем. Комиссары, автомобили, бензин, коллегии — только и видно, только и слышно, а дело, продовольствие и транспорт ухудшаются, все ухудшаются и уже не по дням, а по часам (курица теперь 23 р., ржаная мука — 190 р., башмаки — 225 р., папиросы самые дешевые, из вонючего табаку, — 8 к. штука, спирт оптом — 100 р. бутылка; в трактире средней руки кусок подозрительного мяса, в пропорции недостаточной на одного завтракающего, — 8 – 12 р., стакан молока (на рынке) — 80 к., и т. д.).

† Вчера какой-то грабитель или шантажист убил крупнейшего русского промышленника Николая Александровича Второва, — убил и сам застрелился. Второе — купец-сибиряк, но в последние годы затмил в Москве имена исконных московских дельцов-богачей и развел в московском районе массу новых фабрик, заводов, банков, а также синдицировал и трестировал различные старинные предприятия. Видно, был страшно энергичен и предприимчив. Вечная ему память!

Румынское правительство официально отвечает Украине, что оно присоединило к своему государству Бессарабию согласно желанию самих молдован. Значит, хохлам не видать в своей державе Черного моря как своих ушей, — чье же оно будет в конце концов?

10/23 мая. Вчера мы — «национализированные» дельцы,

получили советское распоряжение заниматься как в будни, но по случаю Николина дня такое распоряжение едва ли кем исполнялось. По крайней мере, крестный ход со всей Москвы к Никольским воротам, устроенный по распоряжению Патриарха в ознаменование недавнего чудесного происшествия с иконой Святителя Николая, привлек народу видимо-невидимо. Очень заметен оказался «прирост» или «приход» черносотенцев, как называют теперь всех тех, кто не большевики. Прошедший крестный ход не был настолько многолюден, сколько этот. Как бывший тогда и теперь, должен это засвидетельствовать.

Ярославль уподобляется Пензе, мечтающей о памятнике Марксу. Перекрестил Большую Федоровскую улицу в Пролетарскую, Большую Линию — в Линию Социализма, Духовную улицу — в Республиканскую, Большую Нетечу (какое древнее интересное название!) — в Циммервальда. Дураки! — и больше ничего.

† Немцы опять Залетали» на Лондон. Убиты 37 и ранено 161 чел.

Погода переменная — вчера с утра свежо, но день — солнечный, теплый, а сегодня почти весь день дождь, и тепла не более пяти градусов.

В кои-то веки собрался наконец в театр. И удивился многому: во-первых, публика какая-то совершенно новая — дорогие места занимает молодежь красногвардейского и советского типа, нарядов не видно, все преувеличенно просто, оттого и красоты нет, и запах какой-то новый: смесь табачного дыма, самогонки и пота. Буржуи или не ходят уже по театрам, или нарочно переодеваются так, что и их не отличишь от демократии. А цены — и буржуев кусают: я сидел в 15-м ряду партера (у Корша) и заплатил 5 р. 95 к. (в кассе). Поглядел, что дают в буфете, и ничего не взял: стакан чаю (кажется, без сахара) — 1 р., маленькое яблочко — 4 р., плитка шоколада (правда, большая) — 12 р., открытка-портрет — 1 р., маленький пряник, заменяющий «печенье», — 1 р. 50 к., извозчик, которого, конечно, не нанял, с Трубной площади до Сухаревской твердо объявил свою цену 10 р. Уличного освещения в 11-м часу уже нигде нет. Но идти стало не жутко: окончательно все привыкли к «налетам» «товарищей» и смотрим на эти деяния как лондонцы на немецких летчиков.

15/28 мая. В воскресенье с 2 ч. дня и до самого вечера во всей Москве слышались не то выстрелы, не то взрывы оглушительной силы. Был такой час, в который эта канонада звуков не прерывалась. С восточной стороны города тянулся по всему городу густой, темный дым. Это был страшный пожар в

Гавриковом переулке. Почти совершенно сгорела товарная станция Казанской ж.д. Как позднее выяснилось, пожар возник от поджога: там были вагоны с продовольствием, и охрана расхищала его, и затем понадобилось скрыть следы хищений, и в результате несколько десятков людей погибло и ранено от взрывов, падений горящих построек и вообще от пожарного бедствия. Сгорело несколько сот вагонов на платформах и до 200 — на путях. Между прочим, 22 со снарядами, предназначавшимися к отправке на «внутренний» фронт. В сотнях вагонов была масса продовольственных и мануфактурных грузов. Кроме того, сгорели станционные платформы и несколько домов на территории станции. Убытков и не сочтешь: по одним сведениям — на 40 млн., по другим — на все 300 млн.

В Киеве начались опять переговоры о мире с Украиной. С той стороны Шелухин, с нашей — Раковский. Украинский дипломат забросал нашего настойчивыми вопросами: «Кто вас уполномочил? РСФСР? Но из каких государственных тел слагается эта федерация, и где ее конституция, и где ее границы? С кем мы, собственно, ведем переговоры? Входят ли в Советскую Федерацию Белоруссия, Литва, Кавказ, Черноморье, Донщина, Сибирь? Нельзя заключить соглашения, если не знаешь, что принимает на себя договорные обязательства.» А Раковский отводит удар указанием, что украинские делегаты нисколько не лучше московских, ибо и они не знают границ своего государства.

Ленин на Съезде советов народного хозяйства обещал «вбить последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества».

Дон опять во власти казаков-небольшевиков. Образовался казачий круг под названием «Спасение Дона», который объявил генерала Попова верховным распорядителем военных сил Донского края, и таковые уже занимают ныне район Новочеркасск-Ростов.

Н. Суханов считает Советы учреждением узко-классовым, а не государственной властью. «Прежний государственный аппарат стал, но большевистская власть начала обрастать новым государственно-экономическим аппаратом, он вышел уродлив и бюрократичен, он не способен к работе.» Правильно!

Беднягу наследника Алексея Николаевича наконец-то перевезли из Тобольска в Екатеринбург к своим родителям. При этом сообщают, что здоровье его неважное.

16/29 мая. Из поучений отца нашего Владимира Ульянова-Ленина: «Этот опыт не забудется!», т. е. тот опыт, который производится в наши дни на «опытном поле», т. е. в России,

Лениным и его друзьями. «Русские ведомости» по поводу этих слов Ленина восклицают: «Да, Россия его (опыта) никогда не забудет. Он ее зарезал!..»

Немцы возобновили на Западном фронте наступление. В долине р. Эна англо-французские войска отступают и уже в первые дни немецкого наступления потеряли 15.000 пленных.

По докладам, читаемым в Съезде советов народного хозяйства, выясняется, что до сего времени уже национализировано и секвестровано 304 предприятия.

Арестован командующий Балтийским флотом капитан Щастный по подозрению в «контрреволюционных» замыслах.

В заседании Московского совета РД опять поднят вопрос, как быть с членами совета, являющимися на заседания в нетрезвом виде… Здорово, должно быть, попивают наши властители!

В Киеве корреспондент «Зори России» удостоился завтракать у гетмана Скоропадского и отмечает, что завтрак состоялся в помещении, где раньше жила «бывший командир 2-го гвардейского корпуса (Украинской советской республики) акушерка Евгения Бош». Замечательное помещение, и замечательный корпусной командир!

Донское казачество шумит вовсю: назвало себя «Великим войском Донским» и поставило во главе себя нового генерала — Краснова, на этот раз с диктаторскими полномочиями.

18/31 мая. Москва объявлена на военном положении. Уличные митинги и собрания воспрещены, а также воспрещено частное легковое автомобильное движение. (Но много ли его было в «частном» виде? Больше года мы шарахаемся от бешеной езды и нахальных гудков наших лихачей-правителей, забравших все автомобили для своих, бездельных и по делу, катаний по Москве и по всей день ото дня умаляющейся Великой России. Но скоро, должно быть, этих любителей быстрой езды укатают «крутые горки», которые, как видится, надвигаются на них со всех сторон, и даже с тех, от которых ожидалось спасение зарвавшемуся большевизму…) Затем приостановлен, как повелось теперь, выход буржуазных газет, так что сегодня на газеты расход не велик. Купил только за 40 коп. газету «Жизнь» — эсеровскую. Но и в ней много безотрадных вестей: в Пензе, Сызрани, Челябинске, Кузнецке, Златоусте, Ртищеве пошли бои между советскими войсками и чехословаками, направлявшимися в Омск и далее — на помощь нашим бывшим союзникам, а теперь ставшими с нами в непримиримое положение, ибо они считали и будут считать своими врагами немцев… Одним словом, они попали между двумя огнями и, видно, дерутся с советскими

войсками не на шутку.

У французов дела плохи — Суассон и Реймс оставлены ими. Немцы идут на Париж.

Москва испещрена новыми воззваниями совета народных комиссаров. По обыкновению грозные слова о внутренних врагах, по козням которых голод уже протянул свои костлявые руки на рабочих и крестьян.

В Саратове, дескать, только что подавлено восстание на советскую власть. На Урале неистовствуют Дутовские шайки. На Дону поднял знамя восстания изменник Краснов, который объявлен теперь «вне закона» (подумаешь, как ему нужен этот закон!). В Сибири контрреволюционеры сбили с толку чехословаков. В Москве раскрыт военный заговор правых эсеров и офицеров-монархистов. Поэтому предписано мобилизовать десятки тысяч вооруженных рабочих, чтобы они в недельный срок собрались в поход за хлебом — в деревню, где его припрятали кулаки, т. е. сельская буржуазия. Воззвание заканчивается словами: «Вперед, к последнему бою и к окончательной победе!»

Имел глупость позавтракать сегодня с проезжим приятелем в ресторане средней руки. Завтракали так сытно, что через час после него страшно захотелось пообедать, но заплатили по 90 р. «с рыла», это потому (слушайте!), что бутылка полуспирта стоит теперь 150 р., стакан чая 1 р. 50 к., тарелка солянки 10 р., и т. д.

24 мая/6 июня. Погода скверная, слякотная, холодная; буржуазные газеты опять приостановлены; вести и слухи только скверные, а потому писать все время не хотелось, да и сейчас не хочется…

С 1-го июня введено, наконец, новое «часоисчисление», с переводом стрелки на этот раз уже не на час, а на два вперед. Так что вот сейчас часы показывают 12 ночи, а еще не совсем стемнело, и спать не хочется.

Чехословаки, пробиравшиеся во Францию через Владивосток, разбушевались не на шутку: ходят слухи, что ими взорваны многие мосты, и чуть ли не сам знаменитый мост через Волгу, в Батраках. И можно, пожалуй, поверить этому: третьего дня я получил из Нижнего срочную телеграмму от коллеги по управлению пароходством «Самолет»: «Билетов Плес-Нижний — Астрахань не продавать. Движение остановлено.»

Совет народных комиссаров ассигновал 1 млн. рублей на постройку памятника Карлу Марксу, который, как известно, в Англии похоронен. Вот когда уместно сказать, что «от великого до смешного один шаг». Был когда-то у русских благочестивых людей замысел приобрести право на перенесение мощей

Святителя Николая из Италии в Россию, так почему бы Ленину и Компании не купить за известную сумму прах Карла Маркса и перевезти его… в Муром, например, — куда, как слышно, хочет эвакуироваться наше обожаемое правительство…

† Скончался загнанный большевиками в Финляндию их же учитель, не такой неистовый, как его ученики, благородный и ученый социалист Г. В. Плеханов. Мир его праху!

Немцы все сильнее и сильнее нажимают на французов. Положение последних очень серьезное: Париж поспешно эвакуируется.

В Испании в продолжении последних нескольких дней заболело какой-то новой загадочной болезнью 80.000 человек.

В Москве арестовано много «супротивных» власти партийных деятелей, большею частью кадетов: Н. М. Кишкин, М. Г. Комиссаров, Б. С. Шполянский, В. В. Пржевальский, М. В. Сабашников, П. Н. Малянтович, М. Л. Мандельштам и др. Также арестованы протоиереи Востоков, Цветков, Медведь, директор Казанской дороги Н.К. фон Мекк и много офицеров. Пахнет раскрытием какого-то заговора.

Чрезвычайная комиссия по борьбе с к.-р., саботажем, спекуляцией шутить не любит: то и дело объявляет о своих экзекуциях, т. е. расстрелах. «Новая жизнь» считает, что приговоры о таких расстрелах выносятся «случайными, безответственными людьми, действующими под влиянием гнева и страха».

На Волге были случаи холерных заболеваний. Как говорится, «одно к одному».

На днях в Большом театре состоялось еще одно «Чрезвычайное собрание» всяких совнаркомов, циков, совдепов и т. п. разорителей нашей несчастной «четверть-России». Конечно, Ленин и Троцкий опять бурно были встречены и бурно провожены. Их речи вызывали громы аплодисментов и доставили обычное удовольствие их обычным и верноподданным слушателям, но в печати (кроме «ихней»), в народе, в обществе, в трамваях — махнули рукой на эту болтовню, начинающую походить на болтовню Керенского. Собственно, они подливали масла в огонь — науськивали тех несмышленых или бессовестных дураков, которые снаряжаются теперь в крестовый поход по деревням за хлебом якобы для рабочих. (А где теперь рабочие: они или в деревнях, как землеробы, или в безработных, или в мешочниках.) Кто у кого будет отнимать хлеб — нищий у вора или вор у нищего, и кто теперь по хлебу не вор или не нищий? Если вдуматься поглубже, то окажется, что каждое брюхо теперь и вор, и нищий. Редкий, кто не приобретает хлеба воровским,

незаконным способом, и редкий, кто ест теперь его вдоволь.

Сегодня слышал, что ржаную муку в Москве уже продают по 300 рублей за пуд. Голод безусловно надвигается. Боже великий, смилуйся над нами, горемычными!

26 мая/8 июня. Отправка пароходов из Нижнего вниз по Волге вчера возобновлена.

Произошла страшная катастрофа в Киеве: неведомо от чего взорвались пороховые погреба в предместье Киева «Зверинец». Чуть ли не 200 домов взлетело в воздух. Жертвы велики. В городе от страшных сотрясений выбиты миллионы стекол. Город в панике.

Очередные жульнические проделки: скрылся из Петрограда заведующий хозяйством отделения народного банка, захватив с собой около 9 млн. рублей. В Москве в суконной фирме Митрофановых средь бела дня отняли у кассира 600.000 р.

Очередное крылатое завывание Троцкого: «Да здравствует гражданская война!» — и крылато, и кроваво. Кстати о Троцком: какой-то остряк сказал: «Мир подписан Леоном Троцким, а войну кончит Лейба Бронштейн.» Как известно, Троцкий и Бронштейн — одно лицо, и всем уже ясно, что гражданские войны заканчиваются еврейскими погромами, которые всегда предвещают реакцию…

29 мая/11 июня. Опубликовано воззвание совета Нар. Ком., в котором говорится, что чехословаки захватили Самару, Омск и Новониколаевск и что в Омске образовалось Временное сибирское правительство. Это — прелюдия к объявлению мобилизации, что уже и проводится частично в Москве и присибирских городах.

У германского посла Графа Мирбаха угнали из гаража его автомобиль, стоящий 150.000 р. Даром, что германский посол, а и его обобрали наши ловкие товарищи-воры!

† На днях погиб в Москве известный драматический артист Мамонт-Дальский, и погиб так же дико и грустно, как мой приятель Корженевский, т. е. попал под трамвай, отрезало обе ноги, и т. д. Вечная ему память! Это был и «гений, и беспутство», олицетворение Кина, да еще дополненное — так как к концу своей мятежной жизни он бросил сцену и объявился убежденным анархистом. Были с его стороны активные выступления. Но при всем этом, должно быть, не потерял веры в Бога — хоронили его по православному обряду. И прекрасно, и Царствие ему Небесное!

Погода несколько улучшилась. Проглядывает солнышко, и стало значительно теплее, но жарких дней еще не было.

2/15 июня. Опять лились дожди, но с сегодняшнего полдня потеплело и разъяснилось.

Гастрономические впечатления: икра зернистая черная — 38 р. ф., красная (кетовая) — 10 р., десяток огурцов — 15 р., коробка сардин — 16 р., фунт прошлогодней моркови — 2 р. 50 к. Муку белую уже покупают в Москве за 400 р. пуд, ржаную за 300.

Сапоги простые рабочие — 175 р., штиблеты — от 225 р., костюмы пиджачные — средняя цена 800 р., шляпа мужская — 60 р., картуз 30–40 рублей, а дамские — не знаю, но там уж или несколько сот, или вся тысяча. Вот тут и живи на 625 р. в месяц! Начинаю входить в долги. Нужно купить на свой пай для отопления квартиры 8 сажен, и они теперь 160 р. за сажень; если же по безденежью затянуть покупку до зимы, то перспектива еще ужаснее: говорят, тогда сажень дров будет стоить 400 р. Сейчас оптовые заготовки исчисляются на Оке так: куб дров на корню — 18 р., распилка их и укладка — 50 р., подвозка к пристани — 200 р., и разные другие накладные расходы — 32 р., т. е. всего 300 р. за куб, или 75 р. за сажень, а дальше идет погрузка в судно, фрахт, выгрузка из судна и перевозка по Москве, ну, вот вам и 160 р.

Что цены на дрова неминуемо возрастут, в этом сомневаться не приходится: уголь весь в Украине, нефть, может быть, в Турции, или в какой-нибудь Бакинской мусульманской республике. А что вывезено уже на Волгу — выше Хвалынска не прошло, ибо в последние дни между Хвалынском и Симбирском всякое пароходное и баржевое движение прекращено. Там возня с чехословаками.

По французским сведениям немцы отражены и они потеряли 4.000 чел. пленными, а по немецким — французы отброшены по всему фронту наступления и их захвачено в плен около 15.000 ч. Как бы ни было — немцы под Парижем. Каких-нибудь 50–55 км. осталось до него. Но какой героический город! Не слышно что-то о эвакуации его, и даже палата депутатов работает до сих пор.

На Адриатическом море взорван подводной лодкой австрийский дредноут «Св. Иштван».

Главнок. войсками против чехословаков назначен все тот же Муравьев. Отдохнувши под арестом, бравый воевода опять прольет братской крови видимо-невидимо.

Опубликованы ноты советского бисмарка тов. Чичерина союзным представителям (французскому, американскому и английскому) с требованием, чтобы их правительства отозвали свои военные суда из русских портов. Мирбах знает свое дело отчетливо, как слепой звонарь на колокольне Сретенского

монастыря, которого я сегодня с удовольствием послушал.

В Киеве грандиозный пожар. Горит целый квартал на Боричеве. Там мост, верфь, пристани, пароходы, баржи, мельницы, заводы — все в огне. Убытки многомиллионные. Ясно, что тут поджоги, — как месть сторонников свергнутой большевицкой власти.

Вчера в заседании ЦИК представители партии меньшевиков и правых с.-р. исключены из среды ЦИК и, таким образом, Дан, Мартов, Абрамович, Каган, Бернштейн, Ильин и Дислер должны были удалиться из заседания. Теперь там остались одни большевики. При каком царе Горохе царствовала одна только партия?

3/16 июня. Постановлением ЦИК меньшевики и правые эсеры исключаются из всех советов РиКД. Теперь Великороссийская республика не более как «республика большевиков», ибо ее «советы» — не более как большевицкие партейтаги.

В Самаре сформирован комитет членов Учредительного собрания из 15 чел. В выпущенном комитетом воззвании говорится, что после организации правительства из Самары двинутся силы для борьбы с цитаделью большевизма. Милости просим!

В заседании Петроградского совета 15 июня Зиновьев сообщил, что из Перми исчез Вел. Кн. Михаил Александрович со своим секретарем Джонсоном.

Директор Моск.-Каз. ж.д. Н.К. фон Мекк освобожден из Бутырской тюрьмы под залог 100.000 р., собранных служащими дороги.

В ночь на вчера ограблен на 2 млн. р. комиссариат земледелия, и ограблен самим начальником караула Цыпляевым, проверявшим часовых у кассы комиссариата. Новый трюк!

Сегодня в $2^1/_4$ дня на солнце было 30°.

5/18 июня. Объявлена мобилизация московских рабочих, родившихся в 1896 и 1897 гг., в красноармейцы, сроком обязательной службы в течение шести месяцев, и вместе с тем обнародован декрет о том, что с сего 25-го июня одинокие солдаты будут получать 150 р. в месяц, семейные 250 р. (на всем готовом от казны).

Германцы в районе Нуайон достигли крупных успехов. Австрийцы прорвали итальянский фронт, взяв 10.000 пленных. Немцы повели энергичную подводную войну с американцами, так что сам Нью-Йорк чувствует эту страшную грозу и не выпускает

из своего порта пароходов.

Вильгельм под шумок своих побед отпраздновал потихоньку 30-летнюю годовщину своего царствования. Что и говорить: оно далеко незаурядно и, может быть, не забудется 30 веков.

9/22 июня. Ужасная жара!

Несколько дней подряд газеты то сообщают, то опровергают слухи об убийстве Николая Второго. Очень бы хотелось, чтобы слухи эти оказались «преувеличенными». И без этого столько безобразия у нас!

† Вот убили ярого большевика комиссара по делам петроградской печати — Володарского. Убийца не пойман, но, конечно, считают, что он — орудие контрреволюции, а потому «официозные» газеты грозят всем, кто не большевик, — крутой местью.

Уж не в силу ли этого верховный трибунал вынес вчера бывшему начальнику Балтийского военного флота А. А. Щастному смертный приговор, который вчера же конфирмован ЦИК-ом. Несчастный Щастный, и не менее несчастные судьи! Они хотят расстрелять его за то, что он не уничтожил флота пред нашествием немцев в Финляндию. Приплели к этому его намерение совершить переворот. Может, он про это и не думал, но ведь его обвиняли Троцкий и Крыленко. Вон ведь какая прокуратура! Где же тут сравниться с ними.

Посмотрим, не смилостивится ли над несчастным Щастным сам Ленин, а то так и запишем, что в России опять свирепствует смертная казнь.

Комиссар по ин. делам Чичерин объявил, что часть бывших в Новороссийске судов Черноморского флота возвратились в Севастополь, а остальные — взорваны. Значит, нашего флота в Черном море больше не существует. Аминь!

10/23 июня. † Ужасное, скверное дело — казнь Щастного — совершилось. Да упокоит его Господь и сжалится над его осиротевшей семьей! И не разберешь теперь, что позорнее для палачей: казнение их политических противников без суда, как казнили Духонина, Шингарева и многое множество подобных им, или — казнение по приговору таким судом, которому предали Щастного!?

Должно быть, наши правители не желают, чтобы их «помиловали», когда они будут сами осуждены.

По случаю Троицына дня, кроме увеселительных заведений, конечно, все закрыто. И тут и там выглядывают вывесочки: «заперто».

«Сатирикону» не нравятся советские эксперименты, и он так вышучивает постановление об ассигновании на памятник К. Марксу миллиона: «В этом проекте много здравого смысла и истинной любви к покойному, а именно: так как Марксу, по милости большевиков, придется еще не один раз перевернуться в гробу, то во избежание этого и ставится на могилу русский памятник. Придавит — не перевернешься.»

14/27 июня. Объявлена мобилизация всех классов населения, причем из элементов городской и деревенской буржуазии будет образовано «тыловое ополчение, которое пойдет на укомплектование нестроевых частей и служительских команд (для чистки казарм, лагерей, улиц, для окопных работ, и проч., и проч.)».

В Киеве открылся «Всеукраинский Церковный собор». Избранный митрополитом Всеукраинским Антоний (Храповицкий) признан пока только Киевским митрополитом.

Из частных источников, но безусловно точных, знаю, что от перерыва судоходства между Симбирском и Хвалынском получилась такая небывалая в разгаре Волжской навигации картина: в Нижнем скопилось 63 пассажирских парохода и 122 буксирных. Мазута осталось только на 15 дней. В Симбирске стоит 15 пассажирских пароходов и 24 баржи и, кроме того, — 40 порожних нефтянок, которые спешно командировались за нефтью, но благодаря чехословакам застряли там Бог знает на какое время. Все это для судоходства и продовольствия очень катастрофично.

Итальянцы дали австрийскому наступлению серьезнейший отпор, и оно окончилось полным поражением австрийцев, которые будто бы только пленными потеряли не менее 25.000 чел. Вообще, из Австрии «плохо пишут»: в Вене большие беспорядки на почве продовольственных затруднений.

Арестовали было А. В. Амфитеатрова — по обыкновению «неизвестно за что», но на другой день освободили.

Из Кинешемского, Юрьевецкого, Шуйского и из частей Нерехтского, Суздальского и Ковровского уездов (Кинешемск. и Владимирск. губ.) образована новая губерния «Ивановская», с губернским центром в Иванове-Вознесенске.

Самый крупный и новый русский дредноут «Свободная Россия» потоплен близ Новороссийска миноносцем «Керчь». Тем самым приказ относительно перевода флота в Севастополь не выполнен.

15/28 июня. Слава Богу, пока что с Николаем Вторым и его

семьей ничего страшного не случилось. Все они оказались здравствующими и находятся в Екатеринбурге, о чем есть официальное сообщение.

Ленин нет-нет да и подогреет своих «молодцов». Вчера на 4-й конференции фабрично-заводских комитетов он опять ораторствовал. Все бедствия, — говорит, — от империалистической войны, вызванной корыстью капиталистов, голод и анархия довели народ до озверения. Война безысходна. Но «нет иного выхода из войны, как гражданская война угнетаемых против угнетателей, из всех войн законная, справедливая, священная». (Но кто кого теперь угнетает: угнетатели угнетенных или угнетенные б/ывших/ угнетателей?) «Нам было гораздо легче начать революцию, но нам гораздо труднее продолжать ее. Иное дело — в западноевропейских странах. Там труднее начать революцию, ибо там и цари, и буржуазия культурнее, но, раз начавши, легко будет продолжать революцию.»

Про виды на урожай он сказал, между прочим, что урожай будет «необычайно богат». Дай Бог!

Речь, в общем, нового ничего не сообщившая, закончилась, конечно, крылатыми словами: «Когда мы завоюем хлеб, мы завоюем социализм для всего мира!»

17/30 июня. Стоит чудесная погода. Жарконько немного, ну да ничего!

Итак, итальянцы торжествуют. Потери австрийцев чрезвычайно тяжки: чуть ли не 150.000 убитыми, ранеными и пленными.

В английской палате общин Ллойд Джордж, полемизируя с депутатом Кингом, много сообщил любопытного белому свету о нашей матушке-России: «Россия находится в состоянии совершенного хаоса… Кинг ошибается, что в России одно правительство: есть правительство на Украине. А кто же являются правительствами в Баку, кто на Северном Кавказе, кто на Дону, какое правительство не только в Сибири, но и в каждом отдельном городе Сибири? Мой почтенный коллега не найдет одного и того же правительства даже в двух соседних деревнях… Нельзя говорить о русском правительстве, существующем для всей страны… Де-факто есть правительство в Москве. Но точно так же де-факто существуют правительства и во всех других местах.»

А дальше и Асквит лягнул нас (и поделом, конечно). «Невозможно говорить о власти, существующей в России, как о правительстве…

Я должен характеризовать положение в России не как существование различных правительств, но скорее как полное отсутствие какого-либо правительства… Под словом «Россия» я понимаю не правительство, а народ, который не прекратил своего существования… Россия потеряет больше от германской победы и выиграет больше от германского поражения, чем всякая другая страна цивилизованного мира.»

А. Ф. Керенский объявился в Лондоне и выступил даже на конференции социалистов.

На ж.д. учащаются частичные забастовки, и даже стали уже говорить об общей забастовке на 2-е июля н. ст. Требования ж.-дорожников: долой смертную казнь, упорядочение продовольственного вопроса и созыв Учредительного собрания.

Мирбах прислал Чичерину новую ноту: находит, что приволжские немцы-колонисты в тяжелом положении: большевики их грабят и грозят сдать их Вильгельму или неживыми, или искалеченными и непременно — разоренными. (В самой ноте таких слов нет, но смысл именно таков.)

То Ленин, то Троцкий изо дня в день все давят, мнут, пугают, ругают, изводят несчастных «буржуев». Так, например, вчера Троцкий на конференции фабрично-заводских комитетов посулил буржуазию *«взять в клещи»*. «Рабочие и крестьяне, — говорит, — подчищали всю грязь, которую оставлял господствующий класс. Теперь он снова хочет заставить вас убирать за ним и поднимает голову. Но мы эту голову пригнем к земле. И пока буржуазия не пойдет с нами в общей упряжке, мы заставим ее подчищать *нашу грязь* (бурные аплодисменты)… Совет Нар. Ком. уже решил повысить обложение буржуазии и поставить ее в такие продовольственные условия, чтобы у нее *отпала охота быть буржуазией*… Каждый дом, где живут буржуи, будет отмечен, и мы на воротах таких домов наклеим желтые, буржуазные билеты (бурные аплодисменты).»

В порядке задания вопросов Троцкий ответил любопытствующим «товарищам», что и «ему не нравятся прогулки буржуев по Кузнецкому мосту», но в этом, дескать, виноваты «сами рабочие». К чему же это клонится? Не к приглашению ли хулиганствующих рабочих к избиению всех тех, которые, прогулки ради или по обывательскому делу, — топчут тротуары Кузнецкого моста?

Вчера Верховный трибунал вынес 7 новых смертных приговоров «товарищам», изобличенным в провокаторстве.

Газетные сообщения с заголовками «На Дону и на Кубани» имеют большие и частые цензурные «проплешины». Значит, там — «цо-то есть».

В «Заре России» приводят любопытные почтовые справки: совершенно прекратилась связь Москвы с 31-й губернией и областью; частично — с 7-ю. Да кроме того, вследствие войны с Германией, а потом — гражданской, — 36 губ. и обл. совершенно потеряли почтовую связь с Москвой, и, увы! — полностью из 92-х губерний сохранилась связь только с 18-ю, т. е. с Архангельской, Владимирской, Вологодской, Казанской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Петроградской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Ярославской и Орловской.

Что было и что стало!

Справка о «рыночных ценах» последних дней: курица — от 24 р. до 30 р., сахар 16 р., масло кор. 13 р., мясо 8 р. 50 к., керосин 1 р. 50 к. фунт, дрова 180 р., мука ржаная 330 р., овес 150 р., яйца 90 к. шт.

19 июня/2 июля. Л. Троцкий особым приказом объявляет, что помощь высадившемуся в Мурманске чужестранному десанту (т. е. франко-английскому) будет рассматриваться как государственная измена. Для защиты беломорского побережья направляются необходимые силы.

Вообще там что-то творится чрезвычайное. Как бы именно с Беломорского побережья не началась война на нашей территории между немцами и нашими бывшими союзниками.

В Москве еще мобилизуются артиллеристы и саперы, родившиеся в 1893, 1894 и 1895 гг.

Председатель Мурманского совета Юрьев, «перешедший на сторону англо-французов», объявлен советской властью «вне закона».

Кавказская Армения объявила о своей независимости.

В Петрограде арестованы генерал Верховский, Граф Коковцев и писатель А. И. Куприн. Этот будто бы за какую-то сочувственную статью Вел. князю Михаилу Александровичу. Но, к сожалению, я такой статьи не читал. А в Вологде арестованы Вел. князья Николай и Георгий Михайловичи и Дмитрий Константинович.

До 16-го мая с.г. из Баку и Астрахани вывезено нефти 21 млн. пудов, а в прошлом году к этому времени вывезли 103 млн. Вообще, с топливом дело отчаянное. Ну что толку, что теперь нефтяное и лесное дело национализированы? К слову сказать, национализации пошли в ошеломляющем масштабе. По декрету от 30-го июня национализирована почти вся без исключения русская промышленность. Свободными от национализации оказались лишь те предприятия, которые не имеют существенного

значения для народного хозяйства. Национализированными признаны следующие предприятия: все без исключения горнопромышленные, начиная с добывающих драгоценные металлы и кончая асбестовыми, металлургические, текстильные, электротехнические, лесопильные — с основным капиталом не менее 1 млн. р., все без исключения предприятия резиновой промышленности и частные общества жел. дорог, стекольные, кожевенные, цементные, мукомольные — с капиталом не менее 500.000 р., табачные — с кап. не менее 30.000 р., и даже такие, как: пороховые, писчебумажные, стеариновые, мыловаренные, маслобойные и салотопенные.

До выработки организационного плана предприятия остаются «в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев, обязанных финансировать их и имеющих право на получение доходов, причем весь штат служащих, в том числе и директора правления, обязаны под страхом уголовной ответственности оставаться на своих местах, считаясь состоящими на службе у советской республики».

Уж не преподносится ли все это реквизированное богатство нашей счастливой победительнице и властительнице как уплата миллиардных долгов за убытки, нанесенные Германии, что диктуется содержанием Брестского договора. Неизбежность всякого рода тягостных для России концессий давно назрела, и наше экономическое порабощение налицо.

Отправил свою дочку Галю накануне Вознесения, т. е. 30 мая ст. ст. (12 июня н. ст.), на летний отдых, сам не знаю, куда-то в Орловскую губернию, вместе с колонией детей московского пролетариата и под покровительством двух своих племянниц Зины и Тамары Кашириных, состоящих в этой колонии учительницами (по программе Луначарского), и до вчерашнего дня очень беспокоился: доедут ли, не попали бы в район каких-нибудь военных действий то с немцами, то с украинцами, то с чехословаками, то с казаками, и не остались бы случайно отрезанными от «Московии», но, слава Богу, опасения эти были напрасны или преждевременны. Вчера мы получили от нее бодрое и довольное письмо: ехали хотя целую неделю, но было сыто и покойно. Колония устроилась в каком-то барском доме при селе Сергиевском, недалеко от города Ливны, Орловской губ.

Между прочим, пишет она, что в тех местах фунт хлеба стоит только 60 к., мясо — 2 р., десяток яиц — 2 р., молоко — 3 р. за четверть и пуд муки от 50 р. до 80 р. Вот вам, всего 500 верст от Москвы, а разница в продовольствии ишь какая большая!

20 июня/3 июля. По германским официозным сообщениям,

генералы Дутов и Алексеев присоединились со своими отрядами к чехословакам, и общее командование казаков и чехословаков принял на себя Алексеев.

Керенский из Лондона переехал в Париж.

Ж.д.-ная забастовка не состоялась.

Вчера в Москве опять страшный пожар со взрывами и на десятки млн. руб. убытками. Горели в Симонове товарные склады Казанской ж.д. и нефтяные Нобеля и О-ва «Ока». Сгорела масса зданий, вагонов, шпал, нефти, керосина, хлопка и всяких продовольственных продуктов. По старой привычке все еще виним и тут «немцев».

21 июня/4 июля. В «Заре России» напечатано письмо Николая Второго к какому-то неизвестному генералу. Если это не газетная выдумка, то как не пожалеть несчастного человека: «Мы живем впроголодь, — пишет Царь. — Кроме картошки и селедки нам ничего не дают.» Письмо заканчивается глубоко скорбным известием: «Господу Богу угодно было, чтобы на старости лет я не только переживал испытания моей родины, но и переносил тяжкие страдания своего единственного сына, который прикован к постели…»

Представители торгово-промышленных организаций считают, что новый декрет о новых национализациях «внес в нашу промышленность хаос и сумбур, грозящий полным распадом, уничтожением и остановкой предприятий».

«Новая жизнь» говорит, что Россия, выйдя из войны, готовится вновь вступить в войну, но только на стороне другой коалиции. Противники сепаратного мира всегда указывали на неизбежность такого результата… и дальше: «есть еще выход: с оружием в руках дать отпор и той и другой стороне, но этот выход сейчас для России закрыт ее бессилием».

Итоги пожарных убытков под Симоновым уже считаются теперь не десятками, а сотнями млн. (в какой-то газете ляпнуто даже — 1 млрд.). Причиной пожара считают поджог, для скрытия злоупотреблений. Ну, конечно — немец или жулик — больше винить некого!

22 июня/5 июля. Вчера в Большом Театре открылся 5-й всероссийский съезд советов р.к.д. Председательствует Я. Свердлов. Прибыло 1.035 дел. с решающим голосом, 240 — с совещательным. Из первой группы 678 коммунистов (большевиков), левых с.-р. — 269 и прочих (поправее) — 88. Из второй группы коммунистов — 138, лев. с.-р. — 97, остальных — 5. Левые с.-р. на первом же заседании обнаружили

противонемецкое настроение и с криками: долой Мирбаха, да здравствует восстание на Украине! — пред голосованием резолюции, предложенной коммунистами и, конечно, выражающей верноподданничество Ленину и Троцкому, — демонстративно покинули зал театра.

В Москве зарегистрировано несколько холерных случаев, со смертельным исходом.

23 июня/6 июля. Все спрашивают друг друга (и меня спрашивали так, и я спрашивал многих) — *«Да когда же все это кончится?»* Но вот вчера на съезде Советов Ленин «приблизительно» отвечает на такой запрос: «Советской власти необходимо только продержаться еще полтора-два месяца до нового урожая, а там ей на помощь придет мировой пролетариат, мировая революция, которая сметет без остатка все планы и расчеты международного империализма».

В «Свободе России» («Русск. вед.») под заголовком «*Положение Царицына*» большой столбец чистой бумаги, не заполненной печатью. Видно, там дело антисоветское.

Опубликован «Свод доходов и расходов. Январь-Июнь 1918 г.», т. е. за полгода, и о ужас: лучше бы тоже не заполняли печатью, — общие расходы определяются суммой в 17.602.727.000 р., а доходы только в 2.852.727.000 р. Таким образом, за 6 месяцев дефицит 14.750.000.000 р.

24 июня/7 июля. Ночью слышались пушечные и ружейные выстрелы, а рано утром и пулеметные. Что еще случилось? Все поднялись спозаранку, бросились за газетами, но они не вышли. Приходится питаться рассказами репортеров-любителей. «Эсеры заняли Почтамт, Телефон», «Мирбаха убили», «На Мясницкую, на Лубянку и вообще к центру никого не пускают».

К 11 ч. утра появились газеты, конечно, только большевицкие («Правда» и «Известия»). Там уже напечатан приказ Ленина «мобилизовать все силы, поднять на ноги все немедленно для поимки преступников», — которыми, как информирует сам Ленин, и в другом приказе Л. Троцкий, «около 3-х часов дня брошены две бомбы в немецком посольстве, тяжело ранившие Мирбаха». Но вслед за этими двумя приказами напечатано «Правительственное сообщение», которое уже говорит, что *граф Мирбах убит бомбой*, брошенной левым эсером, бывшим членом комиссии Дзержинского, проникнувшим в посольство с фальшивым удостоверением от того же Дзержинского. В сообщении говорится, что «Россия теперь, по вине негодяев лево-эсерства, давших себя увлечь на путь Савинковых и компании, — на волосок от войны». Конечно это так — повод для немецкого наступления на Петроград, Москву и Царицын есть теперь такой, «лучше коего нельзя ей и желать», сказано в сообщении, намекая на самую сильную партию в Германии — военную.

Дальше сообщается, что эсеры начали восстание против Советской власти, т. е. захватили «телефон, комиссариат Дзержинского, его самого и члена комиссариата Лациса». «Затем эсеры начали ряд военных действий, заняв вооруженными силами небольшую часть Москвы и начав аресты советских автомобилей.» А советская власть, ничтоже сумняшеся, «задержала, как заложников, всех бывших в Большом театре делегатов 5-го съезда советов из партии левых эсеров».

Такие дела происходили под громовые раскаты и шум необыкновенно сильного дождя и града, продолжавшегося вчера начиная с 5 ч. дня до самого позднего вечера и затопившего низменные места города. Так что никто не мешал — все обыватели попрятались по квартирам.

Сейчас, 3 ч. дня, пушечные и пулеметные выстрелы, хоть не часто, а слышатся довольно грозно, но народ у нас уже «обстрелянный» — окна открыты настежь, на улицах масса гуляющих, и даже трамваи ходят, но, вероятно, только за бульварным кольцом. Это видно из того, что по Сретенке шмыгают и те номера, маршрут которых по Мясницкой и другим центральным улицам. На Сухаревке обыкновенный воскресный торг. Не разберешь, конечно, кто большевик, кто эсер, но

несомненно, что это главный состав продавцов и покупателей. Буржуя или не видать, или он замаскировался по костюму большевиком, но всем трем в высшей степени наплевать на то, что происходит сейчас тут же под боком — где-нибудь около почтамта. Большой спрос на клубнику, она 9 – 10 р. за фунт, но жрут, прости Господи! Спросил про скверный, полугнилой изюм — и тот стоит 18 р. за ф. Поинтересовался поношенным самоваром стаканов на 15–20, никелевым, — сказали 325 р.

Конечно, ничего не купил, да и не покупал. Где уж тут! Впору самому продавать свои пожитки.

К вечеру были в электрическом театре. По дороге туда слышалась стрельба, но театр полнехонек и все спокойны. О восстании эсеров разговору мало, как будто это заурядное явление. Вечером разбрасывалось с автомобилей «правительственное сообщение № 2», из него видно, что эсерами захвачен и председатель московского Совдепа Смидович и что на два часа эсерами был занят телеграф, и ихний ЦК разослал по стране «несколько лживых и шутовских телеграмм».

† Все-таки Мирбах действительно убит. Он был, конечно, верным слугой своей родины, и да простит его Бог, если он желал зла нашей.

Вчерашними и сегодняшними событиями 5-й съезд нужно считать сорванным. Что будет дальше, «сейчас невозможно еще предсказать», — так говорит сам «Совнарком», в этом своем сообщении № 2.

Вечером возможно было наслаждаться, сидя у растворенного окна, звуками гармошек и граммофонов, коими забавляли себя буржуи и товарищи, видимо нисколько не потрясенные чрезвычайными происшествиями прошлых суток и не уставшие за них.

25 июня/8 июля. Сегодня читаем опять только «Известия» и «Правду» и зрим тамо, что с 2-х ч. вчерашнего дня временно приостановлены как прием в Москву, так и отправление пассажирских поездов, не исключая и дачных. Воображаю чудовищность всех тех слухов, коими питались ехавшие и недоехавшие в Москву!

Ленин объявляет сегодня, что «разбитые банды восставших против советской власти левых эсеров разбегаются по окрестностям, убегают вожди этой авантюры. Приняты меры к поимке и задержанию дерзнувших восстать против советской власти, прежде всего всех членов Ц.К. партии левых эсеров», и во исполнение сего будто бы уже арестовано несколько сот человек и Товарищ председателя Чр. Комиссии Александрович, который в

официальном сообщении назван еще и «Азефом».

† Главные «деятели» вчерашней трагикомедии и третьевошной Трагедии (убит не один Мирбах, но и его два ближайших помощника) оказываются эсеры Попов, руководивший повстанческим отрядом, и Блюмкин, совершивший терро/ристичес/кий акт.

Видные члены эсеровской партии Карелин, Камков, Саблин и др. — скрылись.

И опять надо отметить беззаветную преданность большевицким самодержцам латышей. Это они не дрогнули пред внезапным выступлением эсеров, несмотря на то что затея тех (эсеров) пришлась на канун и на день Иванов (24 июня), всегда празднуемый латышами, как наша «Троица». Я в «Ивановы дни» несколько раз бывал в Риге и всегда удивлялся значительности этого праздника в Латвии, так что если тут не играет роли новый стиль (т. е. что Иванов день уже был отпразднован латышами 13 дней тому назад), то прямо можно удивиться, как это они пренебрегли таким праздником в угоду своим хозяевам — Троцкому и К°, и, как видится, поработали в новой междуусобице на славу!

26 июня/9 июля. В «Правде» горькая правда: «Англо-французскими войсками занята вся северная часть Мурманской ж.д., включительно Кемь. Немцами нарушена наша демаркационная линия у дер. Василенки (вост. Смольян). Подтверждается занятие казаками Бузулука. Вследствие прорыва Волго-Бугульминской ж.д. и недостатка сил, советской власти пришлось оставить Уфу.» А о том, что чехословаки и в Ярославле уже (из-за Волги) и в Рыбинске, «Правда» еще не пишет, а оно тоже правда, как об этом говорят. За невыходом неправительственных газет вообще много «говорят», и преимущественно довольно неприятное для наших самодержцев.

28 июня/11 июля. Итак, 5-й съезд советов не сорван, но «было дело под Полтавой» (как раз 27 июня, в годовщину Полтавского боя). Кроме эсерской истории — 9-го почему-то у караульного красногвардейца, стоявшего у Царской ложи, сорвалась с пояса ручная бомба и сделала оглушительный взрыв на всю громадную зрительную залу Большого театра. Господа «депутаты», конечно, сразу переполошились. Сам красноармеец убит наповал, и кроме того 6 чел., восседавших в Царской ложе в качестве гостей, ранено. Пуришкевич, узнав об этом, вероятно, промолвил: «всяк сверчок — знай свой шесток!»

Съезд одобрил во всем политику ЦИК и Совета Нар. Ком. и

принял проект советской конституции (очень, по изложению, длинной и не сулящей ничего нового), а также утвердил рисунок герба республики (на красном фоне, в лучах солнца, золотые серп и молот, крест-накрест, окруженные венцом из колосьев с надписями: «Росс. Соц. Федер. Сов. Респ.» и «пролетарии всех стран соединяйтесь») и рисунок флага (красного цвета, в левом углу золотые буквы Р.С.Ф.С.Р.). Съезд вчера разошелся, судя по заключительной речи Свердлова, на 6 мес. Вот ведь какие ненасытные! По времени царствования побили рекорд Керенского, дурачившего нас ровно 8 мес., т. е. сидят себе в Смольных и в Кремлях уже девятый месяц, да норовят таким делом заниматься бесконечно. Прожоры!

Троцкий на съезде говорил каждое заседание, а Ленин только однажды. Да и что они говорили? Все это целых 8 месяцев мы изо дня в день читаем в их лейб-органах. На этом съезде не вылетело из их красноречивых уст ни одного крылатого слова. Эх вы — долбители, дятлы! Скучно стало от вашей демагогии!

Германский министр иностранных дел Кюльман вышел в отставку. Преемник его контр-адмирал Гинц.

По советским сведениям в Ярославле и Рыбинске действовали против красноармейцев белогвардейцы, а не чехословаки, и, дескать, белогвардейцы разбиты и бежали за Волгу. Такая же история была на днях и в Муроме.

В советских известиях, на основании декрета о свободной перемене фамилии, каждый день несколько публикаций о том, что я, мол, такой-то, заявил куда следует о своем желании именоваться таким-то.

И можно из этих публикаций узнать, что в Москве были и Кривобоковы, и Дуровы, и Дюдины, и Паршивцевы, и Нахальцевы, и Тунеядцевы, и что они впредь будут называться то Миловзоровыми, то Вольскими и т. п. Припоминается тут когда-то прочитанное в «Русской Старине»: на прошении одного купца к Императору Николаю Первому о перемене фамилии *Семипузов,* по Его высочайшему благоусмотрению, Николай Первый наложил резолюцию: «Пусть называется Пятипузовым».

30 июня/ 13 июля. Главнок. войсками, орудующими против чехословаков, Муравьев, по советским сведениям, захватил «народные деньги и бежал из Казани в Симбирск», а там дал телеграмму по всему своему фронту «повернуть эшелоны, движущиеся на восток, и перейти в наступление к Волге». Далее он приказывал войскам двинуться на Вятку, Саратов, Балашов и *на Москву,* † Затем, не встретив себе подчинения со стороны красноармейцев, он застрелился. Вероятно, совсем зарвался. Это

один из подозрительных героев революции. Да простит ему Бог!

Вместо Муравьева поспешили назначить латышского военачальника Вацетиса. Пока что — латыши большевикам не изменяют.

Еще до трагической развязки измены Муравьева был отдан «всем, всем, всем» радиотелефонный приказ Ленина, что Муравьев объявлен врагом народа и «всякий честный гражданин *обязан*, поймав его, немедленно застрелить его». Нет уж, Владимир Ильич, стреляйте лучше сами, какие мы честные — мы просто голодающие по милости вашей высочайшей честности!

После сообщений о прогоне белогвардейцев из Ярославля вышла такая военная реляция: «положение Ярославля неопределенно».

Приказано в семидневный срок произвести учет мужского населения призывного возраста от 18-ти до 40 лет. «Пужают» кого-то. (Немцев или англичан?)

В Петрограде сильная холера: за один день 9-го июля было 112 случаев.

С 9-го на 10-е чехословаки взяли г. Бирск, на р. Белой. На Сызранском направлении советские войска «не выдержали и стали отходить». (Так говорится в оперативной сводке от 12 июля.)

† Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией продолжает свои застеночные победы и в сегодняшних казенных газетах сообщает о расстрелах 11-ти московских белогвардейцев: Сидорова-Аваева, Покровского-Парфенова, Душака, Коленко, Иванова, Львовского, Белоусова, Фролова, Попова, Розенфельда и Ольгин-Герщика. Каждый день кому-нибудь †, каждый день новые сироты, новые вдовы, новые панихиды или гражданские похороны. Действительно, революция — это ужас. Стоят ли результаты ее таких неисчислимых жертв? Вечная им всем, вечная память!

1/14 июля. В Москве продолжают выходить только советские газеты, но в Питере вышел «Наш Век», и сегодняшние известия я черпаю из этой газеты за вчерашнее число…

11-го июля германский канцлер гр. Гертлинг сказал в рейхстаге, что если государственные деятели неприятельских держав проявят какое-либо серьезное стремление к сближению с немцами, то они, эти стремления, немедленно рассмотрятся. И что следы убийства в Москве германского посла гр. Мирбаха ведут к державам согласия, которые, по-видимому, желают вызвать новую войну между Россией и Германией. И далее, что этот прискорбный случай не вызовет по отношению к России

ничего карательного со стороны Германии.

Должно быть, ослабела — Изабелла!

Станция «Сорока» Мурманской ж.д. занята английскими войсками.

В «Нашем Веке» одна телеграмма из Копенгагена начинается так: «Из Константинополя сообщают, что *новый* турецкий султан Магомет обратился с заверением своей приверженности к Четверному союзу.» Дело не в этих заверениях, а в том: где же *старый* султан? В «наших газетах» все писали об эсерах, а об кончине, если такая свершилась, султана, даровавшего Турции конституцию и победу над русскими, не соблаговолили известить своих читателей.

Тело графа Мирбаха отправлено в Германию, в Берлин.

М. В. Родзянко напечатал в Ростове н/Д призыв, в котором, между прочим, говорится: «Довольно большевизма, меньшевизма, всяких правых и средних партий. В дни распада государства прежде всего нужна твердая власть. Такой властью может быть только русский Царь, избранный всем народом»… Старо и, вместе с тем, ново. В самом деле, нам больше по плечу рубище царя, чем тога республики. Не доросли еще до благородных риз!

Спиридонова будто бы арестована, а Камков расстрелян.

Турки будто бы заняли все черноморское побережье до Туапсе. Батум, Сочи, Гагры сделались было вотчинами московских купцов, и вот теперь по милости швейцарских путешественников Ленина и Троцкого эти дивные жемчужины Черного моря «туркоопределились».

В Петрограде холера приняла угрожающие размеры: за 12-е число заболело 956 чел. Господи, помилуй нас, грешных!

Из «оперативной сводки от 13 июля»: в Курском направлении немцы перешли нашу демаркационную линию и заняли несколько деревень; то же сделано ими и в нейтральной полосе Воронежского участка. В Ярославле артиллерийский, пулеметный огонь не прекращается.

«Испанская болезнь» не что иное, как следствие всеобщего истощения, и она теперь распространилась на всю Европу.

† Объявлено о состоявшихся расстрелах вождей «мятежа левых эсеров». Кажется, все эти герои прошлой недели — Александрович, Камков, Попов, Блюмкин и другие, погибли так же, как и несчастный Щастный. Помяни их Господи!

3/16 июля. Ленину прислано от германского правительства заявление, что оно считает необходимым прислать в Москву батальон своих солдат для охраны германского посольства, причем эти солдаты должны иметь присвоенную им боевую

форму. Совет комиссаров пока что ответил, что такая мера охраны неприемлема, и успокаивает, что мы, де, будем охранять посольство от всяких покушений своими военными средствами.

Дорожают яйца, молоко, мясо и все прочее. Первые доходят до 1 р. 20 к. за штуку, второе до 1 р. 80 к. за кружку, третье до 12 р. за фунт. Клубника уже спустилась до 3 р. фунт, но ее теперь лопают, как в прошлом году подсолнухи. Самый простой, незатейливый человек, вроде землекопа или рассыльного мальчика, держит себе в руке эдакий сверточек бумажный фунтика в два и благодушествует, выплевывая изо рта клубничную веточку, как подсолнечную шелуху. Приобщился и я к такому роскошному блюду. Сегодня наш георгиевский кавалер, бывший офицер, а теперь секретарь какого-то информационного отдела какого-то военного комиссариата, получил жалованье что-то рублей 600 за месяц, ну и угостил родителя «клубничкой». Если все «это» затянется еще на несколько месяцев, то, чего доброго, из моего сынка выработается целый комиссар.

Одним словом, как уже сострили в «Сатириконе» год тому назад, отмечая его геройское поведение на австрийском фронте, я мог сказать про него, что он «вошел в историю», теперь же надо откровенно записать, что он «влетел в историю».

Погода стоит чудесная и, вероятно, для «злаков» преполезная. И тепло, и дожди, и ясные дни — все в меру.

4/17 июля. Последнее творение отца нашего по военным делам Леона Троцкого, приказ солдатам, он заканчивается так: «Волга, Урал и Сибирь должны быть очищены от врагов. Урал сейчас более, чем когда бы то ни было, становой хребет советской России. Нельзя ни одного лишнего дня терпеть там банды, преграждающие нам путь к Сибирскому хлебу… Солдаты революции! Советская Россия, жаждущая свободы, мира и хлеба, указывает вам рукою на Урал и говорит: *задушите гадину!»*

Эк запустил какое литературно-сатиристическое слово! Вспомнил, должно быть, Щедрина, который спрашивал взяточника: «Скажи мне, гадина, — сколько тебе дадено?» Все еще не рассеяна легенда о том, что каким-то гадинам немцами все-таки дадено, чтобы у нас было то, что теперь есть.

Читаю «Анархисты» Джона Генри Маккая. И вот что хочется выудить оттуда в pendant к «гадине»: «Там, где в начале было истинное воодушевление, оно впоследствии исчезает в самодовольстве, а истинное сочувствие и любовь — в стремлении разыгрывать из себя спасителей. Всюду тогда появляются верх и низ, стадо и пастух, на одной стороне самохвальство, на другой — бессознательное и фанатичное поклонение партийным

учениям.»

6/19 июля. Второй день невеселая, дождливая, прохладная погода, а новости — не приведи Бог, какие мрачные! Намекают в печати, а еще определеннее говорят, — наш старый красавец Ярославль, знаменитый своими древними храмами, почти разрушен беспощадной артиллерийской стрельбой. Холера охватила всю Россию, мрут от нее в Петрограде, Москве, Нижнем, Царицыне и везде, где развевается новый флаг с буквами «Ресефесере», — мрут сотнями в день. Но в советских известиях обо всех этих всенародных бедствиях самые безучастные, сжатые сведения. Зато отмечено в ликующих выражениях подешевление клубники: «хорошую, красную можно уже купить за 2 р., а есть на болоте и за 70 к. — только мелкая». Так и читается между строк, что, мол, проклятые буржуи, — съели гриба!

††† Но самое скверное, самое страшное сообщено сегодня о том, что болезненно ожидалось целый год, — Императора Николая Второго расстреляли…

Вчера состоялось заседание Президиума ЦИК 5-го созыва, под председательством Свердлова и в присутствии Аванесова, Сосновского, Теодоровича, Владимирского, Максимова, Смидовича, Розенгольца, Митрофанова и Розина, и на этом заседании оглашено, что в последние дни Екатеринбургу серьезно угрожали чехословаки, и ввиду этого Президиум Уральского областного совета постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение 16-го июля. «Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место.» И президиум ЦИК, обсудив это известие, постановил: «Всероссийский ЦИК, в лице своего президиума, признает решение Уральского Областного совета правильным».

Для того, должно быть, чтобы для «несознательных», т. е. не потерявших еще страха пред Богом и стыда пред добрыми людьми, эта горестная пилюля казалась сладенькой, — Свердлов обещал опубликовать в ближайшее время собственноручные дневники Николая Второго, его жены и детей, а также письма Распутина к Романовым. Бьют на людскую жажду ко всему пикантному.

В «Правде» по поводу трагического конца Николая Второго, конечно, передовица, повторившая давно известную и всем надоевшую легенду о «кровавости» расстрелянного Императора. Статья заканчивается так: «С двух сторон он был связан с империализмом разбойничьих государств Европы. Там будут плакать о нем. У русских рабочих и крестьян возникнет только одно желание: вбить хороший осиновый кол в эту, проклятую

людьми, могилу.» Так напутствуют молодые правители в «горния селения» своего старого предместника. Но смотрите, товарищи! Как бы вместо осинового кола эта историческая могила не вырастила пару хороших столбов с перекладиной. И Толстой верил в Бога не больше Свердлова, но почему-то начал «Анну Каренину» евангельским текстом: «Мне отмщение, и Аз воздам».

А по моему простодушному мнению, на могиле Царя мученика не осина будет расти, а прекрасные цветы. И насадят их не руки человеческие, а совесть народная, которая выявит себя, если не в ближайшем будущем, то по прошествии времени, когда пройдет этот чад, угар, когда забряцают лиры и заговорят поэты. Родится и вырастет другой Пушкин, «прольет слезу над ранней урной» и возведет печальный образ несчастного Царя на благородную высоту, на которую он взлетел, собственно, свергаясь с царственной высоты в тундры сибирские. Вечная ему память и милость Божия на Суде Его Великом!

Покойный Император был моим ровесником. Мне почему-то никогда не верилось, и сейчас не верится, что он был таким, каким его безапелляционно считали не только социалисты, но и монархисты. Мне думается, что я не ошибаюсь, применяя к нему Шекспировские слова: «В жизни высшее он званье человека — заслужил». В его предках было больше «царя», чем человека, а в нем больше «человека», чем царя. Вечная ему память! И никто не помешает мне молиться за упокой его души, и я должен это делать, потому что только в его царствование я и пожил. Было все: и бедствия, и неприятности, и утери, и разочарования, но не такие, какие предстоит пережить, включительно с предсмертными обстоятельствами; были и радости, и удачи, и приобретения, и очарования такие, каких уже никогда и нипочем впредь не будет.

Прости-прощай, самые лучшие два десятка моей полувековой жизни! Иду остальным путем уже ковыляя и нисколько не надеясь на лучшие времена. Вечная память своему невозвратному детству, юности, молодости и мужеству, а рабу Божиему, новопреставленному Николаю: Царство Небесное! †

Немцы опять повели сильное наступление на французский фронт.

Финляндский Сейм высказался большинством голосов за монархический строй для своей страны.

11/24 июля. В Украине ж.д.-ная забастовка на почве экономических требований.

Ярославль «пал», т. е. советские войска полуразрушили его и заставили «белогвардейцев» бежать или рассеяться. Их было, по советским известиям, до 5.000 чел. По городу красноармейцы

били из бронированного поезда морскими орудиями. Спасский монастырь разрушен. Над городом реяли аэропланы и сбрасывали бомбы. Каково положение ярославских жителей!

Много зданий погорело. В местности, прилегающей к ст. Всполье, сгорело много фабрик и заводов, громадная площадь этого района представляет из себя груду углей и камня. Жители сгоревших помещений громадным лагерем расположились в окрестностях города.

«Чрезвычайным штабом Ярославского фронта» был издан приказ: «Всем, кому дорога жизнь, предлагается в течение 24-х часов оставить город и выйти к Американскому мосту. По истечении 24-х часов пощады никому не будет, по городу будет открыт самый беспощадный, ураганный артиллерийский огонь из тяжелых орудий, а также химическими снарядами.» Так, должно быть, и сделали и «сим победиши».

Вообще, дело закончилось в пользу большевиков. Город, по ихним даже сведениям, сильно пострадал. Выгорели целые кварталы. Погиб Демидовский лицей и вместе с ним одна из лучших в России исторических библиотек.

В Киеве Митрополит Антоний торжественно отслужил панихиду по Николаю Александровичу. «Собор был переполнен молящимися», так сказано в «Правде» № 153 от 24 ч. с/м.

† В Петрограде буржуазия привлечена к рытью могил для холерных. Увы! Таковых, как слышно, там тысячи. Холера гуляет по всей России, но в Петрограде буквально свирепствует.

Французы дали последнему немецкому наступлению серьезный отпор и, если верить их сообщениям, взяли до 20.000 пленных.

Чехословаки взяли Симбирск — «один из опорных пунктов советской власти, один из закромов, откуда рабоче-крестьянская Русь получала свой скудный хлеб насущный». Так поясняет своим читателям назидательная «Правда», — что такое значит Симбирск!

Ен все терпит! Ен терпит в Ярославле и Ен терпит в Симбирске. Но в первом большевики победили, а во втором побежденные, а для городского обывателя одинаково скверно. Одним словом, в чужом пиру похмелье!

В «Нашем Веке» за вчерашнее число говорится, что за невыходом в Москве всех других газет кроме «советских» не прочтешь уже «о вещах, составляющих непреходящую человеческую жизнь: об искусстве, о науке, о Боге, о Церкви, о замечательных людях и просто о том, что совершается в будни и производит основную ткань живой жизни». Неправда! Пишут в советских газетах обо всем, и даже о Боге… но как? Демьян

Бедный в стихах, Н. Бухарин в прозе, — кощунственно, злобно и, что хуже всего, с явной целью вселить в читателей ненависть к Церкви, к попам, и вкоренить атеизм как секту, как веру своего рода. Да что далеко ходить: в том же «Нашем Веке», только на следующей странице, напечатано, что «Государственная коллегия по народному образованию обсуждала насущный вопрос о преподавании атеизма». Ну как же не прочесть теперь о Боге, когда столько правительственных стараний о полном упразднении Его!..

Вел. Кн. Михаил Александрович будто бы добрался жив и невредим до Англии. Очень приятно. Одним порядочным человеком, оставшимся в живых от русской разнузданности, будет больше. Маккай говорит: «Благоденствие одного есть благоденствие другого и наоборот.»

12/25 июля. Вчера и сегодня в Москве совершенно не давали населению хлеба. Конечно, по поводу этого обращение к «Товарищам и Гражданам», в котором ссылка на то, что: «Чехословацкие банды, лево-эсеровская авантюра» виноваты (временно) в этом, но «пусть, — говорит это обращение, — враги советской власти не попытаются отыграться на голоде, ими созданном. Это им не удастся».

А через страницу, в этих же известиях, тот же продовольственный орган хвалится, что «продовольственные отряды реквизировали и сохранили от красновских и немецких банд 2.045.215 пудов».

Погода хорошая. Дождей мало. Очень тепло, но не жарко.

Послы «бывших» союзных держав уезжают из Вологды в Архангельск. Чичерин обижается, что не хотят переехать в Москву, где, мол, они были бы в полной безопасности. (Те себе, вероятно, думают — а Мирбах?)

Ясно, что не перемена резиденции, а эвакуация из России.

13/26 июля. Понемногу у нас в России вводится рабство, вроде как бы крепостничество возвратилось.

«Правда» громит сегодня ополченца-«буржуазного сынка» такими словами: «Ты воспитан, вспоен и вскормлен чужим трудом, ты, благодаря преступлениям своего отца (?!), вырос в довольстве и неге, ты хочешь продолжать преступный путь твоих предков, поэтому ты враг рабочих и крестьян, которые хотят уничтожить всякое порабощение (?!) и всякую нужду. Я тебе не могу доверить винтовку, но я тебя использую как рабочую силу. Я поэтому тебя призываю своим декретом от 20 июля в тыловое ополчение для черной работы под присмотром тех, у кого в руках

есть винтовка. Вот тебе лопата, метла и щетка (а Троцкий третьего дня говорил проще — про одно только *помело)*. А если ты уклонишься от ополченской службы, я тебя разыщу и предам суду Трибунала, который тебя судить будет, как изменника, а имущество твоих родных я конфискую и употреблю в обеспечение семей красноармейцев.»

Разве не в рабское положение попадают бедные «буржуазные сынки» за прегрешение своих отцов?

Муромские разб… виноват! Муромский совет наложил на местную буржуазию контрибуцию в 10 млн. руб. за участие в «Муромском мятеже, недавно подавленном советскими войсками».

Объявлено, что запрещение выхода антисоветской повременной печати в Москве остается в силе впредь до полного укрепления и торжества Ресефесере.

Сегодня выдали не хлеба, а какой-то плевы по $^1/_8$ ф. на едока.

В церкви на М. Спиридоновке батюшка отслужил панихиду по убиенном Царе, и его за это арестовали. (Как сказано в «Правде»: «арестовали попа Т. Любимова».)

† После ярославской трагедии, после гибели сотен, а вернее тысяч людей, воевавших и не воевавших, после позора безжалостного разрушения тамошних святынь и исторических зданий, — наступила полоса карательная, в силу чего расстреляно 350 человек, «причастных к мятежу», и о сем советская власть торжественно оповещает.

Станут ли вражьи кони пить «из вод широкой Волги» (см. Оленина-Волгаря, в 1914 г.), когда они смешаны с кровью двух братьев, восставших один на другого. О горе нам, безумным, горе Руси, горе Волге! Какой стон там раздается теперь? Не бурлака, не кормильца нашего, а зверя лютого, имя же ему не человек, а что-то вроде 666!!!

17/30 июля. Екатеринбург — «столица красного Урала» (как величают его большевики), взят чехословаками и, видно, чрез это, — вчера в соединенном заседании ВЦИК и московск. совета приняты «без прений» резолюции: 1) признать социалистическое отечество в опасности; 4) усилить бдительность по отношению к буржуазии, всюду становящейся на сторону контрреволюции. Советская власть должна обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, *проводя на практике массовый террор против нее.* Пять других резолюций, 2, 3, 5, 6 и 7, тоже вроде этих. Скорее бы уж, что ли, «придушали» нас, как это обещается Лениным и Троцким. Жизнь стала совсем невозможной, но «караула» кричать нельзя, — неровен час попадешь на Лубянку № 11. (Историческое

место; застенок; там заседает Чрезвычайная комиссия, своего рода «совет десяти», оттуда ежедневно выносятся десяткам несчастных или преступных людей быстрые и безапелляционные смертные приговоры.)

Прибыл в Москву новый германский посланник Гильферих.

Прибыла и моя дочка из колонии. Ничего, слава Богу, все обошлось благополучно.

19 июля/1 авг. Прошло 4 воинственных, кровопролитных года. Столько было горя, страданий, разочарований, печали, разорений, несчастий и лжи царственной, правительственной и поэтической. Эти страницы начались предсказанием пииты-приятеля.

> Пусть испытанья будут долги,
> Пусть будет много горьких дней —
> Но враг из вод широкой Волги
> Не напоит своих коней!

И это оказалось ложью, или пустыми словами. На Волге теперь поят и купают латышских, чехословацких, казацких, а, может быть, и англофранцузских коней, которые, как раз в эти дни, уже признаны не союзными нам, а неприятельскими. Война не только не прекратилась, несмотря на всякие Брестские и киевские договоры, а, как будто, объяла весь белый свет, и все слилось: война и революция — в один страшный, всеразрушающий хаос. Колоссальный сдвиг к новой жизни, которая, быть может, будет лет через сто лучше отходящей, но в настоящее время она — не жизнь, а — разруха, голод, преступления, мор и смерть! И все Маккай вспоминается: «Коммунизм — это фантазия, которая должна звать на помощь насилие, чтобы стать печальной действительностью… Господство любви будет куда ужаснее, чем нынешнее господство ненависти… Откуда все эти социальные бедствия? Не потому, что одни возвышаются, а потому, что другие покоряются…» Приходят в голову новые «армянские» анекдоты, вроде: «Старый режим, новый режим, — усех рэжим». И скажешь, что, пожалуй, все это не к добру, и через 100 лет — лучше той жизни, которую разрушили последние четыре года, — лучше не будет. Не стоило, значит, огород городить, и нечего Марксу памятники строить.

И не только ему, но будет поставлен памятник и Стеньке Разину. Таково последнее просвещенное решение нашего премудрого Совета Нар. Ком. Еще ставят памятники Энгельсу, Бебелю, Жоресу, Лассалю, Спартаку, Гракху, Марату, Робеспьеру,

Дантону, Гарибальди и пятнадцати русским писателям. «Какая смесь!» Толстой и Робеспьер, Достоевский и Марат, Некрасов и Дантон, и т. д.! Что тут сказать? Ничего, и по-восточному положить в рот палец изумления!

Из Архангельска сообщают, что Онега занята англичанами. Советом Нар. Ком. ассигновано 300.000.000 руб. «на чрезвычайные расходы, вызываемые военными действиями против чехословацкого и белогвардейского мятежа на Волге, Урале и Сибири и англо-французского нашествия на Мурманском побережьи.»

Содержатели сада «Эрмитаж» за торговлю в ресторане хлебом, пирожными и спиртными напитками оштрафованы на 0,5 млн. руб. Не напугают! Вчера мне пришлось быть в скромненьком старом трактире на Варварке, так там подают скромненький портвейнец за 160 р. бутылка.

Сегодня получил жалование по декрету — 800 р. в месяц (наивысшее), а товарищи — кто 700, кто 650, кто 600, и самое низшее — сторож — 400 р., мальчик — 300 р. Последний, значит, в 10 раз больше того, что он получал до войны, а я — если не меньше, то и не больше, что тогда получал, но сейчас при самой скромной жизни (без прислуги, без вина, без закусок, без обновок, без Шаляпина, без гостей) нужно каждый день на пропитание себя и семьи и на квартиру никак не меньше 60 р. в день. Ужасные обстоятельства!

Урожай добрый. Сборы хлеба обильные, но как привезти его в «советскую» Россию?

† В Киеве от брошенной бомбы погибли немецкий главнокомандующий войсками на Украине фельдмаршал Эйхгорн и его секретарь. Бомбу бросил матрос-эсер. Не за дружбу ли с Троцким великий Вильгельм получает такие кровавые пощечины?

† Троцкий в одной из последних речей сказал, что за 4 года войны человечество потеряло 4 млн. людей и получило 30 млн. калек. Что и говорить — итоги страшные!

Совнарком обратился с очередным воззванием «к трудящимся массам Франции, Англии, Америки, Италии и Японии». Начинается так: «Рабочие! Как злая собака, спущенная с цепи, воет вся капиталистическая пресса ваших стран о вмешательстве ваших правительств в русские дела, кричит хриплым голосом: "Теперь или никогда!"…» Дальше говорится, что «англо-французские бандиты уже расстреливают советских работников на захваченной ими Мурманской жел. дор. На Урале они уничтожают рабочие советы, расстреливают их представителей руками чехословацких отрядов, содержимых на деньги французского народа… Мы чересчур долго покойно выносили

издевательства представителей союзного империализма над советской Россией, мы позволяли тем, которые лизали когда-то сапоги царизма, оставаться в России, хотя они не признавали правительства рабочих.» И так далее, все в таком же роде, а впечатление какое-то смутное, хорошо не разберешься, что это за манифест, объявление войны «союзникам», что ли?

24 июля/6 авг. Командующим англо-французскими войсками на Мурманске называют генерала Гурко, бывшего начальника штаба Верх. Главнок.

Архангельск в ночь на 2-е августа занят, как сообщает «Правда», — «соединенными силами англичан и белогвардейцев». Значит, Гурко уже действует.

28 июля/10 авг. Официальное германское сообщение от 6-го августа: «В районе Реймса мы предварительно вывезли или уничтожили все, что могло бы пригодиться противнику.»

Вон оно дело-то какое!

В советских «Известиях» уж очень хлопочут о мировой революции, а посему крупными буквами печатают: «В Индии по всей стране восстания и массовые вооруженные выступления.» Но только далеко уж очень от нас эта Индия-то. Ведь мы не знаем даже, что делается теперь в Казани, а не только за тридевять земель!

На днях видел на Мясницкой Шаляпина. Похудел, но едет на извозчике. Да и с чего ему худеть и от чего не на автомобиле ездить? Он теперь получает колоссальнейший гонорар, которого и в царские дни не получал. За участие в последних 10 спектаклях в «Эрмитаже» ему уплатили 160.000 р.

Вот бы кого следовало «национализировать», да кстати (или не «кстати», а первейшим делом) докторов-знаменитостей и вообще докторов, недоступных малоимущим. И об этом уже заговорили в советских газетах, что только и можно приветствовать. Таланты по искусству, по медицине не должны быть на откупе только у богатых. Им шире дорогу! Пусть платят им миллионы, но не те, которые имеют их, а государственная казна. Что я хочу сказать, конечно, понятно и неоспоримо без дальнейшей мотивировки.

Что делается в последние дни в Московском «Китай-городе» — уму непостижимо. Все магазины и склады либо запечатаны для переписи, либо закрыты от своей пустоты «на полках». На Ильинке, Никольской, Варварке и во всех прилегающих к ним переулках — мерзость запустения. Люди и лошади попадаются изредка, да и что им там делать теперь? Картина такая же, как

там было в обыкновенное время по праздникам. И подумаешь, где и что делает теперь тот люд, который посвящал этому московскому «Сити» свою жизнь?

7-го августа вышел приказ всем бывшим офицерам до 60-летнего возраста явиться на сборный пункт. И вот все эти тысячи (кто говорит 10, кто 28) явились и попали как бы в ловушку. Прошло четыре дня и выпущены еще немногие. Те, которые там, и те, которые ждут их дома или у казарм, где они собраны, в ужасном состоянии. Страх расстрела, ссылки и факт голодного содержания и бессония за несколько ночей.

Никому не известно, что это: регистрация, заложничество, сыск или просто хамство рабочей диктатуры?

† Взят чехословаками Ирбит, и где-то там погиб военный комиссар Западной Сибири Усиевич. Большевики, конечно, плачут. Но зачем же лезть на рожон?

Посол германский д-р Гильферих уехал в Берлин, а чины посольства переехали на жительство в Петроград. Союзные же посольства, кажется, не успели из Вологды пробраться в Архангельск и теперь арестованы советскими властями. Вот вам и война, война настоящая, с недавними и, как казалось долгое время, неразрывными, вечными союзниками!

Продолжается поношение царя. Печатают его собственноручный дневник, глумятся над такими правдивыми заметками: «2 марта. Кругом измена, трусость и обман.»… «3 марта. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость.»

Объявлена на военном положении Казанская жел. дор., а про Казань, которая, как говорят, давно уже у чехов, сегодня пишут в официальной «сводке» так: «В районе Казани и Свияжска идут ожесточенные бои. Положение этих городов еще не определилось.» Вероятно, составители нынешних сводок и в 1915-м году тем же делом занимались, т. е. «золочением горьких пилюль». Но: «За благом вслед идут печали, печаль же — радости залог», — товарищ Каменев, слонявшийся целых 5 месяцев по союзным странам с мандатом от советской власти в качестве ее представителя и нигде не принятый, а местами даже задерживаемый для тюремного посидения, возвратился в Петроград, и Советы ликуют.

Надо бы разобраться вот в чем: что Ленин и Троцкий сделались так обаятельны для большинства российской бедноты и незажиточности благодаря своим исключительным дарованиям, в виде красноречия, умения сочинять декреты, воззвания, приказы, и страшной энергии или только потому, что проводят в

жизнь те идеи, которые наиболее приятны для пролетариата? Если первое, то как жаль, что ни в царском правительстве, ни в так называемом «Временном» не было ни одного подобного дарования, а если второе, то где же у нас люди более талантливые, более энергичные, которые сумели бы ослабить массовый психоз, вывели бы народ на дорогу благоразумия, человеколюбия, труда не за деньги, а за совесть, на дорогу национальной чести, христианского преобразования. Думается, и серьезно думается, что Лев Николаевич Толстой, если бы он жил в наши дни, был бы сейчас вторым спасителем.

30 июля/12 августа. В советских «Известиях» напечатано: «Казань занята незначительными отрядами чехословаков. Она окружена железным кольцом советских войск и ее постигает участь Ярославля…» Как береза — «стоит и шумит»…

Репортеры советских газет, видимо, работали раньше в «Московском листке». Новости, преподносимые ими читателям, очень утешительны: например, сообщено, что торговля на Нижегородской ярмарке (на которую, кажется, никто и не поехал) страшно развивается, причем отмечается «громадный спрос на стекла». Еще бы! Одному Ярославлю сколько нужно этого добра.

Они же сообщают нам, что национализированные пароходства работают нормально и успешно, но поясняют, что работа происходит между Рыбинском и Васильсурском (что составляет общего протяжения 639 верст, а от Рыбинска до Астрахани 2.575 верст).

Мне даже сдается, что они морочат не читателей, а своих редакторов, т. е. Стеклова и К°, которые, видимо, ни в торговле, ни в географии ничего не понимают.

31 июля/13 августа. В воскресенье 29-го на Красной площади был устроен парад красных войск, что называлось «днем всеобщего обучения». Я там не был, да и едва ли парад собрал сотни тысяч людей. Ничего единодушного сейчас нет — борьба классов строго очертилась. Там, где одни, — других не заманишь ни игрой в солдатики, ни речами товарища Свердлова, Крыленко и Каменева с грузовых автомобилей. (А «самих», т. е. Ленина и Троцкого, на параде почему-то не было.)

Французы заняли Мондидье и взяли в плен 18.000 немцев и 200 орудий.

Нижегородская и Муромская жел. дор. объявлены на военном положении.

† В трех верстах от Москвы произошла катастрофа с поездом Рязано-Уральской жел. дор. Вдребезги разбито два вагона;

пострадало 92 человека, из них 17 умерло.

1/14 августа. Вчера по Москве мчались в различных направлениях грузовые и пассажирские автомобили и разбрасывали официальные депеши правительства о якобы «крупной победе над английской и белогвардейской *сволочью*». Читая столь русское ругательство, те, которых задело оно, конечно, про себя шептали тоже по-русски «от сволочи слышу». Но какова же эта крупная победа, и не напротив ли, не есть ли это сведение о поражении советских предприятий против англичан и белогвардейцев. Речь идет о стычке в устье р. Ваги, впадающей в Северную Двину, что в 200-х верстах от Архангельска и в 250-ти от Котласа. (Вон уж они где!) Советские войска, оказывается, потопили несколько «неприятельских» пароходов, а один, «Заря», взят даже в плен.

Что же нам не сообщали в свое время, что такие-то русские пароходы, в том числе и «Заря», взяты англичанами?

Вообще идет «втирание очков», поджигание на кровавые бои рабочих, видимо, туго поддающихся велеречивым призывам неутомимого Троцкого. В этой же экстренной телеграмме уверенно говорится, что на днях советская армия возьмет обратно и Екатеринбург, и Казань, и Симбирск.

Несколько дней уже висят там и сям широковещательные воззвания Троцкого под заглавием: «Унтер-офицер! Тебя призывает страна.» В тексте говорится, что отныне каждый унтер становится «взводным», а вскоре он будет командовать ротой, батальоном, полком, дивизией. То — долой чины, а то — «унтер-офицер»! Ничего, стало быть, нет нового под луной!

† Вчера похоронили артиста Малого театра В. А. Сашина, не так давно умерла драматическая артистка С. П. Волгина. Как старый театрал, не могу не отметить этих тяжелых утрат для русской сцены, тем более что у меня с обоими почившими есть сердечная связь, я так любил их в своей молодости и за талант, а вторую — за редкую красоту. Вечная им память!

2/15 августа. В «Известиях» напечатано, что в Баку высажен английский десант в 900 человек и что 4 года войны потребовали от всех воюющих держав 700 млрд.

3/16 августа. Там же пишут, что Персия оккупирована Англией.

Погода за последние дни стоит почти ненастная: дожди, и по утрам тепла не более 8°.

4/17 августа. В «Известиях» сообщается, что «на Вятском направлении белогвардейцы заняли Урзул (вероятно, Уржум) и имеют намерение забрать Котельничий (вероятно, Котельнич), взорвать мост и отрезать Пермь. Наши летательные аппараты сбрасывали бомбы на Казань — попадания были удачны».

7/20 августа. Пятого числа был на Красную площадь Крестный ход по примеру 9-го мая. Я, грешный, не был на нем, и думаю, что он не очень был люден. Еще в церкви заметно было, что молящихся не так много, причем преобладали женщины. Настроение у всех подавленное. Новое моление: «О страждущей державе Российской». Совершенно правильное определение, и куда правдивее прежнего эпитета «благоверной».

Официально объявлено, что в главной кассе союза кооперативов «налетчики» взяли из кассы 4,5 млн. деньгами и 5 млн. чеками и документами. И сколько таких налетов повсеместно! «Шумим, братец, шумим!», то бишь воруем и воруем. Занятие при помощи автомобилей, солдатских курток и сговору 10–15-ти сорванцов — занятие выгодное и безнаказанное.

Французы сообщают, что в сражениях к югу от Авра ими взято в плен до 100.000 немцев.

14/27 августа. Так долго не писал… Собственно «не писалось»; настроение прескверное, умиротворения не заметно, а тяготы жизненные с каждым днем делаются все увесистее. Черный хлеб покупаем 10 р. за ф., мясо говяжье 12 р. ф., масло сливочное 35 р. ф., яйцо 1 р. 50 к. шт., молоко — кружка (2 стакана) 2 р. 50 к., огурцы 17 к. шт., вишня 8 р. ф., малина 4 р. 50 к. ф., яблоки от 70 к. до 10 р. за шт., арбузов, конечно, совсем нет — отрезана «арбузная» страна от Москвы. Спирт продают 160 р. за бут. или 3.200 за ведро. В ресторанах каждое блюдо стоит 30 р. Папиросы самые дешевые 10 к. шт. Слышал, между прочим, разговор о женских ботинках: «похуже — 325 р., получше — 480 р.». Видел на Сухаревке приценку к старому сюртучному костюму, просят ни много ни мало 800 р. Советские «Известия» за последнюю неделю только и пишут о «крупных» победах над чехословаками и предсказывают через несколько дней полный их разгром. Что положение их «отчаянное», что подмоги с Дальнего Востока они не успеют получить от англо-японцев, потому, де, Байкальские туннели (драгоценнейшее наследие царского режима) взорваны советскими войсками. Но несмотря на такие вести, как видится, больше зажигательного, зазывательного для красногвардейцев свойства, — Казань, Симбирск, Самара,

Екатеринбург все еще в руках чехословаков, и в «сводках» больше говорится о занятии советскими войсками каких-то деревенек да «горок» («Красная горка» близ Казани).

Около Гомеля идут бои с немцами за переход ими демаркационной линии.

Луначарский то и дело устраивает религиозные диспуты, на которых спорит с православными священниками и с толстовцами. Кричит тем и другим, что «не щит смирения нужен сейчас, а меч»… «Настал час второго пришествия Христа, не вашего Христа, а нашего, полного великого гнева, ибо если бы Христос жил сейчас, он был бы с нами.» Кажется, в конце концов выпалил, что сейчас не Крест священен, а *винтовка*.

17/30 августа. † Во время Ярославского бедствия погиб мой сослуживец, командир самолетского парохода «Добрыня Никитич», Дмитрий Дмитриевич Маматов, хороший человек и любимец той публики, которая любила «кататься» по Волге. В советских «Известиях» отмечают, что он погиб «геройски» на посту, т. е. на самом пароходе. Но чья пуля его сразила — кто знает про это: белогвардейская или советская? Во всяком случае, он был ближе к первым. Царство ему небесное!

В судоходной газете «Бурлак» напечатано, что сейчас в Нижнем скопилось без дела барж с тоннажем в 2 млн. пудов и товарно-пассажирских с тоннажем 1 млн. пудов, на 50.000 пассажиров. (И на всех, кажется, трехсменная вахта. Сколько нашего брата бездельника!)

Разрешено каждому «трудящемуся» свободно провозить полтора пуда продовольственных продуктов.

В Ростове н/Д немецкая комендатура официально сообщает, что Баку занят турками, а англичане уехали через Энзели в Персию.

По советским «Известиям» видно, что в Туркестане идет кровопролитная борьба и что «Мерв взят советскими войсками». Вообще, победных реляций немало: Армавир на Кавказе, Туапсе на Черном море и Уржум на Вятке возвращены советской власти.

Арестован генерал Брусилов «за принадлежность к контрреволюционному союзу белогвардейцев».

Скверная погода стоит. Дожди ежедневные, вероятно, уборка хлеба ополовинит урожай, получившийся чуть не повсеместно «выше среднего».

18/31 августа. Вчера товарищ Ленин при выходе с митинга на заводе Михельсона (Замоскворечье) был тяжело ранен револьверными пулями. Стреляла женщина «эсерка». Свердлов в

10 ч. 40 м. вечера выпустил воззвание «Всем, всем, всем», в котором говорит, что в покушении на жизнь вождя революции найдутся следы «правых эсеров», следы «наймитов англичан и французов», и что «рабочий класс ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции».

А Московский совдеп, за подписью Л. Каменева, говорит: «Пусть железная рука восставшего пролетария опустится на гадов издыхающего капитализма!»

† В этот же день в Петрограде убили председателя Петроградской Чрезв. ком. — Урицкого. По поводу таких событий «Известия» говорят, что «за труп Урицкого, за всякую каплю крови тов. Ленина заплатят нам своими головами представители капитала и их наймиты».

«Известия» несколько дней трубят о «восстании в Японии», но при этом пишут так: «Размеры *рисовых* беспорядков еще не выяснены.» Бывает так, что политика и голод не идут рука об руку.

«Известия» сообщают, что наши бывшие союзники заняли города Бапом и Перонн. Немцы отступают, бои приближаются к городам Камбрэ, Нель и Нуайон.

21 авг./3 сентября. Советские газеты сообщают, что представитель английского правительства Локкарт затрачивал миллионы на организацию восстания в Москве, на устройство взрывов и покушений. Сообщение заканчивается так: «Союзники хотели учредить военную диктатуру и восстановить смертную казнь».

А ежедневные и повсеместные расстрелы это разве не смертная казнь?

Ленин мужественно борется с тяжкими ранениями. Одна пуля засела в надплечьи, другая в шее. Стреляла правая эсерка Каплан-Ройд.

† Под заголовком «Пусть трепещет буржуазия» в «Правде» сообщается, что петроградская ЧК в связи с убийством Урицкого расстреляла свыше 500 человек. (См. выше о «восстановлении смертной казни».)

Японцы спешат на выручку чехословакам: их войска под командой генерала Отании покинули Владивосток и двинулись вглубь страны.

Есть опровержение, что англо-франц. северным фронтом командует не русский генерал Гурко, а французский Гуро.

В Одессе взорваны артиллерийские склады.

Состоя в профессиональном «союзе работников водного транспорта» и на службе в национализированном пароходстве,

получил шантажное предложение сообщить, к какой политической партии я принадлежу, а если не принадлежу, то «какой сочувствую». Заранее все уже предупреждены, что не состоящие в коммунистической партии или не сочувствующие ей будут уволены с занимаемых должностей. «Страха ради иудейска», или оберегая свою шкуру, брюхо, — большинство из нас заявили себя или коммунистами, или «сочувствующими» им, — не исключая и бывших генералов-путейцев, и некоторых директоров и управляющих пароходств, т. е. тех, к кому я и мои товарищи единомышленники перед революцией всегда были в оппозиции, как заядлым бюрократам и царским прихвостням. Теперь они оказались (на бумаге) коммунистами, а я с правой стороны, ибо у меня не хватило дерзости написать на анкетном листе того, что противно моим нравственным убеждениям. Собственно, надо было бы лаконически ответить, что я *пацифист*, но у меня вышло так: на вопрос о партийности — «беспартийный», на вопрос о сочувствии — «по своим религиозным убеждениям я близок к толстовцам, но во всем том, что не противно таковым моим убеждениям, я по службе и гражданскому долгу безусловно подчиняюсь существующей власти».

Что выйдет из этого — не знаю, но не думаю, чтобы статистики политических убеждений стали психологически разбираться в моем катехизисе, и, вероятно, в недалеком будущем призовут меня к сыску, или попросту выставят из «работников водного транспорта».

Вот до каких трагедий довела нас революция! Я, «непротивленец», к тому же грустящий о разрухе старой, трудной, но красивой жизни, а сын несомненный и уже убежденный марксист. Что будет на этой почве дальше — и думать жутко. Да смилуется над нами грешными всемогущий Господь!

Троцкий назначен председателем революционного военного совета, а Вацетис — главнокомандующим всеми фронтами.

По поводу ленинской драмы Троцкий успел сочинить и произвести такую крылатую фразу: «Сейчас у него не только в духе, но и в теле металл.»

Ехал сегодня в трамвае по Каменному мосту и — увы! — видел оттуда, что памятники Александрам Второму и Третьему уже разорены, самих статуй нет: сняли вчистую. Какие же все же суетники эти советские работники! Снятие памятников, флаги, красноармейские звезды, телеграммы Ленину, бюллетени о его болезни, — все ведь это «буржуазные» замашки. Не сказать ли им в таком случае: «Врачу — исцелися сам!»

22 авг./4 сентября. Ленину лучше. Каплан-Ройд вчера расстреляна.

Опубликовано русско-германское финансовое соглашение, из которого, между прочим, видно, что Россия уплатит Германии, для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев, сумму в 6 млрд. марок. Из них 1 млрд. возмещается товарами. Еще бы германскому правительству не выразить соболезнования Ленину, — что оно и не преминуло сделать в первый же момент.

Арестована в качестве заложников семья Керенского.

24 авг./6 сент. † «Правда» пишет: «В Воронеже грандиозные взрывы. Больше 150-ти человек разорвано на куски. Разрушены советские склады, ж.д. станция, и т. д.»

27 авг./9 сент. В последних «сводках» все только говорится о поражении чехословаков. Например, насчет Казани сообщается в такой (впрочем, обычной теперь ликуйствующей-ругательной) форме: «Ключ к городу в наших руках. Нами захвачены господствующие высоты над Казанью, откуда мы ураганным огнем выкурили белогвардейскую сволочь.»

† «Красный террор» не одни слова: в ответ на покушение на Ленина Петроградская коммуна расстреляла бывших министров А. Н. Хвостова, А. Д. Протопопова, И. Г. Щегловитова и Н. А. Маклакова, а также протоиерея И. Восторгова и С. П. Белецкого. «Чего, говорят, ждать судейного приговора, когда их деяния безусловно заслуживают смертной казни.»

Сегодня один мой приятель, хотя и зажиточный, но очень скупой, рассказывал, что нужная для его почек операция обошлась ему в 6.000 рублей. Ну не правда ли, что про медицину-то забыли? (См., что раньше писано насчет Шаляпина и медицинских знаменитостей.)

Видел в кинематографе картину «Снятие памятника Александру Второму». Тяжелое зрелище! Как будто режут на части живого человека и говорят: «Смотри вот, как это делается, и учись.» Не достает еще демонстрировать на экране расстрелы. Надо отметить, что эта картина из серии снимков правительственного культурно-просветительного учреждения.

28 авг./10 сент. Советские войска заняли Уральск, Грозный и обстреливают Адмиралтейскую слободу в Казани.

Ю. Ларин пишет, что фактическая территория Советской республики составляет теперь 30 губерний с населением около 65 млн. чел. Это, стало быть, «совдепия».

Даже по германским официальным сообщениям видно, что французы очень энергично наступают по всему фронту, между Соммой и Эн. Неужто военному могуществу Германии и славе Вильгельма и Гинденбурга подходит конец? И если так, то, действительно, социализм забирает силу, и наш Ленин поднимается на пьедестал мирового значения, как действительный и гениальный проводник идей, долженствующих всю земную жизнь переработать совершенно заново. Но, Боже мой! — что делается все-таки: столько потрясений, столько крови, столько ужаса! Стоит ли короткая человеческая жизнь такой беспредельной жертвенности? Да и удовлетворит ли грядущий земной рай сердце людское, не станет ли ему в конце концов «улетевшего облачка жаль»?

«Суета сует, суета всяческая!»

В предвкушении райской на земле жизни, с каждым днем совершенствуемся в создании адского существования, платим в Москве за фунт черного хлеба 8 – 10 р., а «по карточкам» уже совсем не получаем, вот уже несколько дней. Молоко, хоть оно и есть около нас в изобилии, но почему-то подвозится не каждый день, и уже в скисшем виде покупается 1 р. 50 к. за чайный стакан; мясо говяжье 12 р. фунт, телятина 16 р., курица 35–40 р., яйца 1 р. 50 к. шт., масло коровье от 26 р. до 32 р. ф., картошка 1 р. 80 к. за ф., свечи стеариновые от 10 до 12 р. за ф., мыла простого и керосина нигде не найдешь, а потому цен не знаю. Трамвай 60 к. за станцию. В ресторанах средней руки и столовых самое дешевое блюдо 15 р., сахар 30 р. ф. (по куску стали продавать — 1 р. 20 к. шт. — пиленого; папиросы продаются тоже только поштучно, 20 к. за шт. махорочного запаха). Кинематографы дерут уже за самое дешевое место по 3 р., подобие водки в трактирах (не во всех, конечно) подают за 200 р. бутылку, икра черная 40 р., красная 16 р., колбасы, ветчины уже совсем не видать, разные балыки 30–35 р. за ф., сардины 20 р. коробочка, подошва к обуви 60 р., книга издания 1918 г., по числу страниц ранее стоившая 1 р., теперь если отдается за 10 р., то значит — добросовестно. Даже храма Божьего коснулось вздорожание: трехкопеечная свечка стоит 40 коп., а просфор совсем не имеется. (Кстати: третьего дня какие-то святотатцы залезли через окно в храм Христа Спасителя и содрали там с некоторых икон ценные ризы и захватили несколько священных драгоценных сосудов.)

Читатель подумает: «Ишь ты! сколько стоит икра, пишет, спирт, балык, лопает, должно быть, всласть.» В том-то и штука, что только пишу об этом, а пробовать не пробую: давно не по карману, так же как и езда на извозчиках. Не пользовался сим

благом более года, ибо теперь, как я слышал, самый маленький конец 20 р., а подальше 50–60 р. Ломовая лошадь на одну поездку в городе 120 р., а откуда-нибудь «с дачи» 350 р. подвода.

29 авг./11 сент. Сегодня «совдепия» ликует: с утра мчатся по улицам военные автомобили, с которых разбрасываются телеграммы от Троцкого такого содержания: «Казань наша. Бурно-стремительным натиском красных войск враг сломлен. Он дрогнул и бежит», и т. д.

В «Правде» военный обозреватель пишет, что французы заняли «позиции прошлого года. Все победоносное прошлое продвижение немцев к Парижу приведено к нулю. Гинденбург отброшен от Парижа, и безусловно навсегда.»

Но самые громкие победы у нас в «совдепии» в войне пролетариата с буржуазией. Теперь в редком доме нет «вселения и выселения», то было бессистемно, теперь жилищные комиссии производят это по всем правилам искусства: разбили квартирующих на 6 категорий, подразделенных на параграфы, причем 6-я категория, литер В имеет в виду «буржуа, ликвидировавших свои дела и живущих спрятанными капиталами, или имеющих собственность: фабрики, заводы, дома, торговли и пр. У них отбирается *все*, и выдается только "походный паек": пара белья, подушка, одеяло, т. е. то, что полагается красноармейцу, уезжающему на фронт».

26-го августа, кажется, исполнилось 1.500 дней всесветного кровопролития, голода и сумятицы. И за прошествием стольких дней не видно еще конца-краю Божьему наказанию. По делам нам, многогрешным!

31 авг./13 сентября. И Симбирск взят советскими войсками. В чем же дело? Чехословаки ослабли или красноармейцы очень окрепли? Такие события дают возможность советским дипломатам «чихать на всех». 5 сент. н. ст. представители нейтральных держав в Питере обратились в Комиссариат иностранных дел с нотой, в которой говорят, что, не намереваясь «вмешиваться в борьбу политических партий, раздирающую Россию, и становясь лишь на гуманитарную точку зрения», они, от имени своих правительств, выражают «глубокое возмущение против режима террора, установленного в Петрограде, Москве и других городах. С единственной целью утолить ненависть против целого класса граждан, без мандатов какой бы то ни было власти, многочисленные вооруженные люди проникают днем и ночью в частные дома, расхищают и грабят, арестуют и уводят в тюрьму сотни несчастных, абсолютно чуждых политической борьбе,

единственным преступлением которых является принадлежность к буржуазному классу, уничтожение которого руководители коммунизма проповедовали в своих газетах и речах. Безутешным семействам нет возможности получить какую бы то ни было справку относительно нахождения родных. Отказывают в свидании с заключенными и в доставлении им необходимой пищи. Подобные насильственные акты непонятны со стороны людей, провозглашающих стремление осчастливить человечество, вызывают негодование цивилизованного мира, осведомленного теперь о событиях в Петрограде.»

Затем идет заявление о «чувстве возмущения», соответственный протест и угроза требования нейтральных держав привлечения за насилия к ответственности (кого?).

И вот наш Талейран — Г. В. Чичерин, 12-го сентября пишет «господам представителям нейтральных держав», что их нота представляет собою «акт грубого вмешательства во внутренние дела России». Дальше идут, конечно, громкие слова, навеянные Чичерину Марксом, Лениным, Троцким, — которые теперь на тысячу ладов только и слышатся, только и читаются, а потом совет «не грозить нам возмущением цивилизованного мира, который с ног до головы залит кровью рабочих, а бояться гнева народных масс всего мира, которые поднимаются против "цивилизации", приведшей человечество к состоянию безысходной бойни». Дальше Чичерин уверяет нейтральных послов, что «в России насилия употребляются только во имя святых интересов освобождения народных масс», и все заканчивает отклонением вмешательства «нейтральных капиталистических держав в пользу русской буржуазии», и что всякая поддержка таковой будет рассматриваться как попытка «поддержки русской контрреволюции».

Калоши резиновые по карточкам 26 р. 50 к., а на Сухаревке 85 р. Вообще, «Сухаревка» выручает… там можно и конины купить по 12 р. за ф., и $^1/_4$ ф. скверного табака за 25 р. (т. е. 100 р. фунт), старые брюки за 50 р., поношенные валенки за 75 р., и т. д.

Советские «Известия» иногда выходят на трех громадных листах. Чтение их дело нелегкое (а читать необходимо: половина бумаги все декреты, приказы, распоряжения и требования), но как дойдешь до последних страниц, так и отдохнешь немного. Там подлинной жизнью пахнет, там гоголевские, чеховские и сатириконские отзвуки. Вот, например, отдел публикаций о перемене фамилий. Возьму за образец троечку таковых: некто «Пшеничный», обладатель такой вкусной, рассыпчатой фамилии, особенно оригинальной в это голодное время, не удовлетворен,

однако, такой фамилией и желает впредь носить фамилию Аристотель-Пшеничный. Какова комбинация, какова смесь «древнегреческая с древнерусским»?! Другие два — видимо, люди без вкуса: некто Гончаров хочет именоваться Куткиным, а некто Заворотищев — Егоровым. Относительно последнего, да еще приняв во внимание прежнюю фамилию, вероятно, меткую для него, можно сказать по-чеховски: «Ты хоть и седьмой, а дурак» (Ивановых, Егоровых в совдепии видимо-невидимо, а Заворотищевых, я думаю, раз-два и обчелся).

Ленину уже разрешено вставать с постели. Пули так и остались в нем. Действительно, человек из металла!

1/14 сентября. Советские войска взяли Вольск и движутся к Хвалынску.

На Уссурийский фронт отправлено 12 японских дивизий. Это по сведениям из Токио, и из тех же источников японцы якобы в Красноярске.

Идут разговоры о повышении заработной платы вдвое, а также о натурализации заработной платы, т. е. получении части ее не деньгами, а продуктами. Конечно, последняя мера рациональнее.

Из военных приказов видно, что «в Казани белогвардейцами и чехословаками захвачена была часть золота, составляющего народную собственность РС Республики».

Сентябрь и по погоде выглянул «сентябрем» — сыро и прохладно. Впрочем, такая погода уже давно, кажется, с июля месяца.

4/17 сентября. До чего все изголодались, изнемогли, похудели, постарели! Видел одного бывшего офицера, все еще не расстающегося со своими двумя борзыми породистыми собаками. Издали все трое показались мне «борзыми», такие поджарые, «остромордые». Грустно!

† Умерла пресловутая «бабушка революции» — Е. К. Брешко-Брешковская. Ну и Царство ей Небесное!

Австрия обратилась ко всем державам, воюющим и невоюющим, а также и к нашей совдепии с предложением начать мирные переговоры на нейтральной почве. «Известия» говорят, что «не подлежит никакому сомнению, что Австрия делает свое предложение с согласия Германии», и что «Советская Россия, детище мировой войны, не боится ни продолжения войны, ни заключения мира». Нужно отметить, что все передовицы, все статьи по поводу такого сенсационного предложения Австрии носят какой-то кисловатый характер: как будто большевикам

стало не по себе, чего-то испугались. Все сводится, конечно, к тому, что придет раньше, — соглашение империалистов всего мира или соединение пролетариата всего мира. И если первое опередит второе, то как бы не пришлось отложить победного торжества пролетариев над буржуями.

На вчерашнем пленарном заседании ВЦИК принят декрет — установить с 1-го сентября сего года наименьшую заработную плату взрослому, без различия пола, за рабочий день в Москве 16 р. 60 к.

† В Тифлисе убит Грузинский Католикос Кириан.

5/18 сентября. По «изящному» сообщению «Правды»: «В Уфе происходит государственное совещание, где гороховый шут правого эсерства Г. Авксентьев, один из царедворцев проклятой памяти Керенского, — держит торжественные речи об общерусской власти учредиловцев из Уфы.»

Советские войска с боем заняли Хвалынск, а на Новохоперском направлении отступают.

† Расстрелы по постановлениям «чрезвычалок» все усиливаются: в одном ничтожном Курмыше расстреляно 658 человек.

Казаки было овладели Владикавказом, но советские войска при поддержке *ингушей* опять завладели им.

Учреждается знак отличия за особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности коммунистов и называется орденом «Красного знамени». Тьфу!!!

6/19 сентября. Некто Лацис-Судрабс (вероятно, что-нибудь «правительственное») телеграфирует 18-го числа из Казани: «Казань пуста. Ни одного попа, ни монаха, ни буржуя. Некого и расстреливать.»

В Киеве 45 бывших членов Государственной Думы и Совета под председательством А. А. Бобринского составили обращение «ко всем народам мира» с протестом против красного террора большевиков и против систематического уничтожения культуры на севере, особенно в Москве и Петрограде.

Сегодня тряхнул стариной: был в бане и, как неисправимый буржуй, пользовался там сердитыми и высокомерными услугами мыльщика, брадобрея и ногтестригалы, каковое удовольствие стоило 17 р. 80 к., а в былое время все это обошлось бы не более 3-х р., и при этом ушел из бани с добрым бы приветом, а не с презрительным отношением со стороны людей, хотевших получить с меня, может быть, не 17 р., а 34.

Церковный Всероссийский Собор закончил свои занятия. В

одном из последних его заседаний Православной Церкви на Украине дана автономия.

Так теперь в моде разные переименования, что не остановились переименовать целый город (слободу) Кукарку (Пермской губ.) в город Советск. Не очень хоть складно, зато здорово!

7/20 сентября. Сегодня мне исполнилось ровно 50 лет. Хочу «на закате своей жизни» быть совсем смиренным. Жизнь окончательно пригнула мою гордыню, да с годами и с потрясениями последних лет я как будто «прозрел» и вижу теперь, что я человек недалекий, малопросвещенный и упрямый в своих религиозных и политических заблуждениях. Пора уже сознаться, что критиковать движение человеческих умов и страстей за последнее время могут люди только научно образованные или просто «мудрые», а я ни то, ни другое, и многое изложенное здесь, в этих тетрадях, поэтому является либо бахвальством, либо невежественностью. Прости, читатель! Больше не буду морочить тебя и запишу здесь обо всем только как беспристрастный летописец!

Турки Баку отбили от англичан.

† Царя Николая в Екатеринбурге торжественно отпели и отправили гроб с его останками в Омск.

Бывшего Председателя Учредительного Собрания арестовали в Самаре, как сказано в «Известиях», «по распоряжению комитета Самарской учредилки».

10/23 сентября. В 10-ти верстах от Чусовского завода Пермской губ. задержан советскими властями бывший Вел. Кн. Михаил Александрович и его адъютант.

По советским известиям, в Самаре и других «боевых» местах целые полки чехословаков и белогвардейцев отказываются выступать против советских войск.

На Тагильском, Пермском и Котласском направлениях советские войска отступили. Зато на Волге взят Сенгилей, на Каме Лаишев.

Объявлен приказ о призыве в Москве родившихся в 1898 г.

Народный комиссар по финансам Крестинский (разве не Гуковский?) в последнюю пятницу на митинге сообщил, что Россия из своего 60-миллиардного долга уплатит только 6 млрд, а 90 % совсем не уплатит. Слушатели «бурно аплодировали».

Уезжающие из Москвы должны получить разрешение, и вот за ними является такая масса, что в иных местах хвосты стоящих в очереди тянутся *на несколько верст.*

Ленин уже работает. На днях его новая статья помещена в «Правде». Упрекает советскую прессу в многоглаголании. И советует давать читающим поменьше политики и «побольше экономики».

Сколько-то итальянских войск высадилось «в одном из северных портов России».

М. Горький, относившийся к советской власти не очень дружелюбно, теперь стал уже пописывать в советских газетах и передал советскому издательству право на все свои сочинения, причем делается одним из редакторов советского издания русских и иностранных литераторов, а супруга его — М. Ф. Андреева, назначена Комиссаром Петроградских государственных театров.

† За ближайшие праздники слышал в церквах заупокойные поминовения архиепископов Варнавы, Гермогена и Макария (Гневушина). Они расстреляны. Между прочим, был за службами, совершавшимися архимандритом Холмской епархии Смарагдом и Тифлисским и Бакинским митрополитом и Экзархом Грузии (какой «бывший» титул!) — Кириллом. И тот и другой поразили меня особенностью своего служения и красивой представительностью. Необыкновенно выразительны и сладкозвучны их возгласы, а первый — подлинный оратор какого-то западного образца, нам, москвичам, непривычного. Вообще видно, что это не простые «попы», отбывающие свою профессиональную повинность, а люди образованные и умеющие создать известное впечатление. За них не стыдно и перед католиками. Необыкновенно красивый голос и библейская внешность митрополита Кирилла навела меня на грешную мысль, — а почему же не его избрали Патриархом России?

11/24 сентября. Сообщение о кончине Брешко-Брешковской оказалось «несколько преувеличенным» — она жива; ну и слава Богу!..

В Петрограде перед Зимним дворцом вчера открыт памятник «первому русскому революционеру» А. Н. Радищеву.

12/25 сентября. На «Трубе» спрашивал цену живой, захудалой, непородистой курицы, — оказалось: 65 р. Утка таких же достоинств 75 р. Кстати осведомился об арбузе — 25 р. штука среднего размера. Подошвы кожаные к сапогам или штиблетам — самые дешевые 75 р. за пару; ржаная мука немного подешевела, но все же не менее 325 р. за пуд. Фунт зубного порошка, т. е. обыкновенного толченого мела, — 8 р. 50 к. Спички от 25 до 30 к. за коробку. Самая дешевая, самая скверная русская сигара 80 к.

шт.

Почти всех московских (бывших) «именитых» людей, т. е. бар, купцов и т. п. лиц, из особняков и больших квартир выселили, и положение их самое «енотовое» — не знают, куда «голову преклонить», куда деть имущество, у многих накопленное десятками лет, громоздкое, ценное и художественное. Лично являюсь непосредственным свидетелем разорения колоссального богатства Ратьковых-Рожновых, крупного состояния Корзинкиных и многих других знакомых. «Дворцы» пустеют, беднеют, «хижины» пополняются, богатеют. На каждом шагу пооткрывались лавочки, где продают предметы искусства, роскоши и древности. Продавцы — «буржуи», покупатели — «трудящиеся». Что же в конце концов выйдет? Хижины станут по обстановке дворцами, пролетарии буржуями, и что же тогда, начинать сначала? т. е. перекачивать произведения культуры от новых собственников к старым, теперь окончательно разоренным? Мудрая эта штука — социальный рай, и Марксу с Лениным одним всего не устроить. Нужны еще долгие годы, нужны еще для человечества всевозможные этапы и вожди. Не все еще сказано гениями и не все еще они проявлены! Впрочем, скажут ли когда лучше, спасительнее того, что однажды сказал Лев Толстой: «И нет лучшего средства делать самое плодотворное добро, как переставать делать зло.» В самом деле: какая дивная, простая программа для устроения земного рая: пусть никто нигде не делает никакого зла, и тогда само по себе останется на земле только одно доброе, и всем будет хорошо без совдепов, декретов, чрезвычалок, пулеметов и красных флагов. Миллион раз готов повторить, что горе человечеству, что Толстой, при всем своем «бессмертии», все-таки умер. Он не должен был никогда умирать, или, по крайней мере, должен бы жить это последнее десятилетие.

Чистополь на Каме взят совдепцами.

15/28 сентября. По официальным сведениям прожиточный минимум, выражавшийся в 1914 г. в 1 р. 52 к., возрос теперь до 56 р. 77 к., т. е. в 37 раз.

17/30 сентября. На днях днем, после обедни, в Москве, в Казанском соборе похищена чудотворная икона Казанской Божией Матери, причем похититель стрелял из револьвера и ранил диакона собора Владимира Разумовского (лично мне известного), хорошего человека. Преступнику удалось скрыться.

Рядом с уличными плакатами о религиозных диспутах бросается в глаза приглашение на лекцию поэта-футуриста Каменского, который 2-го октября читает в Политехническом

музее лекцию под названием «Карьера сукина сына».

Центральные державы в смятении. Французы прорвали германский фронт в Шампани. Масса пленных и военной добычи, а в Македонии союзники так разбили болгар, что те «запросили пардона» и предложили союзникам немедленно заключить с ними сепаратный мир.

20 сент./3 окт. Союзники заключили перемирие с Болгарией. Турция вдет по стопам Болгарии, т. е. тоже просит перемирия. Но в это же время германские газеты сообщают о вступлении в столицу Болгарии Софию германо-австрийских войск.

Стоят добрые осенние дни, с солнцем и позолотою зелени.

21 сент./4 окт. Взяты советскими войсками Красноуфимск и Елабуга. С 15 июля по 30 сентября союзные армии взяли у немцев 5.518 офицеров, 248.494 нижних чинов, 3.669 орудий и свыше 23.000 пулеметов.

24 сент. / 7 окт. Советские войска взяли Сызрань.

Болгарский царь Фердинанд отрекся от престола в пользу сына Бориса. Пока доподлинно не известно, что там делается, но похоже на революцию: революционеры заключили с англо-французами перемирие, а приверженцы старого порядка действуют по-прежнему, т. е. заодно с немцами. Отсюда междуусобица, как и у нас.

В «Известиях» в виде слуха сообщают, что Германия соглашается заключить мир по программе Вильсона. Там новый Канцлер и министр иностранных дел — Принц Макс Баденский.

Французы перешли за линию Гинденбурга.

28-го сентября н. ст. чехословаки взорвали ж.д. мост через Волгу у Симбирска.

25 сент./8 окт. По советским «Известиям» совдепские войска в 16-ти верстах от Самары, и два пролета знаменитого Александровского моста через Волгу в ночь с 5-го на 6-е окт. взорваны чехословаками.

В Петрограде открыли памятник немецкому социалисту Фердинанду Лассалю, а в Москве — Радищеву.

Австрия и Германия послали Вильсону телеграммы: просят мира. Это сообщено официально.

Запоздалый материал для пера Чехова: Сухоплюев и Негодяев своими фамилиями, конечно, недовольны, но не придумали себе чего-нибудь «пшеничного» и желают именоваться Ивановыми. Опять хочется сказать: «Хоть ты и седьмой, а дурак». Но вот есть

переименовщики, как видится, с мозгами: Сереков желает быть Аракчеевым, Маврин — Ландышевым, Собакин — Смирновым.

26 сент./9 окт. Самара оставлена чехословаками и занята советскими войсками. По этому поводу в совдепии ликование. Говорят, что Волга теперь открыта для транспорта на всем протяжении. Однако черная мука все еще 350 р., а белая 500–575 р. Вчера предлагали дохлого гуся за 100 р.

27 сент./10 окт. В советской вчерашней вечерней газете напечатано, что Ставрополь на Волге взят красными войсками, что Волга теперь вся очищена от «врагов *Еворлюции*».

28 сент. /11 окт. † Из Ростова н/Д телеграфируют, что скончался М. В. Алексеев. В одной «еворлюционной» газете сказано, что это «очень кстати». Репортеры «еворлюции» одно, а историки революции — другое, но последних мы не прочтем, а когда их будут читать наши дети или внуки, то они скажут старому, честному и талантливому военачальнику вечную память, что и я сейчас говорю ему ото всей души!

1/14 октября. Новый болгарский царь подписал указ о демобилизации армии. Немцы из Софии ушли. Стало быть, политической резни в Болгарии нет, — вся она теперь в перемирии с англо-франками.

Избран королем Финляндии принц Гессенский Фредерик-Карл.

Французы заняли Камбрэ, Варну и Констанцу (и англичане).

Немцы уже очищают Бельгию. Дело к концу войны или к концу Вильгельма.

Стоит великолепная погода. Тепло даже и по утрам. Нигде заморозков еще нет. Волга и Ока могут работать полным темпом, но на деле этого пока не видно. Хлеб в Москве все дорожает. А для лошадей и того хуже — нет сена даже. Сказывается недостаток соли. Вот оно до чего дошло! Папирос можно купить свободно не дешевле 20 к. шт., а захочешь покурить пятачковых — становись в хвост. Сегодня я взял да и встал. (От нечего делать.) Но простоял $^3/_4$ часа и ушел не солоно покуривши. Оказалось, что все стояли у такой лавочки, в которой не было никаких папирос.

На кладбище Покровского монастыря пасутся лошади какой-то военной части. Топчут могилы, взрывают копытами дорожки, а «пастыри» лошадей оглушают мирное убежище отошедших в жизнь иную отец и братий казарменной лагерной бранью и песнями, совсем не заупокойного характера.

2/15 октября. Купили несколько фунтов полубелой муки. Цена — 500 р. пуд. Молоко дошло до 3 р. 50 к. за кружку (1 р. 75 к. стакан). Видел виноград, цена 25 р. фунт. Сахар покупают 35 р. за фунт. Спросил на Сухаревке о цене шерстяной материи — 60 р. аршин.

Видел в церкви Святой Троицы (в Троицком около Патриаршего Подворья) за поздней обедней Виктора Михайловича Васнецова. Стоит в толпе и молится так же истово, как молились наши отцы — простые люди. И вид у этого великого иконописца не то что древний, а — «ушедший», или «уходящий». Лет тридцать тому назад еще много было таких типов. Слава Богу, они увековечены и в Третьяковской галерее, и в литературе, и так жалко, так грустно, что теперь остался один только Виктор Михайлович, как видно, любящий старомосковскую жизнь не как коллекционер или историк, а как родной ей и по душе близкий, близкий. Дай Бог ему пожить еще много лет, и да не нарушится никакими декретами его тихий теремок в Троицком и ничто не помешает его молитвенному воздыханию в этом скромном приходском храме.

Большевики заняли Бугульму и ст. Кинель.

Мирные переговоры прерваны, потому что оскорблен Раковский. Его при следовании из Киева в Москву задержали и обыскали.

«Известия» сообщали, будто в Баку турками «вырезано» 20.000 армян и рабочих и что Баку «разгромлен» ими.

Германия официально ответила, что она согласна вести мирные переговоры на основах предложения Вильсона и что уже приступила к очищению завоеванных ею территорий.

Вчера в Петрограде взбунтовалось 1.500 мобилизованных матросов. Ходили по улицам и оглашали резолюцию в духе «левоэсерском».

Закончилось дело тем, что их всех загнали в одну казарму и, конечно, сломят теперь всякое их «левоэсерство».

8/21 октября. Первый мороз. На крышах утром белелся снежок.

Кама от чехословаков очищена до самой Перми.

Идет переименование пароходов. Лучший пароход «Самолета» «Добрыня Никитич» назван «Вацетисом», меркурьевский пароход «Эрзерум» — «Лениным», и т. д.

Немецкое военное могущество окончательно сломлено. Со всех фронтов идут известия о победах союзников. Теперь Вильсон самое первейшее земное величество. Значит, завоевали два титана — Ленин и Вильсон. Чья возьмет — сказать довольно трудно, но несомненно начинается «Последний решительный бой», как поется в интернационале.

11/24 октября. Ленин начал уже выступать на заседаниях и говорить речи.

Советские войска заняли Мензелинск. Под влиянием революционных веяний германское правительство вынуждено освободить из тюрьмы немецкого Ленина Карла Либкнехта. Вчера по этому поводу по московским улицам были демонстрации с красными флагами, интернационалом, речами советских вождей и т. д.

12/25 октября. Вчера Чичерин послал президенту США Вудро Вильсону ноту громаднейшего исторического значения. Там — прямое обвинение Вильсона в поддержке нашей контрреволюции, в укрывательстве чехословаков, «награбивших в Казани часть нашего золотого запаса», там ироническое сравнение, что «наше правительство выражает волю по меньшей мере 80 % русского народа, чего нельзя, господин президент,

сказать о вашем правительстве», там уверение, что советская форма управления «будет вскоре общей формой» для всех государств. Там удивление, что требование Вильсона от Германии независимости Польши, Сербии, Бельгии, свободы для народов Австро-Венгрии не распространяются на Ирландию, Египет, Индию и Филиппины. Там пояснение, что «эта война есть результат политики всех капиталистических государств», там предложение: «чтобы союз народов положил в свою основу отказ от уплаты военных займов». Там приглашение согласиться с Чичериным, что «нельзя оставить фабрик, рудников, банков в руках частных лиц», и предложение, чтобы «в основу союза народов положена была экспроприация капиталистов всех стран», причем, Чичерин поясняет, в Америке «банки и промышленность находятся в руках такой незначительной группы капиталистов, что достаточно будет арестовать 20 главарей капиталистических клик», и т. д. К концу нота несколько игрива (чтобы не сказать худшего): «Мы, — говорит она, — не желаем воевать с Америкой даже тогда, когда вашего места не занял Евгений Дебс, которого вы теперь держите в тюрьме; не желаем воевать с Англией даже тогда, когда кабинета господина Ллойд Джорджа еще не заменил Сов. Нар. Ком. с Маклином во главе; мы отнюдь не желаем воевать с Францией даже тогда, когда капиталистическое правительство Клемансо еще не заменено в ней рабочим правительством Мергейма; точно так же, как мы заключили мир с империалистическим правительством Германии, с императором Вильгельмом во главе, к которому Вы, господин президент, относитесь не лучше, чем мы, рабоче-крестьянское и революционное правительство, — относимся к вам.» Еще дальше вопрос — что, мол, вам нужно от русского народа: концессий, жел. дор., рудников, золотых приисков, территориальных уступок, Сибири, Кавказа, Мурмана или крови и жизни русских граждан? «Имеет ли союз между правительствами Согласия характер такого объединения, которое можно было сравнить с акционерным обществом для получения дивидента с России?» Что же касается трехмиллиардного долга России Франции, то это, мол, «дань за истраченное во зло народу царским правительством». Плакали французские денежки! «Мы ожидаем, что вы с полной ясностью и определенностью изложите нам ваши требования.» Будем и «мы» ждать.

16/29 октября. Германский трон зашатался. В немецких газетах и в Рейхстаге раздаются голоса, что Вильгельму необходимо отречься. В Австро-Венгрии еще хуже: Венгрия и Чехия объявили свою независимость от короны.

«Совдепия» решила довести свою красную армию до трехмиллионного состава и уже объявила мобилизацию возрастов, родившихся в период времени с 1883 г. до 1900 г.

Москвичам объявлено, что каждый обыватель может пользоваться для своего житья площадью не больше 20 кв. аршин на человека, а для детей на каждого — 10 кв. аршин.

Советскими войсками взят Бугуруслан.

Троцкий летает по совдепии из конца в конец и, видимо, делает то же на фронтах, что делал в свое время Керенский, то есть состоит сейчас в должности «главноуговаривающего», и, надо сознаться, с лучшим успехом, чем его прототип. В последнее время дутовцы угрожали Воронежу и Царицыну, но с налетом туда «главноуговаривающего» дело изменилось в пользу советских войск.

В Белгороде скопилось много австро-германских войск, и по сему случаю Чичерин протестует, о чем опубликована соответствующая нота.

Вот и курица дошла до бывшей цены государственной ренты, т. е. до 70–75 р., а война еще не закончилась… Сахар 40 р. фунт, мясо 15 р., дрова 400 р. сажень, масло коровье 40 р., сало 35 р., спирт 300 р. бут., хлеб все еще 10 р. за ф. (печеный, черный), колбаса 30 р. ф., и т. д.

Читающий подумает: ишь ты, какой богатый! Спиртик попивает, колбаской закусывает, курочкой балуется. Черта с два! Конины пожрать не на что — и она 10 р. за ф., а я получаю 30 р. в день, и кормить нужно не одного себя, а троих. Питаемся больше картошкой да чаем без сахара. Вообще привыкаем к социальному раю.

19 окт./1 ноября. Купил 10 гр. сахарина за 65 р. (кажется, в довоенное время все это удовольствие обошлось бы в 30 коп., да тогда про сахарин говорили, что он — вещество ядовитое, а мы теперь этот яд с чайком попиваем).

В Тырнове объявлена Болгарская народная республика. Новый царь Борис отрекся.

Под заголовком «Заговор империалистов против Советской России» официально сообщается, что в Киеве происходит совещание между Красновым, украинцами, англичанами, американцами, французами и немцами о составлении единой коалиции для борьбы против большевизма и для свержения советской власти.

20 окт./2 ноября. «Известия» сообщают о взятии советскими войсками Бузулука, о занятии Могилева за очищением его

немецкими войсками и о том, что Турция уже заключила перемирие с державами Согласия.

Опубликован декрет о единовременном чрезвычайном 10-миллиардном налоге «с имущих». Получающие жалование не более 1.500 р. в месяц — от налога освобождены. Налог (вернее, контрибуция) должен быть взыскан не позднее 15 декабря и разверстан так: г. Москва — 2 млрд., г. Петроград — 1,5 млрд., Московская губ. — 1 млрд., Петроградская — 500 тыс., Самарская — 400 тыс., Курская — 380 тыс., Тамбовская — 360 тыс., Воронежская — 350 тыс., Вятская — 300 тыс., Орловская — 250, Нижегородская — 220, Казанская и Пермская по 200, Тверская, Симбирская, Рязанская, Тульская и Астраханская по 150, Смоленская — 140, Владимирская — 170, Костромская — 160, Ярославская — 120, Пензенская — 125, Витебская — 100, Псковская — 90, Могилевская — 70, Минская — 60, Калужская — 100, Вологодская — 60, Новгородская — 75 и Олонецкая — 15.

22 окт./4 ноября. Австрийский «ленин» Фридрих Адлер освобожден, а в Будапеште — форменная революция: восстали солдаты и убили графа Стефана Тису. Вчера в Москве были по поводу всего этого торжественные манифестации. В Вене будто бы тоже непокойно, и император Карл, по словам «Известий», — *бежал*.

В последние дни в Москве катастрофа с топливом: квартиры, несмотря на начавшиеся, к счастью еще очень маленькие, морозы (не более 2°), — не топят. Зябнем, простужаемся. Трамваи днем не ходят; электричество с 8 ч. утра до 5 ч. вечера на станции не дается. Вчера трамвай не действовал весь день.

23 окт./5 ноября. К. Либкнехт обратился с воззванием к рабочим и солдатам держав Согласия, в котором восхваляет русскую советскую республику и приглашает защищать ее, поднявшись «против своих властителей».

3-го ноября в Москве открыты памятники Т. Г. Шевченко, И. С. Никитину, А. В. Кольцову и французскому революционеру Робеспьеру. Собственно, это еще не памятники, а «эскизы» их. Я видел, например, памятник Шевченко: фигура, кажется, из глины, пьедестал из досок. До первой хорошей непогоды, — и он весь разрушится, без остатка от творчества Волнухина. Г. Николаевск Самарской губ. переименован в г. Пугачев.

Итальянцы захватили при отступлении австрийцев более 80.000 пленных. Союзные войска взяли Белград, таким образом, вся Сербия очищена от врага. С первого по 31 окт. союзники взяли пленных до 110.000 чел., 2.064 пушки и 14.639 пулеметов,

а с 15 июля по 1 ноября более 360.000 чел. и 6.000 пушек.

Германия подводную войну прекратила.

Донской атаман и Круг обратился к правительству Нар. Ком. со словом страшной укоризны. Поставив на вид «массовые расстрелы и убийства женщин, детей и стариков, уничтожение памятников старины и всего, напоминающего о великом государстве Российском», донцы говорят: «Руки ваши в крови, совесть ваша черна, и все злодейства, совершенные безумцами на протяжении всей мировой истории, — превзойдены вами. Боясь за свою власть и за роскошь своей жизни, когда русский народ голодает, вы уничтожили всякую свободу в свободной русской земле, опираясь на штыки латышей, китайцев и других инородцев.» Кончается это слово так: «Вы — самые позорные и отвратительные люди в мировой истории, и ненависть народов всего мира вас покарает.»

Печатая это заявление, «Известия» почему-то комментариев к нему никаких не делают.

24 окт./6 ноября. Сегодня начались празднества по случаю годовщины последней революции. В 12 ч. дня прекратились всякие занятия и начались митинги. «Известия» вышли в размере трех полных листов. Масса статей ликующего содержания. Большевики уверены в своей полной победе, — таков смысл этих статей. Со вчерашнего дня началась выдача «всем, всем, всем» (т. е. без различия категорий) как праздничного подарка — 0,5 ф. масла, 2 ф. хлеба, 0,5 ф. конфет и 2 ф. рыбы. По улицам день и ночь у продовольственных лавок нескончаемые хвосты. Красная площадь, Воскресенская, Театральная (и, вероятно, многие другие площади и улицы, на которых я еще не был) изукрашены матерчатыми ярко разрисованными громадными плакатами, самыми разнообразными лозунгами по большевистскому шаблону. Есть плакаты или щиты, исполненные, видимо, очень талантливыми художниками, но преобладают произведение футуристов или кубистов. Мазня не веселящая, а устрашающая. Все украшения (в сквере против Большого театра даже кусты, растущие там и уже лишенные листьев, раскрашены разными красками), всякие памятники, сделанные наскоро к этим дням, бесчисленные шатры, трибуны и киоски, разбросанные по всей Москве, а также флаги и прочая мишура — стоят, конечно, громадных денег, и все это, разумеется, не «доброхотное даяние» осчастливленных революцией московских обывателей, а казенная затрата. Но главное расточительство народных денег последует завтра: предположены даровые обеды всем учащимся, всем солдатам, всем рабочим и служащим советских учреждений.

Изведется продовольственных запасов сразу безумно много, а потом… настанут будни, будет не хватать того, другого еще в большей степени, и хлеб, мясо вздорожают до того, что будут многим уже совершенно недоступны. Кутнем! Но похмелье будет тяжкое.

В сегодняшнем номере «Известий» наряду, как я выше сказал, с «ликующими» статьями есть и такая штукенция, за подписью Чичерина, Ленина и Свердлова: «Обвиняя русское представительство в Германии в участии в революционном движении и обвиняя русское правительство в нежелании наказать убийц графа Мирбаха, германское правительство потребовало отъезда из Германии в 24 часа всех находящихся в Берлине русских официальных лиц и в недельный срок — русских официальных лиц, находящихся в других местах Германии.»

26 окт./8 ноября. Какая удивительная погода стоит в эти дни! Устроители празднеств могут сказать, что и природа настроилась вместе с ними по-праздничному. Вчера, например, день начался легким морозцем, но было безоблачно, и солнце, свершая свое шествие с востока на запад, так ласкало, нежило и грело Москву, что не сиделось дома. В 3 ч. дня было 15 градусов тепла. Это в Москве, поздней осенью!

Газеты ни вчера, ни сегодня не выходили, но на улицах расклеены листки новой газеты, так называемой «стенной» (издание «РОСТА»). И тамо зрим: 1. Посол Иоффе со своим штабом вынужден из Берлина выехать. Отмечено, что ему не позволили остаться там хотя бы для того, чтобы поговорить по прямому проводу с Чичериным. Таким образом, дипломатические сношения совдепии с Германией прерваны. 2. В Большом театре 6-го числа состоялось торжественное заседание 6-го съезда всероссийских депутатов. Постановлено предложить Сов. Нар. Ком. вступить в переговоры с Америкой, Англией, Францией и Японией о заключении мира. 3. Состав съезда почти сплошь коммунистический (левые эсеры и анархисты представлены незначительными анархистами). 4. † Произошло столкновение делегатского поезда, шедшего из Петрограда в Москву, с товарным. «Есть жертвы.» 5. Ленин на съезде произнес речь, в которой постарался уверить своих слушателей, что как бы ни было угрожающе для совдепии соглашение американцев с немцами, все же победа будет на стороне большевиков, ибо рабочие и солдаты Америки, Англии, Германии, Франции, Японии будут действовать заодно с русскими и против них не пойдут. 6. Тем арестованным «контрреволюционерам», которым еще не предъявлены обвинения, — объявлена амнистия.

Вечером 24-го/6-го, часов с 7-ми и до 11-ти ночи, сидя у себя в Просвирнином переулке, из окон четвертого этажа любовались грандиозным фейерверком, сожженным где-то около Кремля или в самом Кремле, а также на Сретенском бульваре. Может быть такого длинного и многофигурного сжигания огней Москва никогда и не видывала, или не видела со времен коронации Николая Второго. Чего мы не видели из своей берлоги, то дополнили воображением. Несомненно, что иллюминация была диковинная. Небо прорезывалось лучами прожекторов, наведенных на Москву с разных концов. Что говорить — зрелище эффектное!

В 10 ч. утра 25-го (7-го ноября) пошли на улицу и вернулись домой во втором часу. Прошли от Сретенских ворот по бульварной линии до Страстного монастыря, оттуда по Тверской до Красной площади, а с нее обратно по Воскресенской и Театральной площади вышли на Кузнецкий мост и далее по Большой Лубянке опять к Сретенским воротам и домой. Вот район наших наблюдений. Впрочем, на других улицах и площадях могло быть не более того, что мы видели, а вернее всего, там и смотреть было нечего. Тут же тянулись бесчисленные процессии со щитами, флагами и разными значками. Группы разных профессий и служб чередовались с воинскими частями, с оркестрами музыки. Когда она играла, шествие манифестантов проходило стройно и оживленно, а в паузах им было скучно и они казались вялыми, усталыми и недовольными. Очень заметно было, что многие пошли на этот парад не по своей охоте, а по требованию партийной дисциплины, и из боязни подозрений в «контрреволюционности». Народа или публики, которая в уличных празднествах столь же необходима, как колокольный звон во время крестных ходов, было почти мало. Чем это объяснить? Тем ли, что, может быть, большая часть населения была непосредственной участницей в нынешних шествиях, или тем, что она, эта любительница уличных происшествий, — частью разбежалась из Совдепии, частью сидит в московских тюрьмах и частью сидит себе дома и ворчит на сей «пир во время чумы»? Тверская, а в особенности ее центральная часть (около бывшего генерал-губернаторского дома), Красная, Воскресенская и Театральная площади украшены разными раскрашенными плакатами и революционными надписями очень густо и, пожалуй, оригинально, ибо кубисты довлеют в итогах таковых произведений. Между прочим, на Театральной площади сделан большой балаган из рогож, и эти рогожи раскрашены яркими фантастическими цветами. Искусство в стиле Гончаровой. Над площадями все время реют аэропланы, сбрасывая листки с

оглавлением «Что дала октябрьская революция». Так как у меня больше нет никаких личных впечатлений от сего праздника, то не поленюсь и впишу сюда самое существенное, что изложено в этих прокламациях, что тем более уместно, ибо надо по истечении года сделать вывод, что сделали большевики и чего еще не сделали. И сделаю это с их слов, ибо не знаю, что сказали бы о том же их политические противники в политической форме, которая теперь, как известно, строжайше воспрещена.

«Уничтожен навсегда дворянский класс и звания от него никакого не осталось. Уничтожено помещичье землевладение. Вся земля стала достоянием трудящихся.»

«Уничтожена прежняя власть фабрикантов и заводчиков: все почти крупные фабрики и заводы стали общенародным достоянием: рабочие через фабрично-заводские комитеты, через фабрично-контрольные комитеты проводят свой контроль над фабриками и заводами, над производством продуктов, над их распределением. Над многими фабриками и заводами проводится не только контроль, но и все управление этими фабриками передано в руки рабочих.»

«Копи и рудники, рыбные промыслы в Астрахани, железные дороги и пароходства, — все стало достоянием трудящихся.»

«Уничтожена власть банкиров, этой гнуснейшей породы человеческой, ради власти, алчности и барышей которых десятки миллионов людей истребляют друг друга.»

«Банки стали общенародным достоянием.»

«Кто теперь решает вопрос о том, какая должна быть плата, какой должен быть рабочий день? Рабочие, сами трудящиеся. Они создали огромные профессиональные союзы.»

«Фабриканты, заводчики не имеют теперь голоса в этих делах, они нам не указчики.»

«Значит, три самых крупных разбойника, что душили трудящихся, связаны теперь в Советской социалистической республике по рукам и ногам: дворянин-помещик, банкир и фабрикант. Очередь теперь за меньшими, и за них принялась уже революция. Толстые цепи разорваны, остались потоньше, — и их разорвем мы!!!»

«Шаг за шагом продвигаемся мы к тому, чтобы вся крупная торговля взята была рабоче-крестьянским правительством в руки самих трудящихся: рабочие и крестьянские кооперативы, потребительные общества — вот к кому должна перейти торговля.»

«Революция положила конец господству монастырей и духовенству вообще. Десятки тысяч тунеядцев должны приняться за труд. Кончается сытое и сладкое беспечное житье монахов и

монахинь за счет народа. Кончились монастырские и церковные имения, посредством которых держали в руках миллионы крестьян.»

«Церковь, духовенство не состоит на содержании у правительства.»

«Церковь отделена от государства.»

«Все имущество церквей и монастырей берется на учет и становится общенародным достоянием. Рождение, брак, развод, смерть, — все это может совершаться теперь без вмешательства попов, если этого хотят те, кого это касается.»

«Прежде всего создается повсюду единая трудовая школа, где бы все население могло получить самое высокое образование. Особыми декретами уничтожены те запреты, которые раньше загораживали беднякам, пролетариям, рабочим и беднейшим крестьянам дорогу к знанию, в средние и высшие учебные заведения, плата в этих школах совсем отменена, образование дается за счет государства.»

«Наука была орудием гнета над трудящимися, а теперь наука берется беднейшими классами и становится силой освобождающегося труда. Школа отделена от Церкви, школа стала свободной от тех пут, которые мешали народу узнать правду-истину.»

«Все хлебные излишки и другие продукты в деревне у богатых взяты на учет, да так распределены, чтобы у каждого было чем прокормиться до нового хлеба, да было бы чем поля засеять.»

«А чтобы легче было беднякам вести хозяйство, чтобы, наконец, начать действительно братство на земле устраивать, устроили мы по всей стране больше двух тысяч трудовых коммун.»

«Передать средства и орудия производства трудящимся, знания — трудящимся, управление страною — трудящимся, оружие — трудящимся, — вот в чем была задача, и эта задача выполняется Российской коммунистической партией честно, неуклонно.»

«Везде установлен для трудящихся восьмичасовой рабочий день, контроль рабочих над производством. Проводится социальное обеспечение, многочисленные биржи труда смягчают остроту безработицы, кассы безработных не дают погибнуть, как это было прежде, голодной смертью тем, кто не имеет работы.»

«Диктатура пролетариата — это твердая крепкая власть бедняков города и деревни над всеми эксплуататорами, богачами, кулаками. Она ведет к полному переустройству общества: кто был ничем, тот станет всем! Вон, паразиты, из дворцов, построенных руками бедноты! И дома богачей стали общенародным

достоянием. Кто не трудится, тот не ест! Не работаешь — получай по 4-й категории, т. е. четвертую часть того, что получает рабочий. И нет тебе доверия, если ты паразит: оружие в руки трудящимся, паразитам в руки — метла.»

«Мы разорвали, раскрыли грабительские тайные договоры всемирных разбойников, королей, императоров, президентов, пап и банкиров.»

«Мы отказались платить десятки миллиардов, которые занимали у ростовщиков всего мира Царь и его свора: эти миллиарды расползлись по карманам капиталистов, мы отказались платить их.»

«Очистили мы всю Волгу от разбойников, отбросили их к Уралу и гоним не переставая. Загородили дорогу на севере и гоним заморских зверей в море, очищаем Кубань и Дон от белой гвардии офицерской и паразитской.»

«Пришел час грозной расплаты в Германии и Австрии и Болгарии, там уже революция.»

«И уже трещат троны, трепещут в испуге короли, трясутся над полными сундуками капиталисты и мечутся в предсмертном страхе!»

«Нашей внешней политикой за год мы помогли и помогаем всемирному восстанию рабочего класса, мы помогаем установлению общего мира между народами.»

«Мы сохранили народное хозяйство; сберегли его от развала, но мы еще его не подняли на должную высоту. Надо исправить паровозы, вагоны, очистить дороги, пустить движение на них полным ходом, также и на водных путях. Надо пустить полным ходом все фабрики и заводы и построить тысячи новых, чтобы обогатить народ всем нужным для жизни.»

«Много уже сделано для искоренения белогвардейской силы, но еще больше остается сделать. Дон, Крым, Кубань, Северный Кавказ, Урал и Беломорье, Сибирь, — все это должно быть очищено, труженики этих областей ждут нашей помощи, и мы должны еще сильней построить нашу Красную армию, создать для нее тыл и руководителей из среды рабочих и крестьян, обеспечить семейства красноармейцев как следует, позаботиться об еще большей, крепкой дисциплине в Красной армии. В областях оккупированных, занятых немцами и Скоропадским и другими генералами, трудящиеся готовы восстать, — мы всем им должны помочь в новом великом деле.»

«Год социалистической революции! В волнах ее погибли обломки царской монархии, старого барства, дворянства; в пламени ее сгорают остатки буржуазной монархии и буржуазной республики. Среди хаоса и беспорядка разрушения мы неустанно

строили новую трудовую Россию.»

«25 октября 1917 года солнце осветило красные знамена в Москве и Петербурге, на Волге, Урале; 25 октября 1918 года еще освещает огонь и золото красных знамен в Германии и Вене, в Будапеште и Софии, Праге, Милане, в Париже, в Нью-Йорке, в Индии и Японии.»

27 окт./9 ноября. Сегодняшние «Известия» полны описанием торжеств и речами вождей коммунизма, произнесенными на торжествах и 6-м съезде, но все это вкратце мною уже внесено в сию летопись. Осталось записать, что 7-го числа открыты еще памятники Марксу, Энгельсу, «Человеческой мысли», «Мемориальная доска» на Кремлевской башне, под сенью которой похоронены жертвы прошлогоднего октябрьского восстания, и обелиск Революции на том месте, где был раньше памятник Скобелеву. При этом началось разрушение новосозданных памятников. Так например: в Александровском саду ночью с 6-го на 7-е кем-то вдребезги взорвано бетонное изображение Робеспьера.

Троцкого в Москве нет, он 7-го числа ораторствовал в Астрахани.

Советскими войсками взят штурмом Ижевский завод.

Итальянцы заняли австрийский Триест.

Высылка Иоффе разъясняется открытием в посылке, присланной на его имя из Москвы, революционной литературы на немецком языке.

29 окт./11 ноября. Если пройти по Охотному ряду от Театральной площади к Тверской по правой стороне, то левая представит теперь какой-то сказочно-игрушечный вид: маленькие деревянные палаточки, в коих торгуют съестными припасами, каждая из них своим особенным неповторяющимся рисунком так весело, цветисто и оригинально раскрашена ко дню революционной годовщины, что хочется поаплодировать тем художникам (хотя бы и футуристам), которые так искусно размазали эти палаточки. Как пряники раскрашенные! Это самое удачное украшение Москвы. Видел вчера и памятники, не чета тем, которые поставлены пока временно: это работа скульптора Меркурова — «Человеческая мысль» и памятник Ф. М. Достоевскому (на Цветном бульваре). Оба из бронзы и гранита, только пьедесталы временные, а сами статуи вполне закончены и обличают у Меркурова крупную мысль и громадный талант. «Мысль творит дело», как написано на первом памятнике.

Вчерашний день был полон слухами и разговорами о

вспыхнувшей революции в Германии. С утра уже в газетах читалось, что она разрастается, и в некоторых городах организованы советы рабочих депутатов, что германские солдаты арестовали свою мирную делегацию и повели самостоятельные мирные переговоры с французскими солдатами же, что Вильгельм отказался от престола, что принц Баденский подал в отставку… † А днем от «РОСТА» (телеграфное агентство) разбрасывались листовки, что, за отречением Вильгельма и уходом Макса Баденского, образовалось революционное правительство под председательством Эберта, и что в Киле восстали матросы и убили 400 флотских офицеров, — одним словом, началось въявь сбываться пророчество отца нашего Володимера Ильича. Вильгельм зарвался, Вильгельм проиграл, Вильгельм выпустил из своих могучих и цепких рук свою былую и будущую славу великого человека. Только за один год русский продувной смекалистый человечина — Ленин-Ульянов, так обставил «великого человека», что сделался он вмиг таким же жалким, ничтожным и ненужным, как наш бедный Николай Александрович. Вот и выходит, что действительно Ленин вождь не только русской, но и мировой революции. Все ждали (особенно во времена Керенского), что должен явиться кто-то вроде Петра Великого, Наполеона, — и вот он явился: такой невзрачный, маленький, толстенький, рыжеватенький, плешивенький, малоглазенький, а подите вот — найдите-ка по всему миру другого какого человека, который был бы наиболее препрославлен чем Ульянов-Ленин Владимир Ильич, Симбирский уроженец (родился в 1870 г.).

Дорого станет Вильгельму покровительство Ленину при возвращении его из эмиграции, горько будет вспоминать ему и о Брестском мире, и о дружбе с большевицкой властью. Думал этими путями сделаться могучее и счастливее, а вышло как раз наоборот. Я недаром говорю, что как в русской патриотической какой сказке: русский мужичок самого немца надул!

Седан взят американскими войсками. Поперечный путь, снабжающий германский фронт от Брюсселя до Меца, окончательно отрезан.

30 окт./12 ноября. Ленин, анализируя последние сведения из Германии, выразился так: «В основном, по-видимому, у немцев все-таки февраль, а не октябрь.»

Перемирие с державами Согласия новым немецким «временным» правительством заключено. Война кончается.

Вс. Ц. И. К. предписал немедленно отправить революционному пролетариату Германии 50.000 пудов хлеба.

В Киеве, Одессе, Пскове, Ковно и др. оккупированных российских городах образованы немецкие Советы Солдатских депутатов.

Берлинский дворец Вильгельма будто бы занят солдатами и рабочими, а Вильгельм, по слухам, «бежал» в Голландию.

В Новороссийске появилась союзническая эскадра, а Румынская армия соединилась с украинскими войсками. Борьба «империалистов» с «совдепистами» продолжается, или только еще начинается?

31 окт./13 ноября. Вчера в своих хождениях по Москве видел и такой плакат: «Дисциплина и труд — буржуя перетрут».

Видел и вновь открытый памятник социалисту Каляеву. На одной стороне пьедестала написано: «Уничтожил Велик. Кн. Сергея Романова». На других сторонах ничего нет. Значит, нет и других заслуг, кроме «уничтожения» (?!)…

На стене думского здания (теперь 2-го советского дома), выходящего к Иверской часовне, со времен выстройки здания висела икона. Ко дню «торжеств» ее сняли, и в той нише, в которой она помещалась, на белом каменном фоне изображено заново черными рельефными буквами *«Религия для народа — опиум».* Когда я прочитал это правительственное поучение, мне почему-то вспомнился знаменитый русский актер В. Н. Андреев-Бурлак. Не только вспомнился, а почудился, как 35 лет назад у Корша (еще в Камергерском переулке) — живой, типичный, хрипловато говорящий в «Женитьбе Белугина»: «Старуха — икону!», и в «Недоросле» в роли Цыфиркина: «Ваше благородие, завсегда без дела лаяться изволите.»

В Саксонии, Баварии и Вюртемберге короли отреклись, — везде советские республики.

† Скончался австрийский социалист Виктор Адлер.

В Швейцарии всеобщая забастовка — как ответ правительству на разрыв дипломатических сношений с Советской Россией.

Военные действия германцев с союзниками приостановлены.

Взят советскими войсками город Белебей.

1/14 ноября. Баден, Гессен-Дармштадт и Брауншвейн тоже провозгласили социалистическую республику.

Император Карл отрекся и от австрийской короны.

Все это записывается на основании «слухов», печатаемых в «Известиях». Во французских и итальянских войсках будто бы начинается тоже полное разложение: солдаты братаются с неприятелями. Целые полки бросают оружие и уходят с фронта по домам. Во французских и английских армиях образовываются

солдатские советы.

В «Известиях» же похваляются, что революция в Европе поднимает русский рубль. В Стокгольме дают за рубль 56 эр., или 1 р. 75 к. за крону, а еще несколько недель назад рубль ценился в 32 эр., т. е. свыше 3 р. за крону.

ВЦИК во вчерашнем заседании постановил «торжественно заявить народам всего мира», что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3-го марта 1918 г., лишились силы и значения и что Брест-Литовский договор (равно и дополнительное соглашение 27 авг. 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Причем все, включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуций и уступки территорий и областей, являются недействительными.

А меньшевики в Киеве вот что пишут: «Европа шла всегда впереди России, неужели она теперь поплетется за нами, повторяя все ошибки и глупости наши?» Они же приходят к выводу, что революции не делаются по призыву, что они в наши дни делаются «после поражений на фронте и знаменуют не высшее государственное творчество народа, а его бессилие, распад общественных связей, усталость».

Троцкий вчера *верхом* на коне делал парад московским войскам на Красной площади. Вот бы посмотреть на это представление Шмакову или Суворину (покойным)! Да и Керенскому, вероятно, завидно стало, что он не отваживался делать свои смотры по-царски, т. е. на коне.

† В газетах пишут, что германский Кронпринц убит революционными солдатами при его попытке переехать границу Голландии. Бедный несостоявшийся кайзер!

3/16 ноября. Германское (новое) правительство официально запрашивает Чичерина: на каком основании московский и петроградский германские консулы смещены солдатскими советами и оба интернированы, а на архив наложен арест.

С согласия «союзников» генерал Деникин назначен «главнокомандующим всеми войсковыми частями, оперирующими на территории бывшей Российской империи».

Англо-французский флот показался в Константинополе, Севастополе и Одессе.

6/19 ноября. Член Германского нового правительства Гуго Гаазе заявил русскому правительству, что за предложение муки правительство Германии «глубоко прочувствованно» благодарит и ценит эту жертву особенно, т. к. ему известно «об острой нужде,

которую терпит население в Петербурге и Москве», но «к счастью, в результате предпринятых нами у президента Вильсона шагов открылась для нас возможность получения съестных припасов из-за океана».

По «Известиям» слышно, что союзники оккупируют Австрию, немцы эвакуируют Белгород и уходят из Финляндии и что в Голландии и Дании тоже начинается революция.

7/20 ноября. Сегодня за ночь выпал снег. Днем тепловато, слякоть.

С Волги получаются известия о приостановке движения. Но она вызвана не погодой (ледостава еще нигде нет), а вообще поздним временем. Однако при частном хозяйстве работу еще продолжали бы.

Ржаную муку покупают 500 р., сахар 55 р., масло сливочное 65 р., мясо 17 р.

8/21 ноября. Совсем зимний день: 5 градусов мороза и снег с ветром.

Объявлена розничная цена на керосин по карточкам — 1 р. 27 к. за фунт.

Почти все лавки закрыты. Все — и галантерея, и часы, и обувь, и материи, и белье, и готовое платье, и меховые товары, и писчебумажный, и канцелярские принадлежности, и книги, — все национализировано или муниципализировано. После долгих дней опечатания лавок, описи их и прочих процедур, — они открываются уже под республиканской казенной вывеской — «Номер такой-то.»

Спички «по вольной цене» дошли до 1-го р. за коробку. Но изредка выдают по карточкам по одной коробке на чел. за 25 коп.

Вильсон сообщил, что если посольство Иоффе будет принято в Берлине обратно, то перемирие с немцами будет нарушено.

В Измаиле выпущено воззвание держав Согласия (Англии, Франции, Америки, Японии, Италии, Бельгии, Сербии, Греции, Румынии и «России», которую представляет там Шеднинский), что союзники «вступили на территорию России для восстановления ее из-под гнета узурпаторов большевиков», и дальше — что «германцы являются здесь, так же как и мы, не как завоеватели, а как защитники прав и порядка. В этом наши цели совпадают». В конце воззвания говорится, что «в России мы признаем только те войска, которые сражаются против большевизма».

Гражданин Шатилов пожелал именоваться «Красавцевым», о чем и опубликовано в «Известиях». Красивый, видно, мужчина!

Слышал от одного глубокомысленного «буржуя», что большевики действуют по пословице: «Опару не поставить, а блины испечь.»

13/26 ноября. Баку занят английскими войсками.

На днях я опять проходил мимо меркуровских произведений «Человеческая мысль» и «Достоевский». И на этот раз ничего гениального в них не нашел. Просто они только получше тех, наскоро слепленных памятников, которые поставлены к празднику октябрьской годовщины. «Человеческая мысль» изображает какого-то римского сенатора, изваяния которых можно встретить в музейных вестибюлях и которые имелись даже в передних московских богачей. А «Достоевский» — как взглянуть, из какой страны: не то угодник со фресок Успенского собора, не то Шейлок. Ни в той, ни в другой статуе нет главного, что требуется от памятников: нет фундаментальности и ясности образа.

А «Робеспьер»-то будто бы не взорван, а сам развалился.

Иоффе приехал в Москву, а в Берлин пока не пускают.

Французы и англичане оккупировали Константинополь и Будапешт.

Германский флот передается союзникам.

Опять Украина завозилась: повстанцы под командою Петлюры, если верить «Известиям», заняли уже Бахмач, Бердичев, Полтаву, Харьков и идут к Киеву.

14/27 ноября. Из передовицы «Правды»: «Если бы на свете существовало какое-нибудь учреждение, которое бы выдавало орден за самую крупную низость, на которую только способен человек, то, без сомнения, такой орден нужно было бы выдать президенту продажной республики доллара, мистеру Вильсону. Никогда еще самые «святые» слова не прикрывали такой грязи, такого разбоя, такой утонченной, рассчитанной заранее, измеренной и взвешенной подлости, как теперь, когда необузданная жадность американского громилы соединяется с почти религиозным словоблудием отвратительного ханжи.»

Из современных ресторанных московских счетов: закуски: икра зернистая — 45 р., паюсная — 40 р., балыка осетрового кусок — 25 р., осетрины холодной кусок — 30 р., селедка керченская — 20 р.; рассольник с телятиной — 22 р., солянка из рыбы — 40 р., солонина — 30 р., цветная капуста в масле — 25 р., яблоко печеное — 10 р., стакан кофе — 5 р., стакан чая — 1 р., бутылка ягодной воды — 12 р., квас клюквенный — 5 р. 25 к., хлебный — 4 р., полбутылки содовой — 2 р. 50 к., хлеб и сахар не

подаются, а разбавленный под водку спирт подается, но по секрету и за 140 р. полбутылки.

Французы вошли в Страсбург.

Из подслушанных житейских домашних анекдотов: доктор: «Нет ли у вас после еды отрыжки?» Пациент: «Отрыжка есть, а еды нет.»

На одних воротах Китайской стены видел вчера каменную доску, на которой высечены такие премудрые слова: «Дух разрушения есть дух созидающий».

Екатеринослав занят петлюровцами.

До чего дошло топливное обеднение Москвы: московские фабрики и заводы, получившие в 1917 г. 28 млн. каменного угля, в этом году получили его только 5 млн., и вместо 28 млн. нефти — 10 млн. Дров тоже подвозится пока что недостаточно (вагон березовых дров стоит на станции в Москве уже 2.500 рублей, а доставка его с вокзала не меньше этой же суммы).

16/29 ноября. Из «Правды» (не откуда-нибудь!): В одном уездном городке председатель местной чрезвычайки, переругиваясь со своим помощником, говорил ему: «Я-то хоть был вор железнодорожный, а ты просто карманник!»

Нарва и Остров заняты советскими войсками.

В «Известиях» под заголовком «Вакханалия выселений» отмечают, что ради идей вселения трудящихся в буржуазные квартиры жилищная комиссия «переселяет по нескольку раз всех, кто так или иначе попадает ей в руки. При этом не разбирают: под один ранжир подгоняют и буржуазию, и советских работников, ответственных и безответственных, и рабочих, и коммунистов. Переселяют, выселяют и уплотняют абсолютно всех, безо всякого разбора.»

17/30 ноября. † По сообщению Украинского телеграфного агентства (дай Бог неверному бы) в Пятигорске расстреляны Рузский, Радко-Дмитриев, Рухлов и Добровольский. Если это правда, то царство небесное убиенным! Боже мой! Какая ужасная судьба недавних героев и сильных мира сего! Думалось ли что-нибудь такое полтора года назад?!

По сообщению киевских газет, армия Петлюры потерпела поражение, сам Петлюра ранен, и в Киев прибыла армия Деникина.

18 морских военных судов под начальством английского адмирала вышли из Константинополя в Севастополь.

Из немецких источников сообщают, что правительство США решило приступить к мирным переговорам только после того, как

Россия будет объявлена под буржуазным правительством.

Декретом Совнаркома все ж.д. объявлены на военном положении.

Тихвинскую водную систему решено переименовать и назвать ее «Водной системой Ленина». Что же он, сотрудничал Петру Великому, что ли?

22 нояб./5 декабря. Какой-то экономист из «Правды» сообщает, что при Керенском бумажных денег было на 66 млрд., а теперь их выпущено до 100 млрд.

Вильсон выехал в Европу.

Донские газеты опровергают известия о расстреле Рузского и сообщают, что он сейчас во Владивостоке.

Закончилось в Верховном трибунале громкое и сложное дело по обвинению в шпионаже и контрреволюционных действиях начальника английской миссии Локкарта, французского консула Гренара, американского гражданина Каламатиано, русского бывшего штаб-офицера А. В. Фриде и десятка других русских и иностранных граждан. Локкарта и Гренара объявили «врагами трудящихся и состоящими вне закона», Каламатиано и Фриде приговорили к расстрелу, а остальных к тюремному заключению, и только немногих оправдали. Однако позднее сообщили, что постановлением ВЦИК приговор над Каламатиано и Фриде «временно отсрочен выполнением».

24 нояб./7 декабря. Если в одних случаях германские войска, «послушные приказаниям Шнейдемана и своего офицерства» (как сказано в «Известиях»), не пускают совдепцев в Северо-Западный край, то в других местах местные германские советы даже помогают в этом нашим советским войскам, и таким образом последние заняли Слуцк, Гомель, Речицу, Мозырь и Двинск.

«Таймс» признает, что большевизм будет опасен «покуда он жив», а потому зовет Англию к решительной борьбе против него.

В «Известиях» сегодня напечатана очень дельная статья Д. Рожанского, негодующая на непроизводительную сложность делопроизводства в новом государственном механизме, на излишность множества частей его, на бестолковость работ, на грязь в помещениях, где занимаются, на некультурность большинства сотрудников, и проч., и проч., и проч., но все-таки статья заканчивается предложением «для всестороннего изучения этого вопроса» создать еще *новый орган* в виде «государственного бюро нового делопроизводства».

На съезд германских солдат и рабочих в Берлине приглашена

делегация от русских советов, и она было отправилась туда в ночь с 5-го на 6-е декабря (в числе ее Радек, Бухарин, Иоффе и еще шесть большевиков), но центральный совет германского Восточного фронта заявил по радио, что он не пропустит делегатов в Германию.

Союзники постановили потребовать выдачи Кайзера с целью предания его международному суду.

Германия передала союзникам 12 млн. фунтов стерлингов золотом, полученные ею от России.

27 нояб./10 декабря. Зима установилась настоящая: реки встали, даже в Москве хорошая санная дорога, и мороз 10–15°. От этого немного и извозчики подешевели, вчера провожал доброго знакомого из Просвирина переулка до Курского вокзала: извозчик взял «только» 40 руб.

Большой популярностью пользуются заметки в «Известиях» под заголовком «Маленькие недостатки механизма». Только почему же они большей частью сообщают нам не о маленьких, а о вопиющих безобразиях «механизма»?

Вчера слышал, что ЧК, раньше в общежитии называвшаяся «чрезвычалками», теперь зовут «чрезчурками». (К глубокому моему прискорбию, там служит и сынок мой, следователь по борьбе с преступностью по должности.) Еще бы не назвать так, когда некоторые рьяные агенты этих мрачных и страшных учреждений обвиняются даже самим отделом «чрезчурки» по борьбе с преступностью по службе в настолько рьяном служении сему учреждению, что *пытают* уличенных в том или другом, подчас очень маловажном, преступлении.

Меньшевики полевели, большевики чуть-чуть поправели, и отсюда — разрешение митингов с участием меньшевиков. Вчера на съезде кооперативов выступали один за другим Ленин и Мартов. Но из этого не следует, что к Мартову, Дану и К° будет прислушиваться и Ленин. Скорее последний приберет их к своим рукам и сделает их своими единомышленниками, как сделал Горького.

Вся Левобережная Рейнская область, подобно Эльзас-Лотарингии, совершенно отрезана союзниками от остальной Германии.

Дан сказал: «В России социализм не прививается, а только навязывается.»

Румыны вступили в Трансильванию.

Адм. Колчак, действующий в Зауральском крае, получил наименование «Верховного правительства».

Москва в недоумении и смятении от страха за жизнь по

случаю строжайшего приказа снять в кратковременный срок все вывески. Их такая здесь пропасть, и такие есть громадные, так крепко прибитые к стенам, что снятие их делает путешествие по тротуарам опасным. С грохотом валятся они, исковерканные, никуда уже не годные, и обнажают стены домов с вывороченными углами, карнизами и разбитыми окнами. Вид улиц — точно после пожара, или после немецкого погрома, бывшего в 15-м году. И никто не понимает, что этим достигается. Единственно, что оправдывало бы такое распоряжение, — это использование железа в дело, но при таком массовом, поспешном и варварском сдирании вывесок — только портят и самое железо, и кирпич, и штукатурку, и окраску домов.

28 нояб./11 декабря. Артисты всех московских театров чествовали Луначарского. Южин, Немирович-Данченко, Яблочкина, Гольденвейзер, Борисов и др. говорили приветственные речи и стихи. Ермолова, Нежданова, Гельцер, Балашова и др. забавляли своим искусством. Пролетариат сторговался с искусством. Даром такие «генералы» вый своих не склонили бы пред представителем его.

Декретом кладбища и организация похорон переданы совдепам. Только религиозные обрядности совершаются за частный счет, а остальное — «по карточкам».

Германцы очищают Финляндию, и туда прибывают союзники.

В Берлине беспокойно (как у нас в 17-м году). Спартаковцы дерутся на улицах с «контрреволюционерами», и те даже попробовали арестовать исполнительный комитет советов рабочих, но Эберт и туда, и сюда, т. е. боится развития классовой войны и уговаривает «гвардейцев», не желающих, чтобы рабочие советы вмешивались в дела правления, уговаривает, чтобы дали правительству управлять страной, «сговорившись с советами».

Минск занят нашими красноармейцами. Кельн — союзниками. На нашем южном фронте говорят, что «супротивной» стороной командует там б. Вел. Князь Николай Николаевич.

В Петрограде додумались до снятия двух памятников Петру Великому («В Амстердаме» и «Спасает утопающих»).

Очень тяжело живется: получаю 915 р., сын получает 950, но этого далеко не хватает на домашнюю жизнь. Обносились, истощали, а главное — замучены анкетами, декретами, угрозами уплотнения, вселений и переселений. Жизнь до трагического «не свободна». Боишься опоздать на службу, отлучиться с нее, даже по насущным делам, и без ущерба службе уйти на минуту раньше. Приказывают *быть* если не коммунистами, то «сочувствующими»

им. То и дело устраивают собрания, митинги и т. п. Причем в повестках плетка: «Присутствие обязательно; неявившиеся будут уволены.» Домовой комитет тоже взбудоражен и, вследствие различных декретов, то и дело собирает обывателей для обсуждения, как выкручиваться из того или иного безвыходного положения. В воздухе — боязнь издохнуть от грядущих голода и холода и страх пред близким днем, когда в кармане не будет ни копейки, а на столе — требование о контрибуции, налоге или штрафе. Для многих такое положение нравственно невыносимо, и я знаю некоторых, которые жаждут одного только: поскорей бы посадили «в бутырки», а там хоть трава не расти! В сущности, и я бы не прочь, но что будет делать семья?!

29 нояб./12 декабря. Состоялось совместное заседание ИК московского совдепа, коллегии продовольственного отдела, представителей районов и важнейших рабочих организаций. На повестке дня — продовольственный вопрос. Было бурно и безотрадно, все сознают крайне тяжелое, считающееся накануне катастрофы продовольственное положение, одно учреждение винит в разрухе другое, один другому тормозит, но «ен все терпит». Масла, жиров, яиц, мяса взять уже негде, и в запасах нет. Рыбы много, но она застряла в Астрахани и Царицыне. Одна надежда — на хлеб.

Я как-то плакался, *что* починка часов, купленных за 26 рублей, обошлась мне в 40 р., но вот вчера узнал от одного «бывшего» маленького пароходчика, что его пароходишко, стоивший ему 12.000 р., новые хозяева решили ремонтировать и представили смету на ремонт в сумме 125.000 р. А ты — про свои часы!

3/16 декабря. Петлюровцы одолели Скоропадского, и он теперь не гетман. В «Известиях» сообщается, что он даже «бежал». Одесса и Николаев — тоже на стороне республиканских украинских войск. Пока что Украиной правит «Директория».

Вильсон приехал в Париж.

В Москве навалила масса снега.

Вчера вечером с приятелями зашел в какое-то подполье (в центре города), вывески никакой нет, и раньше там была кухмистерская. Но и теперь там едят и… пьют… исключительно спирт. Чтобы получить его — целая процедура: надо заплатить вперед какому-то кавказскому человеку 50 р., и он выдает талончик. С этими талончиками садимся за стол; услужающая девушка объявляет, что у них сегодня буженина и телятина. Спросили первое, потом «опытные» приятели перемигнулись, и

мы гуськом поплелись в одну каморочку, из нее в другую, дальше каким-то темным коридорчиком и затем — в еще более темную, низенькую, холодную комнату, где уже стояла толпа жаждущих обменять свои талончики на полуспиртик. Стали «в хвост», дождались своей очереди, открылось маленькое потайное окошечко, откуда высовывалась рожа виночерпия, наливавшего каждому лафитный стаканчик спиртного напитка. Потом спешили обратно, закусить своей буженины. Обстоятельства сложились так, что пришлось эту процедуру повторять четыре раза. Торговля замечательная, — я думаю, что в этой трущобе за день пропиваются десятки тыс. руб. Вот вам наше времечко! Давно ли роскошный, пышный, лукулловский «Яр» выручал за целые сутки гомерических виноизлияний 6–7 тыс. р., а теперь в грязной кухмистерской одним спиртом и буженины выручают, может быть, в 10 раз больше яровского. После этого оригинального и сверхбюджетного приключения взял и попросил дома, чтобы сбрили мою бородку, которую носил и холил не менее двух лет!

И сегодня перешел из старой «самолетской» конторы на новую должность в том же доме, но из второго в четвертый этаж, в один из отделов областного водного управления, в качестве заведующего коммерческим отделением транспортного отдела. Новая обстановка, новые сослуживцы, новое несамостоятельное положение и писание бумаг уже по новой орфографии, которая теперь обязательна в советских учреждениях. Жалование пока старое, т. е. 915 р.

Получил от своего племянника Коли письмо из Симбирска. Лежит в больнице после месячного сидения в тюрьме. Попал туда потому только, что родился в буржуазной семье и вращался в кругу торговых людей. Хоть и демократических убеждений, хоть и гол как сокол, а за якшание с бывшими толстосумами оказался в контрреволюционерах. Из «буржуев», говорит, после ухода чехов из города, почти никого не осталось. Всех беженцев (сначала в Самару, потом в Сибирь) зарегистрировано до 15.000 человек. Сейчас там (т. е. с 18 ноября, не знаю какого стиля) ржаная мука 100 р., мясо 5 р., молоко 5 р. крынка, масло коровье 30 р., махорка 48 р. фунт, спички 3 р. кор. † В своем невеселом письме сообщает мне о трагической кончине моего старинного знакомого, по природе и душе человека хорошего, — Владимира Сергеевича Пирогова (царство ему небесное и прости ему Господи). В бытность чехов он в пьяном виде застрелил свою жену, сидел в тюрьме, а по приходе красноармейцев был оправдан ими как женоубийца, зато потом узнано было, что покойная жена отговаривала его от поступления в «Народную

армию» (должно быть, «белогвардейцы»), и тогда милостивые судьи забрали его по этому последнему поводу и на этот раз расстреляли.

5/18 декабря. Дороговизна жизни становится день ото дня непомернее: мясо коровье 23 р. ф., конина 12 р., коробка спичек 2 р., картофель 4 р. ф., масло коровье 75 р. ф., сахар 70 р., чай до 100 р. ф., колбаса и сосиски 38 р. ф., молоко 4 р. чайный стакан, гусь 100 р. шт., да есть еще такая штука, что цены-то на то и другое есть, и у других деньги имеются, — а самих продуктов еще поискать надо, и не всякий их найдет. Нужно или ехать куда, или ночь выстоять в очереди, или променять на что.

Одним словом, положение такое, что пришлось заведомо покупать и есть конину, к чему не так давно было сильное отвращение.

Накануне Николина дня, который по указу нечестивейшего нашего правительства, конечно, праздноваться не будет, — был за всенощной и там до слез расчувствовался от убожества церковного. На входных дверях объявление: «Придите православные на помощь Храму Божиему. Средств нет, топить Храм нечем. Приносите с собой хотя бы по поленцу.» И действительно: несмотря на толпу молящихся и на массу горящих свечей, холодище в храме невозможный. Духовенство под облачениями в шубах, как за крестным ходом на Иордане, и, кажется, некоторые из причта в валенках. Служат, против обыкновения, торопливо, не истово. Вот оно как сказалось «отделение церкви от государства»! Нет, стало быть, средств к существованию церквей. Что толку, что предоставлено самим верующим заботиться о благосостоянии храмов и их служителей! Но не предоставлено верующим свободно посещать храмы. Вот, например, завтра, а также во многие другие праздники, особенно в двунадесятые, — в церквах едва ли соберется много молящихся: большинство (и я, многогрешный) должны идти на службу. Теперь везде введены такие листы, на которых должны являть собственные подписи, и эти листы в 10 с четвертью ч. утра относятся в президиумы фракций, которые строго следят за непришедшими на службу и карают их первые разы вычетом однодневного заработка, а потом и увольнением со службы. Так как же тут праздновать людям, для которых каждый завтрашний день сулит если не полный голод, то основательное недоедание?!

Батюшка, Никола Милостивый! Смилуйся над нами, грешными, — помоли Бога о мире всего мира и о благостоянии Святых Божиих Церквей!

7/20 декабря. Десятиградусный мороз и ветер. Очень чувствительно.

Латышскими стрелковыми полками взят Валк. Советскими — Бирск. На Украине занят Волчанск.

Опубликован акт отречения Скоропадского.

Не успел Петлюра победить, как уже сообщается о «разложении петлюровцев». Видимо, дело клонится к тому, что и на Украине будут царствовать большевики.

Опубликован декрет об упразднении деления пассажирских вагонов на классы и об установлении единого тарифа, а последний значительно увеличивается, т. е. применяться будет тариф 1-го класса, с прибавлением к нему еще 25 %.

Любители достают спирт по 400 р. за бутылку и шоколад по 125 р. фунт.

8/21 декабря. Германское правительство ассигновало 4 млрд. марок на общественные работы. Вот это дело! А у нас тратятся миллиарды не на работу, а на безработицу.

Французские войска заняли столицу Кроации — г. Загреб.

† За время войны французы потеряли убитыми 1.800.800 ч.

Англия и Америка признали в Киеве правительство Винниченко. Вот сказка про белого бычка!

В Париж приехал итальянский Король. Вместе с Вильсоном они там герои дня.

В «Известиях» едва найдешь крохотную репортерскую заметочку: «Патриарх Тихон, подвергнутый домашнему заключению, обвинен в контрреволюционной деятельности и арестован.»

9/22 декабря. Сегодня воскресенье, но из дома не выходил весь день, т. е. не был ни в церкви, ни на Сухаревке, где привык рыться в старых книгах. Помешала необыкновенная погода: с ночи, в продолжение всего дня и опять до ночи свирепствовала при десятиградусном морозе сильнейшая, давно не бывалая в Москве снежная метель. Прямо по Пушкину или по Толстому — настоящая русская старинная метель! Улицы занесены сугробами снега, — взглянешь из окна — никакой жизни, ни людей, ни лошадей, и собачьего лая не слышно.

Пишут в «Известиях», что чехи покинули Уфу.

На съезде Советов народного хозяйства оглашено, что к настоящему моменту национализировано металлодобывающих предприятий 155, металлообрабатывающих 188, топлива 28, электротехнических 26, волокнистых веществ 55, полиграфических 52 и смешанных 47, всего 1.125 предприятий

(не считая национализации торговли).

Страстная площадь переименована в «Площадь декабрьского восстания». Едва ли привьется такое длинное название (в ознаменование событий еще 1905 г.).

По данным Продовольственного отдела сейчас в Москве находится 1.556.116 чел.

Помещена какая-то приветственная телеграмма от Троцкого. Подписана так: «Предреввоенсовет Троцкий». Это будет подлинное гоголевское «Неуважай Корыто»!

Молоко 9 р. кружка, мясо говяжье 24 р. ф., ветчина 1.000 р. окорок. Но не сетуйте на меня, потомки мои, я не расточительствовал, не покупал таких продуктов, да и не на что покупать. Все прожито, завелись долги и будут, пока что, расти.

11/24 декабря. Советские войска заняли Вольмар и Юрьев.

Постановлением ВЦИК признаны независимость республик Эстляндии, Латвии и Литвы.

Ввиду аннулирования Брестского договора, украинские и грузинские граждане, проживающие в Совдепии, не признаются уже «иностранными» подданными и подчиняются законам советской республики.

И сегодня улицы загромождены снегом, навалившим третьего дня. Автомобили и трамваи двигаются с трудом. На бульварах скамейки под снегом, по линии тротуаров горы снега в высоту человеческого роста. Не видно, чтобы увозили его с улиц. Не дай Бог повториться такому снегопаду еще несколько раз, — занесет нас тогда и будем зиму жить по-медвежьи, в своих берлогах (посасывая лапу, что уже и делают некоторые граждане московские, отнесенные к 4-й категории).

Власть Латвии возглавляет «тов. Стучка», а Литвы «тов. Мицкевич-Катсукас» (так сказано в «Известиях», там же объявляется, что Украина и Грузия самостоятельными государствами не признаются Советской властью. Новое дело!).

Частные художественные собрания И. А. Морозова, И. С. Остроухова и А. В. Морозова национализированы.

15/28 декабря. В Риге забирают власть латыши и создают Советы.

Всю неделю почти, с некоторыми перемежками, бушуют вьюги, бураны и метели, судя по газетным известиям, на огромном пространстве центральной России. Из Москвы на восток нет отправления поездов по несколько дней подряд. С заносами едва справляются; пользуются законом о трудовой повинности, а потому многих москвичей 4-й категории и

безработных принудительно отправляют с лопатами по линиям жел. дор. Знаю некоторых субтильных молоденьких барышень, обутых в легкие, чуть не бальные ботинки, вынужденных подчиниться такому жестокому для них распоряжению.

Большевики оставили Пермь. Странно!

Вагон дров стоит теперь домовым комитетам 5.000 р. (одна только перевозка со станции на дворы обходится 1.500 за вагон).

Открыт клуб нашего Союза (работников водного транспорта) и назван «Клуб имени Стеньки Разина». Если уж считать *потопителя* многих волжских расшив, гусян, косных и проч. судов *строителем* Русского флота, то почему же клубу не присвоить бы имя *Степана* Разина, вместо Стеньки?

Видел сегодня счастливца, имеющего возможность кушать вареную ветчину и находящего, что еще 120 р. за ф. ее — «не очень дорого».

Мясо говяжье 26 р. ф., сыр голландский (русского, конечно, производства) 50 р. ф., орехи простые, русские (с гнильцой) 12 р. ф.

Сочинения Л. Н. Толстого, в издании его супруги, в 4-м советском книжном магазине (бывш. Вольфа) распродают по 600 р. за комплект. Купил календарь на 1919 г. формата «Крестного календаря» Гатцука, продававшегося обыкновенно за 15 коп., — купил уже за 3 р., а отрывной вместо 30 к. — за 4 р. Итак, по книжной части цены, находящиеся уже под советским контролем, достигли повышения в 10, а то и в 20 раз против цен, существовавших до революции. Зато сравнительно дешевы советские издания русских классиков: например, сочинения Салтыкова-Щедрина продаются за 2 р. 50 к. довольно объемистый томик (все сочинения поместятся в 12 томиков). За это спасибо Луначарскому!

19 дек. 1918/1 января 1919. Сегодня Новый год по новому стилю, он празднуется: занятий и торговли нет. Делать «сводку» 1918 года и «напутствие» 1919 году подожду до конца 1918 г. по старому стилю.

Из путешествий по Сухаревке узнаю, что 1 ф. сушеных грибов стоит теперь 100 р., курица 120 р., поношенное теплое пальто с барашковым воротником и вытертым беличьим мехом 3.000 р. Поношенные ботики «два рубля 75 копеек», как острит продавец, имея сказать покупателю «275 р.», одеяло стеганое, ватное 850 р. (осмотрев его, один «товарищ» сказал другому: «Почесть, хуже моего одеяло-то»), дамские ботинки поношенные 350 р., фунт свечей 30 р., неновые валенки 250 р.

Слонялся я там из-за книг, но в последний воскресный торг

их на рынке совсем не было. Или конфискованы, или продавцы книг находятся под угрозой конфискации.

Советские войска взяли Уфу, но из Бирска выбиты.

Получил письмо от бывшего своего начальника, управляющего Пароходством «Самолет», барона Н. М. Бухольц. Он вынужден оставить совсем свою службу по водному транспорту и пойти на биржу труда, с какой и получил место рядового конторщика в ведомстве социального обеспечения, на 530 р. в месяц. Вот участь «приспешников капитала»! От «капитала» ему лично ничего не перепало, а за грехи хозяев на старости лет пожалуйте отвечать, и вот вам в руки для себя и вашей семьи сума нужды и житейских забот не по возрасту и силам.

Одесса занята теперь союзниками, и там англичане выгружают уже свои танки.

22 дек. 1918/4 января 1919. Трамвай опять вздорожал: одна станция без пересадки 1 р. 20 к.

Максим Горький совсем поладил с правящею братией, его избрали в президиум Петроградского правительства вместе с Зиновьевым и Луначарским.

Я видел его не один раз в Нижнем, кажется, в 1896 г. и преимущественно в ярмарочном большом театре. Тогда он только еще входил в славу и ходил в темной матерчатой рубахе, подпоясанной ремнем. Брюки «навыпуск», волосы длинные, лицо всегда сердитое. Иногда он сидел в ложе какого-нибудь нижегородского «буржуя», в антрактах ходил с кем-нибудь по коридору партера и вполголоса разговаривал. Особенного внимания на него не обращалось в то время, разве только кто-нибудь ухмыльнется по поводу его костюма.

Вот в летопись, посвященную, собственно, величайшим войнам и революциям, вкралась страничка театральных или «литературных» воспоминаний. А отчего, кстати, и не вкраплять свои воспоминания? Быть может, они потом кого-нибудь маленько и заинтересуют? Тем более, что я был страстным театралом и за сорок лет своего тяготения к театру кое-что видел и слышал. Итак, время от времени на этих листах встретятся экскурсии в область отошедшего, и пускай у них не будет связи с главными «сюжетами» сего моего писания, но они своею наличностью приведут читателя к справедливому выводу, что и скучно же было в эти несчастные 1918-й и 1919 годы, если современник их оглянулся с тоской на свое прошлое и грустит о том, что было 40, 30, 20 или 10 лет тому назад!

Иоффе, все еще не пропускаемый в Берлин, занялся от нечего

делать писанием передовиц в «Известиях» и вот в сегодняшней называет Вудро Вильсона «величайшим из мошенников империализма».

То было затихли, а в последнее время возобновились ограбления крупных касс: например, украдено с Коломенского завода 1,5 млн. (или, как сообщено в газетах, «два пуда керенок») и с завода «Богатырь» 1 млн.

Харьков взят советскими войсками.

Чай покупают уже от 140 р. до 170 р. фунт. Купил сегодня себе шерстяную фуфайку за 200 р., все завидуют, говорят — страшно дешево. Это за вещь, стоившую в нормальное время рубля 3–4! Вообще, сегодня совсем разорился: был в парикмахерской, где меня стригли, брили и голову мыли, и это стоило мне ни много ни мало 20 р. 40 к., причем «мастеру» ничего не дал и, видимо, он на меня обиделся. Вообще, в росте цен на то, на се — прогрессия ужаснейшая: давно ли поражался ценами на мясо, на сало, а вот не угодно ли? Сегодня конина покупалась уже по 150 р. ф. и сало кониное по 50 р. ф.

Тут как-то недавно разрешили ввоз в Москву ненормированных продуктов. Все, конечно, бросились за ними, поехали на вагонных крышах, буферах во все стороны. Особенно засуетились профессиональные организации, тем более что им было обещано всякое административное содействие, значит, было основание ждать к празднику гуська, рябчика, белого хлебца и чего-нибудь эдакого, давно невиданного. Устраивались собрания, набирались деньги, избирались делегаты, напутствовались пожеланиями и чаяниями, но, кажется, ничего из этого не выйдет. И уже сегодня в Вечерних Советских известиях «честно» сообщают, что съехавшиеся в Черниговскую губернию представители около 100 организаций, включающих свыше миллиона едоков, телеграфируют, что губерния не может удовлетворить и сотой доли потребности. Такое же положение, по-видимому, и в других губерниях, т. к. в Черниговскую губернию стали прибывать делегаты из Курской и других губерний. Положение создалось такое, что представители организаций, потратив время и деньги, вынуждены вернуться с пустыми руками.

Вероятно, и сами-то голодали!

Но к чему тогда такие торжественные встречи Нового Года!? Москва полна достоверными рассказами, как разные коммунистические клубы давали своим правоверным членам за 10–20 рублей «с персоны», как говорили прежде, закуску с балыками, икрой, обеды чуть не со стерлядью, с рябчиками, с осетриной, сладким, фруктами, прохладительными напитками и

кофе со сливками, чай с шоколадом и с пирожным. Одним словом, «как встарь». Поистине был «пир во время чумы», да еще с такими небывалыми в прежнее время развлечениями, как фейерверки и пушечная пальба. Любят все-таки и «товарищи» пожить сладко!

Объявлена в Москве всеобщая обязательная повинность по очистке снега на воскресенье 23 декабря и на Рождественский сочельник, с 9 ч. утра до 5 ч. дня. Призывается все взрослое и здоровое население обоего пола в возрасте от 18 до 45 лет, причем даже «советские служащие не имеют права уклониться от работы». А так как мне уже 50 лет, то я могу лодырничать и заняться чем-нибудь легким, вроде кухонных работ, или припоминанием театральных зрелищ и встреч.

Вероятно, впервые я попал в Большой или Малый театр что-нибудь лет 45 тому назад, т. е. в 1875 г., благодаря только дружбе покойного отца с богатым вятичем-купцом Яковом Фомичем Тырышкиным, который приезжал по делам в Москву раз в год, в декабре месяце, и покупал ложу, непременно в «Императорский» театр, где находилась таковая на большое число душ. Таким образом вся наша компания человек в 10, возраста начиная лет с 40 и до младенческого (моя сестра), компания, частью только малограмотная и в большинстве своем безграмотная (моя мать, родственники наши и мы, еще дети), не считалась с афишей и попадала иногда на Итальянскую оперу или в балет, отчего только зевала там да перешептывалась между собой, обращая на себя негодующее внимание просвещенных соседей по ложе. Значит, от первых дебютов по театру у меня не ахти какие впечатления. И это я записываю как о курьезе. Надо сказать, что лет 5 подряд я был в театре, как и все мои родные, именно по одному разу в год, что зависело от редких наездов нашего добродушного угощателя. Но я уверен, что если бы он приезжал в Москву в течение года 20 раз, то столько же раз мы побывали бы в театре. Впрочем, на Пасхе и на Масляница я бывал в театрах и за счет родителя, но это было на Болотной площади или на Девичьем поле, и собственно не театры, а балаганы. Но об этом в следующий раз.

27 дек. 1918/9 января 1919. Все-таки в Сочельник и два Рождественских праздника разрешено было не заниматься и даже без вычетов заработка (предполагалось за празднование христианских праздников вычитать как за прогул). За два дня до Рождества, т. е. в воскресенье и в сочельник, однако, пришлось многим поработать с лопатами и с санями: убирали с улиц во дворы лишний снег. Работали «все кому не лень» и кто «с

совестью». Работал и я, хотя по декрету, за возрастом, от таких работ освобожден. Надо было заменить отсутствовавших.

Советские войска вступили в Ригу.

Погода значительно потеплела: от неравномерной уборки и расчистки снега, с потеплением улицы опять сделались для езды и ходьбы опасными. Точно весной, после многоснежной зимы: ухабы, раскаты, зажоры, — вообще, беспорядок!

29 дек. 1918/11 января 1919. Был на праздниках на родительских могилах в Алексеевском монастыре (в женском) и увы! и там поселены красноармейцы, со всеми своими бранными доспехами и бранными словами. Явное глумление над Христианскими обителями: неужто для женского монастыря нельзя было найти других каких постояльцев или учреждений?

Табачное дело совсем табак! По карточкам дают до обидного мало, а если купить по вольной цене, то пожалуйте 35 или 48 коп. за шт. какого-нибудь «Дюшесса», стоившего, бывало, 15 коп. за 25 шт.

Похвалились было взятием Вильны, а сегодня уже пишут, что ее взяли польские легионеры. Временных советских властителей кого расстреляли, кто сам застрелился.

† От Чичерина посыпались очередные ноты Польскому правительству о том, что делегация Российского Красного Креста, в составе 5-ти лиц, расстреляна поляками на русской границе. Надо полагать, что эти лица заподозрены были польскими властями в революционной пропаганде.

Вообще, «Известия» вчерашнего и сегодняшнего дня резко различаются между собой. То ликование, бум, красные знамена, то отступление, победы империалистов и т. д. В Берлине уличные бои Спартаковцев (немецких большевиков) закончились поражением их правительственными войсками. Значит, «Октябрь» попятился для немцев немного назад.

В районе бухты Ревеля 27 декабря произошел бой русских судов с английской эскадрой. В результате пострадали и захвачены англичанами два наших миноносца «Австроил» и «Спартак», а сам командующий совдепским флотом товарищ Раскольников взят в плен.

Антанта, как стали называть теперь компанию американцев, англичан и французов, видно, шутить с нами не намерена.

31 дек. 1918/13 января 1919. Распределяли чрезвычайный налог на квартирантов нашего дома. Приказано собрать с нас, т. е. с 80-ти обитателей этого дома, 222.800 р., причем предупредили, что те «трудящиеся», которые получают заработка

менее 1.500 р. в мес., которые не имеют деньгами или ценностями более 5.000 р., — налогу не подлежат. Следовательно, большинство нас от раскладки такой громадной суммы освобождено, но где же все-таки взять ее, когда власть приказывает всю наложенную сумму распределить «без остатка»? Пришлось показать его на «мертвых душ», т. е. на бывшего домовладельца, живущего где-то в Кирсанове и, может быть, окончательно уже разоренного местными совдепами и ЧК, ни много ни мало — 133 тыс., затем указали на одного еврея, недели две тому назад уехавшего в Варшаву, — 50.000 р. и на чеха, также уехавшего из Москвы, — 20.000 р. Решили заочно, что они занимались спекуляцией и в состоянии будут справиться с такими обложениями. Только как будут получать с них эти суммы? На наличных жильцов дома наложили всего лишь 19.800 р. (нашлись все-таки две «живых души», особенно не споривших с таким обкладом). Вероятно, наше распределение будет опротестовано, как и во многих других домах. Видимо, 10 млрд. не собрать. В газетах пишут, что этот налог вызывает уже массу неприятностей; крестьянство, например, восстает против него всеми имеющимися у него *физическими* силами.

Нейдет дело и с всеобщей трудовой повинностью насчет очищения Москвы от снега. Приятно ли, кому ни на есть, в праздник, в день отдыха заниматься такой тяжелой работой? По этому поводу понедельническая «Газета печатников» (с уклоном от советских известий вправо) шутит так: «Предлагаем снег в городах и на линиях железных дорог принять на учет: установлено, что все товары, принятые *на учет, немедленно тают.»*

Окончился «старый» 1918 год. Новый «старый» год официально, конечно, не празднуется, все присутствия и торговли будут открыты по-будничному, а Церковь справляет новолетие по-прежнему, т. е. 14-го января нового стиля. Правоверные «буржуи» тоже старообрядствуют, и весь сегодняшний день с тоскою вспоминали как *бывало* встречался новый год, и многие из них еще справят его «по-старому» в полном смысле этого слова, т. е. с хорошей выпивкой и обильной закуской. Лично я, со своей семьей, ничем не отличил сегодняшнего дня от вчерашнего и от завтрашнего. «Керенок» не только лишних, но и вообще «собственных» давно уже не имею, несмотря на всю скудость жизни (пища: конина, черный хлеб и картофель; выпивка: чай с сахаром вприкуску). Но, вероятно, минувший год, если доживу до будущего 1920 года, будет позднее вспоминаться очень сносным годом, потому что нет ни с какой стороны надежд на улучшение жизни для нас, для всех, всех…

Когда-то на этих страницах, или в письмах на войну сыну, я говорил, что самый значительный, самый разнесчастный или самый счастливый год будет 1917, а на деле ни он, ни 1918 таковым еще не были. Может быть, и 1919 будет годом в общем страшно неприятным, но не проклятым по своему трагизму. Дай Боже, хоть так! На хорошее безусловно нельзя рассчитывать: теперь видно, что эта заварившаяся с 1914 года каша не сварится еще много лет. Сколь значителен всевозможными кровавыми событиями истекший 1918 год, но о нем едва ли отметят в хронологии издания 1940 года, хотя бы так же кратко, как в хронологии 1848 года отмечен 550-й год от Рождества Христова: «Открытие свойства шпанских мух». Что, собственно, отмечать в 1918 году: революции? войны? новые республики? декреты? — но их так много, как шпанских мух, и они будут еще сыпаться на нас, сирых, убогих, Богом забытых (или, вернее, забывших Бога), и в 1919 году, как из рога изобилия.

В семье моей конец года все же ознаменовался Божиею милостию, за что я благодарю Создателя всей душой: сын мой, хотя и честный служака на советской службе, но был с сентября месяца в качестве следователя всероссийской Чрезвычайной комиссии, и это меня очень угнетало. Боялся, что он кого обидит и что его обидят, но, слава Богу, все обошлось благополучно; видно, что был он судьею милостивым и справедливым, и вот вчера или сегодня уволен с этой службы. Стало как-то легче… На этой каторжной службе его здоровье очень пошатнулось. Надо отдохнуть, поправиться и устроиться на службе более подходящей к его мирной, незлобивой и безобидной личности.

Итак, начнем с Божиею помощью 1919 год! Да будет всем лучше!

Девятнадцатый год

Нет, стыдно нам слабеть теперь душою,
На нас теперь священный долг лежит;
Недаром Бог судил нам в дни такие жить!
Ведет последний бой, бой насмерть, свет со тьмою!
Почтим же жребий наш; исправимся — пора!
Пойдем вперед, а отступать забудем.
Для преуспеянья и мысли, и добра,
Всем, всем пожертвуем — рассчитывать не будем,
Любовью, радостью и жизнию самой…

Виктор Гюго

2/15 января. Союзные войска вступили в Тифлис.

Французский журнал «Пур-Ту» сообщает, что в мировую войну было мобилизовано 100 млн. человек, † Число погибших достигает 14 млн. и превосходит число умерших в обыкновенное время в 30 раз. На долю европейцев приходится 13 млн. жертв, не считая граждан, погибших на поле брани, умерших от поранений, нанесенных снарядами, и от болезней. Таких жертв насчитывается около 600 тыс. Раненых — 25 млн., из них 8 млн. — полные инвалиды. Благодаря уменьшению рождаемости население на всем земном шаре уменьшилось по крайней мере на 14 млн. В общем, следует считать, что потери людьми равны 32 млн. Всем участвующим в мировой войне она обошлась в 700 млрд.

5/18 января. Ужасные пошли строгости во всех советских учреждениях, в железнодорожных, например, за опоздание на службу в 15 минут арестовывают с 4 до 9 вечера, а за большее — до утра следующего дня. Кроме того, на провинившихся накладывают еще наказания в виде принудительных работ по очистке снега, уборке помещений и т. д. Никакие причины

опоздания в уважение не принимаются, а их ли теперь нет! — на днях началось выключение электрического освещения в квартирах на время с 11 ч. вечера до 5 ч. дня следующего дня, и вот, чтобы поспеть на службу к 10 ч. 10 минутам, — надо всем вставать не позднее 8 час. утра, а в этот момент еще так темно, что «вставания» многим произвести прямо невозможно за темнотой, ибо ни керосина, ни свеч ни у кого почти нет. В нашем «водном» ведомстве не лучше. В «карцер» пока не сажали, но многих уже за 2–3 случая опозданий уволили.

Затем насилуют этими самыми митингами, фракционными собраниями, и все с предупреждением «присутствие обязательно»… Бежишь домой, целый день не евший, а хвать — выходные двери на запоре, и у них строгая охраняющая выход личность, возвращающая нашего брата в какую-нибудь большую комнату, а там 2–3 наших начальника из коммунистов один за другим упражняются в рассказывании того, что мы читаем без передышки в советских известиях целых пятнадцать месяцев и что, собственно, у нас уже в зубах завязло. Вообще, делается день ото дня все «слободнее»…

Население Петрограда уменьшилось за прошедший год на 300.000 человек. Разбежались от безработицы и голодовки.

Маханина все дорожает: вчера покупали уже по 16 р. Хороша и картошка: 5 р. фунт. Молоко 10 р. кружка. Мука ржаная 650–700 р. пуд. Хлеб черный 15–16 р. фунт.

Немецкие «белогвардейцы» шутить не любят. Спартаковцы разбиты, власть в Берлине наводит реакцию с очень сильным загибом вправо.

† Главари немецкого большевизма Карл Либкнехт и Роза Люксембург были арестованы, а потом убиты толпою демонстрантов, вырвавших их из рук правосудия (как принято говорить с точки зрения существующей власти) и учинивших этот прискорбный самосуд. По другим версиям, Либкнехт и Люксембург застрелены конвоем при попытке к бегству.

Вследствие этого события, вместо праздника Крещения, завтра готовятся обычные в таких случаях демонстрации с «обязательным» участием «всех, всех, всех» трудящихся, с флагами, похоронными и революционными песнями.

О продовольственном вопросе сам Ленин заговорил с тревогой. За вторую половину 18-го года было заготовлено хлеба 67,5 млн. пудов, но из них не вывезено и двадцати миллионов. Запасы для Питера стоят до сих пор на Волго-Бугульминской ж. д., их оттуда *невозможно* вывезти. «Изношенность подвижного состава ужасная. Положение транспорта отчаянное.» И вот новый лозунг Ленина: «Все на продовольствие и на транспорт»… Видно,

и сам стал недоедать, как и большинство его поневоле-подданных.

6/19 января. Надо было побывать в Покровском монастыре. По праздникам трамваи теперь не работают, значит пришлось совершить пешее хождение; туда час и пять минут, а оттуда час и двадцать минут. Шел, между прочим, одним из переулков Рогожского района, свеженазванным в последнее время «Товарищеским», несмотря на это, там на двух грандиозных домах все еще сверкают золотом такие контрреволюционные вывески: «Гимназия ведомства учреждений Императрицы Марии» и «Училище имени Князя Щербатова». Товарищи из «Товарищеского» переулка не видят, значит, что у них под носом.

Плутая по этим новоназванным переулкам, не так давно и с древних времен называвшихся какими-нибудь «Хивами» или «Полуямками», думалось и о старом, и о новом, вспоминались отшедшие от мира сего родные и друзья, на душе были и скорбь и ропот. Молитва и грех. Да, да! молитва и грех: вслед за мысленным поминовением тех усопших, могилы коих в Покровском монастыре, помыслы перескочили на жизнь сих дней, на надвигающуюся нужду, и так захотелось тут же в пути найти сверточек фунта в три… керенок, и оставить их у себя, не предъявляя в Комиссариат. Вот ведь грехи какие!

Дорогой встретились две-три процессии с красными флагами, возвращавшиеся с бывшей Скобелевской площади. Внушительного ничего не было. Видно, что ходили по приказанию. А ведь бывало, чуть не вся Москва шла в этот день к Кремлю, к Москве-реке на Крестный ход — «на Иордань». Были и сегодня по Москве крестные ходы, но само собой уж не в таком составе. Много, много нашего брата «страха ради иудейска» пошло сегодня не в церковь, а на гражданское поминовение Либкнехта и Розы Люксембург.

На «Трубе» продавали сегодня гусей по 450 р. за штуку и кур по 150 р.

8/21 января. Украинскими советскими войсками, после 16-часового боя, взята Полтава.

Советские войска продвигаются к Оренбургу, очищен ими от красновцев железнодорожный участок Лиски-Поворино, но красновцы около Царицына и обстреливают его, а на севере красноармейцы «оставили» Нарву.

В Париже состоялось, наконец, открытие мирной конференции, председателем коей избран Клемансо.

Демонстрация протеста по поводу убийства Либкнехта и

Люксембург, по-видимому, не удалась: даже в советских известиях нет намеков на грандиозность процессий, а очевидцы, т. е. мои же товарищи, участвовавшие в шествии работников водного транспорта, говорят, что им было даже «неловко», потому что рабочих почти не было, и пришли на Скобелевскую площадь будто бы только одни «водные» да «чрезвычайки». Правда, много было солдатских групп, но это не в счет. Где-где, а там-то сумеют заставить!..

9/22 января. Сегодня приказано праздновать. Поминают пионеров русской революции, выступивших в Петрограде 9 янв. 1905 г. под предводительством священника Гапона. Все закрыто. Десятиградусный мороз.

Вчера на пленарном заседании Московского совдепа оглашены «маленькие недостатки механизма». так например: запасы истощились для пшеницы и ржи до 77 вагонов, муки ржаной до 30 вагонов. Что касается масла, овощей, жиров и т. д., то здесь констатировано, что «дело безнадежно». Рыба заготовлена, и «остается ее только перевезти», но ее разбросано от Астрахани до Нижнего, в нескольких местах, *18 млн. пудов.* Масса картофеля, вследствие забития им Московского железнодорожного узла, заражена мокрым грибком, и «картофель пропал». В советской России, по признанию представителя Комиссариата продовольствия т. Свидерского, «такого изобилия, даже главного продукта питания, хлеба, не имеется. Для покрытия всей потребности населения не хватает 40 млн. пудов хлеба… Все заготовки, идущие из Самарской губ., остаются в пределах ее, вследствие того, что разрушен мост через Волгу… Общая потребность в мясе советской России 935.000 п., а общее количество мяса, которым советская Россия располагает в тех пределах, какие существуют, определяется в 885.000 п., и, таким образом, потребность населения при таких условиях остается почти неудовлетворенной, так как все мясные запасы потребляются красной армией, и даже она полного пайка получать не может… Что касается масла, то у нас в советской России его нет…» Все надежды поправить дело на товарообмен, но и товаров у нас меньше, чем нужно. Общее количество мануфактуры, взятой на учет, вместе с той мануфактурой, которая может выразиться в 1919 году приблизительно в 800 млн. аршин разных тканей, и если исчислять население совдепии в 80 млн., то на человека придется всего только 10 аршин тканей. Калош будет выпущено не более 12,5 млн. пар, и это означает, что в городах, пожалуй, придется на человека одна пара, а в деревнях одна пара на 8 человек… Керосина в запасе у нас не

более 900.000 пудов, т. е. им можно удовлетворить только $^1/_5$ потребности. Махорки осталось *на действительных курильщиков* не более $^8/_{10}$ фунта на человека *в год.* Спичек $^1/_2$ коробки на душу населения. Соли 15 ф. на человека (тоже в год). Сельскохозяйственных орудий «у нас почти нет». Несмотря на все это, правительство не намерено изменить продовольственной политики, так как считает, что «стоит только открыть свободную торговлю, положение имущего класса изменится к лучшему, но сторицей ухудшится положение неимущего класса».

11/24 января. Ленин, Троцкий и их единомышленники из чужестранцев обратились к большевикам всего мира с призывом созвать «первый конгресс нового революционного интернационала».

Советскими войсками взят Оренбург.

Украинские советские войска отбили у петлюровцев Конотоп и Бахмач.

Комиссар путей сообщения Невский поведал, что из 270 тыс. вагонов в советской России годных вагонов не более 170 тыс., а из 20.000 паровозов осталось мало-мальски пригодных 9.000, причем из них «здоровых» только половина. Невский отметил при этом, что хотя с советскими завоеваниями линия железных дорог увеличивается, а количество паровозов все же не прибавляется.

Сегодня в 9 ч. утра 13° мороза, и днем не потеплело.

12/25 января. С утра мороза 16°.

В «Известиях» на первом месте приказ Ленина ВЧК: «Ввиду того, что налеты бандитов в Москве все более учащаются, и каждый день бандиты отбивают по нескольку автомобилей, производят грабежи и убивают милиционеров, предписывается принять ВЧК самые срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами.» Комментария к этому приказу, конечно, не требуется.

Из Вильны телеграфируют, что на основании решения Р.-к. правительства Литвы все ЧК на территории Литвы упраздняются. Для латышей это очень типично, они так рьяно служат в русских ЧК, а своих таковых иметь не желают.

Французское радио передает нам декларацию союзных держав. В ней говорится, что по предложению Вильсона решено оказать помощь русскому народу, но отнюдь не создавать ему препятствий или вторгаться в его право устраивать свои дела по собственному усмотрению. В декларации высказывается далее, что «бедствия и отчаяние русских будут с каждым днем усугубляться, что голод и всевозможные лишения будут

чувствоваться все острее и острее и что устранить эти недочеты станет все невозможнее, если не восстановится в России порядок и если труд, торговля и транспорт не будут поставлены снова в нормальные условия». Союзники заявляют, что они не хотят вмешиваться в наши дела и не намерены эксплуатировать Россию, а также «без малейшей оговорки признают революцию», и не окажут поддержки никаким контрреволюционным попыткам. Они подчеркивают, что «мир невозможен в Европе и во вселенной в том случае, если его не будет в России», а потому приглашают «все организованные группы, осуществляющие фактически или стремящиеся к осуществлению политического господства или военного контроля, где бы эти группы ни находились: будь то в Сибири или в пределах Европейской России, какою она была в период, предшествовавший закончившейся теперь войне, за исключением Финляндии и Польши, прислать своих представителей, не больше трех от каждой группы, для предварительных переговоров на Принцевы острова в Мраморном море, где они будут приняты представителями держав». При этом союзники требуют, чтобы между всеми приглашенными группами было заключено перемирие. Прибытие представителей ожидается на Принцевых островах к 15-му февраля сего года.

Теперь Чичерин мозгами шевелит или в носу ковыряет. Надо ведь ноту сочинять теперь «по нотам», а не с точки зрения наплевать или начхать.

Поляки заняли Белосток.

Советские войска «после упорного боя» заняли Уральск.

15/28 января. На Сухаревском рынке торговля житейскими продуктами в прошлое воскресенье шла по вольным ценам совсем открыто. Свинину продавали по 50 р. за ф., зайца 110 р. за шт., рябчиков по 40 р. штука, а не пара, как бывало, — за 60 коп. Гусей продают по 400–450 р., конину («конек-с», как именовал ее любезный продавец) 15 р. ф.

Украинскими советскими войсками взят Екатеринослав, «нашими советскими» — Шенкурск.

Морозы — 16°.

Сегодня вечером сынок мой вместе с нашим квартирантом, тоже бывшим офицером, а в последнее время — главным бухгалтером московского Областного управления водного транспорта — Николаем Николаевичем Верзиным отправились на фронт Красной армии, нести службу в штабе какой-то «особой» армии Южного фронта. Поехали по направлению к Харькову. Как доедут, что будут делать, как Господь даст вернуться, — не ведаю, конечно, и чувствую себя нерадостно. Не заметил и с их

стороны молодого, здорового стремления к новым историческим приключениям. А впрочем, на все воля Божия: «События должны идти, творя свой суд, придут, уйдут.»… «Весь мир гостиница, Дживан! А люди — зыбкий караван!»

18/31 января. Утром мороза 10°. Днем подогревало солнце. Ночи стоят звездные. Вообще, погода ясная, зима крепкая, и оттого в квартирах и в присутствиях холодище неимоверный. У нас дома тепла 7–8 гр., и это еще благодать: слышу от многих знакомых о тепле в 1–4 гр. В «присутствиях»-то к такой температуре совсем привыкли: шуб и калош не снимают, большинство ходит в валенках, фуфайках и шапках.

С сегодняшнего утра, согласно мандата московского Областного управления, являюсь «Временно исполняющим обязанности Помощника Начальника порта по заведованию объединенной конторой». Это значит что-то вроде управляющего общей конторой всех бывших московских пароходных агентств. Не прошло года, а уж приходится воссесть за пятый стол, — двигаюсь! Двигаюсь сверху вниз, снизу вверх: то попадаю в подчиненные к своим бывшим подчиненным, то они становятся в подчиненное мне состояние. Так теперь все это переменчиво и путано, что и внимания не обращаешь на всякие такие передвижения и следишь только, чтобы значиться в каком-нибудь списке для получения жалования, и куда бы лучше быть теперь рядовым работником, нежели каким-то «временным помощником временного начальника».

Пишут, что под напором украинских войск польские отряды покинули Владимир-Волынский, что на южном фронте нашими советскими войсками занята станция Кантемировка, что украинскими советскими войсками заняты Нежин, Ромны, Носовка, и очень жесткое и неприятное телеграфируют из Петербурга: † «По постановлению ЧК расстреляны бывшие Великие Князья Романовы: Павел Александрович, Николай Михайлович, Дмитрий Константинович и Георгий Михайлович». Само собой, они не могли не быть контрреволюционерами, но как люди пользовались доброй славой, оттого при царе и не играли правительственных ролей: вероятно, были в оппозиции с самодержавием. Что же касается Николая Михайловича, этого ученого и беспристрастного историка, и искреннего друга литературы, покровителя искусств, то кажется чудовищным даже, как это Горький и Луначарский допустили казнь над таким просвещеннейшим и благородным человеком?! Вечная им память! Павел — сын Александра Второго, Николай, Дмитрий и Георгий — внуки Николая Первого. Несчастные эти монархи — род

Романовых: сколько крови от них и на них. Прости их Господи! — а оставшихся в живых их потомков спаси и сохрани!

24 янв./6 февраля. В «Известиях» напечатана перехваченная телеграмма Краснова полковнику Савареву: «В конце января авангард английской пехоты прибывает в мое распоряжение и будет двинут мною на Северный фронт. Четыре французские дивизии прибыли в Одессу, Севастополь, Херсон и Николаев. Затем высылаются еще дивизии, которые пойдут добровольческой армией к Харькову, Курску и Москве.» Не утка ли это, и не провокаторство ли? Как связать такое сведение с заявлением союзников, что они не сделают военного вмешательства во внутренние дела русских? Там же: «Шейдемановские войска вступают в Бремен для расправы с красными.»

В Москве свирепствует сыпной тиф: за неделю с 19 по 25 янв. зарегистрировано 1.583 таких заболевания. Еще одолевает сап, оспа. Больницы переполнены, не только коек — полок не хватает для размещения несчастных.

В сегодняшней меньшевистской газете «Всегда Вперед» Мартов вопиет: «Теперь и этого мирного исследователя истории, одного из немногих Романовых (т. е. Николая Михайловича), застрелили как собаку. Стыдно!»

Телеграмма «РОСТА» из Нежина 5-го февраля: «Украинской советской дивизией взят Киев».

Зачем говорить, что я получаю теперь в месяц со службы 915 р., когда можно перевести на современный экономический язык: «Получаю в день по полторы селедки» (из расчета сухаревской стоимости астраханской полуиспорченной селедки 20 р.).

В последние дни занимаю на службе представительный кабинет, подписываю по-своему «важные» бумаги, делаю приемы, имею тут же секретаря и машинистку. И они, и я обуты в валенки, одеты в рваных фуфайках, в старых, давно не чищенных костюмах, и вдобавок к этой пышной обстановке нашего управления — я курю в кабинете махорку из трубки, а секретарь из «цыгарки». Это ли не демократично?

Кабинет наполнен массой старых бумаг бывшего Восточного о-ва. Разбираясь в них, для ликвидации национализированных пароходств, открыл вот какую бумагу из правления Восточного о-ва: (№ 6134/1628 от 27 апреля 1911 года) «Управляющему Московской конторой А. Е. Шевченко. Предъявитель сего, Симон Васильевич Петлюра, командируется правлением для исполнения обязанностей бухгалтера Московской конторы. Благоволите распорядиться о передаче г. Петлюре вверенного ему дела.»

Подписали: А. Крыжановский и И. Лукашин.

А сегодня, 24 янв. 1919 г. чтим: «Петлюровская директория и министерства бежали из Киева в Винницу». Так бы и сидел в Москве на бухгалтерском месте, может быть, был бы сейчас «вр.и.о. помощника москворецкого порта», вместо меня, бесталанного!

Виндава взята латышскими советскими войсками.

23 апр./6 мая. Обрати, читатель, внимание на предшествующую запись: она помечена 6 февр. н/ст и 24 янв. ст/ст, т. е. была сделана 13 недель тому назад (3 месяца или четверть года), и эти четверть года я был прикован к постели, да и сейчас не могу выходить из комнат, и Бог знает, когда выйду, т. е. вполне выздоровлю. 24 янв./6 февр. я писал уже больным, пока не зная, что у меня 40-градусная температура и тяжкая болезнь: крупозное воспаление легких.

Однако рука моя тогда дрогнула, и я уже не имел силы записать, что в тот день в газете «Известия» напечатано предложение Чичерина правительствам Англии, Франции, Италии, Японии и Америки на готовность начать мирные переговоры, причем советское правительство идет на уступки по вопросам о русских займах — на согласие платить проценты по ним и предоставить подданным держав Согласия концессии на горные, лесные и иные российские богатства. Оканчивается предложение сообщением, что совдепия взяла Шенкурск, Уфу, Стерлитамак, Белебей, Оренбург, Уральск, Поворино, Апексиково, Урюпино, Калаг, Харьков, Екатеринослав, Полтаву, Кременчуг, Чернигов и что к советским войскам Белоруссии, Литвы и Латвии перешли Минск, Вильно, Рига, Двинск, Виндава и др. города. И вот прошло, как выше сказано, четверть года, а на эту ноту ответа от держав Согласия никакого не последовало.

Воспаление в легких прошло, но в разгар его, как сказали доктора, «на почве истощения», у меня на ягодице появились карбункулы, которые сделали мое положение ужасным. Больше месяца я был без сна и ничего не мог делать без посторонней помощи. Много мучительного перенес от взрезов карбункула, от промывания и перевязок образовавшихся глубоких ран (профессор-хирург Мартынов называл мою болезнь «глубоким парапроктитом»), в разгар повышенной температуры я греховно малодушествовал: желал смерти, и даже думал, прости меня Господи! — как бы лишить себя жизни. Меня угнетало все время то обстоятельство, что я мучил своих домашних непрестанными требованиями ухода за мной. Бедная жена моя, она мучилась не менее моего! А еще ужас в том, что у меня не было своих средств

ни на лечение, ни на «усиленное питание», и мне пришлось тратить на все это остатки жениных сбережений и брать от брата помощь тысячами рублей. Были дни, требовавшие расходов до 500 р., одним словом, болезнь моя разорила нас, и дело дошло до того, что пришлось мало-помалу распродаваться на Сухаревке. Пока продавали ненужное или лишнее, а потом стали продавать и то, «без чего все-таки можно обойтись». Болезнь еще не прошла совсем, дороговизна жизни все увеличивается, — значит, скоро придется продавать и то, «без чего трудно обойтись».

Не дай Бог никому хворать в такое ужасное время!

Я пришел домой 6 февр. н/ст по глубокому снегу и затем долежался до весны, до вскрытия рек, до 20 градусов тепла (на солнце), и сам ничего не видел, зато переживал весь ужас запоздалой зимы, морозов в марте месяце до 20 градусов, и слышал, что от обилия снега, выпавшего в феврале, больше месяца не ходили трамваи, по улицам даже пешеходам ходить было затруднительно. Вся прелесть ухабов, зажор была представлена в Москве наглядно, как на глухих проселочных дорогах. Нехорошо было и то, что из-за моей болезни дочь не стала ходить в школу — ей столько было беготни по аптекам и продовольственным лавкам. Нехорошо и то, что и февраль, и март дом наш не отапливался совсем, у домового комитета не было дров, и нам оставалось подогреваться керосинками и кухонной плитой; нехорошо и то, что и своих дров не было, и дошло дело до того, что мои бедные супруга и дочь собственноручно на салазках возили по 10–15 пудов дров из-за Москвы-реки, и из Лефортовских стран, чем буквально истязали свои силы и здоровье. Помоги им Господи! Нехорошо и то, что от сына были известия из Славянска, что он в госпитале, что его обокрали. Одним словом, у меня не могло быть настроения, как у терпеливого больного. Роптал, нервничал, капризничал, скучал, тосковал и плакал.

Христос Воскресе! Мне особенно тяжело было, что я не мог говеть, не мог ходить в церковь на Страстной неделе и в Пасху (она была 7/20 апреля). Я припомнил, что в Светлое Христово Воскресенье все 50 лет моей жизни я был обязательно за заутреней. (В младенчестве меня носила тогда в церковь мать; она была так религиозна, что и грудных младенцев считала нужным носить на церковные службы.) Но к Пасхе в начале Страстной неожиданно приехал сын и, благодаря Бога, оказался на вид, несмотря на перенесенную болезнь (чуть ли не тиф и не дизентерия), поздоровевшим и бодрым. Пробыл он в Москве две недели и отбыл обратно в Фомино воскресенье. Он оставил такой адрес: «Южный фронт, 13-я армия, штаб первой отдельной

советской Украинской бригады, тов. Текнецжалца». Служба его — «начальник связи». По его словам, дело это не строевое и в не непосредственной близости к боям. В последнее время их учреждение находилось в г. Бахмуте. Расставание было со слезами, с моей стороны, и с искренним пожеланием скорого возвращения в Москву к мирному труду и к жизни мирной, в христианском духе. Храни его, Господи, во всех его путях!

Ну и жизнь была за эти четверть года! От холода квартиранты дома воровали друг у друга дрова; хозяйки надували друг друга в купле и продаже продуктов. У нас дома обнаружили, что купленное молоко по 14 р. за кружку «свернулось», и не вылили его, как негодное, а понесли продавать, и продали его другой какой-то хозяйке уже по 16 р., т. е. даже с прибылью, и надо полагать, что та, в свою очередь, попробовавши его дома, — также пожелает избавиться от него и продаст его к вечеру уже за 18 р. (Так теперь: утром одна цена, а к вечеру чуть не вдвое: мы купили перед Пасхой два фунта творога по 40 р. за ф., но в вечер того же дня соседи платили за творог 70–80 р. за ф.)

Одно время (между 18 марта и 10 апр. н/ст) черный печеный хлеб достигал цены 35–40 р. за ф., а потом стал дешеветь, дойдя до 8 р. Однако вчера цена была 20–22 р.

В «Известиях» сообщено, что с 21 по 28 марта н/ст на «вольном рынке» ржаная мука продавалась по 1.400 р. за пуд, пшено 35 р. ф., конина 18 р. ф., свинина 87 р., сало свиное топленое 120 р., куры 155 р. штука, масло подсолнечное 80 р. ф., грибы сухие белые 150 р. ф., сахар 120 р. ф., чай 320 р. ф. Извозчики прямо недоступны: от Сретенских ворот до Павелецкого вокзала наш квартирант заплатил 250 р. легковому извозчику.

Погода была в феврале сплошь морозная, со снежными метелями, март тоже с сильными морозами, но со второй половины подогревало солнце. Ждали половодья «как в 1908 году», но оно было только немного многоводнее прошлогоднего.

Страстная неделя была солнечная, теплая, а Пасхальная — прохладная и пасмурная; Фомина опять теплая и с солнцем, а вот эта («Жен мироносиц») холодная. Сегодня утром тепла только один градус, но в 1 ч. дня на солнце уже 17°.

Итак, с Божьей помощью я стал вставать, но скоро ли стану выходить на улицу, на службу — не ведаю. Есть еще незажившая рана, и я еще забинтован и ношу компрессы на ягодице. Но так хочется выздороветь, так хочется освободить домашних и доктора (Александр Лазаревич Босин) от ухода за мной, что я делаю, может быть, неосторожные шаги, — еще слабый (это видно по дрожащему сейчас почерку), надсаживаю себя. Поостерегусь —

спрячу перо и лягу в постель отдохнуть, а потом, если Бог поможет, достану комплект газет за минувшие четверть года и хоть по заглавиям только впишу в эти страницы то, что было и что есть на белом свете за то время, когда владычицей моей была эта злая и длинная болезнь.

23-го апреля в «Христианском памятнике» приведено из Псалма 102, ст. 13: «Яко же щедрит отец сыны, тако ущедрит Господь боящихся Его…» Ущедри мя Господи! Дай полного и скорого выздоровления!

7/20 мая. Сегодня после 102-дневного пребывания в четырех стенах своей квартиры выбрался наконец на волю, на воздух, на улицу, и был даже в своем управлении, которое за время моей болезни успело дважды переехать с места на место: с Лубянской площади на Чистые пруды и с Чистых прудов на Комиссариатскую набережную, в дом бывш. Шрагер, и даже расформироваться и переформироваться: теперь уже не портовое управление, а «районное» и, значит, я пока что только «бывший помощник начальника бывшего порта», а что будет дальше — о том скажет непосредственное начальство: «Коллегия районного управления», состоящая из трех молодых людей-коммунистов.

Апрельских, мартовских и февральских газет не достал, и хотя я читал их, но с болезнью память была непрытка, так что, к сожалению, приходится вспомнить за прошлую сотню дней не очень многое, но преимущественно самое важное.

За зиму Колчак мощно и энергично двинулся из Сибири на запад и взял Уфу, Стерлитамак, Белебей, Бирск, Бугульму, Уральск и угрожал Самаре, Сызрани, Симбирску, Казани и Вятке, но к весне ослабел, или на его фронте усилилось сопротивление: пришлось отступать и отдать многое из зимних завоеваний.

В Венгрии воцарился большевизм; писали о том же и насчет Турции и Баварии, да потом перестали: видно, в последних двух странах большевизм подавлен «туземными контрреволюционерами».

† В марте умер Председатель ВЦИК советов РКК и КД / Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов/ Я. М. Свердлов. Похоронили его на Красной площади, в центре революционных могил. Похороны были необыкновенно пышны («по-царски», а то, пожалуй, и еще торжественнее).

Вместо него избран Председателем ВЦИК М. И. Калинин, петроградский большевик, из крестьян Тверской губернии.

С 18-го марта по 12-е апреля был перерыв пассажирского ж.д. движения во всей совдепии. Причина — недостаток топлива и намерение побольше подвезти к Москве и Питеру

продовольствия. За эти дни дороговизна продуктов была необыкновенная, хотя и нельзя сказать, чтобы мешочники не шмыгали в этот период времени: к их услугам были разные «делегатские», «штабные» и «санитарные» вагоны. «Сухаревка еще не сгинула!»

† Зимой и весной сыпной тиф свирепствовал неудержимо. Умерло очень много врачей и, между прочим, мой знакомый Федор Иванович Березкин, главный доктор Яузской больницы, знаменитый хирург, сын крестьянина, а главное — хороший человек. Вечная ему память!

Одесса, Севастополь и весь Крым очищены от десанта бывших союзников, и там воцарилась власть наших советов. Украинские советские войска дошли до Бессарабии, до Галиции, но на севере наши советские к весне стали отступать, то же пошло и на западе: там сильно напирают польские легионы.

С 3-го мая записал из «Известий» вот что: Первого мая в Москве на Лобном месте открыли памятник Ст. Разину (через несколько дней почему-то убранный и помещенный в «один из национальных музеев»).

Напечатан ультиматум Чичерина Румынии о немедленной эвакуации Бессарабии.

Из Москвы выслан представитель польского правительства Александр Иванович Венковский (к моему удивлению, тоже мой старый знакомый: лет двадцать тому назад он был по моей «специальности» — управляющим пароходно-транспортной компании «Надежда»). Эта высылка как бы объявляет, что с Польшей мы в неприязненных отношениях.

Петроградская, Олонецкая и Череповецкая губернии объявлены на осадном положении. Это Означает близость к ним неприятельских войск.

Колчак занял Александров-Гай.

4-го мая: красные войска вступили в Севастополь. Мюнхен занят правительственными войсками.

6-го мая: на Самарском фронте советскими войсками взято 5.000 пленных и, как говорят безжалостные «Известия», — «две дивизии совершенно *уничтожены*». На Южном фронте казаки прорвались к Луганску.

Украинское советское правительство тоже закатило Румынии «ультиматум» об очищении Буковины (ведь мы в союзе с Венгерской совдепией, а ей как раз и угрожает румынское нашествие).

Италия что-то не поладила со своими союзниками, и на границе франции уже было столкновение итальянских войск с французскими.

7-го мая: на Северном фронте красные взяли Олонец, на Восточном — Сергиевск и Чистополь. На бугурусланском направлении 7.000 пленных. Красные рыщут в сорока верстах от Ростова н/Д.

8-го мая: берега-то крымские оставлены союзниками, а с моря — блокада.

10-мая: Англия объявила блокаду берегов Курляндии.

Город Мелекес переименован в Люксембург, а одна из площадей Весьегонска названа «Площадью по борьбе со спекуляцией». Точно из Щедрина!

11-го мая: советские войска оставили Уральск. Условия, предложенные Германии Антантой, очень тяжелы и унизительны для немцев. Кажется, Вильсон, Клемансо и Ллойд-Джордж хватили через край.

14-го мая: сыпной тиф за последнюю неделю дал в одной Москве 2.782 заболевания.

Изменил советской власти атаман Григорьев, не так давно прославленный за взятие Одессы, и идет со своими «бандами» (как сообщают «Известия») на Киев.

16-го мая: советские войска взяли Бугульму и бьют Григорьева.

17-го мая: противник развил наступление на фронте Нарва-Гдов. Последний взят им.

18-го мая: в Финском заливе идет обстрел русских берегов в сорока верстах от Петрограда.

20-го мая: взят советскими Белебей. Финны в тридцати верстах от Гатчины. Объявлены сметные исчисления на первое полугодие 1919 года: доход 20.349.627.888 рублей, а расход 50.702.627.888.

11/24 мая. Понемножку выхожу из дома каждый день, но пока не служу — доктор еще не позволяет. Погода после нескольких недель холода потеплела; хотелось бы и нужно бы дождя, но — Бог не дает.

В Риге в Заречной ее части идет бой красных с белыми. Бедный прекрасный город! Что же выйдет из его красот после уличных боев?

На Южном фронте Деникин опять усиливается: занял ст. Виликокняжескую и Эльмут.

На юге — еврейские погромы. Украинские войска, они хоть и «советские», но евреев бьют и грабят охотно. Григорьев, должно быть, и сыграл на этом юдофобстве.

14/27 мая. Деникинцы отбили у советских войск Мариуполь

(кажется, при взятии его от петлюровцев оперировал и наш Верзин, тогда командир 13-го стрелкового украинского советского полка, а в последнее время — начальник какого-то боевого участка, т. е. начальник трех полков).

Белофинны стреляют уже в сорока верстах от самого Петрограда.

15/28 мая. Взяты советскими Стерлитамак, Ровно и Дубно, но отданы Псков, Молодечно и вся Рига.

16/29 мая. † На острове Ява произошло грандиозное извержение вулкана. Разрушено 20 городов, убито 15.000 людей.

Получил от сына два письма из Полтавы. Теперь он военно-политическим комиссаром Второй бригады 4-й Украинской советской стрелковой дивизии. От-то дурень! — как говорят чоловики из-пид Пилтавы.

17/30 мая. После продолжительного бездождья, угрожавшего засухой, сегодня прошел в Москве обильный дождь с градом, с грозой. Очень хорошо, только как бы от града чего бы не вышло на пашнях и огородах. До дождя была жара до 30 градусов (на солнце), а потом стало посвежее, но, Бог даст, теперь установится настоящая летняя погода.

Продал свою сюртучную пару, «сооруженную» лет 10 тому назад, за 1.600 руб. Продал несколько картин и много лишнего скарба. Получаю теперь с 1-го февраля 19-го года 1.590 р. в мес., но и не более; требуется на жизнь: от 3,5 до 5 тыс. в месяц. Как же тут не заделаться сухаревским продавцом. Вчера (в праздник Вознесения Господня) я был там самолично после четырехмесячного антракта. Ну Сухаревка! Как она разрослась, матушка! Теперь протяжение ее от самых Красных ворот до Самотечной площади, да с боков по разным Спасским, Уланским, Дьяковкам, Стрелецким, Сретенке и Мещанским еще отроги. Народу-то не перечесть, и обороты, должно быть, на десятки млн. в день (месяц тому назад в «Известиях» и то считали такой оборот в 5,5 млн.). Опроса насчет цен по какой-нибудь системе не делал, но мимоходом прислушивался к ним. Например: резиновый мяч, стоивший рублей 5–6, продавался за 200 руб., ситец 75 руб. аршин (значит, теперь воз такого товара стоит 1.200.000 руб.), полушерстяная материя от 120 до 250 р. за арш., сыр вроде голландского 140 р. ф., сочинения Пушкина в одном томе (бывало 2–3 р.) 75 р., махорка 70 р. ф., мясо говяжье 65 р. ф., старое, сильно поношенное пальтишко 1.000 р., подержанный велосипед (мужской, правда, исправный) 7.000.

Вчера же вечером был в кинемо, в таком паршивеньком, и цены местам 5 р., 10 р. и 15 р. Однако театр битком. Больше всего подростков, отчаянных мальчишек 10—15-летнего возраста. Это — новые богачи, торговцы папиросами, сахаром и ирисом. У иных, говорят, в каком-нибудь небольшом ящичке товару на 100.000 р. (если, примерно, это нитки на катушках, продающиеся теперь по 30 р. за катушку). На Сухаревке нажить теперь 1.000 р. в день — дело страшно легкое. Я знаю одного пирожника, продающего 500 пирожков в день и имеющего пользы по 2 руб. от пирожка. И он не сам их печет, а покупает. Филипповых, Бландовых, Морозовых, Губкиных, Абрикосовых, Сапожниковых, Елисеевых разорили, придушили, разгромили, а кто же на Сухаревке формируется в миллионеров? И чью кровушку пьют эти новые капиталисты?

24 мая/6 июня. Колчак не сопротивляется в Уфимском направлении, но усиливается на путях к Вятке и уже взял Глазов.

Страшно всех интересует Сухаревка, а вместе с тем и развращает. Покупатели и продавцы по нужде, после нескольких посещений Сухаревки, превращаются сами в спекулянтов, и идет какой-то дьявольский кавардак, круговой обман, взаимное околпачивание, сознательное повышение цен на жизнь. Подумайте только! Кусок пиленого сахара продается там по 3 р. за шт., самая плохая папироска 1 р. шт., свежий огурец 15 р., соленый 5 р., маленькая шоколадинка с пуговицу от пиджака — 3 р., стакан воды, подслащенный сахарином, 2 р.

А на Конной что делается теперь: крестьянская лошадь, правда, добрая, — что стоила раньше рублей полтораста, идет теперь за 30.000, корова, кажется, самая плохонькая, и та ценится теперь не менее 15.000; и вот, когда уже трава почти поспела, — сено стоит 275 р. за пуд, овес 500 р.

Погода стоит желательная: тепло и каждый день перепадают дожди.

На днях часовая стрелка подвинута вперед еще на час, так что теперь в 12 ч. ночи можно читать газету без огня, и вставать приходится, в сущности, в 5 ч. утра, т. е. часы-то показывают не 5, а 8 ч.

Со вчерашнего дня, согласно с особым декретом, по всей России поездки по ж.д. дозволены только служебные или по домашним обстоятельствам самой первостепенной и удостоверенной важности.

26 мая/8 июня. Красные войска оставили г. Славянск.

В последние месяцы разные совдепы выносят постановления

о вскрытии Мощей, в присутствии духовенства и «верующих», и коль скоро где мощи оказываются тленным прахом Угодников Божьих, всячески шумят об этом и даже делают кинематографические снимки, которые развозят по деревням, городам и войскам. Вот она веротерпимость-то и свобода совести! Это почище преподавания атеизма.

28 мая/10 июня. Вчера, т. е. в Духов день, был в Архангельском знаменитом имении Кн. Юсуповых. Ко всеобщему удивлению, там пока что в порядке. Роскошный дворец, чудная обстановка, драгоценные картины, фарфор, мрамор, грандиозная и редкая библиотека из 50.000 томов, — все в порядке и целости. Ведомство Луначарского бережет сокровища культуры и не раздает его по крестьянским хатам, а бережно хранит его в тех же дворцах. За что ему слава! Но удивительный по громаднейшим размерам и планировке парк совершенно запущен.

Погода с ежедневными дождями, скоро проходящими, блещет красотой юного лета и мирит немного с разочарованием в жизни.

Стал дорожать хлеб, его на Сухаревке продавали вчера по 45 р. за фунт. Сахар дошел до 150 р. за ф., овес 800 р. п., ржаная мука 1.600 р. п. Мясо говяжье 70 р. ф. Севрюга или осетрина 140 р. ф.

Сегодня вступил опять в новую должность по водному транспорту: заведую коммерческим отделом московского районного управления. Оклад 1.750 р.

29 мая/11 июня. Сегодня «Известия» сообщают, что красными войсками взяты Уфа, Ижевский завод, Александров-Гай и Водкинский завод.

31 мая/13 июня. В Харькове объявлено осадное положение. Троцкий сказал там, что потеря Петрограда не была бы для республики так тяжка, как потеря Донецкого бассейна, и все внимание сосредотачивается сейчас на Донецком фронте. Таким образом, сам «главковерх» признался, что наши дела на Петроградском и Донецком фронтах не очень утешительные.

В «Известиях» напечатана нота финляндского министра ин. дел Эрнроота Чичерину (от 7-го июня) по одному спорному дипломатическому делу. В ней очень много «любезного» для нашего Совнаркома: «Финляндское правительство еще раз громко протестует против безобразного поведения русского советского правительства и считает, что русское правительство не имеет права обращаться от имени русских рабочих и крестьян. Правительство, которое разгоняет силою оружия Учредительное

собрание, и арестовывает и убивает граждан исключительно за их политические убеждения, и препятствует выпуску газет других политических партий, недостойно представлять истинную демократию. Правительство, в котором не представлен ни один разумный русский рабочий или крестьянин, является самой отвратительной деспотией, которая когда-либо существовала. Утомленное договариваться с правительством, которое, по-видимому, возвело в принцип изменять своему слову, финляндское правительство предупреждает российское советское правительство, что терпению его может наступить конец, и что финляндское правительство будет считать себя вправе предпринимать без предварительного предупреждения необходимые меры, чтобы образумить российское советское правительство.»

Чичерин, конечно, в долгу не остался, и в его ответной ноте есть такие выражения: «Яростная и лишенная самого элементарного приличия диатриба, по адресу самого строя советской России… Разнузданность, с какой министерство принимает при этом участие в кампании клевет мировой реакции против Российской народной революции, слепое бешенство, проявленное в этой депеше министерством…» и т. д.

Погода изменилась к худшему: облачно, дождливо и прохладно.

2/15 июня. Красные войска в Царицынском районе отступают. Сарепта занята противником, а Царицын — накануне падения.

Троцкий считает необходимым прямо и открыто сказать: «Харькову угрожает непосредственная опасность».

Так как парикмахерские тоже национализированы (или совдепизированы), то у них хвосты из десятков людей, жаждущих бритья или стрижки. Но это нисколько не удешевило парикмахерские операции: на днях я стригся и брился, при этом помыли и немного попудрили голову, но взяли ни много ни мало 28 р.

Кусок сахара уже 5 р., фунт сала от 150 до 170 р., ботинки на Сухаревой 1.300 – 1.600 р., газета 70 к. номер, спички 5 р. кор., в театре ложи от 100 до 300 р., место в партере от 30 до 75 р., где-нибудь наверху место, стоившее 1 р. 50 к., — теперь 22–30 р., фунт мыла для стирки не дешевле 70 р., кусок глицеринового или яичного 55 р., лимон 50–60 р. штука, хлеб на прошлой неделе колебался, как какая-нибудь «игровая» акция: то 30 р. ф., то 40, то 50, сегодня, слава Богу, книзу: 35 р. ф., махорка 120 р. ф. И трамвай вздорожал: 1 р. 20 к. станция. Да и безотраден же он,

голубчик, для публики: по праздникам совсем не действует, а в будни вместо 30 с чем-то номеров ходит не более как по десяти линиям, и притом с составом, вдвое или втрое уменьшенным против прежнего для каждого номера. Об извозчиках мало кто мечтает, да их почти и не видать.

4/17 июня. Версальский «Совет четырех» решил оказывать поддержку адмиралу Колчаку. Красноармейцы оставили Купянск, идет бой в пяти верстах от Царицына.

Очень развивается в красной армии дезертирство. Дезертиров так много, что они составляют из себя целые армии, которые так и называются в отличие от красных: «зеленая армия». На днях было даже объявление: если дезертиры явятся в течение семи суток, то им будет прощено.

Около Кронштадта бой за форт «Красная горка», он переходит из рук в руки. При этом стреляют и по Кронштадту.

6/19 июня. Так и сказано в «Известиях»: «Зеленой армией заняты Майкоп и Туапсе».

11/24 июня. В «Известиях» пишут: «Наше положение в Донецком бассейне значительно ухудшилось за последние недели. Харькову грозит непосредственная угроза, и до самого города доносятся звуки орудийной пальбы. На Царицын делается жестокое нападение, и этот красный, славный город выдерживает уже пятую осаду. В других частях Южного фронта наше положение тоже заметно ухудшилось».

Оханск занят красными.

В Германии сменился правительственный кабинет; председателем совета министров — Бауэр, министр иностранных дел — Герман Мюллер, и т. д.

В «Известиях» напечатано по радио из Лиона, что «союзные правительства сделали распоряжения о переходе в их руки германского флота, что должно было произойти в понедельник; однако немецкие матросы предупредили их, пустив ко дну свои корабли…» Так ли это?

12/25 июня. Советскими войсками оставлены ст. Синельниково, Змиев и Чугуев. Под самым Оренбургом артиллерийская и ружейная перестрелка. От Туркестана мы совершенно отрезаны.

В Германии — в Веймаре — собралось Учредительное Собрание и большинством 237 голосов против 133 высказалось за подписание мира с двумя оговорками: 1) Германия не признает

себя единственной виновницей войны и 2) не согласна выдать суду союзников своего бывшего императора и его генералов, но позднее радио сообщает, что Германское правительство отклонило предложение настаивать на этих оговорках и высказалось за безусловное подписание мирного договора, вследствие чего национальное собрание предписало новому председателю германской делегации Фон-Ханиелю немедленно подписать договор.

Опять о «самоубийстве» германского флота. Будто бы действительно немцами потоплено 9 броненосцев, 10 крейсеров и 27 истребителей, а 18 истребителей — выброшены на берег.

13/26 июня. «Экономическая жизнь» (газета, издаваемая ВСНХ) сегодня напечатала «Московские спекулятивные цены на продукты». Очень интересно: хлеб черный 42–45 р., белый 65–70 р., мука ржаная 1.600 – 1.800 р. п., пшеничная 2.800 – 3.000 р., пшено 55 р. ф., гречневая крупа 60 р. ф., горох 55 р., сахар-рафинад 170–175 р. ф., песок сахарный 120 р., монпансье 140 р., конфекты 120–150 р. ф., соль 30–40 р. ф., мед 100–120 р. ф., масло сливочное 160–180 р. ф., русское 150–160 р., подсолнечное 110 р., конопляное 90, сыр голландский 140–180 р. ф., говядина 70–90 р. ф., телятина 60–90, свинина 150–190, колбаса 100–160, рыба 40–70 р. ф., селедка 20–50 р. шт., икра паюсная 600 р. ф., картофель 11–12 р., свекла 12–15 р. ф., морковь 15 р. ф., петрушка 15 р. ф., репа 15–20 р. ф., лук 30 р., зеленый 20 р., щавель 3–4 р., огурцы соленые 1 р. 70 к. шт., свежие 10–20 р. шт., капуста кислая 12 р. ф., яйца 10 р. шт., дрожжи 100 р. ф., чай 600 р. ф., кофе 100–200 р., сухие грибы 200 р. ф., свечи 120–160 р. ф., спички 7 р. коробка, папиросы 1-го сорта (высш.) за 25 шт. — 40 р., махорка 120 р. ф., нитки черные 460–480 р. дюжина катушек, белые 420–440 р., галоши мужские 420–450 р. пара, дамские 380–420. Дальше сказано: «В огромном количестве имелась обувь по неимоверным ценам. Тканей очень мало, цены баснословные.» Это, значит, на Сухаревке…

15/28 июня. «Под давлением противника нами оставлен Харьков», — так сообщают сегодня «Известия».

16/29 июня. В Харьковском районе красные войска оставили город Валки. В Николаевском районе — Николаевск.

«Лион, 28 июня (Американское радио). Дютаста принес трактат в 14 час. 12 мин. Клемансо прибыл в 14 час. 20 мин. Президент прибыл в 14 час. 50 мин. Немцы подписали договор в 15 час. 14 мин. Клемансо заявил в 15 час. 50 мин., что церемония

окончена, и мирные условия стали свершившимся фактом. Китайцы отказались подписать и сказали, что опубликуют соответствующее заявление.»

Итак, то, что началось 15-го или 19-го июля 1914 года, — кончилось, но то, что началось 26-го февраля 1917 года, продолжается. Нет еще «на земле мира и в человецех благоволения». Не скоро еще верующие люди вознесут благодарение Господу за мир всего мира!.. Борьба классов оказалась серьезнее и злее борьбы наций с нациями.

18 июня/1 июля. Газеты полны воинственных призывов, вроде такого, например: «Все силы, вся мощь пролетариата должны быть направлены на защиту советской федеративной республики. Рабочие и крестьяне, отгоните псов белогвардейщины и контрреволюции, пытающихся растерзать наше социалистическое отечество. Отложим на время мирное (?) строительство! Революция в опасности! Все в ряды Красной армии. Все на решительный, последний бой!»

Дело-то в том, что «после ожесточенного боя нами оставлен Екатеринослав» и что отряды Деникина наступают на Курск, Воронеж, думая найти пути к Москве, и стремятся перерезать Волгу у Царицына и выше, чтобы оборвать советские важнейшие пути для хлеба и топлива. «Они, — говорится в «Известиях», — угрожают всей Украине, мечтают отрезать от нас Крым, собираются снова завладеть всем Черным морем.»

Гамбург захвачен спартаковцами. В Словакии тоже будто бы торжество большевизма.

Троцкий пишет, что «Курск, Воронеж, Тамбов и Саратов превращаются в крепостные районы. Положение Южного фронта тяжелое.» Что же это означает: обход, что ли, деникинскими войсками сразу нескольких губерний?

19 июня/2 июля. Красными войсками взяты Пермь и Кунгур. Телеграмму о взятии подписал Н. Муралов. На Южном фронте дело обстоит несколько иначе: красные оставили Константиноград, станцию Лиски и г. Царицын.

20 июня/3 июля. Клубника стала дешевле: третьего дня ее продавали по 50 р. за ф., вчера по 40, а сегодня уже по 25 р., но что понужнее, например, картошка, мясо, молоко, — то дорожает: первое — 13 р. ф., второе 80 р. ф., третье 13 р. кружка.

Гамбург занят германскими властями: спартаковцы спасовали.

Ст. Лиски взята красными обратно. Около Молодечны

красные оставили Вилейку.

Сегодня был в бане. Событие заурядное, но расходы небывалые: вход в общую (по-старинному, в «дворянскую») целых 15 р., услуги банщика 5 р., обрезка ногтей на ногах 10 р., одевальщику за то, что он не помог ни раздеться, ни одеться, а лишь с величайшим презрением подал мне мой сверток, — 2 р., всего, значит, это удовольствие стоило 32 р.

24 июня/7 июля. Четвертого июля в Большом театре состоялось соединенное заседание ВЦИК, Московского совдепа, Веер, союза профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов. Ораторствовали Ленин, Зиновьев, Цурюпа и Бухарин. Тема — «Современное положение и ближайшие задачи советской власти». Выводы: положение прескверное, но лучше, чем в прошлом году в это самое время.

О военных делах должен бы говорить Троцкий, но, по словам Ленина, он очень болен. И Ленин сообщил за него, что «положение, действительно, трудное, удары нанесены нам чрезвычайно тяжелые, и потери наши громадны». Но все-таки правительствующий синклит твердо убежден, что победа будет за ним, «и не только в русском, но и в международном масштабе». Решено выдвинуть «испытанные средства организованности и дисциплины», после чего собравшиеся попели «интернационал» и разошлись по своим клубам.

В Харьковском районе красными оставлен Богодухов, в Балашовском — Балашов, в Молодеченском — Молодечно, в Борисоглебском — Борисоглебск.

† Что-то уж очень страшно и невероятно: будто бы по занятии Деникиным Екатеринослава там расстреляно около 3.000 человек. Так пишут, по крайней мере, «советские» газеты.

На Восточном фронте советскими войсками взяты Красноуфимск и Николаев. Большевики считают Колчака уже окончательно разбитым.

В Керченском направлении советские войска оставили Феодосию. В Екатеринославском — Павлоград, в Харьковском — Волчанск, в Купянском — Валуйки, в Богучарско-Калаческом — Калач. Продолжается бомбардировка города Уральска (уже и не разберешь, кем именно).

26 июня/9 июля. От Президиума Московского Совдепа появилось воззвание к «товарищам рабочим», начинающееся словами: «Москва переживает голодные дни». Потом говорится, что «ни волнениями, ни забастовками хлеба не прибавишь». Значит, разговоры о том, что то там, то тут вспыхивают голодные

бунты, восстания, забастовки и что таковые пока что подавляются беспощадно, — не выдумка, не провокация.

Хлеб на Сухаревке дошел уже до 70 р. за ф.

Кругом Петербурга красные отражают своих неприятелей, верст на пятьдесят. В Валуйском направлении красными оставлен Бирюч, а в Балашовском — город Балашов опять занят красными.

27 июня/10 июля. Главнокомандующий всеми вооруженными силами советской России Вацетис отставлен от должности и заменен полковником генерального штаба С. С. Каменевым. Председателем революционного военного совета состоит Троцкий, членами — Э. М. Склянский, И. Т. Смилга, С. И. Гусев, А. И. Рыков. Красными войсками взяты Волочиск, Новый Оскол и Жмеринка.

А погода чудесная: тепло, солнечно, немножко ветрено, немножко дождливо, и ниоткуда не слышно ни о засухе, ни о чрезмерных дождях, — все сулит огромнейший и благополучный урожай, а между тем продовольствие все дорожает и все дорожает!

На «Всероссийском совещании Губ. Зем. отделов, Губ. совхозов, Губ. оргасевов и Губ. Рабочкомов» (и прочих губо… шлепов, хотелось бы грубо сострить) доложено, что по губерниям много недосевов, так что Тульская губ., например, удовлетворена семенами только на 53 %, Орловская — на 20 %, Курская на 15, Казанская на 40, Тамбовская на 49, Рязанская 27, Вятская 28, Петроградская 15, Псковская 30, Витебская 30, Новгородская 50, Смоленская 30, Нижегородская 41, Иваново-Вознесенская 56, Московская 55, Владимирская 49, Северодвинская 30, Брянская 60, Черниговская 40 и Архангельская 61. Только Пензенская губерния чуть не в пересеве.

29 июня/12 июля. ВЧК объявляет тому, «кто втянут по неосмотрительности или излишней доверчивости в белогвардейские организации», что она дает им для явки и раскаяния одну неделю и гарантирует им полную безнаказанность, а иначе грозит применить к ним «расстрел, конфискацию имущества и заключение в лагерь взрослых членов семьи». Выходит так, что будь ты самый разбеспартийный обывателишко, а за «сродников» твоих сосчитаются с тобой как с политическим преступником. То же, вероятно, происходит и на другой какой стороне: колчаковской, деникинской и белофинской. Куда ни кинь — все клин. Вот мне придется за сынка, должно быть, побывать в обоих «лагерях», ибо я «взрослый» папаша большевика и «взрослый» дядюшка

нескольких эсеров.

В Петербурге паек первой и второй категории сокращен до $^1/_8$ ф. в день, а третьей категории хлеб не выдается совершенно.

Балашов опять во власти Деникина.

Германское Учредительное собрание постановило подписать ратификацию мирного договора.

2/15 июля. В Камышинском районе красные оставили Быково, на левом берегу Волги, в 45 верстах от Камышина. В Златоустовском районе красные овладели Златоустом.

По Москве расклеены оповещения, что до 1-го августа Москва обеспечена продовольствием. А дальше?

3/16 июля. Волочиск оставлен красными, но зато 14 июля ими взят у Колчака Екатеринбург, а на деникинском фронте грозят тем же Екатеринославу, от которого красные уже только в 8-ми верстах. Вообще так называемым «белогвардейцам» определенно не везет. А видимо нет помощи извне и, таким образом, надежды буржуазии на вмешательство в русскую междуусобицу оказались несбыточными. Вот уж сам Маклаков (В.А.), находящийся в Париже, пишет Винаверу, что: «Политическое положение стран-победительниц настолько трудное, что не злая воля и не злые умыслы являются причинами кажущегося их равнодушия к нам. Французские солдаты устали воевать. Желание действительного мира и покоя усиливается здесь с каждым днем.» Далее Маклаков пишет, что «по мере ослабления шансов на возможность интервенции среди союзников выплывает тенденция идти в сторону наименьшего сопротивления, в сторону примирения с большевиками, которые, по их мнению, теперь перерождаются и вступают на тот путь, на котором вполне возможно примирение с ними».

В Турции, должно быть, есть еще султан. Это видно из протеста Шейл-Уль-ислама против намерения союзников «выслать султана и его двор из Константинополя». А знаменитый Энвер-паша по требованию Антанты выдан германским правительством и арестован для суда над ним как виновником вступления Турции в войну.

† На Черном море потонул вследствие взрыва пароход «Рион», направлявшийся из Крыма в Одессу. Много жертв.

На днях произведено в Москве покушение на Патриарха Тихона. Его ранила ножом, слава Богу, не опасно, какая-то богомолка, видимо, психически больная. Так, по крайней мере, поспешили сообщить гражданам Москвы советские «Известия».

4/17 июля. Сегодня под заголовком «Известий» крупношрифтовый плакат: «Екатеринослав взят, — очередь за Харьковым! Деникину готовится участь Колчака! Временный успех царского генерала слишком дорого обошелся рабочим и крестьянам. Пролетариат должен напрячь последние усилия, чтобы окончательно раздавить гадину контрреволюции!»

Еще возвращены советской властью Борисоглебск, Люботин и Волочиск. Советская печать ликует, хлеб дорожает, спекуляция усиливается, страхи растут.

5/18 июля. Вольные цены на продукты по справкам «Экономической жизни» на 17-е июля: хлеб черный 50 р., белый 80 р., мука ржаная 2.400 р., пшеничная 3.400, пшено 75 р. ф., горох 50 р. ф., сахар 220 р. ф., песок 150 р. ф., соль 45 р. ф., мед 140 р. ф., масло сливочное 250 р. ф., русское 200 р., подсолнечное 180 р., сыр голл. 200 р. ф., творог 55 р. ф., сметана 60 р. ф., молоко 17–20 р. кружка, говядина 75–95 р. ф., свинина 200–250 р. ф., курица 90 р. ф., колбаса 140 р. ф., вобла 20 р. ф., картофель 20 р. ф., молодой 23 р. ф., огурцы соленые 35 р. десяток, свежие от 25 до 70 р. за десяток, малина 30 р. ф., смородина 20 р. ф., яйца 130–160 р. десяток, чай 750 р. ф., мыло туалетное 70 р. кусок, свечи 300 р. ф., спички 7 р. 50 к. коробка.

Вот уже с неделю каждый день к вечеру выпадают проливные дожди, сопровождаемые сильнейшими грозами.

9/22 июля. Балашов опять занят красными «с боем», как сказано в «Известиях». Также взят красными и Новохоперск и Константиноград.

10/23 июля. После дождей наступило охлаждение: по утрам и вечерам тепла теперь не более 12°.

На севере красные овладели г. Онегой.

С 1-го августа декретом Совнаркома повышается оклад жалования красноармейцам: в тылу до 300 р., на фронте до 400 р. (Конечно, на всем готовом от казны.)

21-го июля большевикам хотелось устроить «всемирную», так сказать, забастовку как протест против козней империалистов по адресу интернационалистов и пролетариата, но, должно быть, забастовка в предполагаемом масштабе не состоялась. Радиотелеграмма американского бюро печати заявляет, что «ожидавшееся 21 июля столкновение между силами государственного правопорядка и интернациональным пролетариатом, очевидно, не состоится».

13/26 июля. Красные взяли Верхнеуральск и Ирбит, а в Украине отбиты от них Сарны, — не то петлюровцами, не то поляками.

Восточная Галиция в руках последних.

У черноморского побережья движение, судов Антанты усиливается. Появились английские миноносцы и другие суда.

Из Киева сообщают, что, несмотря на необыкновенно громадный урожай, цены на продукты растут: пшеничная мука 1.500 р., ржаная 1.200, хлеб черный 25 р., белый 35 р., крупа 40 р. ф., пшено 24 р., мясо 40 р. ф., сало 140 р. ф., картофель 270 р. п., масло 150 р. ф., яйца 50 р. десяток, соль 25 р. ф., сахар 65 р. ф. и песок 45 р. фунт.

Теперь пишут про дела с Екатеринославом так: «Екатеринослав окружен тесным кольцом наших войск. Сдача его предрешена и является вопросом ближайших дней.» Вот так сюрприз! А давно ли писали, что *красные овладели Екатеринославом?* Все мобилизуют и мобилизуют! На этих днях призывают всех, кто не был призван: родившихся с 1882 по 1900 включительно, да сверх того все профессиональные союзы вызваны поставить в войска 10 % общего количества своих членов. Тут попадают и «старички», т. е. возрастом свыше 40 лет.

В Москве сейчас работает только 180 трамваев, остальные все поломаны, и ремонтировать их или некому, или нечем.

Идет беззастенчивое ограбление московских квартир. Оно удобно: в редком доме есть теперь швейцары и дворники. Сторожить некому. Воруют среди белого дня. Так, например, сегодня в 3 ч. дня обобрали квартиру наших соседей. Заглянуть в нее после жутко даже. Точно пришла целая шайка и хозяйничала в ней, как у себя дома. Одного «комнатного» жильца обобрали так, что он взревел белугой, — у него только то и осталось, что было на нем. О таких «пустяках» теперь в газетах не пишут, и вспомнишь доброе старое время, когда писали крупным шрифтом и о таких «грабежах»: «Мещанин Кирилл Полбутылкин заявил, что к нему пришли в гости его знакомые, для которых был поставлен самовар. Отлучившись на некоторое время из квартиры, он, по возвращении своем, не нашел ни кипящего самовара, ни гостей. Производится расследование.»

Один американский журналист задал по радио Ленину 5 вопросов, прося дать ответы на них, которые обязался напечатать в ста американских газетах. Вопросы и ответы вкратце таковы: 1. Внесла ли Российская республика изменения в первоначальную правительственную программу, и какие? 2. Какова тактика советской республики к Афганистану, Индии и другим мусульманским странам? 3. Какие цели преследуются по

отношению к Америке и Японии? 4. На каких условиях Ленин мог бы заключить мир с Колчаком, Деникиным и Маннергеймом? и 5. Что еще желал бы Ленин сказать Америке?

На первый вопрос Ленин ответил, что советское правительство имело не реформистскую программу, а революционную. Реформы — суть уступки, получаемые от господствующего класса. Революция есть ниспровержение господствующего класса. Программа Ленина состояла, собственно, из одного общего пункта: свержение ига помещиков и капиталистов. Этой программе мы, — говорит Ленин, — никогда не изменили. Лишь после того, как эксплуататоры, т. е. капиталисты, стали развертывать свое сопротивление, мы начали систематически подавлять его, вплоть до террора. Вот, значит, какое было изменение программы, были, мол, паиньками, а потом окрысились.

На второй вопрос Ленин замечает, что никакие народности русским правительством не угнетаются, а этим, мол, занимается западноевропейская и американская конституция буржуазно-«демократических» государств, укрепляющая гнет немногочисленных «цивилизованных» капиталистов над трудящимися своих стран и над сотнями миллионов в колониях Азии, Африки и проч.

По третьему пункту Ленин ответил, что по отношению к Америке и Японии «мы преследуем прежде всего политическую цель, чтобы отразить их наглое, преступное, грабительское нашествие на Россию. Обоим этим государствам мы много раз и торжественно предлагали мир, но они даже не отвечали нам и продолжают войну с нами, помогая Деникину и Колчаку.»

По четвертому: условия заключения мира с Колчаком и К° будто бы сообщены Америке, да правительство ее боится напечатать их для сведения своего народа. При этом Ленин напоминает, что Россия готова заплатить все долги Франции и другим государствам, лишь бы мир был на деле, а не на словах только.

На пятый вопрос Ленин ответил маленькой лекцией от Маркса: «Капитализм и буржуазная демократия есть наемное рабство… Крах капитализма неизбежен. Революционное сознание масс растет везде… Капиталисты, буржуазия могут в лучшем для них случае оттянуть победу социализма в той или иной стране ценой истребления еще сотен тысяч рабочих и крестьян. Но спасти капитализм они не могут. На смену ему пришла советская республика, которая дает власть трудящимся, и только трудящимся, которая вручает руководство их освобождением пролетариату, которая отменяет частную собственность на землю,

фабрики и прочие средства производства, ибо эта частная собственность есть источник эксплуатации немногими многих, источник грабительских войн между народами, обогащающих только капиталистов» и т. д.

В заключение Ленин восклицает, конечно, что «победа международной советской республики обеспечена», и иронически предлагает такое состязание буржуазным правительствам: «обеспечить за нашим правительством и за любым другим свободу обмена… брошюрами, от имени правительства издаваемыми на любом языке и содержащими текст законов данной страны, текст конституции, с объяснением ее превосходства над другими», но, говорит Ленин, — ни одно правительство на это не пойдет, потому что «все, кроме советских, правительства держатся угнетением и обманом масс. Но великая война 1914–1918 гг. разбила великий обман.»

15/28 июля. Вчера и сегодня дожди точно осенние. Не весело!

После ожесточенного боя Челябинск отбит красными от Колчака; дорога в Сибирь открыта, в советских газетах, конечно, ликующие статьи.

В Петрограде и Саратове холера — в каком размере, доподлинно не известно, но факт тот, что эта «азиатская гостья» не вывелась еще из моды и теперь пойдет чесать бедную совдепию, как будто одного сыпного тифа мало на нас, «щедро одаренных природой».

17/30 июля. Константиноград оставлен красными. Идет бой со значительными силами Деникина в 15–20 верстах восточнее Полтавы. На восточном фронте *у* Колчака взят Камышлов.

Из оперативной украинской сводки от 29 июля: «связь с Полтавой в 20 час. 28 июля порвана». Это известие приводит меня к тяжелым мыслям о судьбе сына. Последнее письмо его, полученное недели две тому назад, помечено 22-м июня. Что-то сталось с ним, или что-то будет с ним? Спаси его Господи!

В Варшаву прибыли немецкие делегаты для переговоров о миролюбивой передаче Познани Польше.

Финляндским президентом республики 143-мя голосами избран профессор Стольберг. Генерал Маннергейм, вождь кампании против советской России, получил только 50 голосов.

† Умер знаменитый русский адвокат Н. П. Карабчевский.

18/31 июля. Красные оставили Камышин на Волге.

В сегодняшних «Известиях» есть выдержки из статьи Леонида

Андреева, напечатанной в мае месяце в какой-то неизвестной нам Бурцевской газете «Общее дело». Статья озаглавлена тремя буквами «SOS» (условный сигнал о помощи, передаваемый тонущими кораблями по радиотелеграфу). Андреев, между прочим, пишет: «Но страшно умирать, но невыносимо больно страдать, когда это происходит на площади, среди бела дня, под равнодушными взорами людей и самого неба… и знать, умирая, что нет совести у убийцы, что он сыт, весел и богат, что под покровом лживых слов он не только не потерпит кары, но и заслужит чей-то восторг, чье-то уважение и низкие поклоны», и далее: вы думаете, то, что творится в России и что разгорается во всем мире, — революция? — «Поймите, что это не революция. То, что происходит в России, уже началось в Германии, и оттуда идет дальше, — это хаос и тьма, вызванные войной из своих черных подполий и той же войной вооруженные для разрушения мира.» Это «обманщики и лжецы выдают злейшую тиранию за порыв к свободе русского народа…» На Европу, «богатую и энергичную», идет «безбрежный хаос, бесформенный, широкий, всепроникающий бунт», ужас и смерть. В конце концов Андреев зовет французов, англичан, американцев, итальянцев, шведов, индусов и кого бы то ни было — организоваться на рабоче-крестьянскую Россию организованным походом, ибо, по его мнению, они (т. е. рабочие и крестьяне) «падут бесшумно, без выстрела. Их просто не станет, они исчезнут, растают, как тает тьма пред светом.»

В. Сокол, информирующий читателей «Известий» об этой статье, говорит: «Судя по его сумасшедшему бреду и гнусным измышлениям, для русского рабочего класса Андреев умер, и его лицо закрылось доподлинной "черной маской".»

19 июля/1 августа. Сегодня знаменательная годовщина: прошло ровно 5 лет со дня вступления России в войну, из которой она и сейчас не вышла, все еще воюя и с иноземцами, и со своим собственным братом. Я думаю, что, сказав по-андреевски «SOS», будет сказано подобающее юбилейное слово.

Р. Арский в своей статье в сегодняшних «Известиях» сообщает некоторые данные, которые без комментариев свидетельствуют о чудовищности прожитого за 5 лет. Задолженность стран за первый год войны — 35 млрд. руб., за второй год 51 млрд., расходы на войну с 1 авг. 1914 года по 1 авг. 18 г. вот какие: всего 683.689 млн. марок, из которых 24 % приходится на долю Германии, а 76 % на долю Антанты. Каждая минута войны обходилась в 325.159 марок (марка — 46 коп. по довоенному курсу), и каждая секунда ее почти в 5,5 тыс. марок. Потери людей

считаются от 30 до 35 млн. чел. убитыми и ранеными. Войной опустошены Бельгия, северная часть Франции, Польша, Литва, Белоруссия, Лифляндия, Сербия и Черногория. А российской междуусобицей и наша матушка «Расея» опустошена в немалой степени. «Население местностей, подвергшихся военным операциям, разогнано по различным направлениям. Часть его перебита во время боев, часть умерла во время бегства. Уничтожены поля, бывшие до сих пор культурными, — они разрыты траншеями и окопами, изрыты снарядами настолько, что часто запахать их снова невозможно.» Среди населения начались эпидемии, в армиях развелись венерические заболевания в такой степени, что это может повлечь вырождение населения. «Принимавшие участие в войне люди совершенно одичали. Человечество отступило на несколько десятилетий назад, по сравнению с прошлым… Десятки миллионов людей оторваны от производственного труда, другие десятки миллионов занимались тем, чтобы изготовлять орудия взаимного истребления.»

21 июля/3 авг. На западном фронте оставлен Проскуров, и идут бои в десяти верстах от Минска. На черноморском побережьи идет перестрелка с боевыми судами у Очакова. На южном фронте оставлена Полтава, но занята станция Елань. В Астраханском районе взяты Владимирова и Ахтуба. С начала наступления на Колчака — 7-го июня — по настоящее время — красные войска прошли вперед 700 верст.

Среди союзников достигнуто соглашение о свержении советского правительства в Венгрии, в силу которого тамошние большевики вынуждены будут уступить свою власть умеренным социалистам.

Вчера был в парикмахерской, и заплатил за стрижку, бритье и мытье головы ни много ни мало 58 р. Черт знает что за безобразие! А на Виндавском вокзале вздумал попить ситро: содрали за бутылку 15 р. Где же конец удорожания того, другого, третьего?!

23 июля/5 авг. Очередная российская беда: огромный нынешний урожай требует перекидки в Самарскую, Саратовскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии, а также в область войска Уральского — от 75 до 80.000 рабочих, но навербовано всего лишь 10.000 человек. Значит, урожай полностью не соберется, и выйдет дело-то вроде «неурожая»!

† Предводитель украинских повстанцев «батька Махно» застрелил из револьвера атамана Григорьева, все еще не ликвидированного до сего неожиданного самоличного

выступления «батьки», бывшего, как будто, из одного лагеря с покойным.

Английский десант, высаженный в г. Онегу, потерпел поражение.

Итак, правительство Венгрии, возглавлявшееся Бела Куном, свергнуто и заменено чисто социалистическим правительством, уже восстановившим частную собственность, а Бела Кун и большинство бывшего правительства арестованы, и Антанта будто бы предаст их суду, не только за политические, но и за «уголовные» преступления.

24 июля/6 авг. Председатель Исполнительного комитета коминтерна Г. Зиновьев выпустил «манифест» к пролетариям всего мира По поводу падения в Венгрии советской власти. Начинается он такими словами: «Товарищи! Совершилось величайшее предательство. Советская власть в Венгрии рухнула под напором империалистических разбойников и чудовищной измены социал-предателей. Вожди Второго интернационала, которые поддерживали империалистическую бойню, сорвали стачку международного протеста. Империалистические громилы во главе с Клемансо и Вильсоном обнаглели. Ультиматум, предъявленный ими, гласил: "Низвергните советское правительство, и тогда мы оставим вас в покое".» Дальше говорится, что во главе нового венгерского правительства поставлен Пейдель, «убийца рабочих, венгерский Носке». Конец наполнен восклицаниями: «Советская Венгрия погибла — да здравствует советская Венгрия», «да здравствует революция рабочих всего мира», и т. д. в таком роде.

На Нарвском направлении советские войска взяли Ямбург. В Одесском районе у Днестровского лимана идут бои с восставшими немецкими колонистами. Сарны опять заняты украинскими советскими войсками.

26 июля/8 авг. Погода продолжает быть дождливой.

Красные войска взяли у Колчака Шадринск и Троицк.

28 июля/10 авг. Получил от своего полтавского «героя» письмо от 31 июля. «Было дело под Полтавой…», пишет с поля, где-то на ж.д. линии между Миргородом и Ромоданом. Если не врет, так он и под Константиноградом сражался, и делал налет на Новомосковск, и забирался на 40 верст в тыл к противнику, но случился «маленький» казус: как-то попался в Полтаве на глаза какому-то члену Военсовета «в подвыпитии», и за это попал дня на три в тюрьму и отставлен от должности «политкома», а потом

пришлось эвакуироваться из Полтавы, что и было сделано 29-го июля вечером и, как видится, очень поспешно, потому что не успел собрать своего имущества и сидит теперь около Ромодана в старом френче, «рыжих брюках, в казенных сапогах, в фуражке а ля Керенский, с красной звездой, но в грязном белье и худых носках, со 180-ю рублями денег»…

Предполагает, что его отправят теперь в Александрию (кажется, Херсонской губернии).

На западном фронте идут упорные бои в пяти верстах от Минска.

В Венгрии новый переворот. Министерство, сменившее Бела Куна, отрешено от должностей, и власть перешла к Эрцгерцогу Иосифу, которого союзники назначили «Верховным правителем Венгрии». Министром иностранных дел и председателем кабинета министров назначен тоже «эрцгерцог» — Стефан-Фридрих… Между тем, в Будапеште находится уже 70.000 румынских войск. Не поймешь, кто же теперь хозяева Венгрии — эрцгерцоги или румыны?!

† В Харькове расстрелян полковник Рябцев, перед Октябрьской революцией командовавший Московским округом.

† В Ярославле расстреляли моего бывшего сослуживца Александра Владимировича Енгалычева, хорошего и доброго человека. И расстреляли будто бы за то только, что был «князем». Действительно, князем-то он родился, но без рабов, без имений, без богатства, и лет тридцать добывал себе средства к существованию пароходной службой, начав ее очень маленькой, чуть не матросской должностью — «практиканта» и кончив агентом в Ярославле, агентом, так сказать, только «2-го разряда»… Царство ему небесное! Хороший был, честный, гуманный и ласковый!

30 июля/12 авг. Красными войсками оставлены Ахтырка, станция Знаменка, станция Гоголево, Новохоперск и Минск. Взяты Тюмень и Новоград-Волынский.

Дожди стали надоедать и пугать: как бы от необыкновенного урожая не остался один обыкновенный навоз.

31 июля/13 авг. На Западном фронте советскими войсками оставлены Слуцк, Винница и ст. Цебулево.

В 43-х верстах от Киева (западнее его) неудачные бои для красных.

На Закаспийском фронте красными войсками взят Асхабад.

Объявлен конкурс на грамоту к ордену «Красное знамя», выдаваемому «за отличие в боях против врагов

социалистического отечества». Ордена возвращаются понемногу, может быть и «звания» восстановятся под каким-нибудь новым соусом?..

2/15 августа. Идет бой в 35 верстах от Двинска. На Юго-западном фронте после трехдневных боев красными оставлены Сарны и Ровно.

С 2 августа регистрируются случаи, холеры и в Москве. На 13-е августа заболевших 14 человек.

Сегодня ночью по декрету Совнаркома часовая стрелка переводится назад на 1 час. Значит, теперь в запасе разницы во времени осталось только полтора часа.

Из сведений «Экономической жизни»: на 14 августа спекулятивные цены на продукты: хлеб черный от 32 до 37 руб., белый 80 р., мука ржаная 1.300 – 1.500 р., пшеничная 2.700, пшено 60 р. ф., сахар 220 р., песок 150 р., соль 65 р., мед 160 р., масло сливочное 290–310 р., подсолнечное 230 р., сыр 220 р., молоко 22 р. кр., яйца 160 р. дес., говядина 100 р., вобла 35 р. ф., картофель 13 р. ф., капуста свеж. 14 р. ф., чай 850 р. ф., кофе 200 р., свечи 200 р. ф., спички 8 р. кор., папиросы 1-го сорта 50 р. за 25 шт., 2-го — 25 р. за 25 шт., махорка 220 р. ф., галоши мужские 700 р. пара, дамские 650 р.

8/21 августа. В Финском заливе английская (вероятно) флотилия прорвалась в Кронштадтскую гавань. Огнем сторожевых судов потоплено 3 судна. Одновременно значительное число самолетов произвело налет на Кронштадт.

Красные выбиты из Херсона, Николаева, Черкасс, Лубн, станции Казатин, Коренево, Ворожбы, но ими заняты города Короча, Новый Оскол и Бирюч.

Троцкий оповещает статьей «Смелость отчаяния», что деникинская конница прорвалась через Новохоперск в Тамбовскую губернию, и добавляет, что «прорыв смелый, но военной цели эта авантюра генерала Мамонтова не может иметь», и говорит, что скоро «лихие налетчики» будут окружены и оторваны от своей базы.

В Царицыне организацией коммунистической партии взорваны артиллерийские склады.

Колчаковцы перед уходом из Перми сожгли в Левшине почти всю Камскую флотилию и взорвали Пермский мост.

Японское правительство будто бы заявило Колчаку, что оно не может согласиться на его просьбу об отправке нескольких дивизий против большевиков.

В Москве ограблен Народный банк на 2.700.000 р.,

экспроприаторы разбежались невредимыми.

«Придворный» поэт Демьян Бедный печатает в «Известиях» сегодня свою очередную песню под заглавием «Зажигайте, друзья, боевые огни». В ней намекается на отчаянное положение Петрограда:

«Петроградские все впечатленья
От поездки моей таковы:
Коммунистов побольше и без промедленья
В Петроград мы отправить должны из Москвы.

Кое-что, я боюсь, мы уже проглядели,
Присмотрелся ко многому я в две недели,
В две недели изрядно успев ощутить,
Что не время шутить.

Уж на что я шутник, но и мне не до шуток:
Жутко в Питере. Воздух в нем кажется жуток.
Напряженность глухая на каждом шагу:
Всем нутром своим чувствуешь близость к врагу»…

и т. д.

По дороге со службы домой наблюдаю, как домовитые люди подбирают падающие с грузовых автомобилей дрова и несут их к своим очагам. Любопытная картина: на голове шляпа, под мышками по полену дров, на спине какой-нибудь мешок с мукой или картошкой, в одной руке портфель, в другой тросточка.

Да чего теперь не насмотришься!

Сплошь да рядом какая-нибудь дама, как видится, недавняя купчиха или жена статского советника, еще не успевшая вдребезги износить свои «варшавские» или «венские» башмачки и шелковые чулочки, впряглась в тележку и прет себе домой продовольственной или топливной поклажи пудов 10. Давно ли в Москве столько было разговоров, что завелся легковой извозчик-женщина (единственная на всю Москву), а вот теперь здесь есть десятки тысяч женщин, исполняющих обязанности самих ломовых лошадей!

10/23 августа. «Известия» сообщают, что Керенский и Гучков находятся в Берлине и будто бы агитируют в пользу Деникина.

Чичерин поговорил «по душам» с английским министром иностранных дел Керзон-оф-Кедлстоном. Керзон предупреждает по радио Чичерина, что за непозволительное отношение русского правительства к английским военнопленным «вы и гг. Ленин и

Троцкий, так же, как и все остальные прикосновенные лица, будут рассматриваться в полном объеме лично ответственными», а Чичерин отвечает, что «никакой шантаж не может иметь влияние на его политику. Всякое повторение таких угроз, обращенных лично к членам русского правительства и могущих характеризовать только образ мыслей их авторов, заставит советское правительство подумать о том, может ли оно вести какие бы то ни было переговоры с нынешним британским правительством, даже относительно таких вопросов, как обмен пленных.»

Советские войска оставили Корочу, Житомир, Бердичев и ст. Цветково.

Военный обозреватель «Известий» Холмский предполагает, что Деникин стремится к северо-западу от Киева соединиться с поляками, и делает заключение, что «положение на юго-западе чрезвычайно сложное и чреватое неожиданными последствиями».

11/24 августа. Дождь, дождь и дождь!

Спички уже 10 р. коробка, — значит, четвертак каждая спичка. Не правда ли, что это как-то нелепо?

Красными взяты Камышин, Поворино, Валуйки и Тамбов. Оказывается, что последний был все-таки во власти белых, о чем давно уже говорили, да не писали. Так же, должно быть, и с Козловым; по крайней мере, пишут сегодня, что в Козловском районе идут бои.

Сегодня Демьян Бедный в «Известиях» печатает свою «ноту» Лорду Керзону. «Ноту развязному лорду», и рифмует на этом месте: «Слаще: заехать бы в морду». Вот нынешние дипломаты и поэты — как они «выражаются» нежно!

13/26 августа. Красными оставлена станция Зябки в 40 верстах от Полоцка. Западная часть Новоград-Волынска занята белыми, часть восточная — красными. «Разодраша ризы моя!»… красными взят в Днепровском районе г. Корсунь, в Тамбовском Борисоглебск (?). Идет бой в 15 верстах от Пскова. Житомир опять занят красными, но Петлюра взял Фастов и Белую Церковь (около Киева), а деникинцы Канев.

Засим, «Известия» сообщают: «На Черном море после двухдневной бомбардировки английской эскадры из 30 боевых судов противник высадил десант и занял Одессу».

Холмский пишет, что Деникин и Петлюра стремятся к Киеву наперегонки, чтобы кому-нибудь из них занять взятием Киева первенствующее положение на Украине. Он ожидает даже, что они передерутся между собой. Затем Холмский недоумевает, кем

же был занят *Житомир* — поляками или Петлюрой?

В Венгрии новая заворошка: эрцгерцог Иосиф подал в отставку.

† Умер известный московский артист А. И. Чарин. Он долго играл у Корша. Публика его любила. Между прочим, он был ученым-археологом. Я видал его и на Сухаревке. Вечная ему память!

† Кажется, забыл записать, что весной где-то на юге скончалась знаменитая кинематографическая артистка Вера Холодная. Умерла она от сыпного тифа. Теперь так тяжело смотреть картины с ее участием! Это была красивая, изящная, молодая женщина с большими грустными глазами. Царство ей небесное!

Троцкий выпустил обращение «кавалеристам корпуса Мамонтова». Уговаривает их добровольно сдаться, ибо они-де «в стальном кольце, и их ждет бесславная гибель».

14/27 августа. Вчера состоялось чрезвычайное заседание Московского Совдепа, на котором делали доклады о положении на красных фронтах Троцкий и Муралов. Троцкий говорит, что Колчак определенно разбит и та же участь ждет Деникина, но не скрывает, что: «Сейчас, когда наше положение на юге стало вполне благоприятным, я скажу, что и теперь общее положение на Украине в высшей степени тяжелое.» Причины последнего, по его словам, те, «что рабочий класс там (на Украине) еще слаб, а кулачество еще очень сильно». Кулак, — говорит Троцкий, — «индивидуалист, считается только со своей личностью и со своей корыстью, все коллективное ему чуждо и враждебно. Кулак знал царское государство, применился к государству Винниченко, прошел через слабую советскую власть первой эпохи, испытал прелести германского империализма, жил под Скоропадским, прошел через 6–7 разных режимов, при всех режимах удержался. У него сложилась такая политическая психология — менялся на Украине режим, а он, кулак, оставался… Он решил, что без всяких режимов можно жить, и он не хочет никакого государственного принуждения…»

Дальше Троцкий поведал, что «продвижение Деникина по направлению к Москве задержано», что «на южном фронте наше дело сделано и карта Деникина бита». Красные заняли Волчанск и находятся уже в 60 верстах от Харькова. На Северном фронте красные полки взяли Псков.

Муралов приехал с Восточного фронта и также хвалился тамошними победами красных войск.

После их речей принята резолюция в обычном для

большевиков духе и с упованием, что «рабочие и крестьяне России смогут в широкой мере восстановить разрушенное контрреволюцией (?) хозяйство и создать для трудящихся советских граждан достойную жизнь без хозяев, без гнета, без голода и холода»…

«Известия» сообщают сегодня, что в 30 верстах южнее Курска идут упорные бои с переменным успехом. Короча опять попала в руки красных, и кроме того ими взята Бутурлиновка.

Сегодня утром тепла только 5°, но зато весь день не было дождя. Это новинка, не виданная, кажется, с июня месяца.

15/28 августа. Но сегодня опять был дождь.

Красными взят Купянск.

По случаю необыкновенного урожая хлеб все дорожает: ржаная мука сегодня на Сухаревке 2.200 р. за пуд.

По случаю великого Московского праздника Успения (увы! из Кремля не слышался уже величавый звон храмового праздника в Успенском соборе, ибо там служб давно не совершается) задумал сходить в Рождественский монастырь, где служил Тифлисский Митрополит Кирилл. По дороге ко мне подскочил мальчуган лет 11-ти и уткнулся своей папиросой в мою, чтобы прикурить. Бывало, таких несовершеннолетних курильщиков драли за уши, а теперь к ним все привыкли, как к обыкновенному явлению. В монастыре за обедней, несмотря на благолепие служения, молящихся не очень много, а где стоял я — там и совсем просторно. Тут я пережил час доброго и умилительного настроения. Не столько религиозной радости, сколько удовольствия чисто житейского от красоты звуков и внешности близко находившихся ко мне. Это было приятнейшее зрелище, описать которое не погнушался бы и заправский писатель, точно не в 19-м году, а в прошлом веке: истово служил седовласый митрополит в богатейшем облачении; его возгласы чаруют молящегося, или просто слушателя. У митрополита чудный баритональный тенор и, как видится, врожденная музыкальность. До такой степени отчетливо, проникновенно и ритмично идут из его уст святые слова, что не наслушаешься. Хор монахинь поет стройно и благозвучно. Слева от меня стоит на своем возвышенном месте Игуменья: маленькая, аскетического вида старушка, украшенная наперсным крестом, и молится со всеми признаками несомненной веры, как молились, вероятно, только наши деды и бабки, а впереди нее стоит какая-то молодая девушка, не монашка, но, может быть, готовая быть ею. Одета она в темное платье. Я вижу только ее стан и затылок: она стройна, ее голову украшают две русые девичьи косы. Трудно отвести глаза

от этой фигуры. Чувствовалось, что она сознательно находится в храме Божьем, что она выше толпы, что будущее ее — жизнь «во Христе». Но кто она? Вера из «Обрыва», Настенька из «Лесов» Печерского, Катерина из «Грозы», Катя из «Воскресенья»? Я подбираю к ней эти типы не для придания своему рассказу литературного пошиба, а потому, что мне, грешному, как раз вспоминались те «грешные» женщины, когда я смотрел на ее молитвенную позу. И они так же молились, как эта девушка. Иначе и быть не могло. Там красота тела и духа, едва сдерживаемая страсть возраста, томление, борьба, и тут — то же самое. Ближе ко мне, впереди меня, какой-то глубокий старец в сильно поношенном черном сюртуке. Он высок ростом, но слаб на ногах, часто садится и пользуется помощью стоящего за его стулом человека средних лет, по-видимому, его слуги. По черепу старика, обрамленному серебряными редкими сединами, по его как бы военной выправке, невольно подумал, что это не кто иной, как подлинный барин. Аристократ с ног до головы. Какой-нибудь граф, князь или министр.

Ошибки быть не могло, порода так и сквозила в нем; около него было пространство, не занятое никем, все как будто сторонились, уступая величавому и скорбному старцу «честь и место». А позднее, после «Иже херувимы», к нашей группе подошла новая прекрасная фигура, и как пришла, так сразу опустилась на колени, поникла головой, и в этой позе оставалась почти до самого конца обедни. Это была красавица восточного типа, хоть не роскошно одетая (теперь роскоши нигде не увидишь), но очень интересно, вроде как бы цыганки или испанки. Однажды только она оглянулась и обдала стоящих за нею своим пристальным взглядом бездонных черных глаз. Именно обдала. В ее взгляде было что-то крупное, так сказать, оптовое, точно волна морская окатила всего с ног до головы, и моментально скрылась. Захлебнуться можно от таких необыкновенных глаз: в них помимо южного зноя блестели наши северные слезы. Тут мне после Гончарова и других писателей вспоминается Хомяков:

«Нет, взор открой! отрадней мне
От зноя изнывать,
Чем знать, что в небе солнце есть,
И солнца не видать!»

Но не открыла она больше взора, а потому я и не понял, о чем она так крепко молится и о чем плачет. Но я думаю, что ошибки с моей стороны не будет, если скажу, что та русая

девушка молилась о будущем, а эта — о прошлом.

«Та — луч, тепло и свет; эта вся — мерцание и тайна, как ночь, полная мглы и искр, прелести и чудес.» Так есть у Гончарова, пусть это будет сказано и про них, сегодняшних очаровательных, случайно встретившихся женщин.

Есть еще красота в жизни, и пускай она проявилась только случайно, но и это примиряет хоть на короткие мгновения с ужасом переживаемого безвременья.

После узнал, что старик — это знаменитый Саблер, бывший Обер-прокурор Синода, а ухаживавший за ним — не слуга его, а сын. Сам старик живет на монастырском дворе, в одной жалкой комнатке, а сын служит в красноармейцах и навещает отца только по праздникам. Какая трагедия! Но кого разжалобишь теперь этим? Сколько таких «Лиров» теперь в России!

Выйдя из монастыря, хотел закурить, но не оказалось спичек. Спросил на Трубе коробочку, да и не купил: оказалось не по карману: 15 рублей. Тут вся иллюзия «красивой жизни» моментально исчезла, и я оказался просто в «столице» без «усадьбы». (Я «расшалился»: играю словами: до революции издавался журнал под названием «Столица и усадьба», журнал, как сказано в заголовке, «красивой жизни». Кстати отмечу, что годовой экземпляр, стоивший по подписке 30 р., на Сухаревке продают теперь не дешевле 1.200 р.)

17/30 августа. Сегодня очень хорошая погода, но я видел, что начался уже листопад, и стало досадно и грустно за то, что лета нынче в Москве так и не было.

Напечатано обращение Чичерина «К рабочим и крестьянам Персии». Советское правительство «торжественно заявляет, что не признает англоперсидского договора» и объявляет, что «все платежи Персии по царским платежам аннулируются», что «Каспийское море, по очищении его от разбойных судов английского империализма, будет объявлено свободным для плавания судов под персидским флагом», и т. д. все в таком же «высокомилостивом» тоне.

Военный обозреватель «Известий» Немиров пишет, что в Ревеле идет усиленная выгрузка военного снаряжения для армии генерала Юденича.

«Под сильным натиском противника» красные оставили Бобруйск.

В Суджанском направлении с боем красные взяли Рыльск и ст. Короснево, а в Белгородском опять оставили пресловутую Корочу. Но, может быть, я забыл записать, что они взяли Новохоперск?

Про Киев пишут, что он теперь «вне всякой опасности».

В Венгрии новый кабинет образовался под председательством Франца Гейнриха, причем обеспечено «сотрудничество христианских социалистов». Что это за штука, я, признаться, не понимаю. Впрочем, новый кабинет наши газеты считают «ярко реакционным».

Вот новость, которую надо бы оповестить громаднейшим шрифтом: «Началось правильное воздушное сообщение между Парижем и Лондоном». А что у нас сделано за последние годы в смысле завоевания культуры? Разве обелиск революции на бывшей Скобелевской площади! — сооружение фундаментальное, художественное, но обезличенное или испорченное надписями, по-моему, ни к селу, ни к городу: «Вся власть советам», «Не трудящийся не ест». Памятники создаются для веков, а ведь по учению большевиков власть советов только временная, так как никакой власти в будущем не должно быть. И не ест только мертвый, а живой — трудится он или нет — все-таки ест, и будет есть, вопреки этой, на камне высеченной новой заповеди.

Если советы не накормят «нетрудящегося», то прокормит его, по человечеству, «трудящийся». Например, Шаляпин: куда ему девать деньги? Вот сегодня В. Аш/марин/ сообщает в «Известиях», что «театральной администрации советского театра приходится выплачивать Шаляпину колоссальные гонорары: так, за участие в «Севильском цирюльнике», спектакле благотворительном, артисту уплачено 40.000 р., а сбор со следующего спектакля, *около 240.000 р., будет предоставлен артисту целиком.*

В последнее время в Москве пооткрывалось бесчисленное множество подобия кофеен. Продают воды, простоквашу, молоко, ягоды, пирожки. Везде грязно, невкусно, но цены, конечно, ужасающие «мимо проходящую» публику. Чаще всего такие заведения не имеют никаких своих вывесок и помещаются в магазинах и лавочках, где раньше торговали бельем, овощами, шляпами, стальными изделиями и т. п. Над многими магазинами остались еще старые вывески, не снятые, вопреки декрету, конечно, по несостоятельности бывших хозяев (снятие небольшой вывески пахнет расходом не меньше 1.000 р.), а потому есть и такое современное «кафе», над входом в которое висит еще вывеска «Похоронное бюро». Державин писал:

«Где стол был яств, там гроб стоит,
Где пиршеств раздавались клики,
Надгробные там воют лики.»

А теперь как раз наоборот!

20 августа/2 сент. На Южном фронте красные заняли Суджу и Обоянь, а также ст. Алексиково и Филоновское. На Восточном фронте г. Орск. В Оскольском направлении оставлен Новый Оскол. Вдоль реки Тобола идет наступление на Тобольск.

Раковский сообщает, что белые отогнаны от Киева на 60 верст во все стороны. Иоффе говорит, что «центральный натиск Деникина остановлен».

Установилась-таки прекрасная, ясная, сухая погода. На солнце не меньше 30°, а по ночам около 15.

Третьего дня был на Трубе и на Сухаревой. На первой торг против прежнего значительно сократился. Нет главных предметов торга: собак и домашних птиц. Первые перевелись, должно быть от «нечем кормить». А Сухаревка все растет, пухнет, расширяется. Завелись уже целые ряды: скобяной, съестной, мануфактурный, книжный, и есть даже такой, который зовут «кузнецким мостом», этот в самом центре Сухаревки, где всего теснее. Тут торгуют драгоценностями и разными предметами роскоши. Много и икон. Некоторые в дорогих ризах. Продавцы сами — прогорающие владельцы вещей, но, конечно, попадаются и перекупщики. Цены на все ужасающие. За золотые карманные часы платят десятки тысяч. Пробовал было приценяться, но цены такие несуразные, что никак не уловишь середины и странно: один купит вещь за 5.000 р., а другому удастся купить таковую же за 3.000. Так и с книгами. Я полюбопытствовал об иллюстрированном Брокгаузском издании (в переплете) «Хаджи Мурата» Л. Толстого — сказали 3.000… Это за книгу, стоившую рублей 30–40! За «Историю России в XIX веке» (9 тт. в переплете) просят 1.800 р., за 3 тома издания «Мужчина и женщина» — 600 р., за марксовое издание сочинений Григоровича 500 р., и т. д.

Открытки продают по 5 р., картинки для стереоскопа по 10 р. Учебники старшего курса по 200–300 р., и т. д., и т. д. Граммофонные пластинки от 40 до 100 р. Отрезы кожи для пары подошв 550–650 р.

Прошел мимо взвод «обученных» коммунистов. Идут браво и стройно, но инструктор, идущий сзади взвода, строго кричит: «Затылка нет!», а сухаревская публика иронически шипит: «Велика штука затылка нет — у них и сердца-то нет». Намек на участие рядовых коммунистов в ночных обысках обывателей, живущих «домком».

21 авг./3 сент. После вчерашнего сообщения об отпоре противника от Киева на 60 верст сегодня в сводке за второе сентября сообщают, что после упорных боев противник занял южное предместье Киева.

На Волге красные заняли Дубовку (в 40 верстах от Царицына).

В «Известиях» напечатана статья Л. Троцкого «Финляндия и 13 других». Начинается так: «Болтливый и хвастливый лорд Черчилль насчитал 14 объединенных супостатов у Советской России. К их числу относится и Финляндия», а дальше Троцкий пишет, что для антанты Финляндия «не самоцель, а лишь третьестепенное средство: это, попросту сказать, — охапка соломы, которую они (т. е. Ллойд Джордж, Клемансо и прочие «мировые плуты») хотят швырнуть в российский костер, чтобы разжечь пламя гражданской войны». Затем Троцкий шлет Финляндии такие угрозы: «Мы уже имеем полную возможность сосредоточить против Финляндии силы, достаточные не только для отпора, но и для наступления. И не только для наступления, но и для истребления виновников провокаций и бандитизма… Попытка финляндской буржуазной черни нанести удар по Петрограду вызовет с нашей стороны истребительный крестовый поход против финляндской буржуазии… Бывают условия, когда революционный расчет требует беспощадной мести… Нужно показать продажной буржуазии мелких государств, что каиновы сделки с Англией не представляют выгоды. Этот урок мелким государствам мы дадим на спине Финляндии… В числе тех дивизий, какие мы теперь перебрасываем на Петроградский фронт, — башкирская конница займет не последнее место, и в случае покушения буржуазных финнов на Петроград красные башкиры выступят под лозунгом «На Гельсингфорс». Беспощадный истребительный поход против буржуазии… Советская Россия бодрствует. Петрограда она не отдаст. Покушение на первый город пролетарской революции вызовет с нашей стороны крестовый поход смерти и опустошения…

Обрадовался было, сегодня получив от сына письмо, но оно не помечено ни числом отсылки, ни местом его нахождения. Пишет только: «Не могу писать много. Жив-здоров и воюю. Целую всех. Леля.» Что можно понять из такого не письма, а скорее телеграммы?

Да смилуется над нами Господь милосердный!

22 авг./4 сент. Шестой год всенародного смятения, океан крови, величайшее потрясение, а кометы не было. Можно было подумать, что и в небесных сферах саботаж, но вот, наконец, сегодня директор Пулковской обсерватории А. Иванов оповещает, что астроном Селиванов открыл в Петрограде комету седьмой величины. Теперь все в порядке, ибо «смутные» времена, как говорит нам история, всегда отмечались появлением комет.

23 авг./5 сент. В сводках на 4-е сентября по делам Юго-западного фронта кратко значится: «Нами оставлен Киев».

В Киев первыми вступили петлюровцы, а потом уже и деникинцы. Холмский ждет еще туда поляков и предполагает, что все они передерутся между собой, а там, мол, красным свободнее взять украинскую столицу опять к себе.

В Калачском направлении красные овладели ст. Калач.

25 авг./7 сент. Старые песни о «Новом Осколе»: он опять взят красными.

На Восточном фронте ими взяты Актюбинск и Тобольск с большой военной добычей.

Не пойму такой телеграммы РОСТА: «На должность саратовского губернатора Деникин назначил полковника Лашишова». Что же с самим Саратовым?

27 авг./9 сент. Паки и паки о «Новом Осколе»: опять он перекочевал к деникинцам.

В Москве объявлено военное положение. На улицах дозволено болтаться только до 11 ч. вечера.

25-го, в воскресенье, был день «советской пропаганды», т. е. набор новых коммунистов и сочувствующих им. Были митинги, бесплатные зрелища, угощение, музыка, расклейка и разброска агитационной литературы, и т. п. Хроникер «Известий», описывая привлечение в Екатерининский парк массы детей и подростков, отмечает, что их не очень интересовала музыка и пение «культурно-просветительного свойства», все выступления артистов прерывались оглушительными требованиями: «Рыжего!», т. е. циркового клоуна.

Другой хроникер сообщает, что «везде царит образцовый порядок». Точь-в-точь, как при блаженной памяти Власовском. Впрочем, и хроникеры-то, должно быть, школы «блаженной» памяти «Московского листка».

Сегодня купил восьмушку махорки уже за 40 р. и коробку спичек за 15 р.

29 авг./11 сент. Погода опять испортилась, и уже видно теперь, что осень на дворе: дождь, ветер, и легкий холодок. Впрочем, от этого холодка в жар бросает, — он говорит, что и морозы не за горами, — а у нас в Москве дров нет. Сейчас сажень дров с доставкой на двор 3.000 – 3.500 р.

Газеты полны устрашающими статьями, что дров для зимы запасено ничтожное количество, что надо самим гражданам

организоваться и идти в лес, заниматься разработкой дров. Для этого Московский совдеп предоставил несколько лесных участков в восьми и далее верстах от Москвы. Конечно, и этим горю не поможешь — всех не нагреешь («нагреют» — только руки некоторые топливные дельцы).

Туркестанская армия, по сообщению «Известий», разгромлена красными. В Актюбинско-Орском районе взято в плен около 12.000 человек и будто бы еще сдается добровольно до 20.000 чел. В Ташкенте образована Советская Туркестанская республика. Напечатаны приветствия ее Ленину и Троцкому.

Красными взяты Конотоп и Урюпинская станица.

Англия дала своим военным героям денежную награду. Так, например, адмиралу Битти 100.000 фунтов (около млн. рублей по довоенному курсу). Столько же — фельдмаршалу Хейгу. Другим адмиралам и генералам от 10.000 до 50.000 фунтов.

Рыночные цены неудержимо растут: по справкам «Экономической жизни», вчера черный хлеб продавался по 50 р. ф., белый по 120 р., ржаная мука до 2.200 р., пшеничная до 4.400 р., сахар 280 р., сахарин 20 р. грамм, соль 115 р. ф., сода 80 р., мед 200 р., масло сливочное 360 р., подсолнечное 340 р., молоко 25 р. кружка, говядина 120 р. ф., селедка до 100 р. шт., огурцы 40 р. десяток, сливы 75 р. ф., дрожжи 170 р. ф., чай от 1.200 р. до 1.500 р. ф., грибы сухие до 450 р. ф., мыло простое до 250 р. ф., свечи 280 р. ф., махорка 280 р. ф., калоши 1.200 р. пара, ботинки до 5.000 р., сапоги от 2.500 р. до 5.000 р., керосин 80 р. ф., и т. д.

30 авг./12 сент. «Сглазил» скверную погоду: сегодня теплый и ясный день.

Советские войска взяли Бахмач и Ворожбу и отдали Валуйки.

Вчера Колчак, сегодня Деникин, а завтра — новая военная гроза, немецкий генерал фон-дер-Гольц. Он стоял с 40.000 немецких войск в Латвии и объявил, что все они выходят из немецкого подданства, составляют из себя независимую республику и приглашают присоединиться к ним еще 60.000 солдат, чтобы идти на Бологое, водворять в России порядок. Будто бы Гольц называет себя уже не Гольцем, а «генералом Гольцевым». В «Правде» эту новую республику называют «передвижной». На самом деле, где у них земля, оседлость?

31 авг./13 сент. Чичерин обратился к белоэстонскому (Ревель), финляндскому, Рижскому и Ковенскому правительствам с предложением начать мирные переговоры.

На Западном фронте советские войска оставили г. Борисов.

На Амуре от Хабаровска до Куэнги восстановлена советская власть.

Ж.д. линия Иркутск-Омск охраняется американскими и японскими отрядами.

Дороговизна углей заставила прибегать к еловым шишкам, и потребление их так возросло, что и их продают по 100 р. за мешок.

Сегодня я принес на себе с пристани (час ходьбы до квартиры) 1 п. 10 ф. картошки, стало быть, считая по 13 р. ф., на сумму 650 р., а давно ли такой же мешочек стоил какой-нибудь рубль! Сегодня же я получил увеличенное с 1-го сентября по декрету жалование, по расчету 3.100 р. в месяц, и вот, можно сказать, «особа», получающая жалование министерское, прет на себе мешок картошки. Кажется, во всей моей жизни это — самая большая физическая работа, которую я проделал не ради забавы, а по нужде. На днях жена и дочь принесли на себе такого же продукта 3 п. 15 ф. Вот как живем в 1919 году!

3/16 сентября. Красные войска, оперирующие на Туркестанском фронте, соединились с ташкентской группой, и теперь дорога Оренбург-Ташкент свободна.

Ворожба оставлена советскими войсками. В «Известиях» напечатана телеграмма из Ельца от 14 сент., начинающаяся словами: «Елец был в наших руках». Многие города, по слухам, были в руках конницы Мамонтова, да писать-то об этом — не писали. Только вот разве так — через несколько дней: «Елец вновь в наших руках.»

Антанта постановила потребовать от Германии немедленного удаления немецких войск со всей бывшей территории России. Английские войска будто бы с Кавказа убираются.

Вчера и сегодня дождь, град, гроза, вихрь, и притом — скачки температуры: то холодно, то жарко. Плохо дело, когда и погода не радует.

Для кого же теперь театры? (И в частности — Шаляпин). На его концерты билет 14-го ряда стоит 220 р. В Художественном театре свободными остаются билеты не дешевле 150 р.! Да не подумают случайные читатели сего горе-писания, что это я сам попробовал побывать «на Шаляпине» и в Художественном. «Где уж нам дуракам чай пить»! Это я вычитал в театральной хронике «Известий».

4/17 сентября. В Петроградском совете 15-го числа состоялось заседание с участием Рыкова и Ломова. Гастролеры вели такие речи, по которым выходит, что Петербургским

заводам надо переселяться на Урал или в другие какие места. Оказывается, во всей Советской России осталось нефтяного топлива 1–2 млн. (даже водопровод и электричество обеспечены топливом только на 5 месяцев).

6/19 сентября. Советские войска оставили Нежин и Суджу.

Идет поход против Сухаревки. Все придумывают, как бы ее пресечь, уничтожить и т. п., но пока что без нее обыватель не обходится, и цены там растут и растут.

Сегодня около 11 ч. вечера у меня в квартире был обыск по ордеру транспортной ЧК. Два комиссара, проводившие обыск, были очень деликатны, не все переворотили вверх дном, заглянули в 5–6 шкафов и столов и, не найдя ничего предосудительного и незаконного, оставили нас с миром, но прикомандированный к ним милиционер с ружьем во время обыска забрался в уборную и произвел там ретирадное безобразие, потребовавшее тщательной чистки. Ну ничего! Будем считать, что это на счастье! Значит, у нас не только ничего не взято, но даже оставлено.

7/20 сентября. Взят красными Житомир, оставлены ст. Коренево и Бирюч. В 15–20 верстах южнее Курска идут бои.

Румынские войска уходят из Венгрии.

Мирные переговоры с Эстляндией прерваны. Эстонская делегация сказала, что надо подождать согласия Финляндии, Латвии и Литвы на такие же переговоры. Предложение перемирия эстонцы тоже отклонили.

Что это за слова пошли, что называется, «ни к селу, ни к городу»: «Давай, давай!» — и это кричит не покупатель, а продавец. Торгует папиросами и то и дело покрикивает «давай, давай». Еще надоедающие слова: «налетай» и «ничего подобного». Академия этих глупых бормотаний — Сухаревка да трамвай.

8/21 сентября. В 45 верстах от Бобруйска противник советских войск переправился через Березину, и ими оставлен Олевск и Конотоп. Идут бои под Курской и Острогожском. Холмский пишет, что деникинская армия расширяет наступление до Бахмача и Острогожска, и что, «идя пока вперед, деникинская армия только несет новые опустошения, новые лишения русскому народу».

†† Две смерти, два лишения в мире русского искусства: в Мустамяках 13-го сент. скончался от разрыва сердца Леонид Андреев, и в Москве — Павел Акинфович Хохлов, несравненный баритон Большого театра, оставивший сцену 20 лет тому назад.

Это был кумир дам… и студентов. Я помню, лет 30 тому назад писали о таком случае, что один студент в экстазе во время бесконечных вызовов Хохлова взял да и сбросился из ложи третьего яруса в партер. «Должен, — говорит, — выразить свой восторг как-нибудь особенно.»

Оставив сцену, Хохлов был предводителем дворянства в Тамбовской губернии и членом Государственной Думы.

Я много раз слыхал его и не забуду его очаровательного мягкого, бархатного голоса и благородной игры, а особливо в «Евгении Онегине». Я видел однажды в «Онегине» Шаляпина, но великий артист ничего своего не создал и лишь искусно повторил Хохлова.

Вечная память Андрееву и Хохлову! Их не забудут.

Был сегодня опять в Рождественском монастыре. Опять Экзарх-Сладкопевец, опять «опальныя болярин Владимир», опять «Аленушка», опять «Бэла»… Красота!., но спички уже 18 р. коробка…

10/23 сентября. † ВЧК сегодня опубликовала список 66 лиц, расстрелянных «за шпионство для Антанты и Деникину». Между ними известный москвич, старый городской деятель и член Государственной Думы Н. Н. Щепкин, несколько профессоров и бывших офицеров, а также б. князь М. М. Андроников, слывший другом Распутина. В списке три фамилии Астровых, вероятно, родственников б. городского Головы. Сводка сообщает об оставлении Курска, Льгова, Острогожска и Коротояка.

Жизнь становится прежестокая; сегодня целый день питался только черным хлебом, запивая его чаем. Принимая во внимание, что к чаю был сахар, «в прикуску», полагаю, что такое питание не истощит меня до смерти. Но не знаю, надолго ли таковое мое постничество; не пришлось бы бежать на Сухаревку, продавать книги, с которыми расстаться так же тяжело, как с близкими сердцу людьми…

Помоги, Господи, и мне, и всему роду человеческому!

11/24 сентября. Взят Новоград-Волынск и оставлен г. Щигры.

Зиновьев пишет в газетах, что всех коммунистов в России 300.000 человек, и говорит, что последним лозунгом партии должен быть «миллион коммунистов», как Ленин в прошлом году объявил для создания красной армии лозунг «Три миллиона красноармейцев!».

12/25 сентября. Сегодня вечером принимал «опиум», т. е…

был за всенощной в храме Пятницы Параскевы (в Охотном ряду). По случаю завтрашнего праздника Обновления Храма Воскресения Христова в Иерусалиме всенощная шла «по пасхальному чину», что для меня было великим духовным утешением, ибо я по болезни не мог быть в этом году ни за одной пасхальной службой. Служба была на редкость благолепной. Храм переполнен, служит Епископ Трифон, очень популярный в Москве, но поистине отрекшийся от мира. Ведет, говорят, совершенно замкнутую жизнь, и даже не в монастыре, а в частной квартире, занимая одну жалкую комнатку. Внешность его как бы подтверждает такую обстановку: не так давно он был совершенно черен волосом (он из восточных «князей»-туркестанов), а теперь седой, с изможденным лицом, но зато, когда облачился в красные торжественные ризы и в митру, — явил из себя картинного епископа. Так шло к пышной церковной обстановке его иконописное лицо, и к тому же все его возгласы и чтение Св. Евангелия были проникновенны и западали в души молящихся. У него несильный, но приятный голос и уменье им пользоваться. Сослужил ему местный, должно быть, священник, молодой еще, но уже «благообразный», с истовым отношением к своей, по службе, задаче. У него также прекрасный голос — тенор. Диаконствовал тоже «мастер своего дела» — иеродиакон, или архидиакон (не знаю, кто именно), которого я видал раньше в Сретенском монастыре, а теперь вижу всегда в этой церкви — значит, он перешел сюда. У него представительная наружность, роскошная кудрявая шевелюра и приятнейший, хотя не поразительный, но порядочной силы — бас. А хор — по нынешним временам — прямо замечательный. Так и должно казаться, потому что им управляет прославленный знаток церковного пения — Н. М. Данилин, бывший регент бывшего несравненного Синодального хора.

Всенощная началась троекратным пением «Христос Воскресе!» и сразу получилось настроение. А когда в конце Великого Входа хор грянул «Да воскреснет Бог» (Пасху — Смоленского), у меня волос зашевелился. Несказанно хорошо и величаво!..

После Евангелия духовенство запело «Воскресение Христово видевше», и вся церковь наполнилась всенародным пением. Первые слова молящиеся подпевали несмело, но Епископ обратился к нам со словом: «подпевайте», задирижировал бывшей у него в руке зажженной свечкой, и волна задушевного, мощного пения охватила весь храм. Точно уж не только воспоминание об Обновлении Храма, а обновление всех предстоящих людей, час тому назад погруженных — кто в служебные, кто в домашние,

кто… в спекулятивные дела… Затем чудным древним распевом хор исполнил весь Пасхальный Канон…

То, что я описал тут за этот день, есть только остатки «былого». То ли видал и слыхал я за 50 лет своей жизни в русских соборах и монастырях… Православная служба, когда она совершалась истово, торжественно, благолепно, и церковное пение, если оно исполнялось мастерами, это, не споря даже про «опиум», — это такая красота и услада, какой никакая новая жизнь ничем не заменит. В чем в другом — я хочу и ищу нового, т. е. не очень отстаю от бешено мчащейся вперед молодежи, но по части церковной — весь ее обиход, напевы, обряды — «чем старе, тем сильней» западают в мою душу, и я не изменю им…

17/30 сентября. † 25-го сентября, в 9 ч. вечера, в помещение Московск. Комитета Росс. Коммун, партии, в Леонтьевском пер., в дом бывш. гр. Уваровой, во время собрания, была брошена со двора бомба, которой убито 12 товарищей, в том числе секретарь комитета Загорский, член Совета Н. Н. Кропотов и около 30 товарищей ранено; среди них Г. Сафаров, Н. Бухарин, Ю. М. Стеклов и Е. Ярославский — видные деятели партии. Похороны убитых совершены с революционной торжественностью на Красной площади в воскресенье 28-го сентября. Калинин, Троцкий, Каменев, Зиновьев и другие выступили с речами в духе лозунгов, начертанных на знаменах Московского пролетариата, участвовавшего в похоронах: «Ваша мученическая смерть — призыв к расправе с контрреволюционерами», «Ваш вызов принимаем, да здравствует беспощадный красный террор», «Вас убили из-за угла, мы победим открыто», и т. п.

Ленин почему-то на похоронах не был; по крайней мере, в газетах о нем ничего не говорится.

В сводке от 26-го сентября сказано, что идет бой на Западном фронте, в 20 верстах северо-западнее Бешенковичей. Я там бывал в имении своего незабвенного друга Игнатия Францевича Корженевского. Могли ли мы думать тогда (в 1909 году), что лет через пять начнутся такие страсти, что не приведи Бог, а чрез десять и его мирный, типично мирный уголок будет ареной военных событий!.. В той же сводке говорится об оставлении Фастова и о том, что советские войска находятся в 13 верстах от Киева. В сводке от 27-го сентября сообщается об оставлении Нижнедевицка; в сводке от 28-го, что советские войска, под давлением противника с 5-ю броневыми пароходами, отходят к устью реки Тобол; в сводке от 29-го о том, что под натиском противника, поддержанного 8-ю танками, после упорного боя, отошли на правый берег Западной Двины и оставлены Лепель,

Глухов и ст. Касторное. В 30-ти верстах западнее Воронежа идет бой.

Финское правительство отказалось подписать соглашение о начале мирных переговоров с советским правительством.

За август в Англию ввезено товаров на 148.832.393 фунтов стерлингов, на 38.652.892 ф. ст. больше, чем в августе 1918 г., а вывезено на 74.773.278 ф. ст., на 31.251.041 ф. ст. больше, чем в августе 1918 г.

18 сент./1 октября. В сводке отмечается оставление на Южном фронте г. Ливны и на Восточном г. Тобольска.

25 сент./8 октября. Опять неделя солнечная, теплая, — но сегодня снова «заоктябрилось».

С сегодняшнего дня в Москве началась «партийная неделя», т. е. до 15 октября будут ежедневные митинги с призывом записываться в коммунистическую партию.

Англичане свои войска из Баку вывели, но пишут, что в Персии таких войск больше, чем прежде, и что лучшие русские военные корабли Каспийского моря англичанами уведены в Энзели. Одним словом, власть англичан над Каспийским морем еще в силе.

Сегодняшняя сводка сообщает об оставлении советскими войсками Воронежа и о взятии г. Севска.

1/14 октября. На севере опять возня: советские войска сдали Ямбург и отошли на новые позиции в 35 верстах севернее Пскова. У Полоцка же противник отброшен на левый берег Западной Двины; в 15 верстах от Киева красные войска заняли станцию Ирпень. Но оставлены ими Козельск, Кромы, Чернигов и станция Графская.

В 15 верстах от Орла идут бои. Войска фон-дер-Гольца взяли у латышей Ригу. Английский флот ушел оттуда.

В Москву приехало Афганское (?) посольство. Сделана торжественная встреча, с речами, музыкой, церемониальным маршем. Как при царе, или как в оперетке…

На днях ходил на Дербеневскую набережную (полтора часа ходу от квартиры), разбивал вместе с сослуживцами гнилую, обсохшую на берегу песочную шаланду, предоставленную нам «Руповодом» на дрова «из полы», т. е. половину дров себе, половину учреждению. Барщина своего рода. Записываю к тому, чтобы показать, как прогрессирую себя в смысле истинного труда. Работал с 11 ч. до 4 ч. дня — ломом, топором, кувалдой и пилой, а обратно заходил на пристань и потащил на себе пуд кочанной

капусты. И то же делают теперь большинство московских обывателей. Наступают холода (сегодня утром был легонький морозец) — дров ни у кого нет, хлеб и картошка все дорожают; первый (черный) 70 р. ф., вторая 23 р. ф., а масло коровье дошло до 640 р. ф., постное до 550 р.

Спички — черт их побери! — и те стали уже 25–27 р. коробка. Молоко от 30 до 35 р. за кружку. Идет усиленная борьба с Сухаревкой: ежедневные облавы, отъемы продуктов, но спекулянты не унимаются — цены на все еще более вздорожали.

Накануне сегодняшнего праздника (Покрова) был в нескольких церквях, наблюдал, какие жуткие времена переживают наши храмы и духовенство. Там, где нет архиерейской службы, прославленного хора певчих, — там пяток молящихся (в большинстве случаев старушек), скудное освещение (еще бы! купит ли кто десяток свечек, когда одна крохотная свечечка стоит теперь 5 – 10 рублей) и душу ущемляющая обстановка службы: во многих храмах нет дьяконов (они что ли забраны в красную армию, или за невозможностью просуществовать на их церковные доходы сами разбежались по советским учреждениям или по спекулятивным делам), нет псаломщиков, певчих и службу совершает один только печального вида священник, а на клиросе какой-нибудь богомольный прихожанин, умеющий прочитать что нужно и пропеть положенное. И такое явление не потому, что Покров день, советскими властями за праздник не считающийся, а от духа времени. Как-никак, антирелигиозная пропаганда сделала громадное дело, — дух безверия коснулся миллионных масс.

А что будет дальше, когда станет холоднее? Я думаю, что многие храмы совсем закроются. Да и как тогда служить и молиться, когда там будет так же холодно, как и на улице. Уж если дров не хватает для советских учреждений и жилья рабочих, то где же тут надеяться на отопление церквей!

Правда, архиерейская или патриаршая служба и теперь привлекает большую толпу, но при каких условиях!.. Расклеиваются своего рода зазывательные афиши, тогда-то, там-то будет служить такой-то митрополит, с таким-то протодьяконом, с таким-то хором, с такими-то солистами, с таким-то проповедником-профессором, и что будет совершаться не обыкновенное служение, а вот эдакое — или покаянное, или древнее, и что будут исполнены песнопения таких-то композиторов. Чувствуете, как это грустно?.. Идет ли это к Храму Божию, куда верующие должны стремиться в силу своей душевной потребности, а не какой-либо зрительной или слуховой!

Но что же делать заботящимся о поддержании если не веры Христовой, то церковных сооружений? Откуда брать средства для поддержания их и существования духовенства? Церковь от государства отделена — это еще полгоря; но люди-то государства отделились от нее — вот в чем безмерное горе! Точно обрадовались: вот, мол, были церковные расходы, а теперь я волен их и не делать. Бессовестные мы. простые русские люди, в особенности пожилые и старики. Ведь не всех нас перестреляли и заточили по тюрьмам и лагерям. Кому бы, как не нам, теперь еще чаще бы, чем прежде, направлять стопы свои в Храм Божий, а мы сидим себе в своих комнатах и кряхтим о трудностях современной жизни. Прогневался на нас Господа, но это по делам нашим!

2/15 октября. Советские войска отошли на 25 верст к юго-западу от Красной Горки и оставили, «временно» (как сказано в сводке), Орел, а также ст. Верховье и Скарятино. Идут бои у с. Кикерино в 35 верстах западнее Гатчины и у города Луги.

В газетных заголовках крупным шрифтом напечатано о взятии в Глуховском направлении Воронежа-Черниговского. Это, должно быть, в позлащение Орловской пилюли и для малограмотных, которые *селение* Воронеж-Черниговский могут сразу принять за два свежеоставленных города — Воронеж и Чернигов.

4/17 октября. Здорово стал работать! — вчера ходил «на дрова» и отбыл повинность с 11 до 4-х, но после работы навьючил себя мешком с напиленными дровами и притащил их — пуда два — к себе домой, не пользуясь трамваем и только раза два присев на пути «покурить». На такое путешествие понадобилось 134 часа. Но «когда дрова горят, тогда и кашу варят», а без каши дело плохое!

Ухитрились взять Киев обратно. А в Петрограде объявлено уже осадное положение.

В «Известиях» помещена заметка, что на Принцевых островах набралось до 8.000 русских, сбежавших с родины буржуев, и что там издается газета «Заря России» под редакцией Дорошевича.

5/18 октября. Оставлены Красное село, Севск и Бутурлиновка. Взяты Кромы и ст. Графская.

Троцкий призывает защищать Петроград даже и тогда, когда Юденич или кто там другой войдет в самый город. Пускай гибнут здания, мирные люди (преимущественно дети, женщины и старики), но Советское правительство будет спасено.

Прудона, стало быть, вспомнил: «Пускай погибнет родина, а человечество будет спасено»…

Американцы захватили Камчатку. Надо же кому-нибудь заниматься настоящим делом!..

Финляндия объявила блокаду Советской России.

Преуспеваю в переноске нужных для дома продуктов: сегодня приволок на собственных плечах и спине уже 1 п. 30 ф. картошки зараз. Заплатил, по знакомству, на пароходе, пришедшем из Рязани, по 7 р. 50 к. за фунт, а на Сухаревке ее продают уже по 25 р. Вон оно, сколько деньжищ-то сразу выгадал своею покупкою: заплатил за 2 п. 20 ф. — 750 р., а на Сухаревке пришлось бы заплатить за такое же количество 2.500 р. Значит, за вчерашний и сегодняшний рейсы получил (как бы) гонорара 1.750 р. Заработать 875 р. в день, поистине «честным» трудом, недурно и по нынешним временам.

Да что удивляться такой прыти, когда и почище меня люди то же проделывают. Все бульвары и тротуары представляют из себя «мешочное» шествие; редкий человек теперь без поклажи: кто с картошкой, кто с дровами, кто с капустой, кто с мукой… Как раз видел навьюченного чем-то знаменитого москвича, профессора по нервным болезням Минора (его брат был председателем московской думы). Идет этот старец впереди меня и разговаривает сам с собой. Невольно я прислушался, но связного в его бормотании ничего не слышал, болтал какую-то чепуху, от которой чичиковский Чубарый фыркал. Неужто сам целитель психических болезней — психически болен?.. Впрочем, как и не заболеть от такой метаморфозы!

Вечером, после трудов «праведных» пошел на всенощную к Николе Мясницкому, где было людно, потому что там — увы! — служил… гастролер — Митрополит Кирилл. Грешный человек, сегодня я, глядя на него и слушая его, — скинул ему с плеч лет 30–35 и увидал его дюжим кудрявым красавцем семинаристом, или академиком; увидал его во время каникул в родном селе; стоит он в лодке, или полулежит на пригорочке и кругом него беспечная, пока, молодежь — тут деревенская интеллигенция: и поповны, и учительница, и волостной писарь, и дети богатого городского купца, приехавшие на лето в деревню отца погостить у дедушки или у тетеньки… И вот этот добрый молодец — теперь Высокопреосвященнейший, а тогда просто милейший Кузя или Кузьма Иванович, душа этого общества. Под его предводительством устраиваются прогулки по лесам, рекам и лугам, он мастер на все руки: и танцует, и пляшет, и фанты придумывает, и в городки здорово играет, и за барышнями ухаживает, и смешное рассказывает, сам первый надрываясь от

хохота, и выпить «не дурак», а главное, больно уж ловко и сладко поет! Эх, как он запевает «Вниз по матушке по Волге»! Сколько шири, удали… А то запоет что-нибудь грусткое, вроде «Среди долины ровныя», или «Я вечор в лужках гуляла», — прямо заплачешь, слушая…

Вспоминаешь ли, Владыко, молодость свою? Не правда ли, что ты был славным парнем?.. Дай Бог пожить тебе еще много, много лет и радовать теперь нас, стариков, любящих богомольную службу.

8/21 октября. Около Петрограда такое положение: бои в 10 верстах севернее Красного Села, в 6 верстах южнее Детского (бывш. Царского) Села и в 8 верстах северо-восточнее Гатчины.

Идут бои у Пскова, 5 верст на запад от него, и у Воронежа, 10 верст восточнее, и стремительно взят Орел.

В Воронежском районе будто бы разбито 12 деникинских полков, предводительствовавшихся Мамонтовым, причем, как сказано в сводке, «пехота противника поголовно изрублена»… По поводу чего один мой приятель коммунист сказал: «Это и мне не нравится…»

Взяты красными обратно Севск и Новосиль.

В воскресенье опять был «на дровах» и принес «собственноспинно» готовых дров топки на две. Записываю это для того, чтобы впоследствии посчитать, сколько лошадиных сил я заменил своими слабыми, почти старческими силами. С такой ношей пришлось идти мимо Новоспасского монастыря. Он уже не монастырь сейчас, а один из «концентрационных лагерей» (т. е., попросту сказать, тюрьма, или каторга), и там преимущественно заключаются проститутки… Это не моя выдумка и не обывательская сплетня, а сообщение почерпнуто в советских «Известиях». В Ивановском монастыре тоже приют каких-то преступников, если не против своей совести, то против власть предержащих… Это называется «веротерпимостью».

В «Экономической жизни» что-то давно уже не печатаются так называемые «Сухаревские цены», но зато сегодня помещена заметка, что в Петрограде на прошлой неделе хлеб продавался по 350 р. за ф., масло сливочное по 1.000 р. за ф., картофель по 80 р. за ф., капуста по 50 р. и т. д. — в таком же роде.

К ночи кто-то позвонил; открыли дверь — показалась фигура извозчика с небольшим ручным багажом. На недоуменные вопросы он ответил, что привез «раненого солдатика»… Я бросился к подъезду, думая — с радостью и с горем, — что это мой Леля, но оказалось, что это приехал его приятель Н. Н. Верзин, командовавший какой-то пехотной бригадой, по его

словам «сдавшей Орел». Его рана, или ушиб не так серьезны, и я рад был встретиться с ним, но его появление всколыхнуло во мне долговременное, смутное ожидание вестей о сыне, вот уже почти три месяца не дающего от себя никаких вестей. Помилуй его Господи!

Между прочим, не могу обойти молчанием «фрахт» извозчика с Курского вокзала: взял, каналья, 400 р. и ни на чаек не попросил, как бывало, ни поблагодарил за отсыпку такой суммы, которой пять лет тому назад хватило бы ему на покупку в собственность целой лошади, пролетки и всякого прочего обзаведения (конечно, «поношенного» качества).

11/24 октября. В среду 9-го был опять «на дровах» и приволок на себе обычную порцию. Значит, третью «вязанку».

Союзники предложили принять участие в блокаде России правительствам Германии, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Финляндии, Испании, Швейцарии, Мексики, Чили, Аргентины, Венесуэлы и Колумбии.

ВЦИК постановил созвать на 3-е декабря 7-й съезд Советов.

Под Петроградом в эти дни идет, должно быть, жаркая схватка красных с белыми. «Детское Село» (б. Царское) и Павловск были уже в руках Юденича, но, судя по реляции, Троцкого опять перешли в советское обладание.

Господи Боже! Вчера, т. е. 10/23 октября, юная дочь моя, еще не совсем достигшая 16 лет, т. е. того возраста, который признан начальным для советской службы, поступила на службу в «Цекультвод» (на Чистых прудах), в качестве «конторщицы 3-го разряда». Это учреждение обслуживает культурно-просветительные нужды нашего водного транспорта. Надо бы, собственно, ей продолжать образование, но — увы! — те, кто жаждет его всеми своими помыслами, тот, конечно, мирится с особенностями новой, так называемой «Единой трудовой школы», а моей дочке Господь не дал вкуса к наукам, и она предпочла служить. Бывало, в такие моменты заходили в часовню, ставили свечку, молились, а родители «благословляли». Ничего этого у нас уже не было. Новый дух — «дух разрушенья» — не создал в душе Гали, для такого раза, молитвенного настроения. Да и кажется уже, что она теперь в церковь только тогда пойдет, когда кто-нибудь и что-нибудь заставит ее… Я в этих листах, пока что, совершенно уединен и это уединение обвеяно моею самой искренней печалью, в чем, так сказать, «и подписуюсь»…

12/25 октября. Советскими войсками заняты Тобольск и Воронеж.

Троцкий сказал по телефону из Петрограда: «Петроград не сдан и не будет сдан.» Так и видно, что человек говорит, пишет, телеграфирует и телефонирует, а сам предвкушает — «все это в историю попадет!»… Словечка в простоте не скажет, — все с ужимочкой.

14/27 октября. Вчера ходил опять на дровяную «охоту», а сегодня принес с пристани 1 п. 26 ф. картошки. Такие дела теперь особенно трудны: скверна погода; грязно — выпачкаешься как черт, ноги разъезжаются, дышится трудно, ломит спину и руки…

Несколько дней подряд извещают о взятии Детского Села и Павловска, а об отдаче их не упоминают. Приходится думать, что они переходят из рук в руки, как пресловутый Новый Оскол, от которого, вероятно, и осколков не осталось.

Неделя пропаганды дала Коммунистической партии в Москве новых 150.000 членов. Теперь идет «неделя обороны». Советской республике желательно, чтобы все граждане в возрасте от 16 до 50 лет, без различия пола, записались в добровольные дружины против белогвардейцев.

15/28 октября. Взяты красными Красное Село и Кромы. Тоже эти Кромы искромсаны, я думаю, на манер Оскола!

Троцкий в своих последних сказаниях отмечает некоего Буденного, бывшего унтер-офицера, а теперь командующего конным корпусом, разбившим казацкие конницы Мамонтова и Шкуро.

16/29 октября. Сегодня с утра легкий морозец, к вечеру усилившийся. С $5^1/_2$ ч. вечера шел домой с $^2/_3$ мешка дров и ободрялся сухим, морозным тихим вечером. Дорогу освещали звезды и молодой месяц. Разговаривали со спутником, по обыкновению, о тяготах жизни. Он был с калошами, но «не в калошах»; они были у него, по случаю сухой дороги, в кармане, ибо цена их на Сухаревке дошла до 2.500 р. Цена кожаной подошвы долезла тоже до 1.000 р. Каракулевые жакеты продаются уже по 40.000 рублей, дамские башмаки по 7.500… Молоко 50 р. кружка — и то если пойти за ним с утра к какому-нибудь вокзалу. Где нет электричества, там тьма кромешная. За неимением или дороговизной керосина и свеч — или ложатся в постель с 6 ч. вечера, или пьют какую-нибудь бурду (вместо чая) при мерцании лампадки с чадным гарным маслом. И это в XX-м веке, в самом теперь, политически, передовом городе — в Москве!

Советскими войсками взяты Бердичев и Дмитровск.

Юденич, наступающий на Петроград, просит помощи у

Финляндии. «Таймс» убеждает дать ее, за что, дескать, «весь мир оценит ее политическую зрелость».

18/31 октября. Вчера и сегодня мороз: утром и к вечеру до 6 градусов. На Чистых прудах вода уже застывает, и по молодому ледку похаживает компания ворон.

И вчера, и сегодня после занятий ходил «на дрова», возвращаясь домой к $7^1/_2$ ч. вечера. Комнаты украшаются: около книжного шкафа лежит на полу бунтик дров, и между письменным столом и окном так же красуется целая поленница.

Красными оставлен Бобров и взята узловая ст. Лиски. В Финском заливе, в 20 верстах юго-западнее Петергофа, «упорные бои».

Оказывается, что на Киев был сделан только «налет», и он был в советской власти лишь с 14 до 17 октября. Однако, по-видимому, дело было нешуточное: красная артиллерия целых *два дня* стреляла по Крещатику, Липкам и Николаевской улице.

С завтрашнего дня новое трамвайное повышение: вместо 1 р. 20 к. — 3 р., вместо 1 р. 50 к. — 4 р.

20 окт./2 ноября. Ровно 25 лет тому назад, т. е. 20 окт. 1894 г., я был в Большом театре, где должен был идти «Демон» с П. А. Хохловым в заглавной партии. Театр был полон, оркестр уже затих в ожидании капельмейстера (И. К. Альтани, и он, и Хохлов, увы! — уже ушли от нас). Но только Альтани взялся за дирижерскую палочку, как из публики раздалось требование гимна. Это было ежедневное явление во всех театрах, потому что в то время был болен Император Александр Третий. Альтани постучал палочкой об занавес, и тот взвился. Началось исполнение гимна хором и оркестром, но на половине его вдруг занавес быстро опустился вновь, и впереди его показался какой-то старичок во фраке; в руках его был платок, который он держал около глаз, † «Государь Император скончался!» — взволнованным голосом произнес он, и в театре произошло крупное замешательство; послышался гул, рыдания, вопли истеричных барынь. Спектакля, конечно, не состоялось, а я был там, собственно, не для того, чтобы послушать «Демона», которого слыхал уже десятки раз, а чтобы познакомиться с одной барышней. И я видел ее тогда, и полакомился, но наш разговор, в силу вышеприведенного события, не мог иметь никакой другой темы, и хотя с того момента я, как Рудин, «начал ходить осторожно, точно у меня в груди находился сосуд, полный драгоценной влаги, которую я боялся расплескать», но дальнейшее так сложилось, что «мы расстались среди взаимных

чувств борьбы, не сочетав счастливейшей судьбы». Разбираясь в своих чувствованиях тогда и позднее, я пришел к заключению, до, пройди тот спектакль благополучно, антракты оперы дали бы нам возможность совместно устроить *и тот день, и сегодняшний* — совсем, совсем по-другому… А сегодня вот что: она на кладбище Покровского монастыря, а я, с утра воспользовавшись выпавшим за ночь снегом, взял санки и отправился на дрова, но, дойдя до Таганки, свернул влево, пошел в Покровский монастырь, и так, с санями, склонил свою голову и колени перед ее могилой и помолился об упокоении ее чистой души, а затем отправился на работу и в 6 ч. вечера доставил домой на санках 4 пуда барочных дров. Мог ли я предположить 25 лет тому назад, я, франтовато одетый, раздушенный английскими духами, с сосудом в груди, «полным драгоценной влаги», что чрез четверть века буду уж сед, в рваных ботинках, в засаленной одежде и впрягусь как лошадь в санки, чтобы привезти домой охапку дров!..

Да простит она мои воспоминания, и вечный ей покой!

21 окт./3 ноября. С утра 7 гр. мороза, а к вечеру и все 10. Внезапные морозы скомкали конец навигации. Наши Рупводские пароходы и баржи остановились где ни попало, и если не наступит скорого и длинного потепления, то замерзнет в пути много грузов и сотни пассажиров окажутся в бедовом положении.

Красными войсками оставлен Новоград-Волынский и взяты Задонск и Землянск.

22 окт./4 ноября. Взяты Гатчина и Поворино; оставлены Фастов, Севск и Царев.

23 окт./5 ноября. Военные обозреватели пишут, что на Петроград наступало войско Юденича, 4.000 человек, и что теперь они отступают.

Союзники предложили Польше Восточную Галицию и Северо-западную Буковину. † Кстати о Польше: А. И. Венцковский, приезжавший представителем ее в Москву, скончался. Дипломатом и вообще государственным деятелем я его не знал, но хорошо помню как инженера и дельца по управлению транспортной компанией «Надежда». Подчиненные его любили за простоту и доступчивость. Вечная ему память!

Ввиду наступающего праздника Второй годовщины 7-го ноября 1917 г. объявлена амнистия дезертирам и всем заключенным, над которыми тяготеет подозрение в преступлениях или доказанное преступление, караемые не свыше 5 лет тюрьмы или лагеря.

Взяты Ливны и Царев. Из Ташкента в Москву прибыло два поезда с хлопком.

27 окт./9 ноября. Я получил 400 руб. в месяц прибавки и теперь мое жалование (с 1-го сентября) 3.500 рублей.

На дрова, с санками, ездил 6-го, 8-го и сегодня, причем сегодня опять зашел в Покровский монастырь и нашел там, за монастырской оградой, новое учреждение, не совсем «приличествующее» святой обители и кладбищу: *театр*, о чем у монастырских врат гласит широковещательная афиша. Конечно, не монахи додумались до этого, а их постояльцы — военные люди.

Стоит чудесная зимняя погода: мороз от 6 до 10 градусов, ночью широколицая луна, днем солнце. Подсыпало еще немного снега и санный путь недурен. Но зато какой холодище по домам! У нас, в самой теплой комнате, соседней с кухней, где плита топится целый день, — тепла не более 6 градусов. Ужасное время переживается Москвой: все, все озабочены «изысканием» дров, рушат и тащат что попало: уличные деревянные фонари, барьеры набережных, сараи, навесы и даже дома целые. Особенно идет работа по окраинам города и в дачных местностях. Например, в «Измайловском Зверинце» разбирают, разносят и развозят дачу нашего покойного отца. И это не курятник какой-нибудь, а сложная постройка из двух этажей 24 арш. х 20 арш. + 10 арш. х 10 арш. + 8 арш. х 10 арш. + 12 арш. х 6 арш. — высотой «в чистоте» от 4 арш. до 11 арш. И нет никакого удержу такому разрушению, такому хищению… В пятницу ходил в Плетешки, где давно не был, и весь путь, начиная от вокзальной площади, являл собой для меня новые, широкие «перспективы», где был сад, там теперь целая роща, потому что все заборы исчезли и оттого три-четыре сада стали смежными и представляют собой, в общем, целый парк… А впрочем, лучше пока помолчать, — то ли еще будет!..

7-го праздновалась 2-я годовщина Октябрьской революции. Личных впечатлений и наблюдений у меня никаких, потому что был в тот день дома да ходил к родственникам в места, от центра удаленные. Никаких процессий не видал. Они были, конечно, и все направлялись к Красной площади, но говорят, что все группы были жидковаты — массы не было. В сегодняшних газетах есть описания праздника, но нет такой картины, такой помпы, такого величественного зрелища, как в прошлом году. Холод и голод съежили празднество. Самое торжественное за праздник — это заседание в Большом театре ВЦИК, Московского Совета и Профсоюзов. Говорили речи Каменев, Ленин и Троцкий. Ничего

нового, ничего крылатого. В заседание внесен новый номер: «пожалование» ордена «Красного знамени» — Сталину. Вот вам и отмена «знаков отличий». А затем торжественная закладка памятника Свердлову на Театральной площади, у Китайской стены.

Взяты Чернигов и Ишим; оставлены ст. Лиски и г. Пришиб. Еще взят Гдов, но у Пскова отступление: советские войска заняли позиции в 5 верстах западнее города. Севск опять в руках красных войск, также и Малоархангельск.

В Новочеркасск прибыл бывший президент Чехословацкой республики Крамарж. Он предостерегает казаков от Германии, которая будто бы поддерживает Петлюру в целях ослабления России, и призывает казаков для мирового величия славянских народов бороться за «великую единую Россию».

† В Ясной Поляне скончалась Софья Андреевна Толстая, вдова Л. Н. Толстого.

В Баку возвратился английский штаб, а в Петровск прибыла английская артиллерия.

Вновь учрежденная Чрезвычайная комиссия по электроснабжению постановила, чтобы в частных квартирах лампы были силою не более 25 свечей и в каждой комнате горела бы только одна лампочка, а остальные, под угрозой 10-тысячного штрафа, должны быть вывернуты. Если же одна семья занимает целую квартиру, то в ней могут быть освещены одновременно только две комнаты.

Трамваи не ходят. Хлеб на этих днях доходил до 200 р., картошка до 35 р., молоко до 60 р., папиросы 1-го сорта — 6 р. штука.

29 окт./11 ноября. Заняты Фастов и Нижнедевицк. Кроме того, есть в «Известиях» телеграмма о взятии красными повстанцами Екатеринослава. Оставлена Урюпинская станица. (Бывал я там, если не ошибаюсь, в 1887 г., т. е. 32 года тому назад. Патриархальная сытая жизнь там была: какие утки, индейки, гуси, арбузы, какое цимлянское! И все это ценилось не на рубли, а на копейки.)

Сегодня объявлено, что трамваи (в последние дни ходившие с пропусками целых дней, или часов) с завтрашнего дня совсем станут, пока что на месяц, а служащие трамвая будут мобилизованы на заготовку дров.

Наконец в «Экономической жизни» появилась «Сухаревская котировка», но только по ценам, существовавшим в середине октября, т. е. почти месяц тому назад.

2/15 ноября. Морозы крепнут, снега прибавляется, — дрова тоже: 12-го, 13-го, 14-го и сегодня пилил и возил. И замечательно: почувствовал было ишиас в пояснице, или «прострел», но понапрягся к дровяной работе и как рукой сняло!

Взяты Ямбург и Щигры.

Конина (положим, «высшего сорта») 150 р. ф., сахар 900 р., спички 30 р. коробка., молоко 80 р. кружка.

3/16 ноября. Взяты Омск, Глухов и Фатеж.

Был сегодня на дровах. Кажется, теперь все только и заняты дровами. Все «деревянное» присматривается зябнущими гражданами и начинается охота. Сначала что-нибудь отковырнут лишнее, плохо лежащее, а потом тащат и нужное. И стоит только в каком заборе, в сарае и Даже в целом доме проточить какую-нибудь дырку, как вместо одного грызунка является их трое, пятеро, а затем целая стая, и пошла писать! Прямо диву даешься успехам такой «коллективной работы»: утром идешь мимо какого-нибудь деревянного здания, допустим ветхого, но все же цельного и обширного, а к вечеру от него и следа не осталось, и люди, занятые такою хищническою, но по переживаемому времени не преступною работой, напоминают собой, особенно в вечернее время хищных зверьков. Точно мыши или крысы копошатся где-то в хламе и мало-помалу разрушают не только дождавшееся разрушения, но и цельное, что бы пригодилось не только на дрова, но и на комфорт. Вот и мы также работаем на своей шаланде. При других обстоятельствах ее бы отремонтировали и возили бы в Москву песок.

Утром было на наших градусниках 11° мороза, а в самой теплой комнате 5° тепла.

6/19 ноября. 17-го, 18-го и сегодня насчет дров трудился. Третьего дня крутила такая снежная метель, что можно бы и дома посидеть, но все-таки не утерпел и за дровами ходил, чего не отважился сделать никто из моих 16-ти соратников по дровяной части. Было чрезвычайно трудно, но пускай: по крайней мере имею теперь право сказать, что за 51 год моей жизни впервые выпала на мою долю трехчасовая беспрерывная *каторжная* работа, — и ничего, все обошлось благополучно. Видно, сам Бог помог.

Взяты Курск и ст. Касторное, а про омскую победу пишут, что она дала «10 генералов, 80 паровозов, 3.000 вагонов».

В Московской губернии военное положение снято.

7/20 ноября. Советскими войсками взят город Льгов.

Ездил за дровами.

В «Экономической жизни» сообщено, что в Петрограде сахар покупают за 1.300 р. ф., песок 1.000 р., мясо воловье 600 р., конское 200 р., хлеб 260 р., сливочное масло 1.900 р., соль 210 р., картофель 90 р., капуста 65 р., яйца 80 р. шт., пшено 390 р. ф.

8/21 ноября. Взяты Бахмач и Рыльск.

Морозы крепнут. Санный путь превосходен. Ездил за дровами.

9/22 ноября. † Случайно узнал о кончине моего бывшего начальника Петра Акимовича Колударова. Я был в 1910 г. его помощником по должности Управляющего Московской конторой пароходства «Кавказ и Меркурий». Он скончался в глубокой старости, прослужив в одном предприятии около 60 лет. Был типичнейшим «приспешником» капиталистической фирмы: представительный, умный, развитой и деликатный. В общем, очень приятный человек. Царство ему Небесное!

Только что закончившиеся выборы в новую французскую палату дали оппозиции лишь 200 голосов. Газеты говорят, что для Франции наступает эра милитаристическо-клерикальной реакции, и признают, что теперь Клемансо еще сильнее, еще влиятельнее.

Был «на дровах», но привез только полвоза. Помешала погода. Опять целый день пурга. Снегу навалило столько, сколько за иную зиму не насыплет за все ее продолжение, и это (по ст. стилю) начало ноября! Сказать по-модному: погода не *в контакт* с запасом топлива.

10/23 ноября. Взяты Нежин, Пришиб и Лбщенск.

Отправился сегодня на дрова и пришел без дров. До такой степени навалило снегу, что к дровам и не доберешься; да, впрочем, их, кажется, уж и нет: разворовали те черные фигуры, которые так похожи на подпольных зверьков. Весь день крутила непогода, хотя и не такая ураганная, как в понедельник и вчера, но уж очень обильная снегом. Некоторыми местами прямо непроходимо: идешь — и вдруг пред тобою целая стена снега; точно в поле или в деревне.

13/26 ноября. Оставлен на Северном фронте Яренск, на Южном взяты Конотоп, Старый Оскол, Коротояк, Острогожск и Лиски. Советские войска приблизились к Царицыну на 8-верстное от него расстояние.

Погода потеплела, путь обледенел, разбился; на тротуарах

опасно, на мостовых тяжело идти. На Устьинском мосту наблюдал торговлю кожаными рабочими рукавицами. «Сколько?» — «Шесть с полтиной.» — «Уступи полтинничек!» — «Ну ладно, шесть с четвертаком бери!» Покупатель насчитывает 625 р., получает пару рукавиц и, видимо довольный выгодной покупкой, идет себе дальше.

Что же выходит: «Сколько вы получаете в месяц жалования? — 35 рублей» (т. е. 3.500 р.). И ничего бы, можно бы мириться с такой «девальвацией», да вот беда: прежде солью посыпали в гололедицу тротуары, а теперь она 350 р. за ф., прежде фунт хлеба стоил копейки 2, а теперь даже по рыночной терминологии «1 рубль 60 копеек» (т. е. 160 р. ф.).

Как раз в отрывном календаре на сегодняшнее число напечатана такая «мудрость» Леонида Андреева: «Жизнь, не освещенная высшей целью, сведенная к голой борьбе за примитивные потребности существования, такая жизнь — тоска, томление и гнусность.»

Действительно, гнусность, только не знаю, с чьей стороны: со стороны людей, борющихся за примитивные потребности, или со стороны мудрецов, приведших их к такой борьбе.

14/27 ноября. Сегодня опять подморозило.

Взяты Бобров, Дубовка, Белополье, Ворожба, Обоянь и Новый Оскол. Вообще деникинские дела плохи, так же как и Колчака и Юденича.

19 нояб./2 декабря. За эти дни за дровами ездил только три раза. И вижу, что дрова теперь не только на санках возят, но и волоком тащат; привяжут к бревну или доске веревку, да так и везут по снегу.

Советскими войсками взяты Павлодар (в Сибири), Яренск, Суджа, Бирюч, Калач и Вязовка.

† Неделю тому назад у нашей комнатной жилицы скончалась двухмесячная дочка (Раиса Борисовна Здобнова). И сколько было горя и хлопот у ее горемычной матери! (Она по профессии прачка, т. е. совершеннейшая пролетариатка.) Целых пять дней бегала она по разным учреждениям, светским и духовным, чтоб наконец такую маленькую девочку схоронить на кладбище только *на шестой день* ее кончины. И сколько денег стоили такие маленькие и бедные похороны! За чутошный, из простых, не крашенных даже дощечек гробик — мать ее заплатила 220 р., а на кладбище, накануне похорон, ее было утешили: сказали, что могилы теперь предоставляются и роются бесплатно, «только надо дать гробокопателю на чай», и вот, по завершении всего, она

спросила: «Сколько же дать на чай?», и ей ответили: «Тысячу рублей». Понятно, она ужаснулась, но все-таки отдала могильщику 200 р. на чай. И получила в благодарность от этой своего рода «духовной особы»… *матерное слово.*

Сегодня у нас в квартире огромное торжество, велия радость, давно и с вожделением желанное событие: в лучшей комнате, обставленной с претензией на изящество, под лепной потолок, на паркетном лощеном полу поставлена среди комнаты… железная печка, от коей поперек комнаты протянулись железные же трубы и вонзились в карниз под потолком, наскоро замазанный грязной глиной, а дальше пошли в ванную комнату. И это делается теперь во всех квартирах, даже в действительно «изящных», или роскошных, т. е. в тех, собственно, где было блаженной памяти центральное отопление. И чего стоило такое «обзаведение»? Во-первых, обязал себя на всю жизнь пред своим сослуживцем Михаилом Андреевичем Колесовым, переведенным из Москвы на провинциальную службу, и из уважения ко мне, старому его начальнику, или из жалости, как к обнищавшему буржую, уступившим нам эту благодетельную печку с комплектом труб бесплатно (он мог бы продать ее за 5–6 тысяч рублей, а она снова-то заплачена, кажется, 6 р. 50 к.); во-вторых, мы целую неделю думали, как бы ее устроить, т. е. приладить домашними средствами, но ничего не сумели такого сделать и героически решили пригласить печника, которому и отсыпали за установку такой машины ни много ни мало 2.100 р.! Жалко, конечно, такой прорвы денег и трудно нам, но я надеюсь, что сегодняшнее торжество, при всем благополучии, через месяц пересмотрится нами, переоценится и тогда мы будем хвалиться: вон как дешево мы устроили свою печку!

23 нояб./6 декабря. Вчера был в церкви Гребенской Божьей Матери, что на Лубянской площади. Там шла всенощная с участием не одного, а целых восьми «гастролеров» и потому церковь была битком набита. Служил популярный молодой ученый священник Калиновский, сказавший пред «Хвалите Имя Господне» сильную проповедь. Пел так называемый «художественный квинтет» одного из талантливейших современных духовных композиторов П. Г. Чеснокова с его личным участием. Служили еще трое самых голосистых протодьяконов: К. В. Розов, Кигаев и Солнцев, соревнуя друг перед другом в силе и красоте голосов. Точно «состязание певцов» из Тангейзера. Но, слов нет, Розов — единственен. К тому же он не только первенствовал в диаконской службе, но еще участвовал и в квинтете, причем пел соло в «Блажен муж», «Ныне

отпущаеши» и «Хвалите». Удивил всех не только силой своего голоса, но и умением справляться с ним. Такой громадный голос на фоне четырех несильных голосов квинтета не казался чудовищным и был в крепкой и сладкоголосой спайке с «товарищами» по квинтету. Он же читал и «Шестопсалмие», читал так выразительно, внятно и задушевно, что его чтение задержало в церкви всех тех, кто в этот момент выходят на улицу «покурить». Да ведь это в своей отрасли искусства прямо Шаляпин, и недаром каждое его участие в церковных службах и в духовных концертах привлекает столько публики.

Но опять скажу: не радует меня стечение молящихся на такие службы, и это уже не молящиеся, а просто «публика», жаждущая зрелищ. С другой стороны: что же делать духовенству, Розовым, Чесноковым, когда ряды богомольных людей так поредели? Поневоле станешь подлаживаться под вкусы «публики»!

Дровяные труды продолжаются, но чего их записывать теперь, если пол-Москвы только и думает о том, где бы достать дров?!

Взяты Сумы, Прилуки, Остер, Ромны, Каинск, Лохвицы, Гадяч, Павловск (Южный) и Акмолинск.

Вчера открылся в Большом театре 7-й съезд Советов. Собрались 1.109 депут., из коих 885 коммунистов. На первом заседании постановлено послать предложение немедленно начать мирные переговоры всем державам Антанты, «всем вместе и порознь», как сказано в резолюции по поводу этого постановления.

Самые интересные речи, конечно, Ленина и Троцкого. Последний, предложил (и принято) исключить из состава почетных членов ВЦИК австрийского знаменитого коммуниста Фридриха Адлера, ибо тот сказал своим товарищам: «Глядите на Россию, глядите на Венгрию, как там рабочие борются против буржуазии, но не подражайте им…»

Освобожден Рдек и будет участвовать в Юрьевских переговорах о мире с прибалтийскими правительствами, изъявившими, наконец, согласие начать таковые.

26 нояб./9 декабря. Взяты Пирятин и Белгород.

Рост цен на все, на все неумолимо продолжается: молоко 130 р. кружка, сахар 1.200 р., песок 700 р., сахарин 50 р. гр., одна стеариновая свечка 250 р., керосин 240 р. ф., хлеб 200 р. ф., дрова на рынках за мешок 700 р., сено 1.000 р. п., овес 4.000 р. п. (так что «харч» лошади в день обходится 3.500 р. — кроме содержания извозчика, экипажа и сбруи: вот тут и удивляйся недостаточности извоза!), спирт 5.000 р. за бутылку, картошка 50 р. ф., пшено 250 р. ф., ржаная мука 9.000 р., спички 50 р. кор., масло коровье

1.700 р., подсолнечное 1.300 р., восьмушка махорки 100 р., валенки 8.000 р., коровье мясо 400 р. ф., конина 150 р. ф., соль 400 р. ф. и только капуста, слава Богу, как будто не дорога — 15 р. ф.

Несколько дней стоит оттепель, но снега еще достаточно для хорошего санного пути.

Хочется выпить водки, закусить семгой, но приходится питаться чаем, картошкой, черным хлебом, капустой и пшенной кашей, и благодарим Создателя за такое питание, а насчет водки и семги это я только пошутил. Говорят, что есть люди, зарабатывающие теперь полмиллиона рублей в месяц, так те вот и пьют водку, а я пока что получаю в месяц такое жалование, которого хватит лишь на покупку одного валеного сапога… Так я писал своему племяннику в Симбирск, с хитро-затаенной целью: разжалобится, мол, и пришлет из своего чернозема почтой полпудика сухариков.

27 нояб./10 декабря. † Скончалась Ольга Осиповна Садовская, сама знаменитая артистка и жена знаменитого Михаила Провыча Садовского, сына великого Прова Садовского. Кто-то из артистов говорил, что самая блестящая труппа — на Ваганьковском кладбище, где Мочалов и множество знаменитых и известных артистов, но недурна теперь труппочка и на Пятницком кладбище, где похоронят Садовскую в ближайшем соседстве со свекром и мужем. Умерла она от воспаления в легких, следовательно еще преждевременно. В комедии и драме она была великолепна. В ней сочетались два дивных таланта комической и драматической артистки. Никогда не забуду развеселого исполнения ею старух и баб в комедиях Гоголя, Грибоедова и Островского, еще более не забуду горькой колыбельной песни ее в «Воеводе» Островского. Никогда и никто ее не заменит! Сколько лет я помню Малый театр, столько лет и слава ее гремела. Она еще молодой играла и веселых, и мрачных, и смешных, и умных, и дур, и полоумных, и добрых, и злых — все старух, или очень пожилых, и так перевоплощалась, что можно было тридцать лет тому назад сказать про нее: «милая старушка наша Садовская!» А вот сейчас — когда она умерла — невольно скажешь, что это она сделала еще рано, потому что самый талант ее не старился, а как будто мужал с каждым годом.

Царство ей небесное и вечная память!

Теперь к утешению старых театров осталось еще третье поколение Садовских, ее дети, Пров и Елизавета, тоже талантливые артисты, а в особенности первый.

28 нояб./11 декабря. Съезд Советов закрылся. Вчера для делегатов съезда в Большом театре был торжественный концерт, на котором выступали Ермолова, Южин, Яблочкина, Гельцер, Тихомиров, Нежданова, Любошиц, Москвин, Бурджалов, Борисов и Шаляпин: «Смейтесь, паяцы, над разбитой любовью…» К Теляковскому и К°!

На съезде были новые выборы во ВЦИК. Председателем переизбран М. И. Калинин. Также постановлено наградить орденом «Красного знамени» главкома С. С. Каменева.

Английский премьер Ллойд Джордж в одной из последних речей сказал: «Россия — страна неожиданностей… Что большевистские армии могут завоевать всю Россию — я этому не верю… Я опасаюсь бесконечного ряда тяжелых кампаний, во время которых наиболее плодородная в мире земля будет оставаться без обработки и которые опустошат страну, столь важную для благосостояния всего мира… Не может быть никакого мира, пока не восстановится мир в России… Легко одерживать победы в России, но легко увязнуть в этих победах, и огромные империи погибали в песках бесплодных побед… Россия — опасная страна для интервенции, и мы ее не можем продолжать… Наши войска покинули Россию… Я надеюсь, однако, что в течение зимы все русские партии уяснят себе положение, и тогда великим державам представится случай двинуть вперед дело мира и согласия в этой великой стране.»

Значит, «что-то будет», но не ранее весны.

Сегодня немного подморозило, а за ночь насыпало много нового снега. Взяты Богодухов и Валуйки.

29 нояб./12 декабря. Пензенский Архиепископ Владимир (в мире Всеволод Путята) объявил отделение своей епархии от церкви, возглавляемой Патриархом. Своего рода война с Патриархом!

А Петлюра «объявил», что он теперь Гетман Малороссийский.

Тов. Литвинов, находящийся сейчас в Копенгагене, «объявил» там посланникам держав Согласия, что он уполномочен советским правительством вступить с ними в предварительные переговоры о мире.

Взят Волчанск. Советские войска «объявились» в 30 верстах северо-западнее Харькова.

30 нояб./13 декабря. Сегодня с утра завернул 12-градусный мороз и простоял целый день. К вечеру, как будто, даже усилился.

Литвиновское заявление возвращено посланниками с уведомлением, что они не уполномочены своими

правительствами принимать подобные заявления.

Советские войска вступили в Харьков, Валки и Семипалатинск. Полтава занята красными повстанцами.

3/16 декабря. Мороз не сдает.

В воскресенье 1/14-го декабря был «на дровах». Отмечаю это потому, что оно было *десятое подряд воскресенье*, которыми не пришлось пользоваться как праздничными отдыхами. Пускай не праздновал два месяца, зато принес и привез на себе не меньше полторы сажени дров, благодаря чему зима уже не кажется такой страшной, какой она ожидалась нами.

В Полтаву вступили красные войска; в Сибири взяты ими Барнаул и Новониколаевск. Военные обозреватели со дня на день ждут взятия Киева, и к этому случаю подсчитывают, что этот многострадальный город пережил уже смену 14-ти правительств.

4/17 декабря. Красноярск занят красными повстанцами, и там взорван мост через Енисей. Советскими войсками взяты и заняты Купянск, Богучар, Переяславль и Киев. Вот там теперь и пятнадцатое правительство!

Соль в Москве дошла уже до 450 р. ф., сухая горчица за ф. 280 р., перец молотый 120 р. — за маленькую баночку, лавровый лист 500 р. ф. и т. д. Вот вам и «приправа» — как она солона и горька теперь не по своему существу, а по цене!

6/19 декабря. Взяты Миргород, Чугуев и Колывань. Кроме того, «красными партизанами» взят в Сибири Бийск.

7/20 декабря. Штаб Восточного фронта доносит Ленину и Троцкому «о полном разгроме Колчака». Взяты в плен десятки тысяч людей, вагонов, сотни автомобилей, пушек, пулеметов и т. п.

Председателем французской палаты переизбран Дешанель.

10/23 декабря. Погода запрыгала: 8 и 9 держались 17-градусные морозы, при тихой погоде, в ночь на сегодня выпало много снега, к утру мороз ослаб до 7°, а к вечеру и двух не было.

Сеть «монастырских» театров растет: за оградой Алексеевского монастыря тоже какой-то театр.

Баку и Батум снова заняты англичанами.

Советское правительство предложило и Польше вступить в мирные переговоры.

Красными заняты Константиноград, Старобельск и станица Усть-Хоперская.

Цена чая достигла 3.500 р. за ф., сажень березовых дров (говорят) можно купить на Александровской товарной станции за 18.000 р.

13/26 декабря. Второй день электрическое освещение в квартирах дается со станций только на время от 6 ч. вечера до 10 ч. вечера, и благодаря этому жизнь все больше постылеет. Из дома идешь на службу — чуть светает, домой придешь со службы — темно и на лестнице, и в квартире. Дождешься через часик света — обедаешь, чай пьешь, пилишь дрова, и впору бы почитать часик на сон грядущий, а тут часы бьют 10 и электричество гаснет. Значит, ложись в постель, а книгу или газету почитаешь, Бог даст, летом, когда будет светло до 11–12 ч. без электричества.

В Будапеште на днях казнили 74 коммуниста.

В Москве, вследствие громадных снегопадов, дорога стала для быстрого движения тяжела, и потому грузовое автодвижение на время, распоряжением Совдепа, совсем прекращено. Трамваи опять совсем не ходят… ибо линии занесены снегом.

Вчера продали с братом наши дачные строения, порядком уже расхищенные, продали на слом за 100 «косых», как на Сухаревке называют почему-то тысячные билеты. Я нес в кармане свою половину и нисколько она меня не радовала. Даже чувствовал величайшее презрение к такой сумме, а давно ли я мечтал: вот бы, мол, выиграть хоть не 200, не 75, а только 40 тысяч, и чего бы я не сделал! Выходило столько-то на доброе, столько-то на улучшение жизни, обстановки, столько-то на библиотеку, на подарки, на пиры (и, грешным помыслом, на кутежи), да еще оставалось изрядно на расплату с долгами и на черный день. В банке бы клиентом сделался. А теперь что же эти 50 «косых»? Тьфу! 15 ф. чаю или 5 пар валенок — не более. Во всяком случае, недельку-другую мы попитаемся получше, т. е. купим фунта три масла коровьего, фунтов десять мяса, пудик белой мучки, мешок картошки, керосина бидончик в 10 ф., подкупим дровец березовых полсаженки, я лично запасусь фунтиком махорки, пачкой спичек, а если ко всему этому реестру прибавлю бутылочку спирта — ну и прощай весь этот капитал, — остатка не будет, и пожалуйте с самого начала 1920 г. (по ст. стил.) опять на тот же полуголодный паек, на котором находимся уже столько месяцев.

Клемансо в Палате прочел свою декларацию, подготовленную им в согласии с Ллойд Джорджем, с которым он недавно имел свидание в Лондоне. Касательно России декларация гласит: «Мы не только не заключим мира с Советским правительством, но и не вступим с ним ни в какую сделку… Мы пришли к соглашению о

необходимости окружить Советскую Россию, если можно так выразиться, колючей проволокой…» И Палата, приняв это к сведению, выразила правительству Клемансо доверие большинством 458 голосов против 71.

Оставлен Усть-Хоперск, но заняты с большими военными добычами Томск, Фастов, Васильков, Изюм, Казатин, Лозовая и Кременчуг. Следовательно, Советские войска вступили уже в Донецкий район, а в Сибири открыли себе очередной путь к Красноярску.

15/28 декабря. Сегодня опять, вероятно с ночи, — бушевала снежная метель при 20-градусном морозе. Такой упорной, ранней и многоснежной зимы я что-то не запомню. Конечно, по этому случаю и ради праздничного дня, шла «снеговая повинность», а без этого не пройти, не проехать.

Само собой, что о путешествии на дрова и думать было нечего. Пошел в Охотный ряд к Пятнице Прасковии, где поют «остатки» Синодального хора под управлением Н. М. Данилина. Чудный хор, замечательный регент. Поэтому храм полон и в нем даже тепло; топят, значит, что теперь в церквах редкость. Оттуда пошел на Сухаревку, где давно не бывал. Несмотря на невозможную погоду, жизнь там кипела, как и всегда. Даже «Кузнецкий мост», т. е. проход между центральных палаток, оказался полон продавцами и покупателями. Продавцы выстроились двумя рядами, лицом к лицу, все стоят и держат в руках свои товары: иконы, драгоценности, меха, ковры, посуду, безделушки и прочие различные вещи, которые когда-то куплены ими на настоящем Кузнецком мосту, а то и за границей. У большинства продавцов печальный, изможденный вид, но по обличью, фигурам и «повадкам» видно, что они были не только покупателями, но и мотами. Много красивых, либо благородных лиц. Поразобраться бы в их биографиях, так пожалуй, оказалось бы, что таких «купцов» хватило бы на спектакль 1-го абонемента Мариинского или Большого театра. И какой контраст с покупателями! Те сплошь от деревни и казарм. Ну что ж! Богач умер, да здравствует богач! Сокол с места, ворон на место или наоборот. Все еще никак не разберусь, кто хуже, кто лучше. Пока что: «оба хуже»…

Кое к чему приценялся. Спички «Лапшинские» 60 р. кор., пирожки от 50 р. до 150 р. за штуку. Штиблеты «австрийского образца» 7.000, хлеб черный 180 р. ф., картофель 60 р. ф., детские суконные туфли 400 р., брюки мужские 2.500 р., антрацит 2.000 р. пуд, камешек для зажигалки 120 р. шт., сама зажигалка 700 р. штука, и т. д.

Вчера квартиры нашего района совсем были лишены электрической энергии, а сегодня ее дали с 6 час. вечера до 10 час. вечера и завтра опять не дадут. Объявлено, что такое чередование продолжится до 11-го января.

Красные войска заняли Золотоношу, Славянск, Луганск, Славяносербск, Веселогорск и станцию Миллерово.

19 дек. 1919 г./1 января 1920 г. Господи Боже! Вчера, по случаю кануна Нового года, по новому стилю, электричество дали, должно быть всей Москве, с 5 ч. дня до 1 ч. или 2 ч. ночи (мы, конечно, спали часов с 10), а сегодня в день самого Нового года свет электрический появился «в очередь», с 6 веч. до 10 веч.

Не знаю, как в «сферах», как в клубах, как в театрах, но на улице ничего новогоднего не было заметно. Сухаревка делала свое дело как в будни, по улицам и переулкам шла снеговая повинность; то и дело встречались с салазками озабоченные добытчики дров; тянулись обозы с мешками мороженой картошки. У нас дома с утра до вечера хозяйственные хлопоты, как в будничный день. Не было, как в прошлом году в этот день, ни телятины, ни шампанского. Поели черного хлеба, грибного супа, «маханины» (200 р. ф.) и пшенной каши, запив все это чаем (слава Богу, еще не весь дошел до конца). И не было на лицо веселых моих прошлогодних собутыльников: сына, Баулина и Верзина. Бог их знает — где они теперь и что с ними!?

Вообще было сегодня скучно и грустно. Чтобы рассеяться немного, ничего лучшего не придумал, как отправиться на баржу за дровами. Утопая там в снегу, надрываясь с пилой и с тяжелым возиком, — все вспоминал прошлогоднюю телятину, шампанское и песню «Лейся, да лейся!..» Своего рода «минувших дней очарованье».

Председатель Московского Совета Каменев и председатель Московского Совета проф. союзов Мельничанский обращаются к рабочим Москвы с призывом «напрячь все силы *самих рабочих»* по очистке ж.д. путей, потому что снежные заносы приостановили подвоз к Москве хлеба и топлива. Работают уже 5.000 красноармейцев и 5.000 мобилизованного «нетрудового элемента», и не справляются с этим «стихийным бедствием» (не позволяется теперь спрашивать, а то бы спросить: что бедственнее — снежная метель или то, что работают теперь не рабочие, а «нетрудовой элемент»).

Призыв составлен в энергичных тонах. Между прочим, сказано: «Иначе Москва останется совсем без хлеба, без дров, без света.»

А война с Деникиным каждый день приносит новые

завоевания: взяты Бахмут, Екатеринослав, ст. Синельниково, ст. Дебальцево, Новомосковск. У Колчака взят Мариинск. Советская территория с каждым днем растет в длину и в ширину, а в Москве все голоднее, холоднее и темнее. (В Петербурге, впрочем, еще тяжелее, да живут же люди и там; пожалуй, можно и нам свыкнуться с худшим, чем переживавшееся в 1919 году, и будем без ропота отбывать житейскую повинность и в 1920 г., наперед зная, что он будет сплошь пренеприятным годом. И пускай! Чем хуже, тем лучше!) Но неужели кое-что вздорожает еще более, например, дрожжи, дошедшие до феноменальной цены: 16.000 за фунт!!! За пианино платят теперь 60 и более тысяч — это еще туда-сюда. Но чтобы пианино продать за 4 фунта дрожжей, это уж ни с чем несообразно. Кстати, насчет дрожжей: они будто бы потому достигли такой баснословной цены, что их усиленно требует «деревня», где разбогатевшее крестьянство соскучилось по пьяному делу и изо всех сил гонит «самогонку».

21 дек. 1919 г./3 января 1920 г. Второй день оттепель. Выше нуля 2 градуса.

Взяты Юзовка и Царицын. Председатель Московского Совдепа Каменев ликующе объявляет своей пастве, что «Деникин, недавно угрожавший Туле, накануне полной гибели», а также о том, что «победы Красной армии принудили уже правительство Эстонии подписать перемирие с Советской Россией и обязаться разоружить остатки юденических банд».

Ллойд Джордж, однако, продолжает считать советское правительство менее значительным для Антанты, чем правительства Колчака и Деникина, и заявляет в английской Палате, что тогда только Антанта вступит с Россией в мирные переговоры, когда там тому или иному правительству удастся собрать Учредительное Собрание. Но тот же Л. Каменев уверяет московское население, что «Антанта должна будет склониться пред фактом несокрушимой мощи Красной армии, разбившей черный союз Юденича, Колчака и Деникина».

24 дек. 1919 г./6 января 1920 г. В прошлое воскресенье после обедни настоятель храма Гребенской Божьей Матери обратился к прихожанам со слезною просьбой принять личное участие в топке железной печки: «Дрова, — говорит, — есть, а топить некому.» И тут батюшка упрекнул нас в нашем показном благочестии: вы, де, ставите свечки и кладете поклоны, а когда храм холоден, сыр, запылен — вас нет, вы не хотите здесь проявить «трудовой повинности», и т. д. Одним словом, сказал правильно, что называется, не в бровь, а в глаз. В частности,

каюсь, и в мой, — что я и доказал на деле, пойдя сегодня за всенощную к Прасковье Пятнице, где, надо полагать, есть не только дрова, но и истопники, потому что там поет хор под управлением Данилина и туда «публика» валом валит.

Пение сегодня до того было замечательно, что хотелось временами плакать, а местами — аплодировать. Погода опять установилась морозная.

Победы Красной армии продолжаются: взяты ст. Лихая, Гурьев, Ачинск и Мариуполь, и только на западе почему-то (и кому-то) отдали Двинск.

К празднику купили 8,5 ф. «маханины», и то потому, что «по знакомству» с одним татарином заполучили ее по 150 р. ф. При этом узнали, по крайней мере, что можно было купить за 1.500 р. зайца, за 2.200 курицу, окорок ветчины тысяч за 20 и т. п.

28 дек. 1919 г./10 января 1920 г. После праздничных антрактов вышли газеты и преподнесли читателям целый букет «громокипящих», «оглушительных» и «решительных» побед над Колчаком и Деникиным. «Вечерние Известия» по поводу их говорят, что «это не крах, это уже треск и грохот». Взяты Сарепта, Бердянск, Таганрог, Новочеркасск, Ворожба, Ростов н/Д. и Нахичевань. В Ростове на улицах шли, как сказано в сводках, «упорные, кровопролитные бои», и взято в плен 11.000 деникинцев. Деникин будто бы сошел со сцены и заменен, по одним сведениям, Романовским, по другим — Врангелем. Точно так же сообщают (но с оговоркою «по непроверенным сведениям») и про Колчака, что он заменен ген. Сахаровым, а сам попал под арест иркутским повстанцам. За последние дни у Колчака взято в плен 60.000 чел., и т. д.

Есть театральная заметка, что Качалов и Книппер («художественники») играют «в стане белых» и недавно гастролировали в Ростове.

М. Горев (Галкин тож) требует, чтобы снабжение восковыми свечами церквей было прекращено, ибо советским работникам не по карману покупать для домашних надобностей и для сверхурочных работ керосин по 400 р. за ф. и стеариновую свечу за 350–400 р. Но ведь «шилом моря не нагреешь», и восковой свечкой Москву не осветишь и не просветишь.

Бедная русская «свободная» церковь! Нет у нее ни дров, ни света, ни мощей. Товарищ Галкин (сам бывший священник) сущий малюта Скуратов для бывших своих собратий и «пасомых». И судьбе угодно было, чтобы он поселился в том же доме, что и я живу. Нечего сказать — приятное соседство!

31 дек. 1919 г./13 января 1920 г. Оттепель: 2° тепла, пасмурно и сыро.

Взяты Новомиргород и Мелитополь.

Клемансо в Палате сообщил, что, по уговору с Англией, вместо помощи плохо организованным антибольшевистским выступлениям самих русских, союзники решили поддерживать военные силы Чехословакии, Польши, Румынии и «быть может, Сербии» в их борьбе с советской Россией.

Вообще «беспокойства» продолжаются и у нас, и за нас, и против нас — и во Франции, и в Англии, и на всем, вероятно, земном шаре. А вот сто лет тому назад, т. е. в 1820 году, «беспокойство» было только в Испании. Так, по крайней мере, сообщает мне мой друг — «Христианский памятник», изд. 1840-го года. Там в хронологии замечательных событий о 1820 годе только и сказано: *«беспокойство в Испании»*. И лаконично, и осторожно! А я вот болтаю, болтаю тут о всяких беспокойствах, все стараюсь и сам постигнуть, отчего они, да и потомству разъяснить. И глупо делаю: в одно время придут с каким-нибудь обыском, и заберут мое творение, и будут искать в нем контрреволюционные преступления, одним словом, создадут себе только лишнее «беспокойство», ибо в моем писании больше дневника, чем истории. Звоню только со своей колокольни, и звон мой неискусен, уныл, непризывен и неинтересен, и ненужен.

Через полчаса настанет и по старому стилю новый 1920 год (високосный). Благослови его Господи! А о минувшем что теперь сказать? Разве только то, о чем сейчас разговор был «промеж своих»: мясо 700 р. ф., яйца 130 р. шт., масло 2.200 р. ф., пара исподнего белья 4.000, и еще: «тьфу!»

О дневнике московского обывателя Н. П. Окунева

Несомненно, первыми дневниковыми записями были летописи, ведшиеся монашеской братией в монастырях, а на Руси — и патерики да четьи-минеи, в каковых подённо и помесячно описаны жития канонизированных и местных святых угодников. Этими документами пользуются в исследованиях о прошлом нашей родной земли, о событиях древних и лицах, в те поры живших. Да и простое чтение этих записей весьма поучительно, отрадно и достойно. Вот тому пример. 850 лет назад впервые в летописи упоминается Москва в связи с устроенным князем Георгием (Юрием) Владимировичем Долгоруким пированием в честь своих побед. Праздник рождения города нынче отмечают осенью, в сентябре. Между тем в летописи указывается вполне определенная и точная дата, а именно: 28 марта 1147 года. Выходит, по новому стилю праздник основания города приходится на середину апреля, а отнюдь не на сентябрь. Вот и польза летописных записей: они помогают уточнить действительную дату события. Впрочем, в данном случае, следуя пословице: «Москва не сразу строилась», вполне позволительно и передвинуть праздничную дату рождения города. Хотя логичнее было бы сдвигать на хронологически более раннее время, а не почти на полгода позднее, чем указывается в летописи. В подобном произволе есть что-то пренебрежительно-чиновничье, если это не результат простого невежества…

Словом, о пользе дневников и мемуарной литературы (а она просто огромна!) нет нужды много говорить. Достаточно вспомнить «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова внука» С. Т. Аксакова, «Былое и думы» А. И. Герцена, «Житие протопопа Аввакума», «Фрегат «Паллада» И. А. Гончарова, «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого… Все эти книги родились из дневников и поденных записей событий по горячим следам. В XIX веке образованные люди зачитывались «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Записками русского офицера» Федора Глинки и «Записками партизана» Дениса Давыдова. Впрочем, дневниковые записи так стары, что их находили на египетских папирусах и даже на глиняных табличках ассирийцев. Вот почему я не устаю повторять друзьям-приятелям: не ленитесь записывать каждодневные события, пусть и мелкие, — все забудется, а дневничок освежит память…

Но обратимся к «Дневнику москвича: 1917–1924»

Н. П. Окунева. Впервые он был издан менее десятка лет назад в парижском издательстве ИМКА-ПРЕСС, то есть уже во времена начала развала (в который раз!) нашего могучего государства, названного почему-то *перестройкой.* Старый дневник московского обывателя оказался весьма актуальным — он дал возможность сопоставить творимую ныне разруху с той далекой, восьмидесятилетней давности. Сходство разительное и любому бросается в глаза, заставляя задуматься о необходимом и возможном выходе из подобного трагического положения.

Зарубежные издания, даже в 1990 году, русскому читателю были малодоступны, в том числе и из-за их дороговизны. Привозили их иностранцы или наша интеллектуальная прослойка, из которой и родились нынешние демократы. С книг делались фото- и ксерокопии. Но переснять полностью такие объемные вещи, как данный дневник, было накладно, поэтому обычно копировались выборочные страницы…

Но, оказывается, и зарубежные издатели лукаво опустили начало дневника — описание событий 1914–1916 годов. Это был период всплеска национального энтузиазма. Патриотические страницы первой части дневника, конечно, были бы нужны и для сравнения с нашей эпохой.

Данное переиздание имеет цель ознакомить возможно более широкий круг читателей с интереснейшим документом эпохи, очень близким по духу нашим дням. Ибо это не только исторический документ, а и свидетельство похожести всех смутных времен, развала, в котором и мы обретаемся. Дневниковые записи Окунева ценны своей бесхитростностью, в них отсутствует какое бы то ни было политическое лукавство (приверженность автора дневника к кадетской партии, которая фактически и делала революцию, довольно поверхностная, как выясняется из описания хода событий).

Окунев и его дневник интересны прежде всего своей обыкновенной заурядностью. Сам автор напоминает многочисленных нынешних специалистов бесконечных НИИ, почти ненужных контор и учреждений, живущих слухами и газетными новостями, а то и просто только «ящиком» — телевизором. Он все нужное скажет, а все ненужное покажет!

Такой и Окунев, любознательный в пределах своего быта, но еще сохранивший, правда, многое от старой жизни: он и театрал, и книгочей, и любитель хорового пения. Но больше его интересуют цены на рынке, возможность достать необходимое для жизни. Он регулярно записывает цены в дневник, давая немалый материал для сегодняшних статистиков и экономистов. Вряд ли теперь обыватель оставит потомкам подобные

статистические данные, хотя нынешние цены скачут не менее прытко, чем 80 лет назад.

Но как бы там ни было, а цены на продукты и товары первой необходимости — это показатель каждодневных бытовых нужд любого человека, который не ворует и взяток не берет. Вот и Окунев поневоле становится пристрастен к быту, которому в предреволюционные годы и вовсе не уделял внимания. Так же добросовестно Окунев записывает и пересказывает газетные новости. Он не особенно анализирует их, но и сама запись газетной хроники той поры весьма любопытна. Она включает множество бытовых подробностей тех лет. Как близок нашему времени оказывается этот московский чиновник, полуголодный, обиженный, потерявший бытовую устойчивость, убедившийся, что личность его не ставится ни во что, не видящий впереди просвета и перспектив лучшей жизни. Быт стал вроде зыбкого болота. Каждый обыватель не уверен даже в следующем шаге.

Жизнь ломает и скручивает человека. Вот и жена Окунева, сломленная ежедневными трудностями, совершает смертный грех самоубийства. Окунев старается объяснить для себя этот поступок чуть ли не подвигом самопожертвования ради семьи. Но ведь среди москвичей его семья находилась не в самом бедственном положении! Из дневника видно, что жена и дочь Окунева торговали на Сухаревке, покупали и перепродавали, как нынешние многочисленные пенсионеры, безработные. Словом, концы с концами сводили. Выходит, причина самоубийства супруги сложнее, чем ее изображает Окунев.

То же в дневнике просматривается и в отношениях Окунева с сыном-офицером, которого он с любовью называет не иначе как «мой герой». Но вот превратности гражданской войны бросают «героя» то в стан белых, то красных, пока он не оказывается на службе в ЧК. И постепенно исчезает отцовское восхищение сыном, хотя Окунев, конечно, далек от образа Тараса Бульбы с его знаменитой фразой: «Я тебя породил…» Здесь-то, может, и лежит корень и причина всеобщего краха.

Мелкие бытовые детали, наполняющие дневник, создают живую и убедительную картину жизни той поры: как обогреть комнату, как приготовить еду, где что купить и во что одеться — штрихи бессмысленного бытия, которые вдруг обобщаются каким-нибудь мимоходом брошенным словом. «Жалкие остатки великой страны», как вчера вслух помыслил какой-то почтенный господин, обходивший труп той несчастной лошади, которая все еще валяется на Лубянке», — записывает Окунев 29 ноября 1917 года. И добавляет: «Банкротство России наступило».

А вот что он пишет через год: «Расстрелы по постановлениям

«чрезвычалок» все усиливаются: в одном ничтожном Курмыше расстреляно 658 человек. Казаки было овладели Владикавказом, но советские войска при поддержке ингушей опять завладели им».

Казалось бы, переписаны газетные сообщения, но они воссоздают через факты жизнь той поры: тут и массовые расстрелы после отмены законом смертной казни, и атмосфера всеобщего страха, и грабители-ингуши, помогающие советским войскам так же, как помогали им в других краях грабители-махновцы.

А как похожи оказываются «протесты» нынешней «оппозиции» против разгула преступности, продажи культурных ценностей и природных ресурсов, обнищания народа на протесты думских деятелей той поры «против красного террора большевиков и против систематического уничтожения культуры… особенно в Москве и Петрограде», о которых упоминает Окунев в своем дневнике! Все напрашивается на сравнение с нашим бытом, нашей жизнью. Тут же автор сообщает, что «тряхнул стариной» и побывал в бане. Удовольствие оказывается не многим по карману, как и ныне…

На странные мысли наводят многие записи дневника. Сегодня, скажем, людям не платят заработанных денег, но находят сотни миллионов на бездарные и бессмысленные памятники, вроде монумента Петру I. Так и Окунев записывает очень похожее 4 мая 1920 года: «1-го мая произошли с речами Ленина закладки памятников «освобожденному труду», на пьедестал сверженного памятника Александру Третьему, и Карлу Марксу. На открытии первого говорил и Луначарский, причем напомнил просвещенному пролетариату, что «когда на Русь надвигалось Христианство, низвергались кумиры Перунов, а сейчас мы разбиваем кумиры обветшавшей религии и старого правительства».

Читатель, вспомнивший, что он где-то на этих листках читал уже не только о закладке, но и об открытии памятника Марксу, упрекнет меня во вранье. Нет, я тогда и теперь пишу только правду, но дело в том, что «открытый» памятник Марксу куда-то исчез, как и многие другие памятники, расставленные по Москве «сгоряча». Некоторые развалились сами, некоторые разбиты, попорчены или уничтожены не то хулиганами, не то «контрреволюционерами». Подобная участь постигла и памятник Марксу и Энгельсу».

Тут нужно пояснить. Окунев не совсем точен: памятник «освобожденному труду» был установлен на месте снесенного памятника генералу М. Д. Скобелеву, а не Александру III, в 1947

году, в ознаменование 800-летия Москвы, здесь был установлен монумент Юрию Долгорукому. На месте же памятника Александру III, стоявшему у храма Христа Спасителя, не осталось ничего, а вот этот-то памятник одному из лучших наших царей и нужно восстановить.

Дневник москвича Окунева практически начинает работать против нынешних преобразователей-демократов. Любой читатель скажет: ну прямо как сегодня! И правда, бандиты всегда одинаковы: и в 1917 году, и в позднейшие времена.

Характерно, что чем больше жизненных трудностей испытывал автор дневника, тем чаще он стал посещать храмы. Москвичи в те давние времена обычно ходили не только в свою приходскую церковь, но и во многие другие: в праздники чтимых икон или послушать и сравнить церковные хоры. Пристрастием к церковному песнопению особенно отличалось купечество и другой торговый люд. Лучших певцов знала вся православная Москва. И это тоже нашло отражение в дневнике Окунева, тем более он лично был в приятельских отношениях с протодиаконом К. В. Розовым, бас которого не уступал шаляпинскому. Любители церковного пения заранее узнавали, в каком храме будет служить литургию их любимец, и торопились туда послушать дивный голос.

Автору дневника, кроме того, посчастливилось быть современником одного из выдающихся священнослужителей нашего века — патриарха Тихона, причисленного ныне к лику святых. Подвиг святителя Тихона равнозначен подвигу святителя Гермогена в далекие смутные времена начала XVII века. Окунев не раз присутствовал на литургиях, которые служил патриарх Тихон, и написал о них в дневнике.

Поистине, мало чему учит народ история. Снова и снова приходят смутные времена и тяжкие испытания народной доли. Как верно говаривали наши предки: «По грехам нашим и наказание Господне! Прости нас, Господи!» Просьба эта не раз срывается у автора дневника по самым разным житейским поводам.

Окунев приводит много фактов варварского разрушения храмов, очевидцем которых он был, оскорблений чувств верующих, бессмысленного уничтожения веками создававшейся красоты, унижений со стороны властей. Но Окунев не отмечает ни одного активного и открытого протеста происходящему. Почти равнодушно, хотя и с чувством неприемлемости лично, описывает он первые советские празднества, жизненные курьезы. Ну, к примеру, чего стоят записи о декрете, вводившем налог на спички! Или декрете, запрещавшем колокольный звон, как

вызывающий нежелательные (?!) чувства у населения.

По слухам узнает автор дневника о восстаниях в Кронштадте, Саратове и других местах, а порой и не узнает вовсе: не все же сообщают газеты, как и сегодня. Традиция эта соблюдается. Кровавые подробности стараются скрыть от обывателя. В самом начале 1921 года Окунев пишет: «Довольствовался «устными» газетами; но все, что ни слышал, все старо, нетрепетательно».

Вот-вот: нетрепетательно! Ко всему пообвык, ко всему претерпелся за эти трудные и кровавые годы. Разве что получит удовольствие от рассказанного в цирке клоунами Бимом и Бомом анекдота о портретах вождей: Троцкого повесят, а Ленина поставят к стенке…

Иногда, правда, автору дневника удается и самому хорошо пошутить. Вот он записывает летом 1920 года: «Профессор Бехтерев производит опыты внушения на расстоянии». И добавляет, как бы между прочим: «Должно быть, по заказу Ленина».

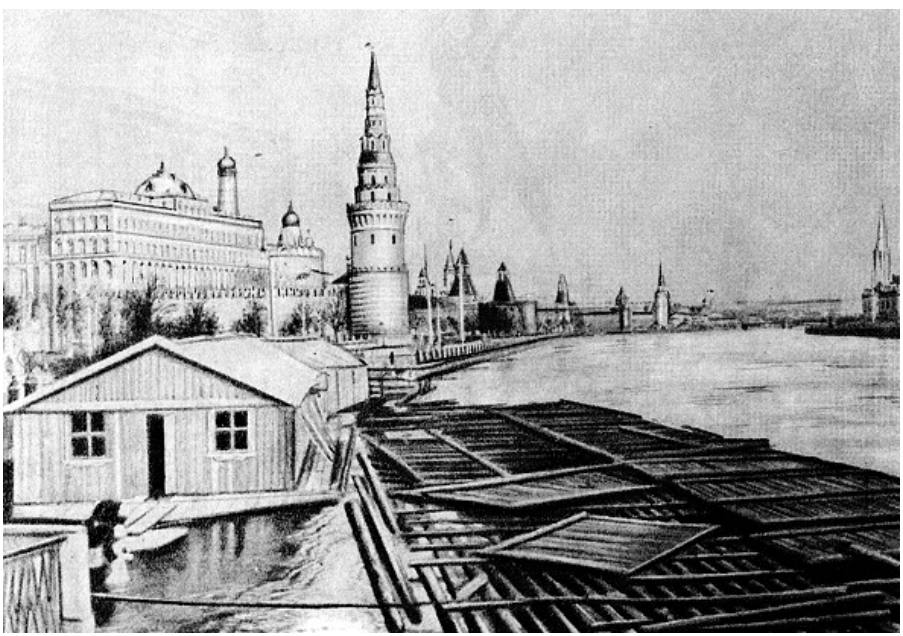
Словом, много интересного, поучительного, забавного, печального и трагического находим мы на страницах дневника московского обывателя Н. П. Окунева. Хотелось бы, чтобы потомки наши когда-нибудь прочли такую же книгу о нашем сегодняшнем смутном времени…

Владимир Дробышев

Иллюстрации

ПРЕЖНЯЯ МОСКВА

Иверские (Воскресенские ворота). Построены в 1680 году. Слева от ворот — здание Городской думы



Плоты на Москве-реке

РАБОТНИЦЫ И СОЛДАТКИ

Ваши мужья, братья и отцы умирают на фронтѣ за интересы капиталистов.

ПАРТІЯ

соціал-демократов

№ 5 БОЛЬШЕВИКОВ № 5

БОРЕТСЯ

против грабительской войны

ПРОТИВ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ДЛЯ СОЛДАТ.

Только эта партія борется и требует

МИРА ХЛѢБА И СВОБОДЫ.

на выборах гласных в районыя думы 24 сентября голосуйте за № 5

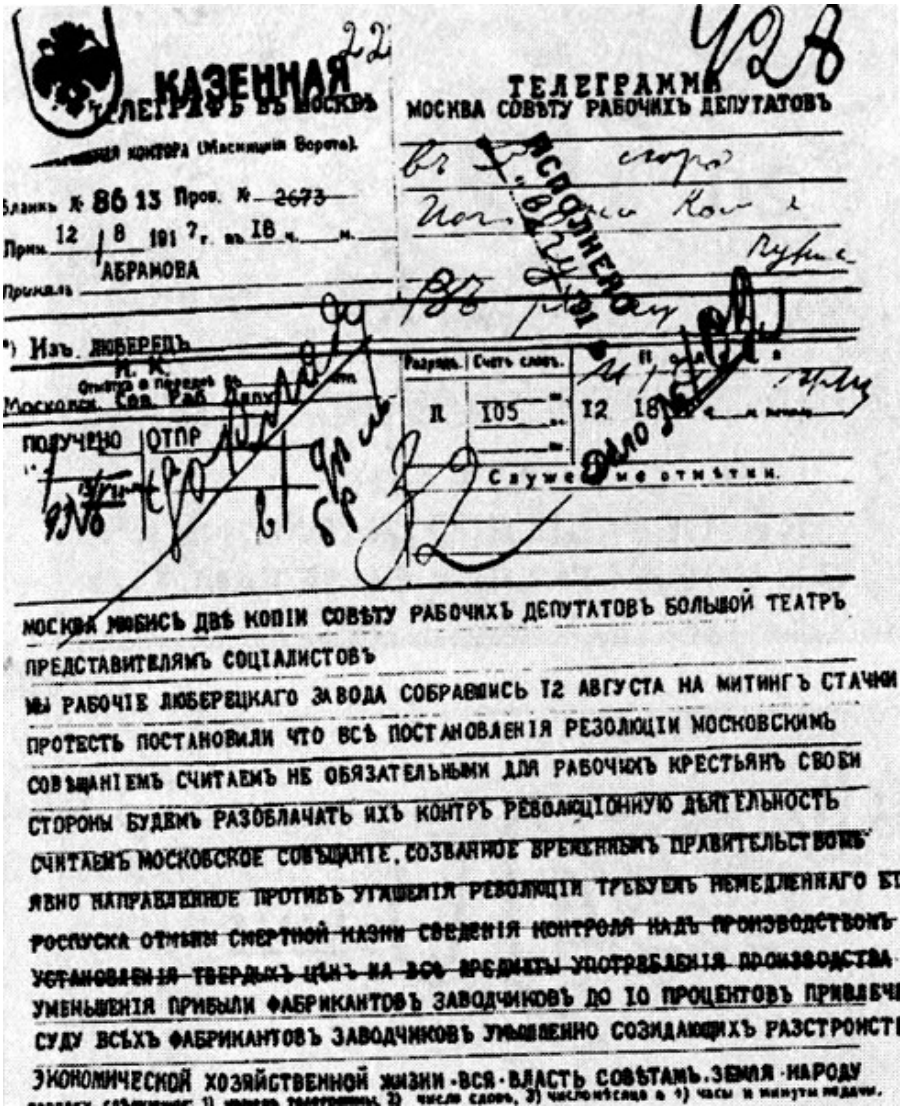
Листовка Московского комитета РСДРП (б)

Митинг на Скобелевской (потом — Советской, Тверской) площади в дни февральской революции 1917 года

Бумажные денежные знаки — «керенки»

Хамовнический плац. 1917

ДОКУМЕНТЫ



КАЗЕННАЯ ТЕЛЕГРАФЪ ВЪ МОСКВѢ

ТЕЛЕГРАММА

МОСКВА СОВѢТУ РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ

Бланкъ № 86 13 Прош. № 2673

Прин. 12 / 8 1917 г. въ 18 ч. м.

Принялъ АБРАМОВА

Изъ ЛЮБЕРЕЦЪ

Отправ. в передачѣ въ Москвѣ. Сов. Раб. Депут.

Разрядъ Счетъ словъ. II ф.

Л 105 12 18

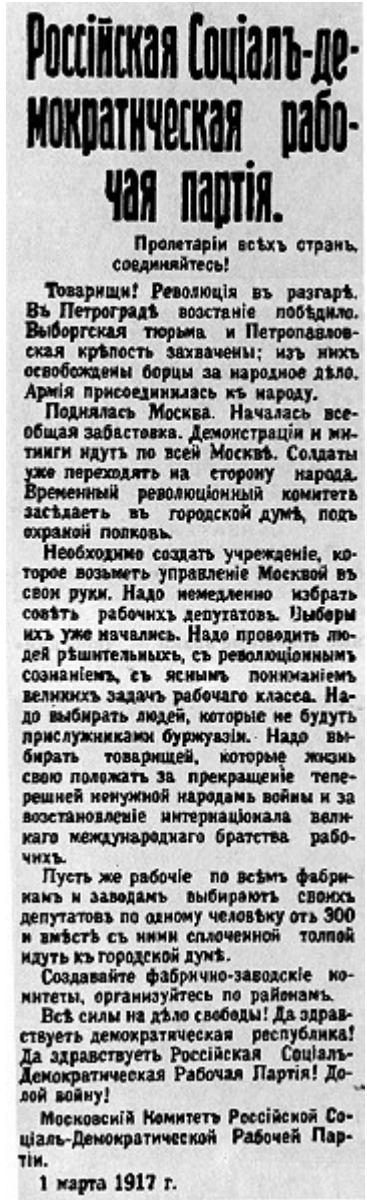
ПОЛУЧЕНО ОТПР

Служебныя отмѣтки.

МОСКВА ЯВИСЬ ДВѢ КОПІИ СОВѢТУ РАБОЧИХЪ ДЕПУТАТОВЪ БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМЪ СОЦІАЛИСТОВЪ

МЫ РАБОЧІЕ ЛЮБЕРЕЦКАГО ЗАВОДА СОБРАВШИСЬ 12 АВГУСТА НА МИТИНГЪ СТАЧКИ ПРОТЕСТЪ ПОСТАНОВИЛИ ЧТО ВСѢ ПОСТАНОВЛЕНІЯ РЕЗОЛЮЦІИ МОСКОВСКИМЪ СОВѢЩАНІЕМЪ СЧИТАЕМЪ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫМИ ДЛЯ РАБОЧИХЪ КРЕСТЬЯНЪ СВОЕЙ СТОРОНЫ БУДЕМЪ РАЗОБЛАЧАТЬ ИХЪ КОНТРЪ РЕВОЛЮЦІОННУЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СЧИТАЕМЪ МОСКОВСКОЕ СОВѢЩАНІЕ, СОЗВАННОЕ ВРЕМЕННЫМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ ЯВНО НАПРАВЛЕННОЕ ПРОТИВЪ УГАШЕНІЯ РЕВОЛЮЦІИ ТРЕБУЕМЪ НЕМЕДЛЕННАГО ЕГО РОСПУСКА ОТМѢНЫ СМЕРТНОЙ КАЗНИ СВЕДЕНІЯ КОНТРОЛЯ НАДЪ ПРОИЗВОДСТВОМЪ УСТАНОВЛЕНІЯ ТВЕРДЫХЪ ЦѢНЪ НА ВСѢ ПРЕДМЕТЫ УПОТРЕБЛЕНІЯ ПРОИЗВОДСТВА УМЕНЬШЕНІЯ ПРИБЫЛИ ФАБРИКАНТОВЪ ЗАВОДЧИКОВЪ ДО 10 ПРОЦЕНТОВЪ ПРИВЛЕЧЬ СУДУ ВСѢХЪ ФАБРИКАНТОВЪ ЗАВОДЧИКОВЪ УМЫШЛЕННО СОЗИДАЮЩИХЪ РАЗСТРОЙСТВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ВСЯ ВЛАСТЬ СОВѢТАМЪ ЗЕМЛЯ НАРОДУ

Телеграмма рабочих Люберецкого завода Московскому Совету рабочих депутатов с требованием роспуска Московского совещания. 12 (25) августа 1917 года



Россійская Соціалъ-демократическая рабочая партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Товарищи! Революція въ разгарѣ. Въ Петроградѣ возстаніе побѣдило. Выборгская тюрьма и Петропавловская крѣпость захвачены; изъ нихъ освобождены борцы за народное дѣло. Армія присоединилась къ народу.

Поднялась Москва. Началась всеобщая забастовка. Демонстраціи и митинги идутъ по всей Москвѣ. Солдаты уже переходятъ на сторону народа. Временный революціонный комитетъ засѣдаетъ въ городской думѣ, подъ охраной полковъ.

Необходимо создать учрежденіе, которое возьметъ управленіе Москвой въ свои руки. Надо немедленно избрать совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Выборы ихъ уже начались. Надо проводить людей рѣшительныхъ, съ революціоннымъ сознаніемъ, съ яснымъ пониманіемъ великихъ задачъ рабочаго класса. Надо выбирать людей, которые не будутъ прислужниками буржуазіи. Надо выбирать товарищей, которые жизнь свою положатъ за прекращеніе теперешней ненужной народамъ войны и за возстановленіе интернаціонала великаго международнаго братства рабочихъ.

Пусть же рабочіе по всѣмъ фабрикамъ и заводамъ выбираютъ своихъ депутатовъ по одному человѣку отъ 300 и вмѣстѣ съ ними сплоченной толпой идутъ къ городской думѣ.

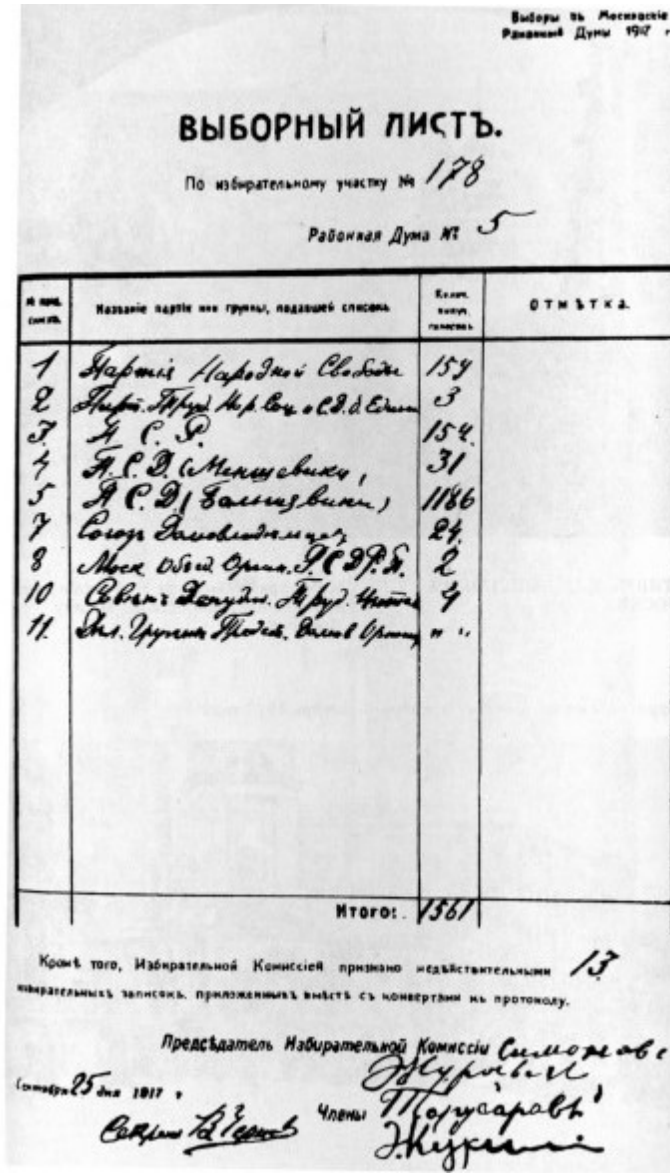
Создавайте фабрично-заводскіе комитеты, организуйтесь по районамъ.

Всѣ силы на дѣло свободы! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія! Долой войну!

Московскій Комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи.

1 марта 1917 г.

Листовка Московского комитета РСДРП(б)



Выборы въ Московскія Районныя Думы 1917 г.

ВЫБОРНЫЙ ЛИСТЪ.

По избирательному участку № 178

Районная Дума № 5

№ пор. списк.	Названіе партіи или группы, подавшей списокъ	Колич. поданн. голосовъ	ОТМѢТКА.
1	Партія Народной Свободы	159	
2	Труд. Труд. Нар. Соц. и С.Р. и Еврейск.	3	
3	Н. С. Р.	154	
4	Р. С. Д. (Меньшевики)	31	
5	Р. С. Д. (Большевики)	1186	
7	Союз Земледѣльцевъ	24	
8	Моск. Обл. Орган. Р.С.Д.Р.	2	
10	Свобод. Народн. Труд. Партія	4	
11	Эл. Группа Трудов. Сель. Орган.	1	
	Итого:	1561	

Кромѣ того, Избирательной Комиссіей признано недѣйствительными 13 избирательныхъ записокъ, приложенныхъ вмѣстѣ съ конвертами къ протоколу.

Председатель Избирательной Комиссіи Самородов

Сентября 25 дня 1917 г.

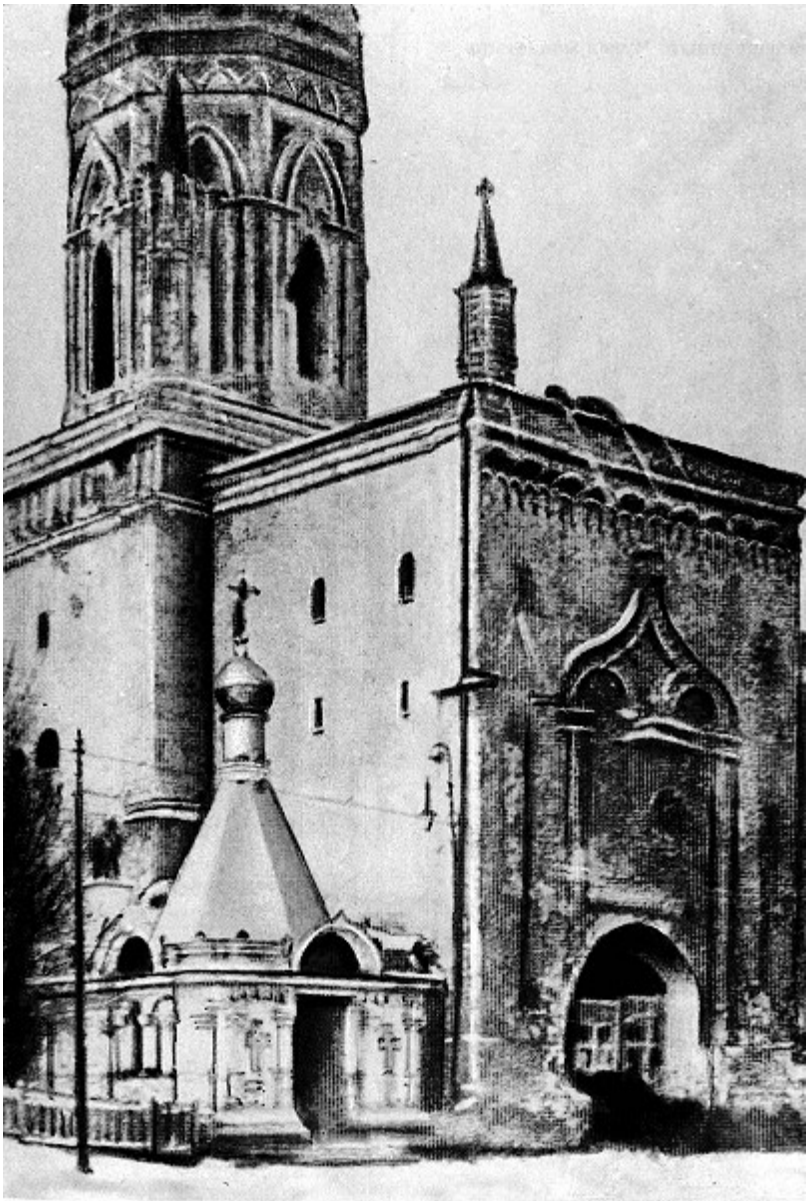
Члены

Лист подсчета голосов по выборам гласных Пятницкой районной думы. Москва. 1917

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МОСКВЕ

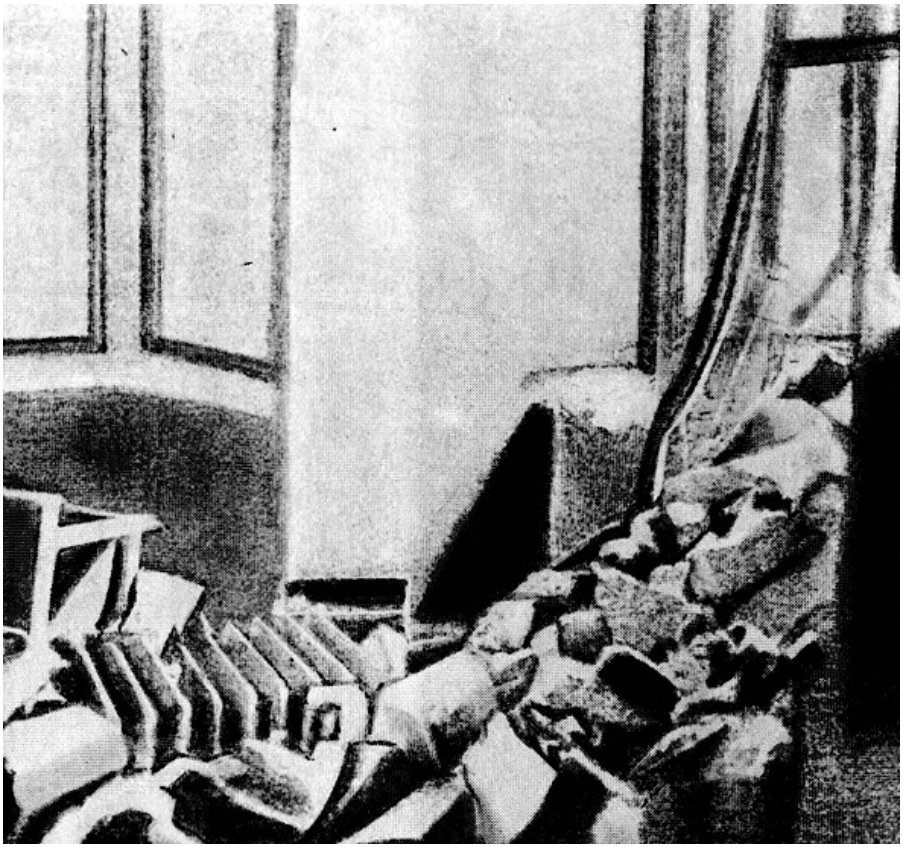
Мимо храма Василия Блаженного отряд двинцев направляется на защиту Моссовета

Баррикады на Остоженке. Октябрь — ноябрь 1917 года



По Никольским воротам Кремля артиллерия била прямой наводкой

Осквернённый Чудов монастырь



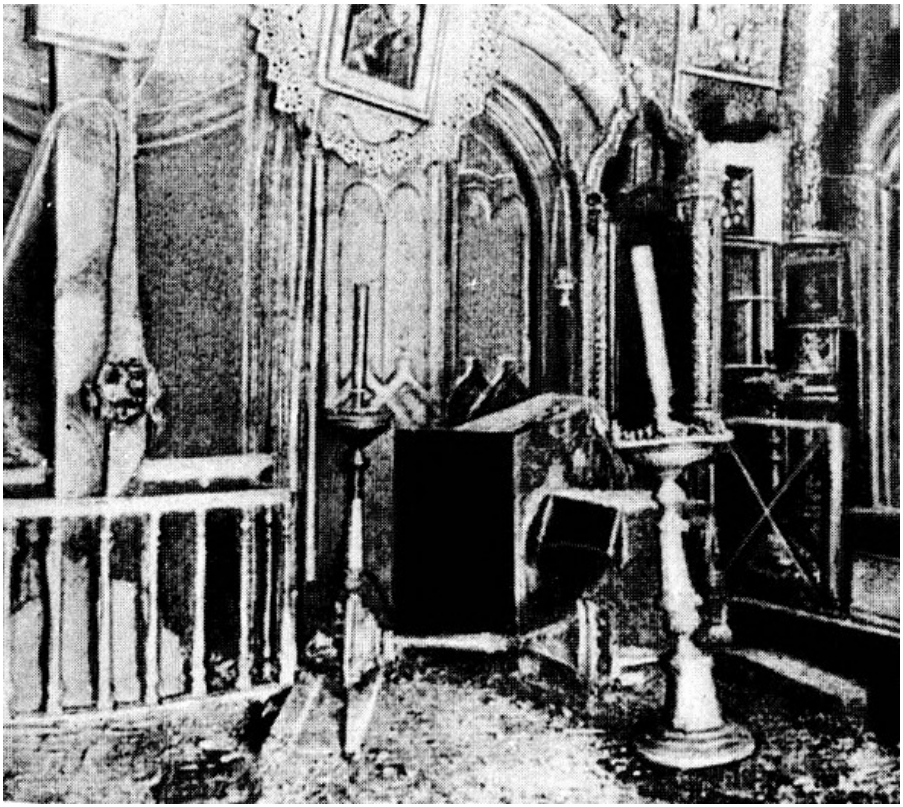
Разгром Митрополичьих покоев в Чудовом монастыре

Так выглядел Чудов монастырь в Кремле, построенный в 1365 году. Разобран в 1929 году

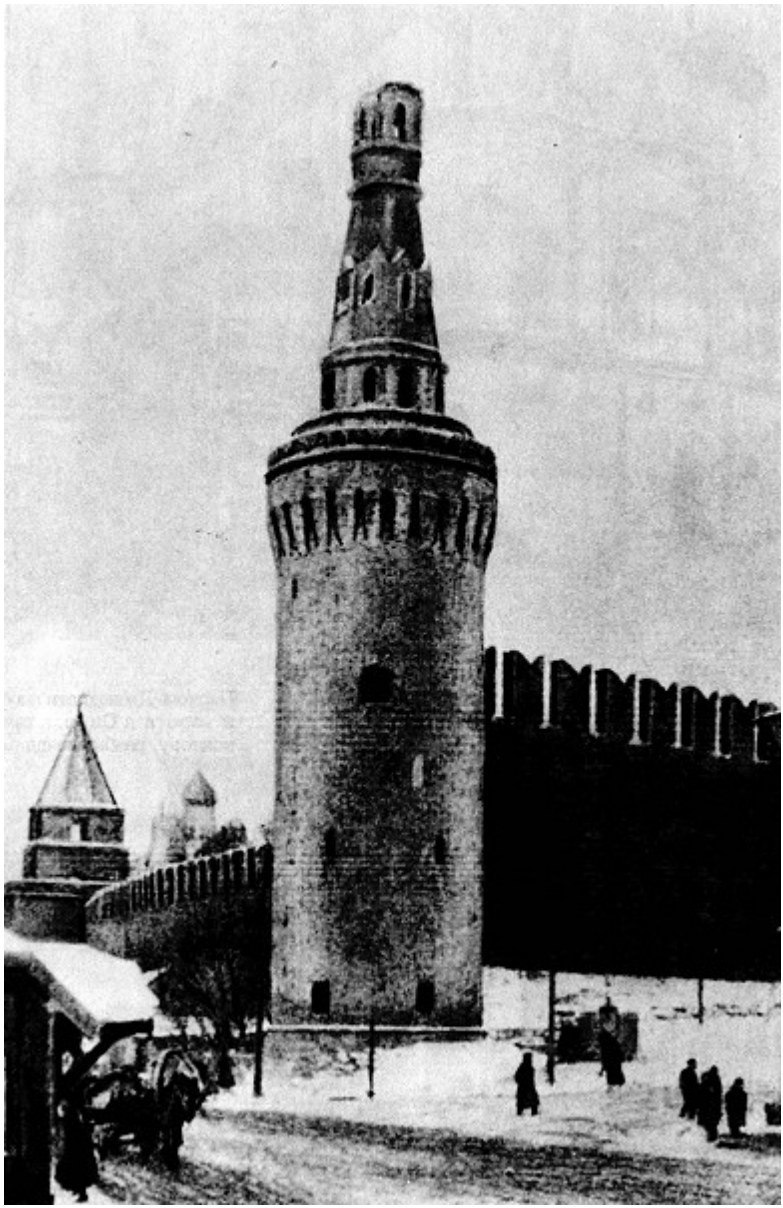
Николаевский дворец в Кремле после артиллерийского обстрела

Внутренний вид дворца после освобождения Кремля от оборонявшихся там юнкеров

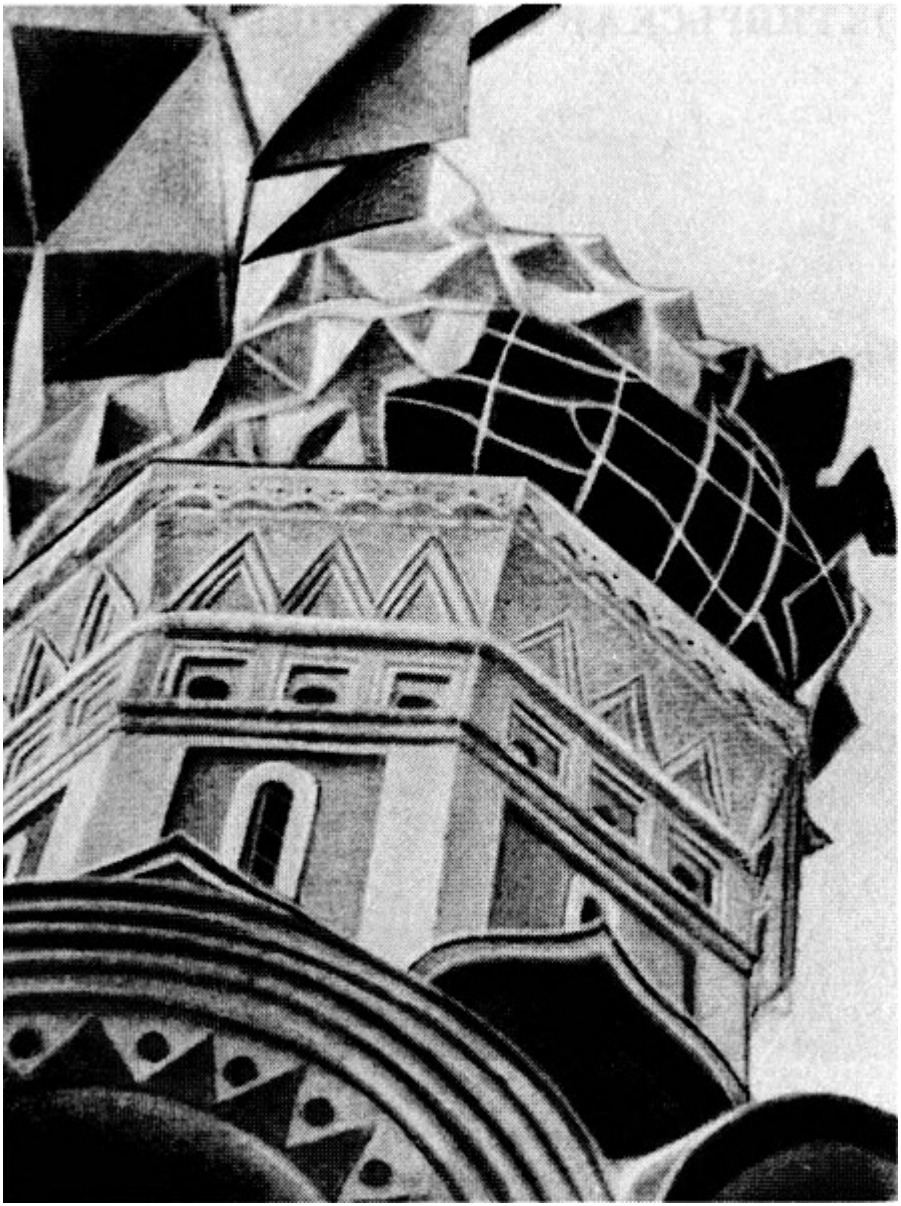
Церковь Двенадцати апостолов и ворота в Синодальную контору, разбитые снарядами



Внутренний вид церкви Двенадцати апостолов после артобстрела Кремля



Беклемишевская башня Кремля со сбитой снарядом верхушкой

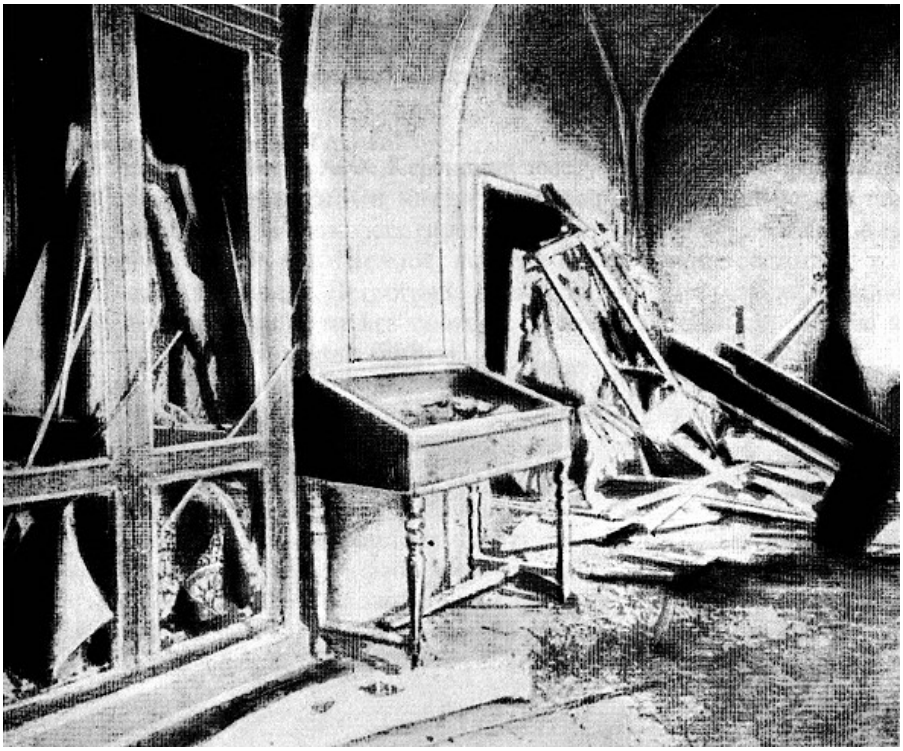


Снаряд по касательной попал в купол храма Василия Блаженного

Храм Василия Блаженного (Покровский собор)

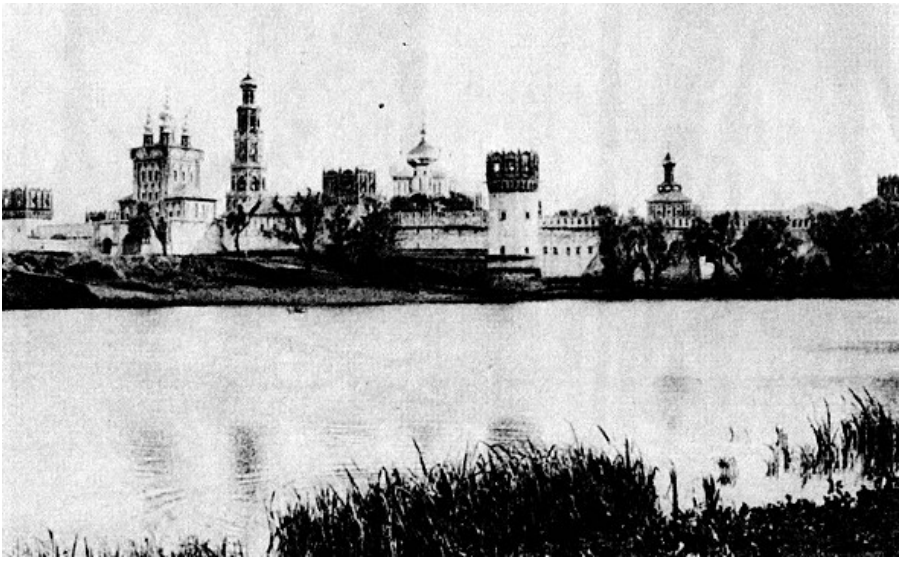
Успенский собор в Кремле

Разгром Патриаршей ризницы



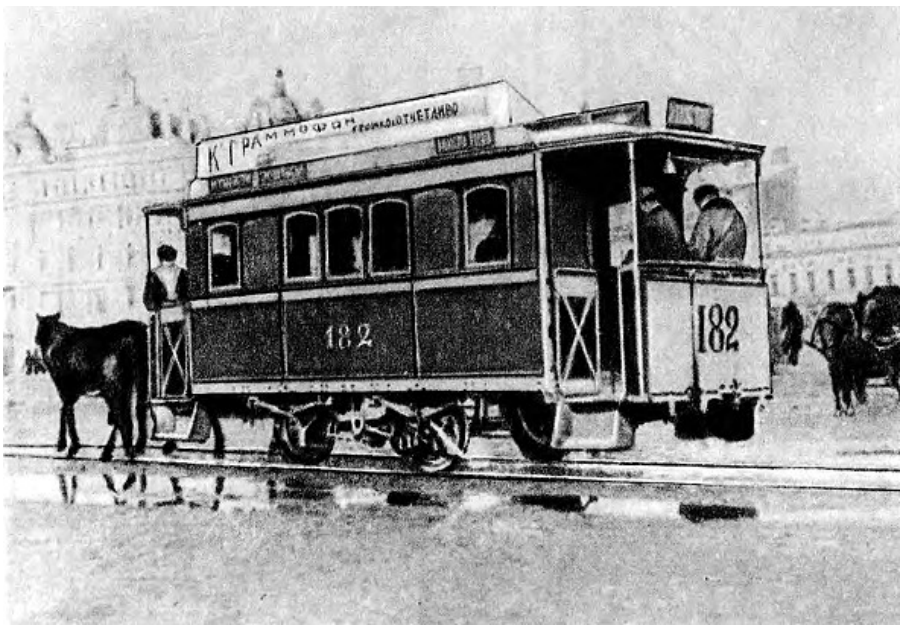
Пробоина в барабане Успенского собора

Городские извозчики



Новодевичий монастырь

У трактира



Городская конка

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МОСКВЕ

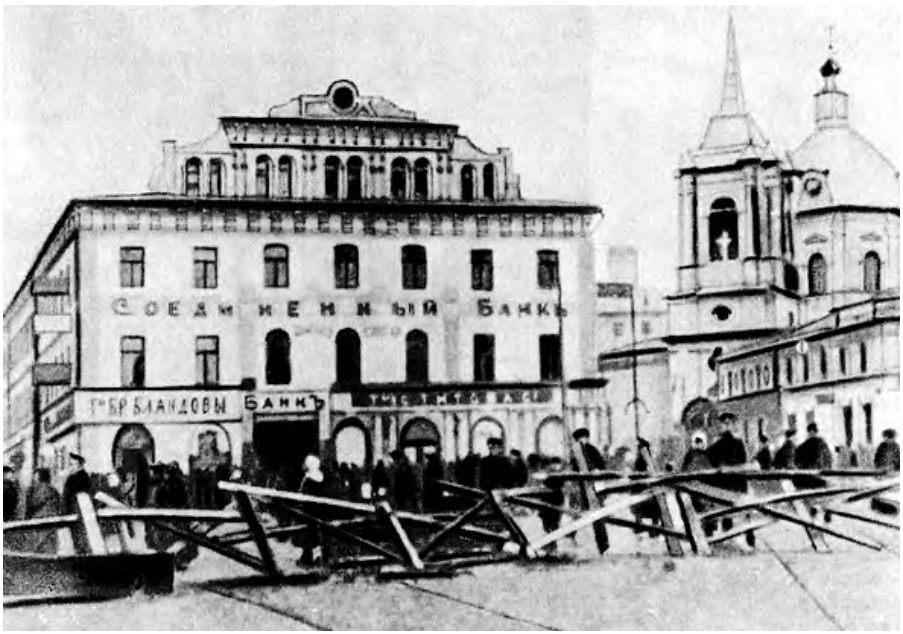
У Никитских ворот после обстрела. Октябрь 1917 года

Бывший дом Гагарина у Никитских ворот после ожесточенных боев

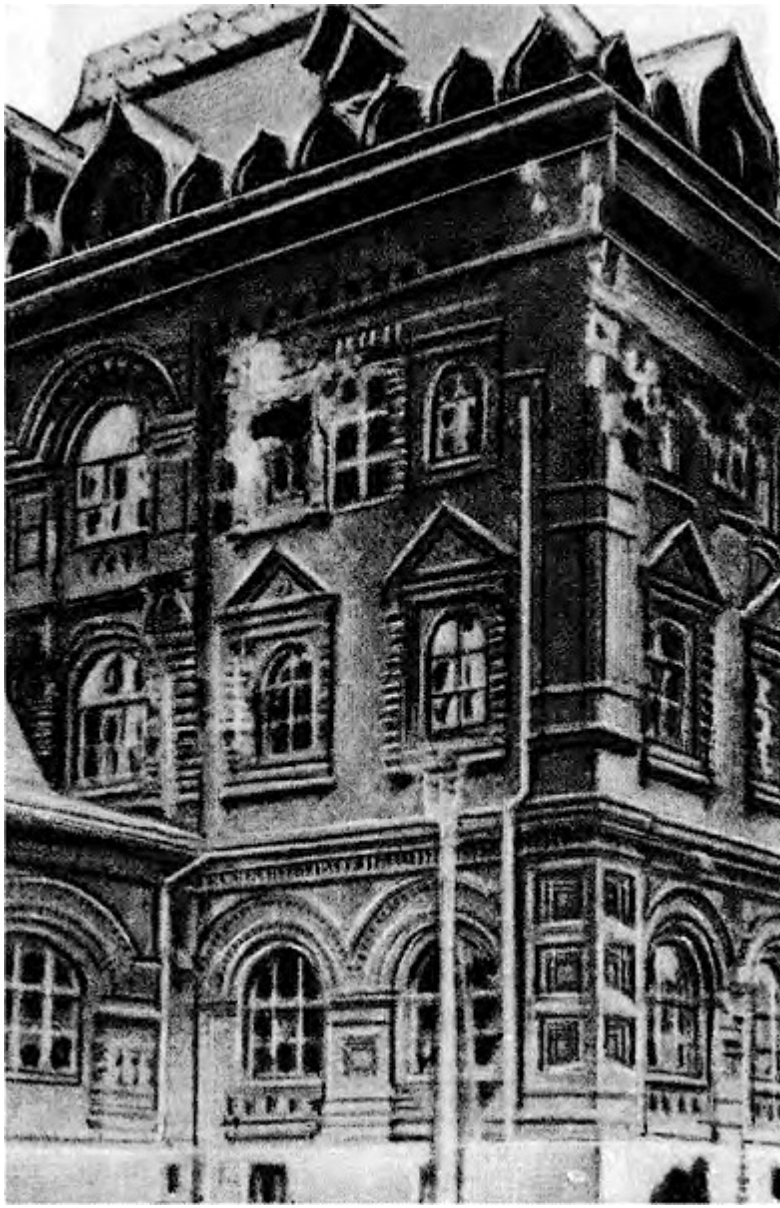
Страстной монастырь. Справа в глубине — собор Страстной Богоматери. Эти сооружения снесены в 1930 году. Памятник Пушкину (скульптор А. Опекушин) в 1950 году был передвинут в центр площади, ныне носящей его имя

Трамвайный столб на углу проезда Тверского бульвара, пробитый снарядом в дни октябрьских боев 1917 года

Баррикады на Арбатской площади



Здание Градоначальства на Тверском бульваре, дом 22. Здесь в октябрьские дни 1917 года оборонялось до 300 юнкеров и офицеров



Повреждения в здании думы после боев на подступах к Кремлю

Здание Московской городской думы, где с 1936 года размещался Центральный музей В.И. Ленина. Построено по проекту архитектора Д.Н. Чичагова в 1890–1892 годах. Дума состояла из 180 гласных, избиравшихся на четыре года. В их ведении были вопросы городского самоуправления, общественного призрения, народного образования, врачебно-санитарного состояния города и другие

Обложка первого издания Конституции РСФСР

Братская могила у Кремлевской стены. 10 ноября 1917 года

ДЕКРЕТ
О ВВЕДЕНИИ НОВОЙ ОРФОГРАФИИ

В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания, Совет Народных Комиссаров постановляет:

I. Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т. п.), все документы и бумаги должны с 15-го октября 1918 г. печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию.

II. Во всех школах Республики:

1. Реформа правописания вводится постепенно, начиная с младшей группы 1-й ступени единой школы.

2. При проведении реформы не допускается принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания.

3. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими для прежнего и для нового правописания, и ошибками считаются лишь нарушения этих правил.

НОВЫЕ ПРАВИЛА ПРАВОПИСАНИЯ, РАЗРАБОТАННЫЕ НАРОДНЫМ КОМИССАРИАТОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1. Исключить букву Ѣ, с последовательной заменой ее через Е.

2. Исключить букву Ѳ, с заменой ее через Ф.

3. Исключить букву Ъ в конце слов и частей сложных слов, но сохранить ее в середине слов, в значении отделительного знака.

4. Исключить букву І, с заменой ее через И.

5. Писать приставки из, воз, вз, раз, роз, низ, без, чрез, через — перед гласными и звонкими согласными с З, но заменять З буквой С перед глухими согласными, в том числе и перед С.

6. Писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений -ОГО, -ЕГО вместо -АГО, -ЯГО.

7. Писать в именительном и винительном падеже женского и среднего рода множественного числа прилагательных, причастий и местоимений -ЫЕ, -ИЕ вместо -ЫЯ, -ІЯ.

8. Писать ОНИ вместо ОНѢ в именительном падеже множественного числа женского рода.

9. Писать в женском роде ОДНИ, ОДНИХ, ОДНИМИ вместо ОДНѢ, ОДНѢХ, ОДНѢМИ.

10. Писать в родительном падеже единственного числа местоимения личного женского рода ЕЕ вместо ЕЯ.

11. При переносе слов ограничиваться следующими правилами: согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделена от этой гласной, равным образом группа согласных в начале слов не отделяется от гласной. Буква И перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечная Й и группа согласных в конце слов не могут быть отделяемы от предшествующей гласной. При переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной.

Подписали:

Заместитель народного комиссара просвещения
М. Покровский.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров
В. Бонч-Бруевич.

10 октября 1918 г.

Проект декрета, внесенный Народным комиссариатом просвещения, был принят Комиссией при СНК 8 октября и утвержден СНК 10 октября.

ПРЕЖНЯЯ МОСКВА

Уличные сапожники

Продавщицы на рынке у Сухаревой башни

notes

Примечания

1

Эту начальную, седьмую по объему, часть мы опускаем *(ред.)*.

2

Пропуск в рукописи.

3

Газеты тех дней и последующих недель давали пристрастное и даже вовсе неверное освещение действий ген. Корнилова. Фактические подробности обнаружились позже, но были заслонены Октябрьским переворотом и гражданкой войной. Ныне русскому читателю предлагается исследование Г. М. Каткова «Дело Корнилова» (перевод с англ.; серия ИНРИ, т. 6, изд. ИМКА-пресс, Париж 1987 — прим. ред.).